

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА глазами современников

в трех томах

*Мы революции.
Взиска у Госуд. дум.* 1917

Д.ЗДРАВСТВУЕТ!
СЪКАРДНАЯ
СОЦІАЛІСТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛІКА.

Т. 1: январь—май

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА глазами современников

в трех томах

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. В. Журавлев
А. П. Ненароков
К. А. Соловьев
А. К. Сорокин
В. В. Шелохаев

РОССПЭН
Москва
2017

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА глазами современников

Т. 1: январь—май

Редактор-составитель
В. В. Шелохаев

РОССПЭН
Москва
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
Р32

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 15-31-12014*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 15-31-10121*

*Редактор-составитель
В. В. Шелохаев*

*Рабочая группа:
В. А. Демин, Р. М. Гайнуллина, Н. И. Канищева, А. П. Ненароков,
И. С. Розенталь, К. А. Соловьев, Н. Б. Хайлова, В. В. Шелохаев*

Революция 1917 года глазами современников : в 3 т. — М. :
Р32 Политическая энциклопедия, 2017.

ISBN 978-5-8243-2138-8

Т. 1 : Январь–май / ред.-сост. и авт. предисл. В. В. Шелохаев ; [коммент. В. А. Демина, Р. М. Гайнуллиной, А. А. Иванова, Н. И. Канищевой, А. П. Ненарокова, И. С. Розенталя, К. А. Соловьева, Н. Б. Хайловой]. — 351 с.

ISBN 978-5-8243-2140-1

В сборнике представлены публикации из ведущих изданий революционной России — газет и журналов, принадлежавших к различным направлениям общественной мысли того времени. Они отражали точку зрения консерваторов, либералов, анархистов, эсеров, меньшевиков, большевиков, участников национального движения на окраинах страны. В статьях рассматривается весь комплекс проблем, который был в центре внимания читающей публики: причины падения монархии, характер революционного движения, параметры будущей политической системы, предпочтительная избирательная модель, отношение к войне, национальный вопрос, экономическое положение, направления внешней политики и др. Периодическая печать — пока недостаточно изученный источник, который позволяет проследить динамику настроений в обществе в течение 1917 года, понять, что в действительности волновало Россию, как менялось восприятие одних и тех же явлений в различных партийных кругах — иными словами, взглянуть на события того бурного года глазами современника, который мог лишь догадываться об их результате.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2140-1 (т. 1)
ISBN 978-5-8243-2138-8

© Шелохаев В. В., предисловие, 2017
© Демин В. А., Гайнуллина Р. М., Иванов А. А.,
Канищева Н. И., Ненароков А. П., Розенталь И. С.,
Соловьев К. А., Хайлова Н. Б., комментарии, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	8
Предисловие	13

ЯНВАРЬ

<i>Гуревич И.Я.</i> Мои предсказания на Новый год.	18
<i>Тэффи Н.А.</i> Новый год	20

ФЕВРАЛЬ

<i>Струве П.Б.</i> Освобожденная Россия	23
---	----

МАРТ

Государственный переворот	24
<i>Арсеньев К.К.</i> Две февральские революции	24
<i>Троцкий Л.Д.</i> Революция в России	27
<i>Трубецкой Е.Н.</i> Народно-русская революция	29
<i>Жилкин И.В.</i> В Петрограде	31
<i>Троцкий Л.Д.</i> Война или мир?	36
9 марта 1917 г. Редакционная статья («Речь»)	39
Ответственность демократии	41
<i>Туган-Барановский М.И.</i> Смысл русской революции	43
За сорванной завесой	46
16 марта 1917 г. Редакционная статья («Речь»)	49
<i>Веселовский Б.Б.</i> Организация самоуправления	51
17 марта 1917 г. Редакционная статья («Речь»)	53
<i>Изгоев А.С.</i> Революция и культура	55
22 марта 1917 г. Редакционная статья («Речь»)	59
<i>Петрищев А.Б.</i> К постановке земельного вопроса	61
<i>Винавер М.М.</i> Равенство	63
<i>Четвериков С.И.</i> Предпринимательская прибыль в условиях переживаемого момента	65
<i>Грушевский М.С.</i> Велика хвиля	67
26 марта 1917 г. Редакционная статья («Гроза»)	69
<i>Сталин И.В.</i> Против федерализма	72
Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов	75

АПРЕЛЬ

<i>Ландау Г.А.</i> Единая Россия	78
<i>Грушевский М.С.</i> Повороту нема	95

Вам следует собраться с умом и честью! Редакционная статья («Сакартвело»)	97
Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции.	100
Придите в себя, пора! Редакционная статья («Эртоба»)	104
Губер П. Армия и демократия.	106
Ленин В.И. О двоевластии	108
Плеханов Г.В. О тезисах Ленина и о том, почему бред подчас интересен	111
Череванин (Липкин) Ф.А. Чего добивается Ленин?	118
Каменев Л.Б. О тезисах Ленина	120
Сорокин П.А. Социализм и сепаратный мир	123
Петрищев А.Б. Солдатская вольница	126
Веселовский Б.Б. Городская реформа	130
Городская реформа.	132
Чернов В.М. До полной победы!	133
Карташев А.В. Синод и Временное правительство	136
Веселовский Б.Б. Волостное земство	138
Петрищев А.Б. Штатская вольница	141
Трубецкой Е.Н. Анархия и контрреволюция	144
Винниченко В.К. Українська Центральна Рада і ми.	150
Кизеветтер А.А. Урок.	152
Ерманский А.О. За или против займа «свободы»?	154
Веселовский Б.Б. Реформа земства	156
Решающий момент.	157
Бердяев Н.А. О политической и социальной революции	159
Череванин (Липкин) Ф.А. Кризис власти	165

МАЙ

Изгоев А.С. «Кризис»	168
Ерманский А.О. Правительственная политика и борьба с анархией	172
Астров (Повес) И.С. Пролетариат и коалиционное правительство.	175
Ленин В.И. Кризис власти	178
Череванин (Липкин) Ф.А. Коалиционное правительство и его платформа.	179
Мартынов А.С. Революционный авантюризм	182
Троповский А. Беседа с П.Б. Аксельродом	185
Бернацкий М.В. Великая разруха	187
Канторович Я.А. История повторяется.	189
Бердяев Н.А. Власть и ответственность.	193
Трайнин А.Н. Свобода и принуждение.	196
Автономия	197
Якушкин И.В. К открытию Главного земельного комитета	199
Туган-Барановский М.И. Земля и воля	202
Аграрный вопрос	205
Кафенгауз Л.Б. Ограничение военных прибылей	207
Чаянов А.В. Земельный вопрос или вопрос аграрный?	209
Локоть Т.В. Диктатура пролетариата.	212

<i>Вышеславцев Б.П.</i> Представительство большинства	215
<i>Алексеев Н.Н.</i> Идея пропорционального представительства	219
<i>Арсеньев К.К.</i> Исторические параллели	221
<i>Петрищев А.Б.</i> Из впечатлений провинциала в Петрограде	226
<i>Веселовский Б.Б.</i> Главный земельный комитет	230
<i>Кулишер И.М.</i> Будущность русской промышленности	232
<i>Николаевский Б.И.</i> Дело Малиновского	236
<i>Кизеветтер А.А.</i> Хозяин русской земли	239
<i>Трубецкой Е.Н.</i> О христианском отношении к современным событиям	241
Комментарии	247
Краткие сведения об авторах	320
Именной указатель	338
Указатель литературы, источников, периодических изданий	343

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Два года назад, завершая работу над аналогичным серийным проектом, посвященным 100-летию Первой мировой войны (проект РГНФ №12-31-10024), члены редакционного совета и редакторы-составители отдельных его томов выступили в журнале «Исторический архив» со специальной статьей¹. Она была посвящена обоснованию целей и задач готовящейся публикации, анализу ее структуры и источников.

Авторам тогда пришлось отстаивать свое понимание материалов российской прессы как самостоятельного исторического источника, имеющего особую (зачастую принижаемую) научную ценность. За сто лет, прошедшие со времени революции 1917 г., в научный оборот были введены значительные пласты различных типов источников (делопроизводственных, эпистолярных, мемуарных), которые позволили заметно расширить проблемное поле современных исследований. Нередко привлекался и такой вид источников, как периодическая печать. Однако его использование ограничивалось в основном цитированием броских фраз из газет и журналов, которые должны были служить подтверждением тех или иных положений исследователей.

По сути дела, фронтального изучения данного типа источника, в котором представлено состояние общественного мнения прошлого, до настоящего времени никем не проводилось. И в документальные сборники включались по большей части лишь отдельные материалы подобного рода.

Кстати, и это следует подчеркнуть особо, сам отбор публикаций базировался в основном на данных леворадикальной революционной периодической печати. Последнее обстоятельство сыграло немалую роль в том, что наши представления о революционном прошлом до сих пор основаны в значительной мере именно на доводах и оценках левых. Взгляды же противоположного толка, нашедшие отражение в публицистических работах консерваторов, либералов, правых и центристов социалистического толка, какого бы высочайшего уровня они ни были, оставались при этом на периферии внимания исследователей. К тому же любая републикация, даже никогда не входившая в прижизненные и вообще какие-либо тематические и временные подборки публицистических статей общественных и государственных деятелей, в специализированных исторических журналах отвергалась.

¹ Первая мировая война в оценках современников: цели публикации и принципы отбора источников // Исторический архив. 2013. № 6. С. 191–195.

Ярчайшим примером такого неуважительного отношения к собственной истории и судьбам ее героев является ничем не объяснимое вычеркивание из общественной мысли и политической жизни России творческого наследия политика, философа и публициста такого масштаба, как одного из основоположников российской социал-демократии Александра Николаевича Потресова.

За восемь десятилетий, прошедших со дня смерти А.Н. Потресова, вышло всего три сборника его избранных произведений. Первый из них – в конце 30-х гг. в Париже¹, два других – на родине на рубеже первого и второго десятилетий 2000-х гг.² Во всех этих изданиях содержание подборок определялось составителями, и не было ни тематическим, ни проблемным, ни хронологическим. Более того, в ряде случаев включенные в данные сборники статьи публиковались в извлечениях и с неоговоренными купюрами.

Лишь в рамках работы над новым проектом удалось подготовить первый и единственный в своем роде уникальный сборник статей А.Н. Потресова, посвященный исключительно российской революции 1917 года³. И роль катализатора подобного рода изданий, бесспорно, сыграла публикация четырехтомника «Первая мировая война в оценках современников: власть и российское общество. 1914–1918 гг.». Именно она показала, что без всестороннего учета фактора общественного мнения (а, следовательно, материалов печати) ущербно любое историческое исследование, посвященное проблемам политической истории. А первая републикация материалов прессы не может больше квалифицироваться в качестве второстепенного или даже откровенно второсортного источника.

Правда, при этом стала окончательно понятна и невозможность сочетания такого рода источников с материалами оценочного порядка – *post factum* и *post festum*. Отражая развитие взглядов и оценок все тех же современников, они, естественно, не имевшие никакого влияния на общественное мнение того времени, являют собой прежде всего лишь более позднюю интерпретацию тех или иных событий. Ее, конечно, возможно и нужно учитывать при комментировании документальных материалов, вошедших в основной корпус публикаций.

Поскольку речь идет о стремлении представить возможно более полный охват общественного восприятия событий и перипетий революции на всей территории тогдашней Российской империи, было решено отказаться от структуры, разработанной для томов предыдущей серии.

¹ Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. 1869–1934. [Сост. Б.И. Николаевский, Ю.П. Денике; автор вступительной статьи и комментариев Б.И. Николаевский]. Париж, 1937.

² Его же. Избранное / Сост., автор вступительной статьи и комментариев Д.Б. Павлов. М., 2002; Аксельрод П.Б., Мартюв Ю.О., Потресов А.Н. О революции и социализме / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев. М., 2010.

³ См.: Потресов А.Н. РУБИКОН. Публицистика 1917–1918 гг. / Ред. сост. Р.М. Гайнуллина, А.П. Ненароков, И.С. Розенталь. М., 2016.

Ранее группировка материала шла вокруг четко выраженных идеологических построений, представленных сторонниками консервативного, либерального и левого социалистического (или около) круга воззрений, а также действовавшей власти. Хронологические рамки издания диктовали необходимость неперменного учета самооценок и представлений всех сменявших друг друга за это время режимов – царского, Временного и советского правительств. Отсюда следовала отличная от других источниковая база и принципы комментирования первого тома, посвященного эволюции взглядов правящих кругов на войну. Для новой серии предложен иной подход.

Была принята группировка материала по хронологическому принципу, с выделением основных реперных точек развития революционных событий в России – от февральско-мартовских 1917 года до разгона Учредительного собрания большевиками в январе 1918 года.

При этом подходе партийная периодическая печать различных направлений с ее программами, заявлениями, представлениями перспектив развития революционных событий в стране, планами выхода из кризисной ситуации, собственными моделями постреволюционных преобразований России и т. д. не будет доминировать над другими изданиями. Это должно позволить ввести, наконец, в научный оборот тот весьма значительный комплекс материалов, который в массе своей обычно выпадал из поля зрения исследователей.

С целью устранения данного пробела авторский коллектив проекта провел систематический просмотр периодики всех основных направлений российской общественной мысли за период 1917-й – начало 1918 года. *Задача проекта* – выявление и подготовка к републикации материалов периодической печати различных сегментов общественной мысли и политических направлений российского общества.

Революция буквально «взорвала» интеллектуальное и культурное пространство России, заставила «выплеснуть» общественные настроения и эмоции на страницы периодических изданий, которых стало существенно больше. Наиболее динамично росло число газет и журналов либерального и социалистических направлений. Напротив, органов консервативной печати, начиная с марта 1917 года, становилось меньше. Это вполне объяснимо, учитывая тот факт, что Временное правительство в самом скором времени после прихода к власти приняло репрессивные меры против лидеров правых. Когда же после большевистского переворота врагами народа были объявлены представители либеральной оппозиции, сократилось количество либеральных и, в частности, кадетских, изданий.

Однако, несмотря на все эти численные колебания, меняющийся характер правительственных мер, принимаемых против прессы, печать представляет собой удивительно информативный источник, позволяющий дать «стереоскопическую» картину политических, социальных, экономических процессов, имевших место в России 1917 г. Это новый взгляд на революцию, который позволит ответить на старые вопросы: о месте и роли в революционном процессе различных социальных страт, политических партий и других форм массового

движения; о соотношении мирных и насильственных методов борьбы; об основных этапах развития процесса и причинах его радикализации.

Общественное мнение – очень важная, но, в сущности, всякий раз ускользающая от исследователей категория. О нем до сих пор спорят политологи и социологи, не соглашаясь друг с другом в самом понимании этого феномена. И все же не вызывает сомнения значимость общественного мнения в политической истории последних трех столетий.

Проблема в том, что общественное мнение существует не как данность, оно находится в процессе непрерывного становления, в ходе которого сталкиваются различные, часто противоположные, точки зрения. Каждая из них претендует на право стать общепризнанной, то есть быть подлинным общественным мнением. Любая же политическая сила по определению уверена, что его выражает. В силу этой причины общественное мнение не может не быть «полифоничным». Это всегда сочетание и разных взглядов, и разных тем. Нельзя «уловить» общественное мнение, сконцентрировавшись на одной, пускай и очень важной проблеме. Нельзя говорить об общественном мнении, отталкиваясь от одной, возможно, очень популярной позиции.

Всего в рамках данного проекта было использовано более 100 периодических органов печати – политических, экономических, финансовых, общественно-литературных, религиозных, сатирических и др. изданий. Они представляют издания самого разного характера: общероссийские и национальные, политически ангажированные и беспартийные, правые и левые, консервативные и ультралиберальные, бульварные и вполне респектабельные. Среди них: «Биржевые ведомости», «Вестник Европы», «Вестник Временного правительства», «Власть народа», «Воля народа», «Дело народа», «День».

Были использованы «Единство» и «Знамя труда», «Вперед», «Гудок», «Дело», «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (затем ЦИК Советов, а после II Всероссийского съезда Советов центрального органа новой власти), «Народный трибун», «Народоправство», «Начало», «Новая жизнь», «Новая Россия», «Новый мир», «Отечество», «Право», «Правда», «Пролетарий», «Рабочая газета», «Рабочий и солдат», «Республика», «Речь» (впоследствии «Наша речь», «Свободная речь») и др. Кроме публицистических, аналитических, программных и дискуссионных статей, в тома серии включены литературные эссе, фельетоны, юмористические зарисовки, шаржи, пародии.

Комплексное использование всего этого материала требует и совершенствования методов его отбора. Составители установили их, ориентируясь на «реперные точки»: «Февральско-мартовские события»; «Создание двух центров формирования власти»; «Апрельский кризис»; «Июльские события»; «Государственное совещание», «Выступление Корнилова»; «Демократическое совещание и формирование Временного Демократического Совета Российской Республики», «Приход большевиков к власти»; «Разгон Учредительного собрания».

Форма комментария, принятая для данной публикации, сохраняет в неприкосновенности авторский текст публицистики, который должны сопровождать лишь имеющиеся в прессе авторские примечания. Комментарий составителей дается к страницам текста и открывается библиографической справкой о републикуемой работе. Это единое требование для всех томов, выполнение которого, помимо всего прочего, гарантировало и серийное единство оформления издания в целом.

Предлагаемая верификация выявленного материала по основным «реперным точкам» развития революционного процесса в 1917 году позволит представить динамику настроений различных социальных и политических страт, политических партий и группировок, вынужденных оперативно реагировать на политику Временного правительства и общественные настроения. По сути, в издании пошагово представлен сложный и противоречивый, но все же динамичный процесс развития революции в России, вызвавший буквально тектонические подвижки в массовом сознании и пробудивший к сознательному творчеству многомиллионные массы народа.

Великая российская революция 1917 года представляла собой многофакторное и многослойное явление, так или иначе затронувшее все стороны жизнедеятельности и жизнеобеспечения полинациональной и поликонфессиональной страны. Периодическая же печать самых различных направлений пыталась так или иначе это «ухватить» и объяснить. Порой она сама становилась важным фактором ускорения революционного процесса в России. Поэтому введение в научный оборот такого пласта источников, как материалы газет и журналов, позволит лучше понять логику революции и уловить ее «дыхание», ощутить ускорявшийся ритм революционной жизни.

Подготовка издания была осуществлена при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), целевой конкурс проектов междисциплинарных исследований № 15-31-12014.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Февральская революция 1917 г. в буквальном смысле слова взорвала российское публичное пространство. Пресса, освобожденная от оков цензуры, заговорила в полный голос, фиксируя каждый момент зарождения нового мира, новых эмоций и пристрастий, новых веяний в политике, литературе и искусстве. Отбрасывая все старое и отжившее, печать осваивала новый революционный язык, непримиримый и требовательный.

Революция сыграла провокативную роль в обострении идеологического и политического противостояния в стане российской интеллектуальной элиты, которая, получив неограниченную свободу, пыталась склонить общественное мнение на свою сторону. С одной стороны, представители интеллектуальной элиты были потрясены столь скоротечным крушением трехсотлетней царской монархии, в борьбе с которой, начиная с середины XVIII в., потрачено столько духовных сил и принесено столько личных жертв. С другой – они были ошеломлены мощным взрывом массового стихийного движения, которое, подобно вулканической лаве, разлилось по всей стране, грозя разрушением не только обветшалых прежних, но и новых порядков.

Перед различными представителями идеологических и политических течений и направлений интеллектуальной элиты во весь рост встали две взаимосвязанные задачи, которые требовали немедленного ответа. Предстояло, во-первых, дать оценку происшедшим событиям, а во-вторых, исходя из собственных идеологических пристрастий и политических амбиций, определить вектор собственной идейно-политической эволюции, а также свое место и роль в клокочущем революционном процессе.

Материалы, вошедшие в данный том, дают современному читателю реальную возможность понять коллизии идейно-политической борьбы первых четырех революционных месяцев 1917 г. Они позволяют разобраться в хитросплетениях политического курса Временного правительства, Совета рабочих и солдатских депутатов, многочисленных политических партий и общественных объединений.

Анализ этих материалов показывает, что каждое из направлений общественной мысли пыталось по-своему интерпретировать свершившиеся события, намечало собственную возможную перспективу их дальнейшего развития. Для идеологов и политиков либерализма Февральская революция была завершающимся актом глобального политического преобразования, начатого в период Первой российской революции, после которого, по их мнению,

должно последовать системное эволюционное преобразование всех важных сфер жизни. В этом тренде либералы разрабатывали комплексную программу реформирования страны, стремились донести ее до массового сознания, наметить пути взаимодействия с другими политическими силами, заинтересованными в мирном преобразовании постреволюционной России.

В свою очередь, лидеры умеренных социалистических и социал-демократических партий, признавая буржуазно-демократическую революцию завершенной, считали, что в ближайшей перспективе Россия обречена на мирную трансформацию на демократической основе, ибо в ней еще далеко не созрели предпосылки для ее перехода к новому, социалистическому, этапу исторического развития. Однако лидеры радикальных элементов внутри этих партий были убеждены в том, что завершившаяся буржуазно-демократическая революция в России может – без «эволюционной паузы» – перерасти в социалистическую революцию, которая, в свою очередь, станет прологом мировой пролетарской революции. Эти идеологические различия в оценке Февральской революции 1917 г. предопределяли коррекцию программ и политических курсов российских либеральных и социалистических партий в России.

Исследовательского внимания заслуживают оценки теоретиков и политиков разных направлений Февральской революции 1917 г. в сравнении ее с европейскими революциями XVIII–XIX вв., которые позволяют глубже осмыслить их собственные представления о гипотетически мыслимых вариантах реализации общемирового общественного развития. Так, либеральные теоретики предпочитали сравнивать Февральскую революцию с революцией 1848 г. во Франции, не игнорируя вместе с тем ее национальную специфику, обуславливавшую органическую связь между ее политической и социальной компонентами. Во многих посылах с либералами сходились теоретики умеренного крыла социалистических партий. Вместе с тем левые социалисты делали акцент на том, что Февральская революция 1917 г., как, впрочем, и Первая российская революция, представляют собой новый тип революций XX века. Отсюда делался вывод о том, что новый тип революции в России вполне может стать прологом будущей мировой революции.

Одним из дискуссионных пунктов, проходящих красной нитью в публикуемых материалах, был вопрос об оценке функций двух одновременно возникших и параллельно действующих структур: Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Теоретики и политики либерализма были убеждены в том, что до созыва Учредительного собрания и принятия конституции единственным источником законодательной и исполнительной власти должно оставаться Временное правительство. Эта исходная теоретическая посылка снимала с повестки дня вопрос о признании за Советом рабочих и солдатских депутатов властных функций. Единственное, что допускали либералы, это возможность сохранить за Советом рабочих и солдатских депутатов, возникшим снизу по инициативе массового стихийного движения, роль своеобразного транслятора изменчивых настроений народных масс и их требований в адрес Временного правительства. Не исключалась, хотя и не

поощрялась, роль Совета как органа давления на Временное правительство в случае, если оно нарушит условия соглашения с Советом рабочих и солдатских депутатов, или же будет так или иначе тормозить выполнение своих программных обещаний, препятствовать свободе общественной самодеятельности, не выходящей, впрочем, за рамки легальных форм разрешения конфликтных ситуаций.

Характерно, что либеральные и умеренные социалистические теоретики и политики сходились в том, что до созыва Учредительного собрания обе структуры – Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов – должны активно взаимодействовать друг с другом как в разработке программы преобразования страны, так и в ее реализации. А неизбежно возникающие между ними конфликты следует решать путем переговоров и выработки компромиссных решений.

Принципиально иной позиции придерживались радикально настроенные теоретики и политики социалистических партий. Оценивая Советы рабочих и солдатских депутатов как самостоятельные и властные органы, они настаивали на том, что после Февральской революции в стране сложилось двоевластие. Опираясь на Советы рабочих и солдатских депутатов, выражавших волю большинства народа, следует не только контролировать и «давить» на Временное правительство, но и при благоприятной политической ситуации попытаться его свергнуть, установив в стране революционно-демократическую диктатуру. Начиная с апреля 1917 г. ленинское крыло большевистской партии взяло курс на постепенное завоевание Советов рабочих и солдатских депутатов. В рассматриваемый в томе период речь еще не шла о насильственном свержении Временного правительства и переходе власти в руки Советов, тем не менее левые радикалы вели агитацию и пропаганду именно в этом направлении. Не случайно Советы 1917 г. сравнивались, в частности В.И. Лениным, с Парижской коммуной 1871 г. Ленин видел в них реальный зародыш революционно-демократической диктатуры, которая, по мере перерастания демократической революции в социалистическую, примет форму диктатуры пролетариата.

Публикуемые в томе материалы периодической печати позволяют проследить, как постепенно, как бы исподволь, в стране назревал политический кризис, выявить его внутренние и внешние факторы, а также тенденции дальнейшего развития. В условиях Первой мировой войны Временному правительству пришлось столкнуться с лавиной нараставших с каждым днем проблем: далеко незавершившимся процессом становления новой государственности, усиливающимися симптомами нарастания «самостийности» на окраинах империи, продолжающейся дезорганизацией промышленности, финансово-банковской сферы, растущей инфляцией, разрушением инфраструктуры, ростом дороговизны, обострением социальных конфликтов в городе и деревне и т. п. В целом Временному правительству, находившемуся перманентно в состоянии стресса, все же удалось за рассматриваемый в данном томе период времени выработать и предложить обществу программу системных преобразова-

ний практически всех сфер жизнедеятельности и жизнеобеспечения страны. Правда, эта программа была рассчитана на длительный период, в то время как история отвела Временному правительству лишь считанные месяцы. И хотя Временное правительство, образно говоря, работало «на износ», оно при всем своем желании не могло угнаться за бешеным темпом происходящих в стране политических событий, успевать разрешать насаивающиеся друг на друга конфликты. Апрельский кризис 1917 г. стал первым предупреждающим сигналом для Временного правительства. Столкновения демонстрантов на улицах Петрограда, приведшие к пролитию крови, свидетельствовали о новом, уже постреволюционном витке противостояния в российском обществе.

Вошедшие в том материалы позволяют представить, с одной стороны, восприятие различными лидерами политических партий России содержания и направления программы Временного правительства, а с другой – систему их собственных взглядов на постановку и решение объективно назревших проблем. Трудовые конфликты между капиталистами и рабочими, между помещиками и крестьянами, между столыпинскими хуторянами и общинниками, между администрацией министерств и ведомств и их служащими становились повседневностью. Национальные политические партии все активнее требовали от Временного правительства радикального решения национального вопроса. Недовольство выражали солдаты и матросы, требовавшие немедленно приступить к заключению мира без аннексий и контрибуций. Напряжение нарастало в сфере конфессиональных отношений. Все это вместе взятое свидетельствовало о том, что Временное правительство начинало запаздывать с выполнением своих программных обещаний.

Одновременно материалы, вошедшие в данный том, показывают, что в решении объективно назревших политических, экономических, социальных, национальных, конфессиональных, культурных проблем между теоретиками и политиками, представляющими различные направления и течения общественной мысли, имели место как точки соприкосновения, так и подспудно кроющиеся конфликты. Наличие точек соприкосновения в оценке характера Февральской революции, текущих задач преобразования страны позволяло либералам и умеренным социалистам искать и находить компромисс, вступать в политические коалиции. Вместе с тем противоречия между либералами и радикалами социалистического и социал-демократического толка оказались настолько глубокими и непреодолимыми, что в любой момент могли перерасти в насильственную расправу друг с другом. Не случайно примерно со второй декады апреля 1917 г. в печати все явственнее зазвучали обвинения в адрес своих политических конкурентов и противников. С одной стороны, социалистическая пресса не жалела красок, критикуя курс Временного правительства, обвиняя в попустительстве ему лидеров Совета рабочих и солдатских депутатов. С другой стороны, либеральная печать обвиняла социалистов (особенно большевиков) в преднамеренном провоцировании политической нестабильности в стране, в экстремизме и анархизме. С этого времени со всей определенностью в печати прослеживается тенденция к изменению риторики,

которая становится все более жесткой, а порой и просто агрессивной. Такие термины, как например, «анархия» и «контрреволюция» становятся повседневным клише периодической печати, способствуя обострению противостояния в российском обществе. Возникающие то в той или иной сфере конфликты обуславливают создание стрессовых ситуаций и нарастание агрессивности. Россию ожидало жаркое политическое лето и совершенно непредсказуемая политическая осень.

В подготовке данного тома приняли участие доктор исторических наук В.В. Шелохаев, Р.М. Гайнуллина, доктор исторических наук В.А. Демин, доктор исторических наук А.А. Иванов, кандидат исторических наук Н.И. Канищева, доктор исторических наук А.П. Ненароков, доктор исторических наук И.С. Розенталь, доктор исторических наук К.А. Соловьев, кандидат исторических наук Н.Б. Хайлова.

Особую признательность хотелось бы выразить В.Ф. Солдатенко, И.П. Якобошвили, оказавшим неоценимую помощь в подготовке сборника.

Доктор исторических наук, профессор В.В. Шелохаев

ЯНВАРЬ

Гуревич И.Я.

МОИ ПРЕДСКАЗАНИЯ НА НОВЫЙ ГОД

Январь

В 12 часов пополуночи 31 декабря 1916 года наступит январь 1917 года. Все и все еще немножко постареют. Сама Вечность так же.

Снег будет холодным, и в тепле будет таять.

Пуришкевич возьмет барьер на правой и еще больше полевеет.

Прогрессивный блок будет мечтать о новом кабинете и будет стучаться в двери старого.

На Маркове 2-м появится пыль.

Немецкие бургеры получают химический хлеб и будут кричать «Hoch!».

У Пяти Углов появится извозчик.

Под гул пушек поговорят о мире.

Февраль

Февраль проживем скорее: меньше дней.

Торговцы маслом пожирнеют. Сыру не будет ни со слезой, ни без слезы. Блины будут со слезой.

В старом кабинете появится министр, который через 24 часа станет старым.

На Маркове 2-м появится паутина.

В Греции по-прежнему будут хорошие орехи.

Под грохот пушек поговорим о мире.

Март

Будет весенняя выставка картин – «Весна», «Летний день», «Поздняя осень», «Зима», «Сумерки», «На заре»...

Еще «Весна», еще «Летний день», еще «Поздняя осень» и т. д. и т. п.

На Маркове 2-м появится плесень.

Под грохот пушек поговорим о мире.

Апрель

Губернаторы эвакуированных губерний получают подъемные, будучи переведены для пользы службы один на место другого.

Марк... да черт с ним!

Скамья подсудимых заплачет по мародерам.

Каждый будет сам себе извозчик.

Входящие в трамвай толстяки под влиянием давления будут выходить из него похудевшими, но более высокими.

В суде будет разбираться дело об убийстве семьи из семи душ с целью овладения двумя кусками рафинаду. Убийца будет признан виновным, но заслуживающим снисхождения.

Под гул пушек поговорят о мире.

Май

Мародеры разъедутся на дачи по тюрьмам.

Будет недостаток в птице, зато в изобилии будут майские жуки.

В Петрограде наступят летние холода.

Немцы будут кричать «Hoch!», проклиная Вильгельма.

В Америке начнут мостить улицы золотым булыжником.

Покажутся первые извозчики.

В Министерстве внутренних дел появится новый «зам».

Под гул пушек поговорят о мире.

Июнь

В стане правых объявится новый человек, знающий, как спасти Россию. С трудом удастся спасти от него казенные деньги.

Население займется рыболовством.

Поросята петроградского городского свинарника станут большими свиньями.

В городских холодильниках найдут залежи чего-то гнилого, не то рыбы, не то мяса.

Под гул пушек поговорят о мире.

Июль

Будет пыльно, жарко, будет «сквозной проезд закрыт».

Драматурги будут стряпать разные акты.

Депутаты отдыхают от министров, министры от депутатов.

Немцы кричат «Hoch!». В Берлине введены карточки на мужчин, к семейной повинности призваны и мальчики начиная с семилетнего возраста.

По желанию одного советника для его племянника создана новая должность – товарища министра второго разряда.

Под гул пушек поговаривают о мире, отмечая третью годовщину войны.

Август

Меньшиков проснулся левшой. «Новое Время» печатает его статьи в черной рамке.

Тридцать три самоубийства среди ищущих квартир: большинство бросилось в пролет лестниц.

Немцы как немцы.

Городские свиньи так состарились, что их с трудом отличают от стародумцев.

Прогрессивный блок берет уроки мнемоники, чтобы не забыть, что он – прогрессивный.

Под гул пушек поговаривают о мире.

Сентябрь

Новый министр в отличие от старых хочет работать с Думой, но работает с Крупенским.

Немцы хотят почетного мира, чтобы кронпринца не называли воришкой.
Все по-старому: под гул пушек поговаривают о мире.

Октябрь

Все по-старому.

Ноябрь

Все по-старому.

Декабрь

Все по-старому.

К Новому году шлю пожелания окончательной победы над врагом, темными силами, нечистыми силами, мародерством, толкачеством...

Если мои пожелания наступят на год раньше – откажусь от всех своих предсказаний.

Новый сатирик. 1917, 1 января. № 1. С. 2–3.

Тэффи Н.А.

НОВЫЙ ГОД

Вот и Новый год! 1917-й!

Наученная горьким опытом девятьсот шестнадцатого, от поздравлений воздерживаюсь.

Подумайте только: ровно год назад мы поздравляли друг друга с девятьсот шестнадцатым! С такой-то гадостью!

Это вроде:

– Крепко вас целую и от души поздравляю: у вас пожар в доме и тетка зарезалась.

Я с девятьсот семнадцатым никого не поздравляю.

Но так как человеческий организм требует поздравления в определенные вековой мудростью сроки, то и я поздравляю:

– Поздравляю с тем, что кончился, наконец, 1916-й год!

Глупый был покойничек и бестолковый. Злился, бранился, а под конец жистия, – голоду, что ли? – о весне залопотал, – такую поднял распутицу (это в декабре-то!), что весь лед в реках осел и полезло из прорубей невесть что.

Непочтенный был год.

Поговорим о новом.

Под Новый год все мы занимаемся предсказаниями и «бухгалтерией» счастья, то есть подсчитываем, что дала судьба, что отняла и что может дать. Это последнее уже из отдела статистики, из подотдела теории вероятностей.

Смотрим великую книгу нашего малого бытия и видим ясно, что поручили мы ее очень подозрительному бухгалтеру, у которого дебет и кредит давно не сходятся. А на некоторых страницах что-то так явно и бесцеремонно подчищено и подскоблено, что даже за него, за бухгалтера, неловко делается. Уж очень он какой-то наивный. Бог с ним!

Итак, ввиду того что бухгалтерия счастья особых радостей нам не обещает, займемся лучше предсказаниями.

Я очень хорошо вижу ваше будущее, но, чтобы мне лучше поверили, расскажу вам сначала ваше настоящее. Опытные предсказатели всегда так поступают.

Хотите, расскажу вам вчерашний день?

Утром, – начинаю с утра, – утром вам не дали сахару к кофе. Вы по обычаю пожали плечами и по обычаю, воскликнув: «Господи! Когда же все это кончится!», выпили кофе без сахару.

Потом развернули газету и с большим интересом прочли о том, что новый министр юстиции посетил старого министра внутренних дел. Нового же министра путей сообщения посетил новый министр народного просвещения. А старого министра внутренних дел посетил новый министр иностранных дел. А нового министра народного просвещения посетил новый министр юстиции. А нового министра иностранных дел посетил новый министр путей сообщения. А бывшего председателя совета министров посетил... неизвестно кто.

Бог посетил меня, – как говорится в басне Крылова. – Я сжег дотла свой двор и по миру пошел с тех пор.

Прочтя, как кто кого посещает и кто с кем имеет беседу продолжительную, непродолжительную, оживленную, напряженную или просто «неизвестно какую о текущих делах», вы пошли завтракать.

За завтраком, узнав, что не достали муки, крупы, масла, рису, макарон и говядины, вы по обычаю пожали плечами и воскликнули:

– Господи! Когда же, наконец, все это кончится?

Потом предавались праздным развлечениям: звонили по телефону знакомым и спрашивали:

– Где вы встречаете Новый год?

В ответ вам ввали, что в очень большом и интересном обществе, намекая на то, что туда, мол, таких, как вы, и на порог не пускают.

Контрответом вы пускали собственное вранье о предстоящих вам блестящих забавах.

Расстроив друг друга, вы переходили на обычную мирную беседу.

– А кто у нас сегодня министр юстиции? Такой, который Митьку выпускает, или такой, который Митьку сажает?

И, послушав, возражали:

– Да вы путаете! Он вчера был.

– Нет, это вы путаете! Это не юстиции. Это чего-то другого...

После телефона вы ходили на перекресток, узнавать последние новости внутренней и внешней политики, и, разукрасив их в пределах и возможностях ваших убеждений и фантазий, разносили их по знакомым.

А вечером писали поздравительные письма и телеграммы.

Письмо:

«Как поживаете? У нас ни к чему приступа нет. Мясо – стой в очереди, а уж один мальчишка, говорят, насмерть замерз. Булок булочники не продают. Видно, сами лопают, чтоб им лопнуть. Поздравляю с наступающим Новым годом!»

Телеграмма:

«Поздравляю Новым годом, целую, желаю извозчиков и сахару!»

Таков был ваш вчерашний день.

Я считала здесь вчерашний праздничный день обеспеченного человека, поэтому и не упомянула ничего о делах и служебных заботах.

Теперь, заручившись вашим доверием, предскажу вам завтрашний день.

Утром, – начинаю с утра, – утром вам не дадут сахару к кофе. Вы по обычаю пожмете плечами, и по обычаю воскликнув: «Господи! Когда же все это кончится?», выпьете кофе без сахару.

Потом развернете газету и с большим интересом прочтете о том, что новый министр юстиции посетил старого министра внутренних дел, нового же министра путей сообщения посетил новый мини...

Вам, может быть, надоел мой фельетон?

Мне тоже – очень, очень, очень надоел.

И так как он нам обоим надоел, то оборвем его и скажем:

– Да здравствует «новый» Новый год!

Новый!

Да?

Русское слово. 1917, 1 января. № 1.

Струве П.Б.

ОСВОБОЖДЕННАЯ РОССИЯ

Вторая русская революция, завершившая дело политического освобождения нашей родины, налетела, как ураган, как разбушевавшаяся стихия, которая сломила на своем пути все преграды. В этой грозной стихийности – подавляющая величественность пережитых Россией событий. Все личное, все партийное смолкает перед ними. Видится только Россия, страдавшаяся, смятенная, но, сквозь весь ужас еще не утишенной смуты и борьбы, выпрямляющаяся и просветляющаяся. Слезы волнения и восторга, тревоги и умиления душат. Не будем, однако, обманывать себя и других. К восторгу от скорой победы над отжившей и ставшей совершенно негодной и нетерпимой властью примешивается чувство тревоги за Россию, перед которой в грозной готовности стоит сильный и упорный внешний враг. Он только и мечтает о том, чтобы сосредоточенным и метким ударом сломить и повергнуть во прах выпрямляющуюся новую Россию. Пусть этот угрожающий образ сильного внешнего врага, для которого в возрождении и укреплении русской силы заключается величайшая угроза, стоит живым предостережением перед взором каждого из нас, будя совесть и подвигая на действенную работу.

Нам всем нужно соединенными усилиями беречь армию, в которой воплощается наша национальная сила. Без армии, как стройно организованного целого, новая Россия погибнет. Погибнет от внешнего врага на потеху и во славу старой власти, которая на костях России возродится из военной разрухи.

Теперь все мысли сосредоточены только на этом, на мощном объединении страны и ее вооруженных сил перед лицом внешнего врага. Старая власть повержена во прах, и не от нее, униженной и не существующей, а от нашей собственной неустроенности грозит нам беда.

В глубоком внутреннем единении и в сохранении полного порядка в тылу и на фронте – наше единственное спасение. Теперь лозунг: война до победного конца, получил свой окончательный смысл и всецелое оправдание. Будем верны этому лозунгу и достойны его.

Русская мысль. 1917. № 2. С. XI–XII.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

27 февраля – 2 марта 1917 года

С незабвенного дня 27 февраля 1917 года начинается новая эпоха русской истории. Старый, прогнивший насквозь государственный строй, поддерживаемый жестокими мерами насилия и беззакония, низвергнут единодушным порывом народа и армии. Власть, угнетавшая и разорявшая страну, пала в бесславной борьбе с собственным народом.

Великий русский народ разорвал, наконец, опутавшую его сеть векового рабства и открыл себе дорогу к новой свободной жизни, на равных правах с передовыми народами культурного мира. Официальная Россия, служившая оплотом всех темных сил в Европе, исчезла, и ее место заняла новая, истинно великая демократическая Россия, проникнутая идеями права и справедливости. Различные народности, обитающие в пределах Российского государства, получают возможность жить свободно, сохраняя свой язык и свою веру, без ущерба для политического единства страны. Перед Россией открывается светлое будущее, для достижения которого стоило жить и бороться.

Да здравствует свободная Россия!

Вестник Европы. 1917. № 2. С. V.

Арсеньев К.К.

ДВЕ ФЕВРАЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ

При совершенно исключительных – и исключительно благоприятных – условиях совершилось крушение старого государственного и общественного строя. Светлым, благодаря этому, является будущее новой, свободной России.

«На стороне правительства, – сказано было два с половиною месяца тому назад в декабрьской книжке нашего журнала, – нет ни одной законодательной палаты, ни одного сословия, ни одной партии, кроме безнадежно и быстро тающей группы крайне правых, ни одного органа печати, кроме содержимых на казенные средства, ни одной общественной организации, кроме окончательно дискредитированных союзов, именующих себя монархическими, но менее всего служащих истинным интересам монархии». Другого примера такой изолированности, такого отсутствия политических устоев и нравственных точек

опоры история не представляет; везде, в момент наступления великих переворотов, старая власть имела за собою часть учреждений, часть населения; везде она находила поддержку в широко распространенных настроениях, в поколебленных и ослабевших, но еще не исчезнувших традициях. Расшатан в самых своих основах авторитет русского правительства был уже двенадцать лет тому назад – расшатан народными бедствиями, бездарностью и себялюбием правящих сфер, неудачною войною; но неудовольствие масс было более инстинктивным, чем сознательным, а в других слоях общества еще сохранялись иллюзии, унаследованные от другой, безвозвратно минувшей эпохи. Тщету иллюзий показала наглядно Государственная Дума первых двух созывов; последним уцелевшим надеждам должно было нанести смертельный удар все происшедшее в ноябре и декабре прошлого года. Должно было нанести, но не нанесло: так безгранично было ослепление власти. Со всех сторон слыша слова осуждения или предостережения, она не хотела внимать им, потому что считала себя обладательницей материальной силы. В ее руках была полиция, было войско, – и она верила в свою непобедимость. Когда ей отказало в повиновении войско и без него в ничто обратилась полиция, она должна была пасть – и пала безнадежно и бесславно. И насколько одинокой в решительную минуту явилась власть, настолько оказалось осуществимым сближение ее противников. Государственная Дума была в первые дни борьбы центром, около которого группировались разнородные силы. Между ее Исполнительным Комитетом и Советом Рабочих Депутатов, в состав которого вошли представители революционных войск, состоялось соглашение, благодаря которому могло возникнуть всеми признанное временное правительство. На сторону нового порядка стали все армии, сражающиеся на фронте; ему подчинилась, радостно и беспрекословно, вся страна, до самых отдаленных ее пределов. Не нашлось приверженцев низвергнутого режима даже в среде царской фамилии, еще до начала восстания, как мы узнаем теперь, переставшей чувствовать себя солидарною с своим главою. Это – очень характерная дополнительная черта к той картине, которую представляла старая власть накануне своей смерти.

Наша февральская революция невольно заставляет вспомнить о другой, совершившейся шестьдесят девять лет тому назад. Престол Людовика-Филиппа пал с такою же быстротою, как и престол Николая II; легко и беспрепятственно образовалось временное правительство, которому немедленно и беспрекословно подчинилась вся страна. Но за этим внешним сходством скрывается глубокое внутреннее различие. Июльское правительство, особенно в последние годы своего существования, не стояло высоко в общественном мнении, но не достигало последних ступеней падения. Ни о каких «темных силах», гнездящихся около трона, не было речи. Министры, лично, за немногими исключениями, безупречные в своей частной жизни, выдвинутые не подозрительною протекциею, а долгим трудом или солидными, иногда блестящими дарованиями, могли считать себя не нарушителями, а охранителями законности. На их стороне стояло большинство обеих палат, стояла так называемая легальная страна – стояло, следовательно, узко понимаемое, устарелое,

практически непригодное, но формально бесспорное право. Поддержка, которую они находили в печати, далеко не вся была ими куплена. Как ни обилён скандалами был год, предшествовавший революции, они не могли создать такой атмосферы, какую много лет до взрыва вынуждено было дышать русское общество. Не было ни ссылок и высылки без суда, не было переполнения тюрем политическими заключёнными; не было никаких вне-легальных средств давления на печать, в которой были представлены все направления. Франция, по известному выражению Ламартина, «скучала», – но в этой скуке не было элементов негодующего презрения к власти. Неопределённая жажда перемен ослабляла устойчивость существующего порядка; но революционным настроение народной массы не было. Ни одна из партий, решительно враждебных июльской монархии, не имела прочного, широкого базиса в стране. Не было, даже в зачаточном виде, соглашения между этими партиями; они не ожидали скорого наступления переворота и не были к нему готовы. Средства обороны власти, утром 24-го февраля, не были ещё исчерпаны; войска не перешли на сторону народа – но в состарившемся короле самоуверенность быстро уступила место унынию, и его отречение положило конец борьбе. Палата депутатов, представлявшая собою, в сущности, только отголосок министерства, оказалась одинакового неспособной и к сопротивлению, и к созиданию; она исчезла со сцены, как ненужная декорация. Временное правительство, в сущности никем не избранное и не назначенное, оказалось у власти, потому что в данную минуту не нашлось других на неё претендентов; но уже с самых первых дней почва колебалась под его ногами. Вскоре стало ясно, что не внесет спокойствия и мира и учредительное собрание, созыв которого не отвечал желаниям крайних партий. И действительно, его открытие послужило сигналом к новой борьбе, сначала безоружной (майское нашествие на собрание), потом вооружённой (июньские дни). Поражение июньских инсургентов раскрыло двери перед «старыми партиями»; господствующее место между ними вскоре заняли едва заметные, несколькими месяцами раньше, бонапартисты; ближайшая судьба Франции была предрешена избранием Людовика-Наполеона в 1848-м, законодательного собрания – в 1849-м году. Решающая роль уже при Кавеньяке перешла в руки войска, побежденного на февральских баррикадах, но именно потому враждебного революции и народным массам. Далеко не лишено значения и то, что благоприятным для революции общее положение дел в Европе было только весной и летом 1848 года; осенью началась реакция, вскоре восторжествовавшая на всех пунктах.

До какой степени различна обстановка двух февральских революций – об этом, помимо отмеченной выше изолированности русской самодержавной власти, свидетельствует целый ряд других условий. Союзниками русского государства, тесно соединёнными с ним великою борьбою, являются передовые европейские нации. Войну Россия ведёт с теми странами, правительствам которых выгодно и приятно торжество реакции на русской почве. Безопасность восточной границы обеспечена союзом с Японией. В исходе войны, счастливым для держав согласия, заинтересованы все национальности, стремящие-

ся к независимости и свободе. Русское войско, от которого в столь сильной степени зависит торжество над германским милитаризмом, не только не сражалось против революции, но прямо и очень значительно способствовало ее успеху. «Старых партий», в том смысле, какой это выражение еще недавно имело во Франции, у нас нет. Другой династии, кроме осужденной народом и низвергнутой революцией, у нас не было, и потому нет и не может быть ничего похожего на французских легитимистов, орлеанистов и бонапартистов, уложивших в могилу вторую французскую республику и долго угрожавших бытию третьей. Отказ вел. кн. Михаила Александровича принять престол иначе как по определению учредительного собрания, служит одной из гарантий мирного будущего. Защитники самодержавия, не столько поддерживавшие его, сколько за него державшиеся, свелись на нет еще в последние дни существования старого режима. Как ни печальны были условия, при которых сложилась и жила, в течение одиннадцати лет, конституционная Россия, они все же отчасти создали, отчасти расширили и укрепили почву для партий, сознательно идущих вперед к ясно определенным целям. И эти партии сразу вступили между собою в соглашение, на котором и построено временное правительство. Отсюда возможность дальнейшей мирной творческой деятельности, вплоть до созыва всеми ожидаемого, никем не оспариваемого Учредительного Собрания. Расчищению путей, к нему ведущих, ничего не мешает, многое благоприятствует. Все главные деятели падшего режима находятся в руках временного правительства. Что их постигнет заслуженная кара, не обращаясь в месть, – ручательством в том служит ожидаемая отмена смертной казни. Здесь – точка соприкосновения между обеими февральскими революциями; но после июньских дней декрет французского временного правительства обратился в мертвую букву, а указ нашего временного правительства откроет – в этом можно быть уверенным – новую эру уголовного правосудия. Ярко горит заря счастливых светлых дней, которых так долго и так мучительно ждала истстрадавшаяся Россия.

Вестник Европы. 1917. № 2. С. X–XIV.

Троцкий Л.Д.

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

То, что сейчас происходит в России, войдет навсегда в историю как одно из величайших ее событий. Наши дети, внуки и правнуки будут говорить об этих днях как о начале новой эпохи в истории человечества. Русский пролетариат восстал против самого преступного из режимов, против самого отверженного из правительств. Народ Петрограда поднялся против самой бесчестной и самой кровавой из войн. Столичные войска стали под красное знамя мятежа и свободы. Царские министры арестованы. Министры Романова, повелителя старой России, организаторы всероссийского самовластья, посажены наро-

дом в одну из тех тюрем, которые до сих пор раскрывали свои кованые ворота только для народных борцов. Этот один факт дает истинную оценку событий, их размаха и могущества. Могучая лавина революции в полном ходу, — никакая сила человеческая ее не остановит.

У власти стоит, как сообщает телеграфная проволока, Временное правительство в составе представителей думского большинства, под председательством Родзянки. Это Временное правительство — исполнительный комитет либеральной буржуазии — не шло к революции, не вызывало ее и не руководит ею. Родзянки и Милюковы подняты к власти первой высокой волной революционного приboя. Они больше всего боятся, как бы не захлебнуться в нем. Заняв места, которые еще не остыли после министров, переведенных в одиночные камеры тюрьмы, вожди либеральной буржуазии готовы считать революцию законченной. Такова же мысль и надежда всей мировой буржуазии. Между тем революция только началась. Ее движущей силой являются не те, что выбрали Родзянку и Милюкова. И не в исполнительном комитете третьи-июньской Думы найдет революция свое руководство.

Голодные матери голодающих детей негодуя подняли к окнам дворцов свои истощенные руки, и проклятье этих женщин народа прозвучало, как голос революционного набата. Вот где начало событий. Рабочие Петрограда дали тревожный гудок; сотни тысяч высыпали из заводов на мостовые города, которые уже знают, что такое баррикады. Вот где сила революции! Всеобщая стачка потрясла мощный организм столицы, парализовала государственную власть, загнала царя в одну из его золоченых трущоб. Вот где путь революции! Войска петроградского гарнизона, как ближайший отряд всероссийской армии, откликнулись на призыв восставших масс и сделали возможным первые крупные завоевания народа. Революционная армия — вот кому будет принадлежать решающее слово в событиях революции!

Сообщения, какие мы имеем сейчас, неполны. Была борьба. Министры монархии не ушли без боя. Шведские телеграммы говорят о взорванных мостах, о стычках на улицах, о восстаниях в провинциальных городах. Буржуазия, со своими полковниками Энгельгардтами и цензорами Гронскими, стала у власти, чтоб «восстановить порядок». Это ее собственные слова. Первый манифест Временного правительства призывает граждан к спокойствию и к мирным занятиям. Как будто очистительная работа народа завершена, как будто железная метла революции уже вымела дотла реакционную нечисть, которая скоплялась веками вокруг покрытой бесчестьем романовской династии!

Нет, рано Родзянки и Милюковы заговорили о порядке, и не завтра еще наступит спокойствие на всколыхнувшейся Руси. Пласт за пластом будет теперь подниматься страна — все угнетенные, обездоленные, обобранные царизмом и правящими классами — на всем необъятном пространстве всероссийской тюрьмы народов. Петроградские события — только начало.

Во главе народных масс России революционный пролетариат выполнит свою историческую работу: он изгонит монархическую и дворянскую реакцию из всех ее убежищ и протянет свою руку пролетариату Германии и всей Европы. Ибо нужно ликвидировать не только царизм, но и войну.

Уже вторая волна революции перекатится через головы Родзянок и Милюковых, озабоченных восстановлением порядка и соглашением с монархией. Из собственных своих недр революция выдвинет свою власть – революционный орган народа, идущего к победе. И главные битвы, и главные жертвы еще впереди. И только за ними последует полная и подлинная победа.

Последние телеграммы из Лондона говорят, что царь Николай хочет отречься от престола в пользу своего сына. Этой сделкой реакция и либерализм хотят спасти монархию и династию. Поздно! Поздно! Слишком велики преступления, слишком чудовищны страдания, – и слишком велик размах народного гнева!

Поздно, слуги монархии! Поздно, либеральные гасители! Лавина революции пришла в движение, – никакая сила человеческая ее не остановит.

Новый Мир (Нью-Йорк). 1917, 16 (3) марта. № 937.

Трубецкой Е.Н.

НАРОДНО-РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Тяжелый камень спал с души; мы не только освободились, мы очистились, мы вымылись от грязи, прилипшей к России.

В дни великой войны за освобождение народов мы сами были рабами; мы не знали, кому служат те, кто нами руководил, – России или Германии. И мы стали притчей во языцех, посмешищем для других народов. Немцы, указывая на нас пальцами, говорили нашим союзникам: неужели же вы будете защищать «рабов» и их русское варварство. Неужели вы – «освободители» – будете сражаться за порабощение Польши, Литвы и Курляндии. И, издеваясь над нами, наши враги нагло предлагали нашим союзниками *заклучить мир за счет России*.

Стыдно и больно было за Россию; стыдно было смотреть в глаза другим. Другие народы объединились в светлом патриотическом подъеме: все были воодушевлены великим национальным делом; одна Россия, управляемая чуждой и ненавистной народу властью, походила на распавшееся изнутри темное, бесовское царство. Где же был русский патриотизм и чувство национального достоинства? Имеет ли право на уважение других тот народ, который сам себя не уважает.

На этот ужасный, роковой для нас вопрос мы не имели ответа. Раньше самое терпение наше могло оправдываться патриотическими соображениями; надо было терпеть, пока могло казаться, что терпенье спасает нас от поражения. Но, когда стало очевидным, что именно терпенье и ведет нас к неизбежной гибели, ему должен был наступить конец, – иначе Россия не была бы Россией. И везде задавались бы мучительным вопросом: жива Россия или мертва, достойна ли она существовать на свете, не представляет ли она собою «дурное общество», которого должны стыдиться другие нации.

И вот, наконец, мы получили ответ, достойный великого народа. Смыт национальный позор; мы можем говорить с друзьями и союзниками, как равные с равными. Есть Великая Россия, совершившая беспрецедентный в истории подвиг.

Это – революция единственная или почти единственная в своем роде. Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские. Но революции *национальной*, в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали – и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство, не исключая дворянства объединенного, все, вообще, живые общественные силы страны. А потому никто не имеет на нее исключительного права. Это – революция всенародная, в высшем значении слова. Кучка негодяев, управлявшая, вопреки России и против России, собрала против себя всю Россию, и старая власть упала, как созревший плод, пала, потому что она захотела быть выразительницей того чистого самодержавия, которое ни на кого не опирается, а «само держится».

В борьбе за Россию против «пятого фронта» и пробудился русский патриотизм. Помещики, капиталисты, солдаты, крестьяне, рабочие, – все захотели прежде всего быть русскими, а потом уже – представителями своих классов. А потому честь и слава всем. И особый низкий поклон от всех русских главным деятелям последних дней: Государственной Думе, русскому войску, русским рабочим и избранному ими Совету рабочих депутатов. Только бы это объединение сохранилось до того великого дня, когда избранное всеобщим, прямым, тайным и равным голосованием учредительное собрание соберет весь народ и даст общее национальное решение классовым спорам. Пусть до того времени они умолкнут.

Такое великое объединение, как нынешнее, чрезвычайно редко в истории, за последние три года мы видели единодушную, а потому и единую Россию всего только два раза – в начале войны и теперь, когда, надо надеяться, мы приближаемся к концу войны. И оба раза были одержаны великие победы. Тогда был разбит галицийский, австрийский фронт, теперь же разбит враг еще более опасный: того пятого фронта, который парализовал все наши победы, больше не существует. И более того – уничтожен *внутренний гнойник*, заражавший все национальное тело, устранен источник всеобщей деморализации. *Возвратилась вера в Россию и в ее победу*. Опасности еще велики, враг еще не побежден и могуч; но дышать стало легче, душа очистилась.

Это молниеносная революция пронеслась над нами, как очистительная гроза. Рассеялись миазмы. Дай Бог, чтобы они никогда больше не собирались и никогда нас больше не заражали. Для этого мы должны всегда оставаться тем, чем мы стали в эти дни – *единой Россией*, собранной для великого, национального и всемирного, общечеловеческого дела.

Речь. 1917, 5 марта. № 55.

Жилкин И.В.

В ПЕТРОГРАДЕ

Гроза быстро отгремела и стихла. Выстрелы смолкли, но в городе необычайное оживление. Весь Петроград на улицах и митингах. Сплошной поток солдат, обывателей, женщин, детей струится по Невскому и по всем улицам, ведущим к центру. Повсюду звучит призыв к организации, к порядку и труду. Однако населению, видимо, трудно расстаться с праздничным возбуждением. Будничный труд налаживается медленно. Только вчера выехали извозчики. Трамваи еще не ходят, хотя уже усердно очищают рельсы, затоптанные в снег, и чинят проволоку. Магазины открываются не все. Сегодня, впрочем, воскресенье, и отчасти этим объясняется прикрытие торговли. У булочных и хлебных лавок изрядные хвосты.

Мы проехали на окраины. Фабрики не дымят высокими трубами, и корпуса не гудят. Рабочие ходят по улицам с красными бантами в петлицах пальто, собираются группами, читая вслух газеты и бюллетени, а большинство потоками направляется к центру. Почти пусто на Финляндском вокзале и на дальних улицах Выборгской стороны.

Через Литейный мост народный поток направляется по Литейному проспекту к Невскому, а по Шпалерной – к Государственной думе.

Зияет на углу Шпалерной и Литейного выбитыми окнами и сгоревшей крышей громадное здание полуразрушенного окружного суда. Около Знаменской площади, под каланчой, обгорелыми окнами глядит на толпу полицейский участок. Тротуар засыпан кирпичами, штукатуркой и вывороченным железом. Все полицейские участки подверглись такому же разгрому. Но это в прошлом. Сейчас в толпе воодушевление громадное. Движение по улицам вошло в особый ритм. Военные серые шинели и черные пальто штатской публики льются по тротуарам и улицам, но стройность движения ничем не нарушается.

Временами пройдет по Невскому, сверкая штыками, полк или батальон с торжественной музыкой мерного марша, и публика колышется вокруг него черным морем. Временами пройдет демонстрация с красными знаменами и надписями: «Да здравствует демократическая республика!».

В виде живых водоворотов шевелятся на площадях митинги-экспромты. Читают листки, говорят речи, публика подходит и отходит, схватывая на лету горячие отрывки речей.

Во многих местах поставлены столы, и студенты, барышни или военные восклицают: «Товарищи-граждане, не проходите мимо, жертвуйте на столовые для солдат!» Жертвуют много и охотно. На Знаменской площади студент, став на стул, потрясает газетой и восклицает:

- 10 рублей за «Русское слово» в пользу столовой для солдат.
- 15, 30...

Минуты через две студент уже восклицает:

- 75 рублей за «Русское слово»! Кто больше?
- Вчера до 1 ½ тысяч дошла, – сообщает в толпе одобрительный голос.

Поистине велик газетный голод. Петроградские газеты вышли только сегодня, но к московским газетам особый интерес. Петроград чувствует, что выше и первее всего сейчас для него поддержка Москвы. Быстрый и стройный успех московского движения удваивает кислород.

Около Государственной думы море людей. Солдаты, автомобили, экипажи, но здесь уже строгая твердость при пропуске. Простых любопытных не пропускают. Нужно особое разрешение. Потоком льется военная сила под колоннадой Таврического дворца в Думу и из Думы. В вестибюле и Екатерининском зале нечто вроде военного лагеря. Везде штыки, шинели. Солдаты пьют чай на ящиках; лежат на мешках; стройными шеренгами протягиваются по громадным залам, прислушиваясь к команде; группами толпятся около ораторов, призывающих к порядку, дисциплине и общей работе. Произносит речь простой солдат и говорит неплохо, с огнем и силой правды.

Кипит организационная работа во всех смежных комнатах.

Встречаем знакомых депутатов; знакомых и незнакомых офицеров. Все как будто выросли и преобразились. На лицах – сила достоинства, гордая уверенность, счастливое удовлетворение.

– Главное сделано, – говорят руководители. – Все пойдет хорошо. Работы, конечно, сверх головы, но ничего, все сладится и организуется.

В зале заседаний Думы идет собрание совета петроградских рабочих депутатов. Их уже около 1600. Горячо обсуждаются ближайшие задачи пролетариата. Политический такт, спаявший для первых дней исполнительный комитет и представителей пролетариата, создал уже первый общественный кабинет министров.

Временная власть восстанавливает порядок, широко открывая дорогу к общей единой всероссийской цели – к Учредительному собранию. Все политические вожди горят сейчас одним страстным желанием – сохранить победоносное единение, избежать преждевременного и губительного раздора.

Организация сил уже идет повсюду напряженная и стремительная. Выковывается новый порядок. Идут митинги, собрания и совещания в цирках, казармах, клубах, концертных залах. Организуются солдаты, рабочие. Организуются всякого рода служащие. Организуются обыватели. Не исчезла острота продовольственного вопроса. Начались кое-где грабежи с вооруженными нападениями на квартиры. Ошибкой выпущено из тюрьмы много уголовных, и они по-своему празднуют свободу. Обыватели организуются в подрайонные и домовые комитеты. На улицах сторожит порядок вооруженная милиция.

Начались уже большие программные митинги с практическими и общими вопросами.

Серьезно, стройно и деловито прошел сегодня громадный митинг в зале Калашниковской биржи. Выступали с речами члены Государственной думы, общественные деятели и простые обыватели.

Порядок и серьезность настроения удивительные.

Обыватель быстро превращается в гражданина. Он сознательно берет на себя великую ответственность, приступая к созданию новой власти, нового порядка, новой России.

Петроград, 5-го марта.

Русское слово. 1917, 7 марта. № 52.

II

Лихорадка стихает. Революция быстро отгорела, сделав свое дело. Бороться за власть не с кем. Старого правительства нет.

На очереди общие великие задачи: создание новой власти, новой государственной конституции, и дорога к этой творческой государственной работе широко открыта.

Твердо намечен первый этап – Учредительное собрание. Временное правительство поставлено не мешать, а содействовать этой великой цели. Оно восстановит порядок, оно создаст и охранит наилучшие условия для быстрой кристаллизации народной воли, и, конечно, первый долг российских граждан всех без изъятия – помочь своему правительству в немедленном успокоении страны, помочь в создании свободного порядка. И северная столица идет как бы по великолепному государственному инстинкту.

Город заметно затихает, входя в норму бытовой и трудовой жизни. Сегодня, в понедельник, открыты почти все магазины. Уличное движение почти уже обычное. Потоки публики льются не по улице, как вчера и позавчера, а по тротуару. Лишь большое обилие солдатских шинелей среди пешеходов говорит о не совсем обычном характере толпы.

Мало сегодня шествий и демонстраций. Меньше уличных митингов, а главное – тон их спокойнее и деловитее. Митинги и собрания постепенно переносятся в закрытые помещения. Собираются профессиональные группы всевозможного труда: прислуга, домовладельцы, квартиранты, пекари, различные мастеровые, служащие. Стены на улицах уже густо пестрят печатными и письменными приглашениями на собрания и митинги. Обсуждаются профессиональные, экономические и общеполитические вопросы. Население горячо берется за науку свободного строительства жизни.

Совет рабочих депутатов сделал трезвое постановление о возвращении к работе. Завтра, вероятно, задымят фабрики, побегут трамваи и застучат молотки в мастерских. Долгая праздность опасна и в обычное время, а теперь, когда двойная буря сотрясает страну, – извне и внутри, – в особенности губительна. Сверх того, Петроград подает сейчас образец новой государственной жизни всей России.

Довольно долго пробыл я в министерстве внутренних дел. Какое увлекательно удивительное зрелище! Пульс новой власти только начинает биться, и сюда же ползут живые обломки старой власти. Растерянный, ошеломленный вид у седых и не седых бюрократов, которые сидят и бродят среди колонн верхней площадки и в той большой приемной комнате, куда они две недели назад ходили с уверенностью хозяев страны.

Управляющий министерством, Д.М. Щепкин, в обычном пиджаке, быстро проходит то в приемную, то к лестнице, то снова в свой министерский кабинет. Разговор и дело решает быстро, стремительно. С улыбкой жмет руки своим товарищам по общественной работе. Серьезно выслушивает явившихся бюрократов. Некоторые входят в его кабинет и вскоре выходят без особого веселого вида.

– Ну, что? – спрашивает один из ожидающих.

– Да что... говорит, оставаться на местах и работать, – отвечает пожилой человек, и оба смотрят друг на друга растерянно.

Конечно, многие из них – неплохие работники. Не ответственные за всю умершую систему. Они, вероятно, охотно послужат всем своим опытом и усердием и новому строю государства. К тому же нельзя сразу и сломать весь государственный механизм. Но, конечно, они прекрасно понимают, что строгий отбор многих из них отбросит в заслуженную отставку.

В кабинете председателя совета министров работает кн. Г.Е. Львов, глава Временного правительства. Ряд лиц стремится войти к нему с экстренными докладами.

Взволнованный проходит в кабинет Д.Д. Протопопов (просят не смешивать с злосчастным министром) и барон С.А. Корф. Они только что из Финляндии. А через две-три минуты Д.Д. Протопопов уже говорит на площадке, указывая на барона Корфа:

– Вот поздравьте: товарищ генерал-губернатора Корф.

Жму руку барону Корфу, но он резонно говорит:

– Ну, есть с чем поздравлять. Я, конечно, временно. Я не оставляю профессуры, но сейчас надо всем работать, а у нас, в Финляндии, конечно, мутят правые провокаторы и бывшие чиновники.

Сообщают, что в генерал-губернаторы Финляндии намечен М.А. Стахович.

Посидел я несколько минут в кабинете кн. Г.Е. Львова. Картина почти жуткая, незабываемая. Как ко всеобщему центру, летит сюда электричество всей сотрясенной страны, и сам премьер-министр до крайней степени напряжен этим электричеством. Он быстро читает какие-то телеграммы и бумаги, подчеркивая карандашом. В то же время каждую минуту берет телефонную трубку, отвечая на вопросы, и тут же быстро отвечает Щепкину, который вбегает с вопросами и сомнениями.

Способность князя к удивительному схватыванию сущности всевозможных вопросов и немедленному их решению, видимо, возросла до стремительной степени, и сейчас эта великолепная быстрота государственного кормчего спасительна и драгоценна. Но страшно за человеческие силы. Выдержат ли они такое расхождение, выявление энергии? Конечно, нельзя было мешать какой-либо беседой в этой напряженной работе. Были лишь отрывочные фразы, которые сохраняются в памяти надолго.

– Как помогать вам? – спросил я между прочим.

– Вы сами лучше знаете, – среди потока работы отвечал князь. – Теперь мы все заодно.

Мне подумалось:

– Верно. Многое на местах мы лучше будем знать, чем высшая власть. Лишь бы работать дружно для единой цели.

Ушел я из министерства с гордостью за первый общественный кабинет, но не без страха за человеческие силы министров. Работа свалилась на них, как обвал. Они заседают по ночам до 3–4-х часов утра, а с 8-ми часов уже бросаются снова в водоворот чрезвычайно напряженных дел. Говорят, что А.Ф. Керенский, явившись в министерство юстиции, устало сел и сказал стоявшим в почтительности чиновникам:

– Простите, но я две ночи не ложился.

Кроме того, А.Ф. Керенский не излечил своей старой болезни, и я опечалился, когда увидел его страдальческое лицо в заседании трудовой группы. А А.Ф. Керенский сейчас – соединительное звено кабинета с левыми вообще и в частности с советом рабочих депутатов. Роль его необычайно важна в историческом переходе России на новые государственные рельсы, и, видя, как он, не жалея, сжигает себя на громадной работе, не можешь подавить в себе тревогу за последствия жертвенной работы наших первых министров.

Другая немалая тревога. Поехал я на заседание «2-го правительства», как называют здесь, пугаясь призрака губительного двоевластия, совет рабочих и солдатских депутатов.

Опасения, к счастью, преувеличены. В этом убедился я в сегодняшнем собрании.

Шло собрание солдатских депутатов. Громадный Полукруглый зал русского парламента был залит серыми солдатскими фигурами. Не только сидели на всех местах и во всех ложах, но и, кроме того, густо толпились во всех проходах перед трибуной.

Было, вероятно, около 1.000 человек. Довольно стройно вел заседание рабочего вида интеллигент в очках. Обсуждались права солдат. Ораторы-солдаты с горячностью говорили с кафедры о различных тяготах военного быта. Громом аплодисментов встречались предложения свободного отпуска со двора, ношения штатского платья вне службы. Были не забыты и такие мелкие пожелания, как право на волосы. Но вот входит на трибуну оратор, который волнует в собрании разнородные чувства.

– Я уполномочен от своего батальона, – говорит он решительным тоном, – а не от всей русской армии. Мы не можем постановить решения за всю армию и сами проводить их дело. Мы – не правительство. Мы дали свое согласие на временное правительство и должны выполнять его приказания. Мы только можем сообщить ему наши пожелания.

– Правильно, – гудят голоса.

– Нет, неправильно, – отвечают другие голоса. – Не мы, а они должны нас слушаться.

Председатель Богданов делает серьезное разъяснение.

– Товарищи, – заставляя он смолкнуть море голосов. – Мы в совете рабочих и солдатских депутатов, мы ни одной минуты не считаем себя за второе

правительство. У нас есть Временное правительство, на которое мы согласились, а Совет рабочих и солдатских депутатов создан для разработки экономических вопросов и для того, чтобы Временное правительство при нашем контроле выполнило все обещания. Мы – скала, на которую должно опереться правительство. Сейчас мы вырабатываем основные положения прав солдат. Мы не вводим их в армию. Мы передаем их военному министру Гучкову как наши требования, и временное правительство, несомненно, послушает нашего голоса.

– Верно! Правильно! – гремит собрание одобрительными голосами и аплодисментами.

Историческая ответственность пала и на руководителей рабочих, и, кажется, государственное чувство выдержанности начинает подсказывать им мудрый совет осторожности. Гибельный призрак двоевластия страшен для всех, и пусть отгонит его от себя Россия.

Петроград, 6-го марта.

Русское слово. 1917, 8 марта. № 53.

Троцкий Л.Д.

ВОЙНА ИЛИ МИР?

Внутренние силы русской революции

Главный вопрос, который сейчас интересует правительства и народы всего мира, – какое влияние окажет русская революция на ход войны? Приблизит ли она мир? Или же, наоборот, весь пробужденный революционный энтузиазм народа будет направлен на дальнейшее ведение войны?

Это большой вопрос. От его решения в ту или другую сторону зависит не только судьба войны, но и судьба самой революции.

В 1905 году Милюков, нынешний воинственный министр иностранных дел, называл Русско-японскую войну авантюрой и требовал скорейшего ее прекращения. В том же духе писала вся либеральная и радикальная печать. Сильнейшие организации промышленников высказывались тогда – несмотря на беспримерные поражения – за немедленное заключение мира. Чем это объяснялось? Надеждами на внутреннюю реформу. Установление конституционного строя, парламентский контроль над бюджетом и вообще государственным хозяйством, распространение просвещения и особенно наделение крестьян землею должны были повысить хозяйственный уровень страны, увеличить благосостояние населения и, следовательно, создать громадный внутренний рынок для промышленности. Правда, русская буржуазия еще и тогда, 12 лет тому назад, готова была захватить чужие земли. Но она считала, что раскрепощение крестьянства создаст для нее несравненно более могущественный рынок, чем Маньчжурия или Корея.

Оказалось, однако, что демократизация страны и раскрепощение крестьянства – не такая простая задача. Ни царь, ни его чиновничество, ни дворянство не соглашались поступиться добровольно ни единой частицей своих прав. Получить из их рук государственную машину и земли нельзя путем либеральных увещаний – нужен был могущественный революционный натиск масс. Но этого буржуазия не хотела. Аграрные восстания крестьян, все обострявшаяся борьба пролетариата и рост возмущения в армии отбросили либеральную буржуазию в лагерь царской бюрократии и реакционного дворянства. Их союз был скреплен государственным переворотом 3 июня 1907 года. Из этого переворота вышли 3-я и нынешняя Государственные Думы.

Крестьянство земель не получило. Государственные порядки изменились больше по форме, чем по существу. Создания богатого внутреннего рынка из собственников-крестьян, на манер американских фермеров, не получилось. Капиталистические классы, примирившиеся с третьеиюньским режимом, устремили свои взоры на завоевание внешних рынков. Началась полоса нового российского империализма – с беспутным государственным и военным хозяйством и с ненасытными аппетитами. Гучков, нынешний военный министр, заседал в комиссии государственной обороны для скорейшего усиления армии и флота. Милюков, нынешний министр иностранных дел, вырабатывал программу мировых захватов и развозил ее по всей Европе.

На русском империализме и на его октябристских и кадетских представителях лежит очень большая доля ответственности за нынешнюю войну: на этот счет наши Гучковы и Милюковы не имеют никакого права делать упреки башибузукам немецкого империализма – это одного поля ягоды.

Милостью революции, которой они не хотели и против которой боролись, Гучков и Милюков стоят сегодня у власти. Они хотят продолжения войны. Они хотят победы. Еще бы! Ведь они именно и вовлекли страну в войну во имя интересов капитала. Ведь вся их оппозиция царизму вытекала из неудовлетворенности их империалистических аппетитов. Пока у власти стояла клика Николая II, перевес во внешней политике имели династические и реакционно-дворянские интересы. Именно поэтому в Берлине и Вене все время надеялись на заключение сепаратного мира с Россией. Теперь же на правительственном знамени написаны интересы чистого империализма. «Царского правительства больше нет, – говорят народу Гучковы и Милюковы, – теперь вы должны проливать кровь за общенациональные интересы». А под национальными интересами русские империалисты понимают возвращение Польши, завоевание Галиции, Константинополя, Армении, Персии. Другими словами, Россия сейчас становится в общий империалистический ряд с другими европейскими государствами и, прежде всего, со своими союзниками: Англией и Францией.

В Англии существует парламентская монархия, во Франции – республика. У власти и там, и здесь стоят либералы и даже социал-патриоты. Но это несколько не меняет империалистического характера войны, – наоборот, только

ярче вскрывает его. И революционные рабочие ведут в Англии и во Франции непримиримую борьбу против войны.

Переход от династически-дворянского империализма к чисто буржуазному, никак не может примирить с войною пролетариат России. Интернациональная борьба с мировой бойней и империализмом является сейчас нашей задачей больше, чем когда бы то ни было. И последние телеграммы, сообщающие об антивоенной агитации на улицах Петрограда, свидетельствуют о том, что наши товарищи мужественно выполняют свой долг.

Империалистическая похвальба Милюкова – сокрушить Германию, Австро-Венгрию и Турцию – сейчас как нельзя более на руку Гогенцоллерну и Габсбургу. Милюков теперь будет играть роль огородного пугала в их руках. Прежде еще, чем новое либерально-империалистическое правительство приступило к реформам в армии, оно помогает Гогенцоллерну поднять патриотический дух и восстановить трещащее по всем швам «национальное единство» немецкого народа. Если бы немецкий пролетариат получил право думать, что за новым буржуазным правительством России стоит весь народ и в том числе главная сила революции, русский пролетариат, – это явилось бы страшным ударом для наших единомышленников, революционных социалистов Германии. Превращение русского пролетариата в патриотическое пушечное мясо на службе русской либеральной буржуазии немедленно же отбросило бы немецкие рабочие массы в лагерь шовинизма и надолго затормозило бы развитие революции в Германии.

Прямая обязанность революционного пролетариата России показать, что за злой империалистической волей либеральной буржуазии нет силы, ибо нет поддержки рабочих масс. Русская революция должна обнаружить перед всем миром свое подлинное лицо, т. е. свою непримиримую враждебность не только династически-дворянской реакции, но и либеральному империализму.

Дальнейшее развитие революционной борьбы и создание Революционного Рабочего Правительства, опирающегося на подлинный народ, нанесет смертельный удар Гогенцоллерну, ибо даст могущественный толчок революционному движению германского пролетариата, как и рабочих масс всех остальных европейских стран. Если первая русская революция 1905 года повлекла за собою революцию в Азии – в Персии, Турции, Китае, – то вторая русская революция послужит началом могущественной социально-революционной борьбы в Европе. Только эта борьба принесет залитой кровью Европе подлинный мир.

Нет, русский пролетариат не даст запрячь себя в колесницу милюковского империализма. На знамени российской социал-демократии сейчас ярче, чем когда бы то ни было, горят лозунги непримиримого интернационализма:

Долой империалистических хищников!

Да здравствует Революционное Рабочее Правительство!

Да здравствует мир и братство народов!

9 МАРТА 1917 г.

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ («РЕЧЬ»)

Народная победа в столице сильно отодвинула на задний план интерес к военным событиям на фронте. Между тем теперь, более чем когда-нибудь, то, что делается в столице, связано с тем, что делается на фронте. Притом связь эта двоякая. С одной стороны, сама наша революция вытекала из безусловной необходимости для народа самому вмешаться в дело своей обороны. Логически и психологически революция произошла тогда, когда страна принуждена была сказать себе, что со старой властью она победить не может.

Выйдя из этого источника, русская революция должна была и в поставленных ею целях сохранить связь со своим происхождением. Если при старой власти народ победить не мог, то новая власть должна была именно эту цель, победу над врагом, сделать непосредственной целью народного освобождения.

В германской печати уже чувствуется сознание этой связи причины с последствием. Правда, при первых известиях о революции в Петрограде, германцы возликовали. Им казалось, что тут исполняется их собственный, хитро задуманный план: обессилить Россию в момент, когда стране нужно величайшее напряжение сил. Дальнейшие сведения о быстром ходе и исходе революции показали, однако, нашим неприятелям, что они ошиблись. Первое действие революции было не разъединяющее, как они ожидали, а объединяющее, будящее народный энтузиазм.

Но после этого второго момента теперь наступает третий, на который мы считаем необходимым обратить самое серьезное внимание. Приказ Радко Дмитриева как нельзя лучше доказывает, что на этот новый момент нашего революционного процесса обращено уже внимание на фронте. Воззвание Временного Правительства к Армии подтверждает, что столь же серьезное внимание обращено на те же самые явления и в центре.

Чтобы сразу дать понять читателю, о чем идет дело, достаточно напомнить ему знаменитый «приказ № 1». Правда, приказ № 1 отменен недавно «приказом № 2». Но отмена эта далеко не полная и, что особенно важно, не принципиальная. Провозглашенное в первом приказе выборное начало в армии лишь ограничивается в смысле территориальном, а вовсе не отменяется совершенно. Вместе с тем для фронта становится теперь на очередь тот же вопрос, который уже стал в столице: в какой степени совместимы провозглашенные Советом рабочих депутатов начала с сохранением воинской дисциплины.

Нет надобности говорить, до какой степени острым является этот вопрос для армии, готовящейся встретить грудью врага. Но остроту вопроса еще более усиливает тот определенный момент в развитии неприятельских операций, с которым опубликование приказа № 1-й отчасти совпало и который оно отчасти обещает вызвать. На фронте наших союзников мы имеем дело с систематическим отступлением нашего врага, преследуемого на десятки верст французами и англичанами. Преждевременно, однако, было бы испытать одну беспримерную радость по поводу неприятельского ухода. Дело в том, что, ухо-

дя, неприятель открывает такое пространство между собой и своим противником, для одоления которого нужно время, и довольно значительное. Недолго, конечно, нагнать отступающего врага, нетрудно даже, в порыве боевого одушевления, идти по его пятам. Но гораздо сложнее и труднее – организовать завоеванную территорию для дальнейшей борьбы. Таким образом, отступление германцев даем им тот результат, к которому они, видимо, стремились. Он отсрочивает наступление западного противника и, сокращая фронт, освобождает на некоторое время часть сил противника, скованных нашими союзниками.

Куда же употребит наш враг свою освободившуюся силу? Секреты врагов держатся довольно крепко, и мы не можем делать выводов из не известного нам материала. Неприятель, как часто говорили, может обратиться на Италию и попытаться нанести нашей союзнице удар, который выведет его в долину Ломбардии. Но... он может взять и другое направление. Притянутый преувеличенными слухами о разложении русской армии, которые уже начинают проникать за границу, враг может попробовать счастья... на пути к Петрограду...

Реальна или нереальна эта возможность? Мы думаем, что нам следует о ней серьезно подумать. Мы должны помнить, что даже неверные слухи о падении воинской дисциплины в войсках уже представляют большой соблазн для врага. И что бы ни говорили органы крайне левой печати про желательность скорого мира, мы уверены, что даже и они не хотели бы достигнуть этого мира ценой поражения. Но если так, то надо средства сообразовать с целями. Надо готовить не обстановку поражения, а обстановку победы.

* * *

Сокрушив старую власть, революция опрокинула и все те нормы публичного права, которые тесно были связаны с существом старого строя. Не может быть и речи о соблюдении всякого рода временных и постоянных правил, предоставлявших администрации полное усмотрение во всем, что касалось неприкосновенности личности гражданина, прав собраний, союзов, прав свободно высказывать свое мнение, свободно передвигаться и т. д. и т. д.

Революция, если не формально, то фактически, отменила все постановления, несовместимые с новым режимом, основанном на народовластии.

Новые права российских граждан, главные принципы гражданской свободы были *юридически* формулированы в 1905 г. как завоевание первой русской революции. Старая власть рядом постановлений и временных законов не дала возможности осуществить эти свободы.

Вторая революция создает положение, при котором это осуществление не только возможно, но и правомерно.

Поэтому, если ревнители законности не по разуму при осуществлении прав свободного слова, прав собраний и союзов будут сейчас действовать «применительно» к старым нормам, будут искать замены старой опеки новой, то этим они покажут, что они совершенно не поняли смысла переворота.

Свободные граждане нового строя будут осуществлять свои права свободно, прибегая к органам власти лишь постольку, поскольку это требуется действительными интересами правового общежития. Не надо забывать, что новая

власть не идентична старой, что комиссариат не есть участок, без разрешения которого русский гражданин не мог жить и дышать.

Но, осуществляя все публичные права немедленно, когда еще правительство не создало нового писаного права, русские граждане, к какой бы партии они ни принадлежали, будут помнить, что есть право неписаное, живущее в нашем сознании, свойственное всему культурному человечеству.

Мы не сомневаемся, что все, кто признает, например, абсолютную свободу собраний, без всяких ограничений и разрешений, все-таки не будут считать законными собраниями скопища людей, специально собравшихся для производства грабежей и насилия.

Это ясно само по себе, и те гражданские манифестации, которые происходили в последние дни, показывают, как неоснователен страх пред свободным осуществлением публичных прав. Внутреннее чувство права, мы не сомневаемся в этом, свойственно громадному большинству. Но все же это нужно подчеркнуть, нужно сейчас при отсутствии твердых норм <1 слово дефект печати> иметь внутреннюю дисциплину, необходимо соблюдать самим те рамки, которые неизбежны при самом свободном режиме и которые устанавливаются не интересами правительства, как это было раньше, а уважением к интересам своих сограждан.

Это свободное самоограничение, конечно, нисколько не может стеснить действительной свободы, которая должна осуществляться широко и в области собраний, организации, профессиональной и политической, в сфере печати.

Не приходится, конечно, говорить, что такое состояние вызывается переходным временем после падения старого режима, и что Временному Правительству незамедлительно предстоит задача издать правовые нормы, прочно закрепляющие завоевания революции, предоставляющие гражданам все блага гражданской свободы в самом широком их объеме и дающие полный простор для развития культурных и материальных сил страны.

Речь. 1917, 9 марта. № 58.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДЕМОКРАТИИ

Падение старого режима должно ознаменоваться не только сменой лиц и преобразованием учреждений. Оно должно сопровождаться полным обновлением общественного правосознания. Кроме революции политической, нам нужна революция в умах. Завоевания революции только в том случае будут прочны, если параллельно с государственным переворотом совершится переворот в психологии русских обывателей, призванных стать гражданами свободной России. Старый строй рухнул, потому что лишился общественного признания. Новый строй укрепится только в том случае, если будет поддержан всей коллективной силой организованного общественного мнения.

Нам всем очень хорошо знакома наша обывательская психология дореволюционного периода. Отчуждение власти от народа, противопоставление

командующего государства повинующемуся обществу приводило к тому, что обыватель чувствовал себя стоящим совершенно в стороне от государственного, казенного дела. Это состояние оскорбительное и нестерпимое для людей, дорвавшихся до уровня сознательной гражданственности, имело свои удобства для серой обывательской толпы. Оно благоприятствовало апатии, бездеятельности и лени и освобождало от чувства ответственности. Обыватель полагался на городского, стоящего на перекрестке, на чиновника, работающего в канцелярии, да еще на тех чудаков и фантазеров, которые брались за работу в общественных организациях, а сам прозябал в спокойствии и безразличии. Со времени государственного переворота никто в России не вправе чувствовать и вести себя обывателем. Обывателей больше нет. Мы все стали гражданами. Вместе с тем исчезло и противопоставление – «мы» и «они». Могуущественнейший из абсолютных монархов мог сказать: «Государство – это я». Державный народ, принимающийся за создание демократического государственного порядка, провозглашает: «Государство – это мы». Его положение дает ему огромные права. Но оно налагает на него и огромную ответственность.

Могучее развитие общественной самостоятельности во всех областях городской жизни, о котором каждый день рассказывает нам газетная хроника, свидетельствует, что население столицы в полной мере сознает свои права и чувствует лежащую на нем ответственность. Сообщения из провинции говорят, что там происходит тот же самый процесс. Для России наступает эпоха самостоятельности и самоуправления. Общественная энергия естественно направляется прежде всего на удовлетворение ближайших, повседневных нужд и потребностей. Разрушен механизм старой полиции, выродившейся в аппарат политического сыска и профессионального взяточничества. Общество создает свою добровольческую милицию. Обанкротились старые казенные органы, ведавшие продовольственным делом. Общество образует свои комитеты, советы, комиссариаты, которые стремятся урегулировать снабжение населения продуктами питания. Будущему законодателю предстоит трудная, но и благодарная задача использовать этот общественный подъем и найти наиболее целесообразные формы и средства для направления, для «канализирования» этой «живой воды» общественной энергии.

Самостоятельность населения охватывает в первую очередь разнообразные отрасли внутреннего управления. Но и вопросы внешней политики тоже не могут оставаться вне сферы интереса и внимания свободной нации. Внешняя политика имеет дело с задачами государства, как единого, вечного целого, неизменного, несмотря на перемены в формах его устройства. Поэтому, казалось бы, при всякой государственно-правовой форме, вопросы внешней политики должны были бы решаться при самом непосредственном участии и под самым бдительным контролем общества. Но на практике дело обстояло иначе. Никакую другую отрасль государственной деятельности абсолютизм не оберегал так ревниво, не монополизировал так настойчиво, как именно ведение международных сношений. Эти привычки вошли всем в плоть и кровь. Мы

отдали в безграничное и бесконтрольное распоряжение казенных авгуров (10) самые высокие и драгоценные блага всякой великой нации – ее международные задачи и ее мировые интересы. Мы примирились с существованием антинародной дипломатии, этой замкнутой, чванливой и самодовлеющей касты. И мы слишком часто с покорностью, без критики и протеста, несли все последствия ее легкомыслия, близорукости и бесталанности.

Победоносная революция и здесь, несомненно, принесет с собой очищение и обновление. Народное государство создаст себе национальную внешнюю политику и национальную дипломатию. Для демократии и здесь начинается пора самостоятельности. Она и здесь приобретает огромные права, связанные с тяжелой ответственностью. На ответственности демократии будет отныне лежать не только внутреннее устройство России, но и созидание ее международного величия.

Речь. 1917, 10 марта. № 59.

Туган-Барановский М.И.

СМЫСЛ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В газетных статьях по поводу великих исторических событий, которые мы только что пережили, постоянно повторяется слово «чудо». Действительно, разве не чудо этот грандиозный прыжок, который мы совершили в несколько дней? За неделю произошел такой невероятный переворот, что кажется прошлая самодержавная Россия отделена от нас целыми годами. День революции в воспоминании растягивается в месяц. Все происшедшее кажется сном и, однако, оно является самой подлинной правдой.

Итак, чудо – и этим все сказано. Но ведь как ни удивительно происшедшее, все же менее всего мы склонны верить в чудеса теперь, когда над нами восходит ясное солнце свободы. В темноте и мраке легко верится в чудеса, но при белом свете дня всему ищешь естественное объяснение.

Нужно объяснить и русскую революцию. А для этого требуется прежде всего ее понять.

Обычно думают, что смысл происшедшего переворота заключается в том, что в России пала власть царя. И если действительно только в этом смысл русской революции, то объяснить ее не трудно.

Кто станет возражать против известных слов П.Н. Милюкова в Государственной думе о низости и глупости павшего правительства? Действительно, какое правительство в мире могло пасть ниже министерства Сухомлинова или Штюрмера-Протопопова? Распутин был символом этого правительства, и смерть Распутина была предвещанием близкой участи его покровителей. Царская власть погрузилась в зловонную лужу грязи и стала ненавистной даже своим ближайшим друзьям. Уже несколько месяцев тому назад выяснилось, что от царя отвернулись все классы русского общества,

вплоть до того сословия, которое спасло развалившуюся русскую монархию 12 лет тому назад, – дворянства.

И когда дворянство, не выдержавши последнего испытания, которому подвергнул Россию самодержавный режим Гришки Распутина, отвернулось от царя, то стало ясно, что дни царской власти сочтены. И царская власть пала при общих ликованиях русского народа.

Вот обычное объяснение русской революции, которое у всех на устах. Но достаточно ли?

Русская революция, согласно этому объяснению, вполне походит на турецкую, покончившую с тронном Абдул-Гамида. Николай II действительно был монархом того же типа, что и этот последний. Оба они были восточными деспотами, и оба вызвали к себе общую ненависть. И оба пали благодаря военному восстанию.

Вот эта последняя черта больше всего сближает, при поверхностном взгляде, нашу революцию с турецкой. Ведь действительно, без военного восстания в понедельник 27-го февраля народная победа была бы невозможной. Царя низложили именно те полки русской гвардии, которые отказались стрелять в народ и пошли к Государственной думе.

Однако наша революция отличается от турецкой одним обстоятельством, которое может показаться мелочью, но в котором заключается глубокий смысл: Абдул-Гамида свергла организованная армия, салоникский корпус, который пришел стройными рядами со своими офицерами и своими генералами во главе. Турецкая революция заключалась в победоносном восстании армии, подготовленном и осуществленном вождями этой армии. Солдаты были лишь послушными исполнителями замыслов своих офицеров.

Те же гвардейские полки, которые 27-го февраля опрокинули русский трон, пришли без своих офицеров или, если и с офицерами, то лишь с небольшой частью их. Во главе этих полков стояли не генералы, а толпы рабочих, которые начали восстание и увлекли за собою солдат.

Вот здесь-то мы и нащупываем отличительную черту русской революции: турецкая революция была всецело политической; русская – была или, вернее, будет, социальной.

В этом и заключается глубокий всемирно-исторический смысл русской революции, который нужно определенно признать и понять. В России произошла великая социальная революция, которая пока находится лишь в первых фазах своего развития.

Пока закончился лишь первый акт всемирно-исторической драмы: пал политический строй, делавший невозможным свободное обнаружение воли русского народа. Русский народ стал повелителем своей судьбы и получил возможность властно сказать свое слово.

Этого слова он еще не сказал, но скажет на Учредительном собрании, в котором голоса будут принадлежать представителям народных интересов. Не буду говорить о том, что скажет народ. Мне важно пока сделать ясным, что русская революция, несмотря на свое внешнее сходство с военным восстанием, имеет свои глубокие социальные корни.

Ибо не армия, а рабочие начали восстание. Не генералы, а солдаты пошли к [Государственной] думе. Солдаты же поддержали рабочих не потому, что они послушно выполняли приказания своих офицеров, а потому, что они сознавали себя народом, не в том смысле, чтобы они почувствовали себя такими же русскими людьми, как и офицеры, а в том смысле, что они почувствовали свою кровную связь с рабочими, как с классом таких же трудящихся людей, как и они сами.

Таково социальное происхождение русской революции и в этом ее характерная черта. Вот почему у нас сразу возникло две власти – Временное правительство, избранное Государственной думой, и Совет рабочих и солдатских депутатов.

Солдатские депутаты в этом Совете, в сущности, – не что иное, как крестьянские депутаты. Крестьяне и рабочие – вот два социальных класса, которые сделали русскую революцию.

И то обстоятельство, что, произведя революцию, солдаты и рабочие не передали власти в руки Временного правительства, но сохранили ее в своих руках, с полной очевидностью показывает, что цели революции в глазах ее творцов пока еще далеко не достигнуты. В глазах трудящихся классов революция еще только начинается.

Хорошо это или дурно, но это так!

Почему же первая социальная революция современного мира и в большом масштабе произошла именно в России? Мы привыкли думать, что социальный вопрос и социальная борьба гораздо обостреннее в передовых промышленных капиталистических странах, чем в странах с таким молодым капитализмом, как Россия. Вспомните фразу Маркса об «идиотизме» сельской жизни и об антиколлективистическом черепе крестьянина. Для Запада Маркс, конечно, прав. Крестьянство на Западе является опорой консервативных партий. Взяты хотя бы Германию. Могли ли бы германские аграрии играть такую руководящую роль в стране, если бы немецкий мужик не поддерживал в политической жизни своего барина-помещика?

В «Союзе сельских хозяев» – одной из самых влиятельных общественных организаций Германии – крестьяне принимают такое же участие, как и помещики. И те и другие дружно борются с городской социал-демократией и видят в социализме своего самого опасного врага.

У нас положение совершенно обратное. Крестьяне выступают не как друзья, но как противники помещиков.

Причины этого положения дела коренятся в особенностях социальной структуры русского общества. Россия – страна социальных контрастов. Над трудящимися массами крестьянства, живущего в условиях нищенского существования, возвышается класс крупных землевладельцев. В промышленности и торговле мы наблюдаем господство огромных капиталистических предприятий и слабое развитие мелких предприятий.

В то время как в любой западноевропейской стране мелкая буржуазия в городе и в деревне играет выдающуюся, нередко руководящую роль, в России

влияние мелкой буржуазии в политической и общественной жизни совершенно ничтожно, соответственно ничтожному экономическому значению этого класса.

Мелкая буржуазия на Западе играет роль социального масла, которое смягчает и притупляет противоречия социальных интересов, заражая своим духом и своим мирозерцанием, своей любовью к собственности и порядку нижестоящие ее трудящиеся классы.

Вот почему Герцен, попав на Запад, был поражен «мещанством» западной цивилизации.

У нас этого мещанского класса почти нет (точнее, он играет гораздо меньшую роль, чем на Западе). И в этом заключается основная причина, почему голос народа, голос трудящихся масс звучит у нас совершенно иначе, чем на Западе.

Вот почему политическая революция в России не замедлила превратиться в революцию социальную.

Биржевые ведомости. 1917, 10 марта. № 16128 (утр. вып.).

ЗА СОРВАННОЙ ЗАВЕСОЙ

Поразительно ослепление, в котором годами жил низложенный император. Малообразованный человек, он не имел никакого понятия о жизни своего государства. Презренные, трусливые льстецы, окружавшие «жадной толпою» царский трон, поддерживали в Николае II детские театральные представления о России как о царстве верноподданных длиннородых мужичков, не имеющих ни собственной воли, ни своих желаний, только о том и думающих, как бы угодить «царю-батюшке»... Александра Федоровна в эту наивную идеологию крепостного барина вносила еще мистический бред истеричной, больной натуры. Все это привело к появлению «старца Распутина», забрызгавшего грязью семью падавшего с трона монарха...

Кому теперь не ясно, что династия могла бы отсрочить свое падение, если бы в 1906 году царь честно и лояльно договорился с первой Гос. Думой. Но, оправившись от страха, он затаил чувства ненависти к испугавшим его людям и снова погрузился в свой фантастический сон о России. Марков 2-й и Дубровин, Тиханович-Савицкий и Щегловитов продолжали сочинять для царя трафаретные телеграммы от «миллионов» «союзников» и он им верил, жил в чаду этой мнимой преданности.

Судьба была к нему все-таки милостива. В 1914 г., когда началась война, он снова получил возможность сблизиться с народом, не мнимым, потеатральному разукрашенным, а подлинным русским народом. Если бы свободным порывом, без всяких требований и давлений, Николай II прогнал окружавшую его челядь и призвал ответственное министерство, России, весьма вероятно, не нужно было бы революции. Но у Николая II никогда не было

ни великодушных порывов, ни капли государственного ума. Он пропустил все сроки, пренебрег всеми предостережениями. Он погрузил Россию в хаос в разгар ожесточенной войны.

Обещанные Марковым и Дубровиным «миллионы» черносотенцев не пришли. Поставленные А.Д. Протопоповым на крышах тысячи полицейских пулеметов не спасли подгнивший трон от революционного порыва рабочих и солдатских масс. В три дня из царства самого свирепого деспотизма мы перенеслись в безбрежный океан самой безграничной свободы. Неограниченная деспотическая монархия превратилась в республику – фактически мы ведь живем в республике даже без президента. К великому счастью уцелела и не разошлась Гос. Дума, единственное учреждение, сохранившее в разгар этой бури государственный авторитет. Это позволило немедленно приступить к созданию основ нового правопорядка. Без Гос. Думы страна на долгое время погрузилась бы в омут анархии.

Завеса разорвана. Рассеялся туман, окутывавший подлинную Россию от глаз самодержца и полицейскими мерами поддерживавшийся для увековечивания сусально-фантастический видений. В огне и крови предстала подлинная Россия, вся в кипении мощных страстей, после долгой сдержки вырвавшихся наружу...

Необходимо и тут сохранить величайшее спокойствие и не обманываться видимостью. Вместо старых фантазий самодержца не следует создавать себе других, полярно противоположных.

С первого взгляда может показаться, будто вся Россия превратилась в сплошную социалистическую массу, и никого, кроме социалистов-революционеров, социал-демократов и анархистов разных толков в ней нет. Эти партии теперь наверху, на гребне волны. Вглядитесь даже в это бушующее море Совета рабочих и солдатских депутатов, и вы увидите, что и оно начинает расчленяться, что тут уже заметны разные течения. Если большевики стоят за немедленное прекращение войны, то солдаты, вошедшие в Совет, на такую платформу не станут. Нечувствительно для них самих в них говорит русский государственный инстинкт. Если крайние эс-эры и большевики из интеллигентов и городских рабочих кричат о разделе всех земель, то солдаты, недавно только оторванные от земли и знакомые с чувством мелкого земельного собственника, с восторгом встречают предложения о «прирезке», но приходят в негодование при мысли о необходимости пустить в раздел их собственные участки.

В минуты, подобные тем, которые мы переживаем, прежде всего не надо бояться никаких слов. Резкость слов, острота выступлений, болезненность протеста всегда прямо пропорциональны молчанию и бездействию, которые им предшествовали. Нынешнюю бурю подготовил Николай II, когда обрек всю страну на молчание.

Не воевать следует с лавой, вылившейся из вулкана, а приготовить ей пути, дать ложе, по которому она могла бы стечь.

Революция – это хаос, во время которого совершается творческая работа. Хаос, конечно, ужасен. Но нервными жалобами, стонами, разглашением панических слухов его не преодолеешь.

Надо строить и созидать. На место старой крепостнической дисциплины надо воссоздавать другие формы дисциплины общественной, более осмысленной. Конечно, при нынешних ненормальных условиях всякие новые постройки будут неизбежно несовершенны. Не будем этим особенно смущаться. Придет время и для ремонта. Главное, надо строить как можно скорее, как можно больше. Каждый человек, как бы взвинчен он ни был, поставленный у реального дела, за ход которого он несет ответственность, очень быстро приходит в разум. Поэтому основным началом нового строительства должна быть ясная личная ответственность каждого за порученное ему дело. Главное – не следует давать укрываться от такой ответственности за призрачной стеной «коллективов» и «коллегий». При создании всякой общественной организации надо, чтобы были люди вполне ответственные. Создают ли органы защиты граждан, или снабжения их продовольствием – принцип должен быть один и тот же. Только организацией, творчеством, сопряженным с повышением чувства ответственности строителей, мы преодолеем нынешний хаос, создадим вместо разрушенного новый порядок.

Конечно, положение наше безмерно осложняется войной. Война должна занимать первое место во всех наших мыслях и планах. Победа Вильгельма означает не только унижение и ослабление России, но и смертельный удар по только что завоеванной свободе. Теперь Вильгельм – единственный оплот реакции не только в Европе, но и во всем мире. Это – аксиома, которую едва ли кто решится отрицать.

Боеспособность нашей армии – самая насущная задача минуты. Если мы видим, что известные действия расшатывают силу нашей армии, ослабляют работоспособность изготавливающих снаряжение заводов и т. д., то против них следует бороться с величайшей энергией. Тут не может быть никаких умалчиваний, никаких смягчений. Такого рода зло должно быть открыто обличено. Печать уже указала, какой вред в этом отношении принес известный злосчастный приказ Совета рабочих и солдатских депутатов № 1. Следует также немедленно заняться восстановлением максимальной дееспособности наших работающих на оборону заводов. Не может быть сомнения, что сами рабочие немедленно пойдут навстречу Временному Правительству, когда им будут указаны конкретные меры, настоятельно необходимые для повышения производства снарядов и оружия.

В области обороны не может быть ни смягчений, ни недоговоренности.

Что же касается всего остального, то тут душевная бодрость и отсутствие излишней нервности вернейший способ выбраться из хаоса и организовать стихию.

Речь. 1917, 11 марта. № 60.

16 МАРТА 1917 г. РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ («РЕЧЬ»)

Лишь в последнее время начинает в сознании русского общества выявляться в своем значении вопрос украинский. Блестяще проведенная украинская демонстрация в Петрограде 12 марта, в прошлое воскресенье, обратила на него внимание широких слоев народа, и нельзя не отметить с чувством глубокого удовлетворения этого ее значения. Ибо вопрос украинский является в настоящее время одним из важнейших вопросов, стоящих перед русской демократией. Благодаря вековой, неразрывной на протяжении всей нашей истории племенной близости, непрерывного взаимодействия народных культур, особенно за последние три столетия, и широкого смешения украинского и русского населения, всякое решение украинского вопроса неизбежно должно было коснуться самых глубоких, самых интимных сторон русской жизни, и неправильное его разрешение могло исключительно болезненно отразиться на всем ее будущем.

Нельзя отрицать, что за последние годы и здесь, как во всех сторонах нашей жизни, начали проявляться грозные признаки, грозившие неисчислимыми бедствиями. Под влиянием гонений и притеснений, непризнания самых элементарных человеческих прав украинцев начинало проникать расслоение в недра русского народа и общества – среди нас самих, среди отдельных членов одной и той же деревни начинало зарождаться чувство отчужденности. Проявление отсутствия чувства общего отечества. И за последний год – под влиянием безумной политики правительства, в переживаемую нами эпоху грозной войны – признаки глубокой внутренней розни становились все более заметными и должны были внушать беспокойство всякому, кто сознательно относится к судьбам родины.

Ибо нет ни одного национального движения в России, по отношению к которому старый строй действовал бы с таким цинизмом и безразличием, как к движению украинскому. С 1876 до 1905 года было запрещено – временами без всяких изъятий – печатать на украинском языке что бы то ни было; с начала этой войны украинская печать была под запретом. К ней была применена эта мера даже раньше, чем запрещена была печать на немецком языке. До самой революции украинская школа не допускалась и преподавание на малорусском языке считалось преступлением.

Невежественная бюрократия не стыдилась в официальных актах высмеивать украинский язык, имевший свою историю, свою литературу, являющийся одним из драгоценных духовных созданий самого близкого нам по крови и происхождению славянского племени, неразрывно с нами всей историей связанного. Безумцы думали, что если они будут не признавать существование такого языка, он действительно исчезнет с лица земли. Но они только плодили великий гнев в свободных сердцах и сеяли семена раздора в самые недра русского государства.

За эту войну была совершена ими еще одна крупнейшая государственная ошибка и вместе с тем величайшее преступление. Таким являлась политика Н.И. Иванова, гр. Бобринского, еп. Евлогия и всех их присных в Галиции, связанная с разрушением культурных созданий – школы, церкви, книги, общественных организаций украинского народа в зарубежной Руси, насильственная его русификация. Эти безумные меры вызвали резкое обострение антирусской ориентации широких слоев галицкого (и украинского вообще) общества и вместе с тем усилили германское влияние и германские возможности борьбы с нами.

Перед свободной русской демократией стоит великая задача исправления зла, нанесенного России этими ошибками и преступлениями. Она может сделать возможным то, что было невозможно при старом режиме: потушить поднявшиеся в самых глубинах нашей страны огни раздора. В свободной демократической России могут быть созданы формы жизни, которые дадут возможность полного, широкого и свободного развития украинского народа при сохранении государственного единства России. И мы видим, что сознание такой возможности проникло и в украинское общество – вся демонстрация 12 марта дает нам этому яркий пример и в речах, и в призывах, которые в ней раздавались.

Революция уже сделала свое дело. Украинская печать и украинские союзы свободны и уже возрождаются. Временное Правительство освободило гр. Шептицкого, арестованного вопреки всем международным соглашениям. Сейчас перед правительством стоит задача – дать свободу украинской школе и, очевидно, это будет сделано в ближайшее же время.

Но одной деятельности правительства недостаточно. Ни одно из национальных движений, какие идут в нашей стране и сейчас в свободной России получают возможность беспрепятственного развития, не затрагивает так глубоко всю русскую культуру и не проникнет при своем широком развитии так глубоко в исторически сложившийся уклад жизни русского общества, как движение украинское. Это должно понять русское общество, и русское общественное мнение должно обратить серьезное внимание на совершающееся в его среде изменение большого культурного значения, которое до сих пор непонятным образом им не сознавалось в достаточной степени. Оно – а не только правительство – должно активным образом сгладить возможные трения, создать необходимые формы дружной совместной работы.

Речь. 1917, 16 марта. № 64.

Веселовский Б.Б.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Пятьдесят лет шла у нас работа органов самоуправления; шаг за шагом закладывались ими основы будущей обновленной жизни страны. Долго ожидавшееся стало, наконец, фактом сегодняшнего дня. И теперь перед страной встает новая колоссальная задача – упрочить достигнутое, закрепить народные приобретения и тем самым создать прочную основу для дальнейшего поступательного развития мощных сил нашей родины.

И в такой момент исключительное значение приобретает самоуправление. В нем залог прочности обновленного строя, в нем живительная сила, нужная для огромной творческой работы. Культурно-политическая роль органов самоуправления теперь огромна, и еще большей она должна стать в ближайшее время. Организация, организация и организация – вот что так необходимо в переживаемый нами великий исторический момент. Надо спешить мобилизовать народные силы для положительной работы на местах, надо спешить превратить «людскую пыль» в организованное целое. И если это нам удастся, новый строй будет незыблемым, пустит глубокие корни в толщу народную, и никакие покушения на реставрацию старого режима не будут опасны.

Вместе с тем организация, доходящая до самых низов, крайне важна теперь для успешного разрешения тех очередных задач, которые поставила перед страной преступная деятельность старого правительства: надо напрячь все силы, чтобы скорее наладить расстроенный механизм «тыла». Вся страна, весь народ должны напрячь свои силы, чтобы довести до победного конца войну, а для этого нужны опять-таки организация тыла и развитие работы органов самоуправления до максимума.

Временное правительство уже объявило, что одной из очередных задач является реформирование органов самоуправления (земских и городских) на широких демократических началах. В этой формуле скрывается, конечно, также: 1) введение земских учреждений повсеместно в стране, 2) введение волостного земства, 3) организация поселкового самоуправления, 4) реформирование местных финансов и 5) пересмотр всех устаревших узаконений, стесняющих компетенцию и самостоятельность органов самоуправления.

Сюда же относится также устранение бывшей до сих пор двойственности в управлении на местах, искусственного разделения административного (бюрократического) и хозяйственного (самоуправляющегося) управления. Функции административного управления на местах должны быть переданы отныне демократическим органам самоуправления, и, в частности, в их ведении должна состоять и ими избираться местная полиция безопасности.

Время, однако, не ждет, и многое необходимо осуществить теперь же как в целях организации тыла, так и для упрочения нового строя. Что же должно быть выдвинуто в первую очередь?

Необходимо, прежде всего, усилить состав нынешних городских дум и земских собраний выбором в них гласных от широких слоев населения.

Наилучше всего это осуществить в земствах и более крупных городах выбором от «районных» городских дум, от волостных земских комитетов. Иначе говоря, теперь же должно быть приступлено к организации волостных земских комитетов и участковых городских дум. Эти учреждения пошлют затем своих представителей в уездное земство и в городскую думу. Уездные земства в таком пополненном составе выберут добавочное количество губернских земских гласных.

Число новых гласных, нецензовых, должно быть не менее существующего числа гласных. Само собою разумеется, что новому пополненному составу гласных должна быть предоставлена полная свобода работы и, в частности, выбора в исполнительные органы.

Задача городских и земских самоуправлений – скорее организовать милицию. Уездные земские собрания должны избрать уездного комиссара и временно, пока не сорганизируются волостные земские комитеты, волостных комиссаров. Аналогично должны действовать и городские думы. Обязанности губернаторов указом временного правительства переданы представителям губернских земских управ и городским головам там, где нет земства. При реформировании всего местного строя в дальнейшем необходимо поставить вопрос о выборе и этих должностных лиц губернскими земствами, реформированными на демократических началах.

Организация милиции – это первая задача на местах; вторая – организация продовольствия. Для успешного ее разрешения необходимы те волостные комитеты и мелкие городские ячейки, о которых упоминалось выше. Вместе с тем немедленно необходимо: 1) передать все продовольственное дело из рук земских начальников земствам; 2) предоставить выбор уполномоченных министерства земледелия по закупкам губернским земским собраниям.

Вот ближайшие задачи органов самоуправления.

Не медля следует также устранить искусственные наслоения последнего времени и передать всецело земствам и городам средства и функции: 1) попечительства о народной трезвости и 2) разных комитетов, возникших в последнее время (романовский и татьянинский комитеты, верховный совет и проч.).

Заря новой жизни занялась в стране, и для упрочения достигнутого необходимы упорный труд на местах, укрепление и расширение начал самоуправления. Перед земствами и городами, всячески сдавливавшимся старым режимом, открывается теперь необъятное поле творческой работы; они вырастают теперь в фактор огромной культурной и политической важности.

Русское слово. 1917, 16 марта. № 60.

17 МАРТА 1917 г.

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ («РЕЧЬ»)

После манифеста о восстановлении конституции Финляндии Временное Правительство публикует сегодня второй акт капитальной важности, касающийся другой народности, судьба которой соединена с судьбой России, – народности польской. Издание этого акта, видимо, потребовало несколько более длительной подготовки, чем издание акта о Финляндии. Это и вполне понятно. Содержание финляндского акта с полной точностью определилось той долгой конституционной борьбой, которую Финляндия в союзе с русскими прогрессивными партиями вела против произвола и насилия старого правительства. Финляндия свободна от вражеской оккупации; она организована в государственном и партийном отношении, и ее общественное мнение по тем коренным вопросам, которые затронуты в манифесте, давно и вполне едино. Не таково положение Польши. Ее ответственные деятели частью остались в оккупированном крае, частью рассеяны по нейтральным и союзным странам. Ориентация тех и других далеко не одинакова, и хотя главная цель у всех поляков одна – независимость Польши, но взгляды на приемы и способы достижения цели весьма разнообразны. С другой стороны, разнообразны были и проекты решения польского вопроса русскими деятелями. Неопределенные и уклончивые обещания старого правительства, неудачные обсуждения секретных комиссий, разнообразные проекты решений, выдвинутые разными политическими партиями, – все это спутывало и затрудняло до крайности правильное разрешение польского вопроса. Наши враги с большим искусством использовали наши колебания и промедления и успели выступить в необычной и странной роли инициаторов польского освобождения. Польского общественного мнения они этим не обманули. Но поляки не могли не воспользоваться представившимися им возможностями, в которых Россия упорно им отказывала. И надо признать, они воспользовались германскими уступками с большим искусством. Мало-помалу они обеспечили себе национальное самоуправление, национальную школу, национальный суд – и, наконец, начатки многожданной национальной государственности. По слухам, в ближайшем будущем предполагалось увенчать германское здание польской государственности соединением польской и русской доли и возглавить его германским династом в роли польского короля.

Русская революция внесла в запутанное дело неожиданную и полную ясность. Границы и пределы, которые приходилось блюсти в рамках низвергнутого старого режима, сами собой теперь упразднились. Великий масштаб русских событий придал и решению польского вопроса новый, более смелый размах. Освобожденный народ не мог отказать народу-брату в признании того же права на государственное самоопределение, какое он завоевал для самого себя. Это сразу открывало путь для удовлетворения заветнейшего желания, объединившего поляков всех политических оттенков: желания польской национальной и государственной независимости.

Временное Правительство смело и решительно пошло навстречу сложившемуся таким образом новому положению. Употребив несколько дней на переговоры с польскими кругами, а также и с представителями поддерживающих его политических организаций Комитета Гос. Думы и Совета рабочих депутатов, Временное Правительство выработало воззвание к полякам, которое сегодня появляется в печати.

Тон нового правительственного акта соответствует характеру разрешенного вопроса. Это не финляндский манифест, с его точными юридическими определениями и с его строгой формой, напоминающей подтверждения прежних государей. Это горячий и пламенный призыв, обращенный в будущее. Поляки призываются оценить всю ту глубину перемены, которая расширила рамки решения польского вопроса. Россия, отныне и навсегда свободная, зовет их в ряды борцов за свободу, за славянство, против остатков старого деспотизма, против векового врага, выдвинувшего идею «срединной Европы» как первый этап мирового владычества. Поляки призываются здесь не к новому для них делу, а к восстановлению своих старых славных традиций. Старый лозунг освободительной борьбы «за нашу и вашу свободу» ныне оживает с новой, «несокрушимой» силой. Его окружают все те лозунги победившей России, которые обеспечивают воле народной полное и свободной выражение, а меньшинствам народным – справедливое признание и защиту. В воззвании нет ни одного слова, которое могло бы вызвать возражение поляков или разойтись со стремлениями всего польского народа. Призыв Временного Правительства есть истинно братский призыв, и он не может не встретить истинно братского отклика. Еще одно звено цепи, сковывавшей старый одряхлевший мир, ныне с треском сорвалось и кануло в вечность. Счастливы современники, которым дано пережить подобные великие минуты всемирного освобождения.

* * *

Всеобщее избирательное право, не распространяющееся на женщин, на половину человечества, есть бессмыслица и обман. Между тем в целом ряде мировых культурных демократий этот обман как бы признается законным и разумным. Не только во Франции и Германии, признавших всеобщее избирательное право, женщины не пользуются политическими правами, но и в великой заатлантической республике справедливость восторжествовала не во всех штатах.

Россия в этом отношении идет впереди великих стран старой культуры. С 1906 года в Финляндии уже существует действительное всеобщее избирательное право, и женщины пользуются всеми правами. То, чем пользуются женщины Финляндии, не может не быть предоставлено женщинам остальных частей государства Российского. Для партии народной свободы этот вопрос, насколько нам известно, уже не представляет никакого вопроса. Права женщин признаны всеми. Женщины в отсутствие своих мужей, ушедших в окопы защищать родину, вели и свое хозяйство, работали на оборону, пополняли бреши, образовавшиеся в общественном хозяйстве вследствие убыли муж-

ской силы. В той кровавой борьбе, которая десятилетиями велась, в борьбе с самодержавной властью за свободу России, женщины осуществили полное равноправие. И по естественному и по моральному праву женщина завоевала себе равноправие. Опыт близкой нам Финляндии, вслед за опытом американских и австралийских штатов, дал и практическое оправдание. В частности, опыт указывает, что наделение женщин правами всегда усиливало борьбу с алкоголизмом и проституцией. Так, конечно, будет и у нас. Надо ли распространяться, как важно России на заре своей свободной жизни утвердить трезвость среди населения, веками спаивавшегося в царских кабаках!..

Предоставление прав женщинам диктуется требованиями простейшей справедливости. Но и здравый политический расчет, и забота о культурном росте трезвой России побуждают нас возможно скорее и решительнее призвать женщин к политической деятельности, предоставив им права уже на выборах во всенародное Учредительное Собрание.

Речь. 1917, 17 марта. № 65.

Изгоев А.С.

РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА

Предчувствия и предсказания были. Самое сильное впечатление произвели слова П.Н. Милюкова, сказанные им в речи 16 декабря.

«Время не ждет, атмосфера насыщена электричеством, в воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, господа, где и когда грянет удар (голоса слева: «Верно. Правильно»)».

Через день был убит Распутин. Гроза приближалась. Я помню заседания фракции и центрального комитета партии народной свободы за последние два месяца. Они насыщены были революционными настроениями и предчувствиями катастрофы. Из уст казачьего депутата с правым уклоном впервые во фракции раздались откровенные слова: наши станичники говорят, что пора потянуть к ответу самого «полковника», сказать стране, что царь непригоден...

Но старую власть Бог покарал слепотой и глухотой. Она ничего не видела, не слышала, не слушала и не чувствовала. Царская семья все свои надежды возложила на распутинского ставленника, нервно-больного человека, в голове которого созрел план вызвать революционеров на улицы столицы и перестрелять их в полтора тысяч пулеметов, расставленных на крышах...

Собирая теперь мысленно все черты развертывавшихся перед нами величественных картин, восстанавливая в памяти, как в три дня вырвавшийся из подземных недр России пожар спалил трехвековую монархию и весь созданный ею полицейско-помещичий строй, нельзя не видеть и не понять, что тут действовала сверхиндивидуальная воля.

Революцию сделал вышедший на улицу петроградский пролетариат, говорит одно из популярных, наивных объяснений.

Рабочие (с ними и впереди них, как видно по жертвам субботнего расстрела, была наша учащаяся молодежь) вышли на улицу, как выходили они и раньше. Но если бы казаки по-старому напали на них, а не обратили свои нагайки против полиции, если бы хоть один полк нашел в себе нравственные силы стрелять в народ, если бы войска просто уклонились от вмешательства, предоставив полиции раздельваться с народом, – судьба февральского движения была бы та же самая, что и предыдущих волнений.

Но заговорила душа народа, одетого в серые солдатские шинели, громогласно заговорила совесть, запретившая братоубийство, и великий народ, три века сносивший тяжкое иго самодержавия, восстал. Настоящим революционером выступил тот, кто три дня тому назад искренно считал себя верноподданным царя и действительно был им. Жалким деревянным домиком показалось все это, с виду величественное, здание, построенное на голом насилии и обмане, и очищающий огонь в три дня пожрал его. А Россия немедленно заложила основы новой будущей власти, пока еще хилой, но жизнеспособной, любимой и святой, ибо с ней связаны наши надежды на спасение и процветание родины, наша вера в Россию. Огонь, пожравший Романовых и всю их государственную постройку, зажег в сердцах миллионов страстную любовь к России, тот самоотверженный патриотизм свободного гражданина, по которому так истосковались у нас истинно-государственные люди.

Как это случилось?

Революционный взрыв в лаве и пепле выбросил наружу лишь то, что уже было в недрах. Зародыши новой жизни уже росли...

Когда восстал народ, когда восстали солдаты, отказавшиеся стрелять в своих братьев, куда пошли они, к кому обратились?

К Государственной думе...

К Таврическому дворцу, и только к нему, потекли сначала разрозненные роты без офицеров, затем стройные полки в боевом порядке с командным составом, толпы народа и отдельные смятенные обыватели, автомобили и развалы с хлебом и баки с бензином. Вся и все в эти страшные великие дни потянулись к Государственной думе с восторженной надеждой и сосредоточенной любовью к ней в душе. Стотысячным массам были не известны, чужды и не понятны те напряженные партийные споры, которые шли там в то время, и под напором событий, не допускавших проволочек, решались в духе соглашения и уступок. Народная масса знала, видела и чувствовала в своей душе только одно целое: Государственную думу. В ней вся надежда. Тут – оплот. Вокруг нее вяжется новое государство, возрождаются новые государственные связи.

И четвертая Государственная дума, избранная по самому уродливому избирательному закону, под давлением низких агентов Саблера и Макарова, четвертая Дума, которой не бранил только ленивый, оказалась самой великой из всех русских Государственных дум. Кто же станет спорить, что по историческому своему значению IV Государственная дума уже теперь выше и первой «кадетской», и второй бессильно-левой, и третьей жалкой, правоокейбристской.

С чувством законного нравственного удовлетворения я позволю себе процитировать некоторые места из моей статьи в декабрьской книжке *Русской Мысли* за 1916 год:

«После 1 ноября можно было думать, что и политические младенцы поймут всю нелепость и фантастичность расчетов заменить народное представительство, хотя бы созданное по несправедливой избирательной системе, какими бы то ни было союзами, которые одно время так охотно и демонстративно противоплагались Гос[ударственной] думе. *Авторитеты эти несоизмеримы.* И если какое-либо учреждение сохранило теперь в России *государственный* авторитет, то, конечно, народное представительство, а не союзы, как бы полезна ни была их деятельность... Уйдет Гос[ударственная] дума – и в жизни нашей страны наступит мрак...»

Но, к великому счастью России, Государственная дума не ушла. Кроважадный безумец, заготовивший пулеметы на крышах, заготовил и указ о роспуске Гос[ударственной] думы, подписанный заблаговременно государем. Этот указ был даже объявлен... но уже в ту минуту казенная бумажка была не властна над жизнью...

Не будь Гос[ударственной] думы, у нас не было бы революции, а была бы сплошная, беспросветная анархия с постоянным кровопролитием, смутой и междоусобием, которые повлекли бы за собой или диктатуру какой-нибудь военной силы, или занятие нашей страны иностранными военными отрядами.

Так было в 1606–1613 годах. Не так, к счастью, началось в мартовские дни 1917 г. И вся задача русских людей, весь смысл их жизни и существования теперь должен свестись к тому, чтобы не так было и в дальнейшем.

Что же дало эту моральную силу физически бессильной четвертой Государственной думе?

И на этот вопрос может быть дан только один вполне определенный ответ: Четвертой Гос[ударственной] думе дал силу рожденный в патриотическом и национальном порыве *прогрессивный блок*. Прогрессивный блок – вот то зерно, из которого вырос появившийся на другой день после крушения монархии Романовых зачаток новой народной государственной власти. Не в программе, провозглашенной блоком, тут дело. Программа была сметена народным порывом и вместо нее поставлена другая, неизмеримо более широкая. Но в то же время народный порыв в полной мере использовал ту огромную моральную силу взаимного патриотического единения, которая и была главной ценностью блока. В то время как династия тонула в море грязи, шутовства и преступных своекорыстных расчетов, в то время как окружающая ее среда царедворцев по-старому занималась своими интригами, не думая о России, в то время как правящая бюрократия по-прежнему вела междуведомственные споры, спокойно писала бумаги и получала жалованье, в Госуд[арственной] думе люди, забыв свои старые споры и раздоры, объединились в могучем порыве, вызванном патриотической тревогой. Они объединились и создали скалу – блок. И эта скала, вздымаясь высоко среди волнующегося моря, стала видна всему народу. Голоса, раздававшиеся с этой скалы, дошли до народа.

В грозный час бури и могучие корабли, и утлые ладьи поплыли к этому маяку. Вокруг него собралась сила. Опираясь на эту силу, по всей России зазвучал голос председателя Государственной думы М.В. Родзянко. И нам довелось пережить неслыханное чудо: могучий голос простого русского гражданина заглушил жалкий лепет растерявшегося царя, предавшего свою родину.

Николай II губил Россию; М.В. Родзянко спасал ее. Зов его слышали и в хижинах, и во дворцах, в солдатских казармах и в ставках главнокомандующих. Перед Временным правительством, по почину Государственной думы возникшим, преклонились и граждане, и солдаты, и офицеры, и генералы, и Михаил, своим братом назначенный царем, но отрекшийся от престола до выявления воли народной...

В неделю Временное правительство было признано всей страной, и мы не видели пока ни одной сколько-нибудь серьезной контрреволюционной попытки. Но этого мало. Рожденная революцией новая власть оказалась в состоянии тотчас же вступить в заведывание государственными делами. Конечно, тут было, есть и будет немало трений, путаницы, неудач, быть может, и крупных. Но нельзя же забывать, что мы живем на почве, взрытой землетрясением, которое еще не прекратилось. Еще течет лава из вулканов, сыплется пепел и каменный дождь, горит земля под нашими ногами. И все-таки уже началась и идет государственная работа, новое свободное государственное строительство освобожденного великого народа. Это ли не чудо, перед которым должно умолкнуть нытье скептиков и пессимистов? Не охайте и не вздыхайте по поводу тысячи неприятностей и неудач. Поймите, что их неизмеримо меньше, чем могло бы быть. Работайте и помогайте тем людям, которые в эти исключительные дни ввалили себе на плечи неизмеримые тягости и несли их, пока буквально не падали под ношей...

Я видел в эти дни многих членов четвертой Гос[ударственной] думы, этих ранее знакомых мне членов четвертой Думы, и изумлялся, и не верил своим глазам. Как мгновенно выросли они! Какими сильными оказались они, вчера еще бессильные! И я понял, что тут была собрана уцелевшая от клещей самодержавия русская государственная культура. Только благодаря наличию этой культуры наша революция не выродилась в анархию, а на другой же день после свержения старой власти оказалась в силах воссоздать новую.

Если послам союзных с нами держав было с кем говорить, не прерывая сложной нити дипломатических сношений, то, конечно, потому, что русское народное представительство выдвинуло П.Н. Милюкова. Если еще под грохот ружейной и пулеметной стрельбы на улицах Петрограда в одной из зал состоялось заседание Особого Совещания по обороне, то только потому, что А.И. Гучков годами работал над этим делом и был знаком и с людьми, и с вещами. Теперь полностью выяснилось и значение такой, с виду неважной, меры, как участие депутатов и общественных деятелей в особых совещаниях. Этим путем новые люди вошли в /с. 30/ рабочую машину старого режима. Благодаря этому оказалось возможным безболезненно овладеть машиной и в короткий срок пустить в движение старые колеса до замены их новыми или до ремонта.

В Госуд[арственной] думе собиралась и нарастала государственная культура свободного русского народа.

Не спору, быть может, многие сотни и тысячи из тех, кто пропал в бездействии, по воле самодержавного владыки, в изгнании за границей, в тюремных казематах или в сибирской ссылке, могли бы принести больше пользы, занимая места нынешних членов Гос[ударственной] думы. Весьма возможно и даже вероятно. Старый режим безбожно губил и расточал и человеческие и материальные силы России. Но надо исходить из того, что есть и что проявилось.

А было следующее. В народном представительстве, даже искаженном преступным актом 3 июня, росла и зрела государственная культура России. И когда пробил великий час освобождения и призвал деятелей к работе, эта накопленная культурная сила оправдала себя.

Вывод: берегите культуру! Используйте каждую культурную силу! Их немного у нас, они нарождаются и нарастают медленно. Революции уничтожают негодную власть, дотла сжигают то ложное, что держится только насилием. Но революции никогда не уничтожают культурной традиции, а наоборот, пользуются всеми ее соками и ростками. Это исторически доказано для Французской революции. Это мы воочию видим и ощущаем теперь, в торжественные дни величайшей из бывших доселе мировых революций, – революции русской...

Петроград, 21 марта 1917 года.

Русская свобода. 1917. № 1. С. 26–30.

22 МАРТА 1917 г.

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ («РЕЧЬ»)

Вслед за амнистией и отменой смертной казни сегодня широко разнесется по лицу земли Русской благая весть о раскрепощении инородцев, об отмене унижительных, оскорбляющих человеческое достоинство национальных и вероисповедных ограничений.

Русская революция в полном смысле слова может быть названа великой: в тот момент, когда горят еще страсти, когда еще так наглядно живо воспоминание о ненавистном режиме, революция несет мир и забвение, и восстанавливает значение человеческой личности.

По отношению к инородцам, и в частности евреям, сегодняшнее постановление является актом элементарной справедливости, повелительным долгом чести. Сегодня, в этот торжественный день, не хочется возвращаться мыслью и чувством к тем поистине крестным мукам и страданиям, которые пришлось евреям претерпеть от старого режима. Пускались в ход самые разнообразные обвинения против евреев – то они эксплуатируют коренное население, то, напротив, они стоят во главе освободительного движения, то они паразиты и тунеядцы, то они слишком энергичны и деятельны. И сообразно этому одно ограничение громоздилось на другое. В течение долгих лет беспрерывно со-

вершался пересмотр законов о евреях, сотни раз констатировалось, что все эти ограничения вредны, что все обвинения не имеют под собой никакой фактической подкладки. Но все было тщетно, ибо инородческий вопрос сделался для старого режима козлом отпущения, при помощи которого он оправдывал свое бессилие, свою гнилость и негодность. Именно поэтому царизм не щадил ничего, когда речь шла об ущемлении инородцев. Он не задумался, например, расстроить акционерное дело, лишь бы ограничить участие евреев; он не остановился перед охлаждением отношений к Америке, лишь бы не дозволить иностранным евреям свободно въезжать в Россию. Так как в гонении на евреев, в разжигании ненависти царизм видел средство к поддержанию своего существования, то нужно ли удивляться, что он все готов был принести этому в жертву, и что поэтому положение инородцев было безмерно тяжело.

Сегодня эта позорная страница нашей государственности закрыта, сегодня открывается новая эра. Какова бы ни была дальнейшая судьба этого благородного акта русской революции, день 21 марта не забудется никогда. Те чувства, которые радостно волнуют сегодня миллионы сердец у нас и за границей, не испарятся; они кристаллизуются и передадутся потомству в восторженных рассказах и трогательных легендах.

По отношению к инородцам сегодняшний акт является элементарной справедливостью. Но по отношению к России он является суровой и неотложной необходимостью. Бесправие тяжело отражалось на всем строе государственности. Такой гнет не только не угашал духа евреев, но напротив, возбуждал их к сознательности и борьбе. Вместо прежней покорной и трусливой массы явилась нация с высоко, болезненно развитым чувством собственного достоинства, с непреклонным стремлением к освобождению и культурному самоопределению. Напротив, как это всегда бывает, притеснители сами гораздо больше страдали от такого положения. Бесправие служило неиссякаемым источником произвола и продажности. Бесправие инородцев держало Россию в тисках произвола. Если бы не было даже никаких других препятствий, то такое положение евреев было непреодолимой препоной для водворения правового строя. Нельзя одной рукой осуществлять законность, а другой поддерживать произвол. Все области государственной жизни неразрывно и органически связаны между собою, и если одна из них заражена бесправием, оно быстро и неудержимо проникает всюду.

Вот почему на заре новой жизни, когда нужно покончить со всеми язвами старого режима, постановление об отмене национальных и вероисповедных ограничений являлось неотложной государственной необходимостью. Не нужно скрывать от себя, что одним росчерком пера нельзя искоренить тех традиций, которые успел накопить старый режим. Но тем более необходимо было сделать это сегодня, а не завтра. В ярком пламени революции, горящем в сердцах всех верных сынов своей родины, они скорее и легче испепелятся, и когда после объединенных мощных усилий нам удастся вернуть страну к нормальной жизни, когда вся энергия должна будет быть использована, чтобы залечить сочащиеся раны, за этой дружной работой, одушевляемой горячим

патриотизмом, навсегда пусть будут забыты рознь и взаимное недоверие, которые сеял старый режим.

* * *

Общественное мнение с нетерпением ждало объявления нового правительства по земельному вопросу. Оно появилось и, несомненно, своей ясностью и откровенностью поможет направить народную мысль по единственно верному законному пути. Временное правительство признает земельный вопрос «первейшим» и не выражает никаких сомнений, что он «станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании».

Но в то же время правительство твердо заявляет, что «земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата». Насилие и грабежи – самое опасное средство в области экономических отношений, и только «враги народа могут толкать его на такой гибельный путь».

Всякий захват приведет к смуте и междоусобию, и даром захваченное будет стоить слишком дорого. Все сколько-нибудь разумные политические партии стоят на этой точке зрения. Самая крайняя из аграрных социалистических групп, социалисты-революционеры, высказались против захватов, и надо думать, они смогут противостать демагогической волне.

Временное Правительство постановило учредить ныне же при министре земледелия особый земельный комитет для предварительной разработки земельного вопроса. Это единственное, что теперь возможно сделать. По опыту первой и второй Гос. Дум русское общество должно знать, что одними речами земельного вопроса не решить. Сотни ораторов склоняли в разных падежах слово «земля», но дело от этих разговоров не двигалось вперед. Правительство чинило obstruction, не давало думским комиссиям материалов, без которых немислима какая-нибудь серьезная работа и которые могли быть только в распоряжении правительства.

Новое Временное правительство намерено ко времени созыва Учредительного собрания представить ему свежие и ценные материалы. Люди, которых интересует земельный вопрос, должны помочь правительству как поддержанием порядка на местах, так и участием в предварительном обсуждении этого «первейшего», но и сложнейшего вопроса, кровно связанного с особенностями каждой данной местности.

Речь. 1917, 22 марта. № 69.

Петрищев А.Б.

К ПОСТАНОВКЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВОПРОСА

Временное правительство постановило учредить особый земельный комитет. Две мысли положены в основу этого постановления. Правительство признает земельный вопрос «первейшим среди самых серьезных вопросов», «планомерное и целесообразное разрешение которых необходимо для бла-

госостояния государства». Он должен быть решен согласно «заветной мечте многих поколений всего земледельческого населения страны». Конечно, он «не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата», и «только враги народа могут толкать его на гибельный путь» насилий и грабежей. Решение вопроса о земле должно быть положительным, удовлетворяющим чаяния крестьян. Оно может быть и должно быть только государственным, основанным на законе, который будет установлен разумом и волей самого народа, его представителей в законодательном собрании.

Давно родилось в русском крестьянстве требование «земли». И особенное место в народных крестьянских представлениях занимает все то, что связывается с этим словом: «земля». В крестьянских приговорах 1905 г., вызванных Манифестом 17-го октября, ярко отражалось недоумение и недоверие, вызванное тем, что в Манифесте ни слова не говорилось о земле. Между тем, как указывалось, например, в одном из приговоров крестьянами Жиздринского уезда, «без земли» не может быть и свободы, при сохранении данных земельных отношений и при данной экономической зависимости малоземельного земледельца от землевладельца не могут быть обеспечены за крестьянством обещанные Манифестом права. «Земли не будет, ничего не будет» – ни прав у народа, ни порядка в государстве. Русская публицистика вскрыла смысл этих крестьянских заявлений. Она выяснила, что в основе крестьянских требований о земле лежит не только классовый интерес земледельца, но и государственная забота о том, чтобы необходимый для России свободный строй зиждился на твердом фундаменте. Так было в 1905 г. Многочисленные известия из деревень свидетельствуют, что в сущности то же самое наблюдается и теперь: первый вопрос, который возникает у крестьян, лишь только они узнают о перевороте: «А как же насчет земли?»

Та же сущность. Те же, без сомнения, мысли. Но сами крестьяне уже не совсем те, что были в 1905 году. Они несколько больше воспитаны политически и несколько богаче организующими силами. Не те и условия. Не секрет, что в 1905 г. деревня мало надеялась, чтобы тогдашнее правительство согласилось «дать землю». Можно думать, что при нынешних условиях у крестьян с самого начала взгляды на новое правительство не столь пессимистичны. В 1905 г. деревня принялась решать земельный вопрос «самосильем». Без отдельных вспышек не обошлось, к сожалению, и теперь. Но в общем крестьянство предпочло ждать ответа на свой вопрос от правительства. И ответ не замедлен: земля будет.

Ответ дан. И вместе с тем этот не только первейший среди самых серьезных вопросов, но, быть может, и самый трудный вопрос переносится на почву практических постановок и деловых построений. Одна из любопытных черт 1905 г.: не все губернии охвачены были тогда аграрными волнениями, и среди губерний, наименее захваченных этим страшным злом, видное место занимали как раз те, где крестьяне под влиянием Крестьянского союза еще до Манифеста 17-го октября и октябрьских забастовок сочли долгом совместно обсудить как можно и должно решить вопрос о земле. Обсуждение быстро по-

казало крестьянам, какой это огромный вопрос, как он связан с самыми разнообразными отраслями государственной жизни, какой труд нужен, чтобы подойти к его решению. И сознание именно огромной сложности, важности и трудности удерживало от каких бы то ни было эксцессов. Тогда переход от лозунгов к практической постановке был спорадическим, вызванным усилиями отдельных организаций. Теперь стихийное стремление народа к земле ставится на государственные рельсы декретом власти.

Надо желать, чтобы новоучреждаемый особый земельный комитет стал центром всенародной подготовки к решению вопроса. И не только желать надо этого. К этому надо стремиться. Сила стихийного стремления к земле, сам по себе часто слепая, должна стать зрячей и направленной к творческим государственным целям. Надо, чтобы народ понял, какая великая задача ставится, подготовился к ней, мог сознательно отнестись к тому или другому из возможных решений. Задача воистину великая. И только в путях всенародной подготовленности к деловой постановке и только силами всего народа ее можно решить.

Русские ведомости. 1917, 22 марта. № 65.

Винавер М.М.

РАВЕНСТВО

Этот священный лозунг освободительного движения, стоящий во главе всех программ всех демократических партий, наконец, получил воплощение в жизнь. 20-го марта Временным правительством подписан декрет об отмене всех национальных и вероисповедных ограничений.

По глубине и всеобъемлющему характеру основного принципа это – один из важнейших, если не важнейший, акт Временного правительства. Акт отменяет ограничения всех национальностей и всех вероисповеданий, но главную центральной частью является при наших условиях утверждение еврейского равноправия. В этой сфере приходилось отменять так много, что правительство предпочло форму отмены без подробного перечня отменяемых статей: не только составление, но и печатание такого перечня слишком затруднило бы издание закона. Форма, избранная правительством, явилась результатом компромисса. В совещании партии народной свободы еще 8-го марта решено было в видах ускорения предложить правительству издать общий декрет об отмене всех ограничений, без всякого перечня. Редакция такого проекта и выработана была Ф.Ф. Кокошкиным и пишущим эти строки. Но министерство юстиции, от имени которого вносился проект, настаивало на полном перечне. Убедившись вскоре в крайней затруднительности этого порядка, оно пошло на уступки, и в результате взаимных переговоров создан нынешний компромиссный план, оказавшийся в конце концов вполне удачным. Все это замедлило несколько издание закона. К счастью, промедление оказалось не

слишком значительным, и крупнейший из эмансипационных актов нашего времени, наконец, увидел свет.

В многовековой истории еврейского народа 20-е марта окажется датой глубоко знаменательной. Евреи везде страдали под гнетом бесправия, но нигде пропасть между мерой бесправия и достигнутой степенью свободы не была так глубока, как у нас. Евреи раскрепощались всюду под дуновением свободы, и Россия является лишь последней из цивилизованных стран, признавших за евреем права гражданина. Но всюду евреи становились равноправными в качестве небольшой группы лиц иудейского вероисповедания, в России же они представляют многомиллионное ядро еврейства, и эмансипация застает его в качестве народа, сознающего свою государственную связь с обновленной родиной и приуроченного к развитию в условиях свободной жизни своих национальных и культурных идеалов. Акт эмансипации евреев в России открывает поэтому новую страницу не только в истории общечеловеческой гражданственности: он кроет в себе источник новых завоеваний в области национально-культурного творчества.

Он является и актом государственной эмансипации для всей России. Что в сфере жизни более приспособлено для поддержки старого режима, чем та сеть бесправия, которою окутано было еврейское население? Гражданская война между отдельными частями населения, создание кадров подкупных носителей власти, призванных якобы регулировать нормы бесправия, а в сущности развращающих население, искореняющих из души народа самое представление о праве как основе общежития, – такая схема отношений является всегда наиболее надежной опорой режима, основанного на деспотизме и угнетении. И самым жгучим кровавым доказательством этой истины является история погромов времен Плеве, история погромов, которыми правительство задушило русскую свободу после 17-го октября [1905 г.], и история шпионажного навета, которым подлое предательское правительство хотело лишь смыть с себя ответственность за позор, нанесенный им России.

Прочь эти кошмарные призраки... Отныне на протяжении всей нашей обновленной, радостно-восторженной родины, несть эллин, несть иудей. Еврейский народ, боровшийся дружно рука об руку с лучшими русскими людьми за долгожданную свободу, станет теперь как равный в ряду других на защиту общей матери-родины. Все свои силы, всю свою энергию мысли и воли он радостно понесет на выявление своих лучших национальных ценностей, на общее устройство общей свободной гражданской жизни страны.

Еще десять лет тому назад еврейский народ устами своих представителей в первой Думе заявил: «Россия дорога всем национальностям, ее населяющим. Они сознают, что, оросив ее поля своей кровью, обогрив ею все пути освободительного движения, они вправе считать себя ее сынами, и настанет час, когда они, сплотившись все вместе, связанные узами любви, будут отстаивать общие интересы единого отечества... Доколе будет существовать гражданское рабство, не будет умиротворения в стране. Мы пойдем только с тем правительством, которое будет соответствовать воле народа, ибо только это правитель-

ство поймет, в чем залог истинной свободы». Голос еврейского народа находил тогда отзвук в сердцах освободившейся от оков России. Заглушаемый потом в годы реакции, задавленный ужасами религиозных и всяких других наветов, он теперь опять раздается и громко зовет всех граждан, без различия веры и национальности, сплотиться в сознании равных обязанностей и равных прав около единого всенародного знамени, на котором написано: «Одоление врага внешнего, равенство и свобода жизни внутренней».

Русские ведомости. 1917, 22 марта. № 65.

Четвериков С.И.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ПРИБЫЛЬ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕЖИВАЕМОГО МОМЕНТА

Вероятно, недалеко то время, когда лозунг «Все для войны» должен смениться лозунгом «Все для страны». Переживаемый нами переворот в нашей национальной жизни по своим размерам и своей глубине превосходит все то, о чем повествует история человечества. Обновляются, как в период выздоровления при некоторых болезнях, все клеточки организма; в этом бурном процессе организм не только восстанавливается, но и радикально оздоравливается, но лишь при условии наивысших функций всех его частей. Если признать, что жизнь человечества течет в двух руслах – духовном и материальном, то в последнем доминирующую роль играет, несомненно, промышленность как слитное понятие капитала и труда. Про те задачи, которые выпадают на долю труда, я говорил в своей предыдущей статье (по поводу 8-часового рабочего дня). Эту заметку постараюсь выяснить ту роль и позицию, которые диктуются промышленности требованиями переживаемого момента ныне процесса обновления страны.

Нельзя скрывать от себя, что за время войны обнищали не только Россия, но и все воюющие страны. Скоро три года, как все металлы, топливо, шерсть, хлопок, кожи и, что самое гласное, коллективный труд почти всего человечества служат целям истребления, но не созидания. Если в деле воссоздания утраченных и восполнения недосозданных ценностей весь мир стоит перед невероятными трудностями, то в России, как прямой результат ее нормальной предшествовавшей жизни, эти трудности легко могут принять катастрофический характер.

Как ни странно, но не только темные народные массы, но и более осведомленные классы общества склонны изобилие денежных знаков отождествлять с обогащением. Если бы вопросы богатства страны разрешались печатным станком, изготавливающим денежные знаки, то экономика из области науки была бы низведена в область ремесла. Накопление денег, идущее параллельно с истощением объектов покупки, является синонимом не богатства, а нищеты. Если

присмотреться к теперешним условиям жизни массы, хотя бы в вопросе одежды, то условия эти должны характеризоваться словом «донашивание». Но самое понятие «донашивания» есть вместе с тем указание на приближающийся «конец». Нельзя упускать из виду, что годы войны не усилили, а ослабили работоспособность фабрик. Чрезмерно напряженная работа, т. е. усиленный процесс изнашивания, при невозможности своевременного и достаточного ремонта, создала для фабрик такие же условия, как и для локомотивов железных дорог. Если к этому присоединить невольные задержки при демобилизации работы с обороны на внутренний рынок и осуществляемое ныне сокращение рабочего времени, то станет очевидным, что не только массовому, но и нормальному требованию промышленности и торговля удовлетворить не могут. Требовать при таких условиях цен нормальных времен население России не вправе, так как создавшееся положение входит уже в область «непреодолимых сил», но требовать, чтобы это положение не служило поводом обогащения меньшинства за счет большинства, этого страна требовать, несомненно, вправе. Производительные силы – одинаково, как капитал, так и промышленный труд, – в эту переходную эпоху должны быть в *услужении страны*, поступаясь, хотя бы временно, тем привилегированным положением, которое ныне создала мировая конъюнктура капиталу и труду. В этом я усматриваю ту позицию, которую обязана в данный момент занять промышленность (как вышеупомянутый коллектив) по отношению к остальному населению; это диктуется не только самыми элементарными понятиями гражданского долга, но и необходимостью охранить свое достоинство и свое положение в среде остальных классов населения. Формулируя кратко, это положение выражается в *«ограничении промышленной и торговой прибыли»* на известное число лет, до наступления более нормального соотношения между спросом и предложением. Я не могу себе позволить детально касаться практического осуществления этого положения, так как сжатые рамки газетной статьи для этого недостаточны. Лично считаю этот вопрос практически вполне осуществимым, как равно и создание достаточных гарантий в том, чтобы доведенные до возможного минимума цены фабричные не разрослись в условиях розничной перепродажи. Обыватель-потребитель должен иметь уверенность, что он платит цену, созданную не чьим-либо произволом, а комплексом создавшихся исключительных условий жизни. Как на некоторые вехи укажу, что ограничение прибыли должно быть приурочено к стоимости товара, т. е. к обороту, но не к капиталу предприятия, так как капитал предприятия – понятие крайне условное и часто всего менее определяемое одним основным капиталом предприятия, а в гораздо большей степени капиталами: запасным, амортизационным, расширения предприятия и т. п. Соотношение этих капиталов к капиталу «основному» крайне разнообразно и неустойчиво. Закон должен точно определить размер *чистой* пользы, получаемой *на стоимость* товара, с тем, чтобы весь излишек возвращался стране в форме пополнения – или общей государственной кассы, или в особый фонд по развитию тех же промышленных сил страны – устройством профессиональных школ, постройкой дорог, каналов и т. п. Все эти во-

просы являются частностями, сравнительно легко поддающимися разработке. Важно, чтобы промышленник знал, что на товар при себестоимости в 4 руб. он более (примерно) 30 коп. пользы взять не может. Возможно, что он, дабы не рисковать недобором пользы, будет назначать цену с пользой в 40–50 коп., мирясь таким образом с возвратом казне 10–20 коп. на аршин, – но едва ли будет основание добиваться пользы в 75 к. – 1 р., в результате для него бесполезной, а вместе с тем ставящей его в худшие условия по сбыту своего товара на рынке сравнительно с конкурентом, более тщательно калькулирующим свой товар. Все эти положения носят, конечно, схематический характер; важно осуществить принцип, который, охраняя материальные интересы массы, несомненно, создаст возможность более спокойного и главное сознательного ее отношения к причинам переживаемой невзгоды; но для того чтобы эта мера не потеряла и своей моральной ценности, нужно, чтобы инициатива ее исходила из промышленной среды. Это один из поводов появления этой заметки.

Утро России. 1917, 24 марта. № 79.

Грушевский М.С.

ВЕЛИКА ХВИЛЯ

Велика хвиля настала! Впали з України кайдани, в які прибрала її лукава політика Московського царства, коли визволений великими зусиллями український народ передав у свою опіку свою новоздобуту свободу!

Як тільки виявилася дійсна основа московської політики – її заміри трактувати українців не як вільних співників, а простих підданих московського царя, власність московського царства, – українське громадянство, його політичні провідники голосно й рішуче запротестували проти цього. Вже через чотири роки після підданства цареві маніфестом 1658 року вони проголосили своє підданство недійсним, свій зв'язок з Москвою розірваним. Але царський уряд, як раз узяв під свою руку український народ, так уже не хотів вертати йому волі – права рішати про себе. Використовуючи кожен внутрішню незгоду в українським громадянстві, класові і всякі інші суперечності, що розбивали єдність української політики, царський уряд нитку за ниткою сплітав міцні ретязі на український народ і нарешті привів його до того поневолення, до тієї безрадности і занепаду, в якому він опинився через сто років пізніше.

Всі героїчні зусилля, всі жертви і заходи кращих синів України в пізніші десятиліття зоставались без успіху. Російський спрут цупко тримав свою здобич, і тільки російська революція визволила нас, розтявши нервовий центр його. Ми знову стали з підданих громадянами, вільними і повноправними і можемо знову рішати про себе, становити право для себе і будувати долю свого народу, своєї землі. У вільній Російській республіці не може бути невольних народів, так само, як не може бути невольних людей!

Цю глибоку зміну в становищі нашого народу і нас, як його представників, ми мусимо в повній глибині відчуті і з неї зробити відповідні висновки. Минули ті обставини, коли ми мусіли виступати з петиціями, супліками, доказувати свої права навіть на культурне самоозначення, навіть на такі елементарні речі, як уживання своєї мови для своїх культурних потреб, допущення її до навчання в школі, до вживання в урядових установах і в суді. Ще рік тому українське громадянство силкувалося прихилити уряд і законодавні органи до того, щоб вони звели українську справу в Росії з мертвої точки, визнавши такі елементарні домагання: припинення репресій, відновлення скасованої з початком війни української преси і українських організацій, запровадження української мови в школі і в урядуванні. Ні уряд, що ще вірив тоді в можливість повного винищення українства в виняткових обставинах війни, ні російські парламентарні кола, ні поступове російське громадянство тоді не послухали нашого голосу. Українство залишилося на мертвій точці репресій аж до останньої хвилини. Система утисків на українство була доведена до небувалих крайностей – дійшла до свого вершка, небувалого від ганебного указу 1876 року, саме напередодні революції, що переставила українську справу в зовсім інші обставини, на зовсім інший ґрунт.

Нічого більш помилкового не може бути тепер, як витягнути старі українські петиції й подавати їх наново урядові як наші домагання в даний момент. Не може бути більшого непорозуміння в теперішній момент, як наші старі домагання вважати мірою українських потреб у теперішності і сповненням їх думати задовольнити потреби нинішнього українського життя. Те, чого ми домагалися п'ять, чотири, три, навіть рік тому, коли б дане було тоді, було б прийняте українським громадянством з щирою подякою, і дійсно могло б мати своє значення, було б добром для нашого народу, охоронило б його від переживання тяжких останніх літ, полегшило б йому дальший культурний похід. Воно розуміється, потрібне й тепер, мусить бути уділене негайно, щедро рукою, в розмірах найширших, вільних від усяких обмежень і застережень. Але воно ніяк не може вважатися задоволенням українських потреб, «розв'язанням українського питання» для даного моменту. Це треба з усією рішучістю сказати про останню заяву тимчасового уряду про його співчуття до «культурно-національного, самоозначення народностей Росії». Не про нього тепер річ і нікого воно тепер не інтересує на Україні. Українського питання вже нема. Є вільний, великий український народ, який будує свою долю в нових умовах свободи.

Великі події, пережиті нами, зняли гальми з скритої енергії нашого народу. Як здавлена пружина, вона підноситься перед здивованими очима чужих – і своїх.

Потреби і домагання України розгортаються у всій широті. Найбільше нещастя в цей час і для уряду, і для провідників громадянства – це не поспіти за скорим розгортанням домагань моменту.

Царський уряд, кінець кінцем, засудив себе на смерть тим, що не міг іти з походом життя і дурив себе думкою, що може його спинити або притримати,

відкласти задоволення навіть тих уміркованих вимог, які йому ставилися, на безконечні часи. Так можуть себе потопити і його наступники і всі, хто беруться керувати народним життям, чи нашим, чи загально-російським, коли будуть діяти старими споминами, задовольняючи ті мінімальні жадання, які ставилися в самих умовах життя, в тім черепашім поступі, яким воно поступало.

Остерігаємо їх від цього! Ми ж у кожному разі цих помилок не можемо робити! Мусимо тримати руку на пульсі народного життя і йти в ритм його биття. Воно тільки нам закон, йому ми мусимо коритись, його проголошувати всім, без огляду, чи воно буде їм приємне, чи ні.

Домагання, які висуває нинішня хвиля, можуть бути прикрою несподіванкою для багатьох. Але нема що робити! Мусимо їх ставити і проводити. Лагідно, по можності, і тактовно, скільки є змоги, – але рішуче, рішуче, рішуче! – як говорить старе прислів'я: твердо щодо самої речі, м'яко щодо форми.

Перед вагою моменту і відповідальністю, яку він кладе на всіх нас, мусять відступити на другий плян усякі інші огляди і рахунки.

Воля нашого народу мусить бути здійснена.

Новая Рада. 1917, 25 марта. № 1.

26 МАРТА 1917 г.

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ («ГРОЗА»)

Из Высочайшего Его Величества Манифеста 2 марта 1917 года видно, что Государь Император Николай II начавшиеся в Петрограде с 23 февраля народные волнения признал опасными для доведения войны с немцами до победы над ними. Ввиду же зависимости от этой победы всей судьбы России, чести ее воинства и блага народа, Царь Николай II, узнав, что Он якобы лично является препятствием скорейшей победы над врагами Отечества, из горячей любви Своей к России, решил устранить Себя как препятствие к победе и в этих видах отречься от Престола, сложив с Себя Верховную Власть ради лишь скорейшего одоления врага путем сплочения всех сил народных и тесного их объединения. Не желая, однако, расстаться с возлюбленным Своим Сыном и ввиду сознаваемой трудности для царя угодить всем подданным, Государь не пожелал ставить Сына Своего в тягостное положение, и потому престолонаследие передал брату Своему Великому Князю Михаилу Александровичу, завещав всему народу русскому повиноваться Царю и помочь Ему вывести Государство на путь победы, благоденствия и славы и призвав Бога на помощь России.

Великий Князь Михаил Александрович, узнав, что не все желают видеть его царем, согласился принять престол лишь после выраженного на то согласия всего народа.

Таким образом, внезапно, с 2 марта 1917 года, Россия осталась без Царя, без Верховной Власти и правительства, так как царские министры были перед тем заговорщиками арестованы. Власть же над Россией попала к людям, в руках которых оказалась сила, чтобы заставить признать себя властью.

Коснемся подробностей в дальнейшем, а пока скажем, что причиною народных волнений явились крайне плохие начальники, обратившие Самодержавие царское в самодержавие сановников: на Руси от сего водворился возмутительный произвол, в суды проникла кривда, в приказы лихоимство, а в церковь — инквизиция. В течение 8 лет мы боролись с этою неправдою черною, указывали на нее как на причину развивавшегося общего народного недовольства, и за это «Гроза» испытала неслыханные беззаконнейшие притеснения. Ни одна левая газета не подвергалась таким огромным и частым штрафам и тюремным заключениям по постановлениям властей и по суду, как «Гроза», поставившая на знамени своем Царское Самодержавие! И все эти бичи хлопали по ней за то, что газета, ради сохранения тою же Самодержавия и очищения его от грязи, осмеливалась указывать на нарушения сановниками законов и на их злоупотребления во исполнение законных своих обязанностей и даже личных указаний Царя. Несмотря на это, наши верноподданнейшие жалобы на злоупотреблявших министров, по их же докладам, неизменно оставались без последствий: такова горечь разочарования для нас — идеологов Самодержавия! Но мы не последуем примеру Илиодора, смешавшего Православную Церковь с митрополитом Владимиром и от Нее из-за преследований этого иезуита отрекшегося, и менее всего сваливаем вину в злоупотреблениях на Самодержавие. Царь сделал все, что Ему надлежало: для устранения кривды собрал Думу из выборных от народа лучших людей, и уже не Его вина, если произвол министров Думою от Него скрывался: с одной стороны, из-за нежелания иметь дело с Царской властью и в расчете воспользоваться народным раздражением для захвата власти, а с другой — вследствие продажи своей совести за те денежные подачки, которые им бросали министры-взяточники и казнокрады. Это молчаливое прикрытие зла и вызвало общее народное негодование при первом серьезном поводе в виде продолжительного неравномерного распределения хлеба, когда трудящийся люд по несколько дней оставался без хлеба, а власти намеренно или по преступному равнодушию не пришли ему на помощь.

Как бы то ни было, Россия очутилась ныне в крайне неопределенном положении безгосударственности.

Распоряжаются сейчас Россией две силы: помещичье-торгово-промышленная буржуазия в виде Исполнительного Комитета из членов Государственной Думы и рабоче-городская в лице Совета рабочих и крестьянских и солдатских депутатов (демократия). Направление этих двух сил различное и одно другое поглощающее: помещики, торговцы, промышленники и банкиры хотят оставить весь строй России неприкосновенным и только изменить управление государством, взяв его в свои руки, а войну продолжать для завоеваний; рабочие же, конторщики, приказчики и проч. желают отнять у богатых людей земли, рудники, фабрики и заводы и прекратить войну. Обе эти силы, по со-

глашению между собою, составили временное правительство из помещиков, купцов и банкиров, к коим придан от народников адвокат; опасаясь, однако, со стороны богачей неприязненных действий, народники учредили за министрами, составляющими правительство и за единомышленными с ними членами Госуд. Думы еще особый надзор из нескольких матерых революционеров для подчинения правительства своей воле, весьма сильной от поддержки Совета рабочих и солдатских депутатов вооруженными солдатами из тех же рабочих, крестьян и разных служащих. Продолжающаяся война и опасность захвата германцами России принуждает обе силы делать нехотя взаимные уступки, но рабочие уже вошли в переговоры с немцами и объявили условия мира со стороны России: отказ от целей войны – завоевания Константинополя для свободного прохода кораблей из Черного моря в Средиземное и от присоединения Галиции и Буковины с русскими людьми, стонущими под польско-немецким игом. Все спешат переделать Россию, но вопрос о будущем ее устройстве намечено решить Учредительному Собранию из выборных от народа: оно должно установить тот или другой государственный строй в России и распорядиться насчет всякого рода имуществ. Однако богачи начали свои собственные взгляды осуществлять, не дожидаясь народного собрания, и за ними по тому же пути пошли и рабочие: новые законы и основания государственного устройства уже провозглашаются то богачами (буржуазией), то рабочими (демократией). Так, богачи дали полное самоуправление Финляндии с отменой закона Госуд. Думы о равенстве прав русских с финляндцами; рабочие же подарили полякам независимость от России и обещали ее армянам, евреям, татарам и другим инородцам; богачи дали широкие права банкирам на эксплуатацию земель и лесов акционерными компаниями, а рабочие установили свои распорядки на заводах, лишив хозяев права ими распоряжаться; богачи для продолжения войны подчиняют солдат офицерам, рабочие подчинили офицеров солдатам, и солдаты, как более сильные, заставляют помещиков и купцов подчиняться своей воле: они запретили им выпускать отрекшегося Царя в Англию с Семейю, но заключили их под стражу, отрешили от верховного командования великого князя Николая Николаевича, и богачи вынуждены против воли своей соглашаться на все.

Что же касается наших задач, то, полагаем, ныне даже гимназисты понимают, что до решения народного собрания всякие попытки отдельных лиц, даже если их будут десятки, сотни, тысячи, установить что-либо свое взамен ныне управляющих Россией двух сил, заранее обречены на неудачу, и потому тех, кто кричит о воображаемой опасности со стороны приверженцев старого строя, надлежит считать или глупцами, или провокаторами, имеющими особые цели поднять междоусобицу в населении. Буде же весь народ захочет восстановить Самодержавие, то никакие, в свою очередь, попытки противников не в состоянии воспрепятствовать: народ также сметет противящихся его воле, как смахнул он взяточников и насильников.

Во Временном Правительстве видим мы ту силу, с которой нельзя не считаться, и бороться с которой при полученной ею власти является безум-

ным. Провозглашенные же этою самою силою свободы печати, слова, собраний и союзов, если только не являются пустым звуком или присвоенными только единомышленникам, могут дать нам только широкий простор к самодетельности: у нас, кроме Самодержавия, есть еще два государственных начала, которые надлежит отстаивать, – Православие и Русь. Оставаясь поэтому по-прежнему сторонниками Самодержавия как знамени и проводя его на Учредительном Собрании, как русские люди, будем стоять за Церковь Православную и за Русь Святую, громко провозгласив наше отечественное требование: **Россия для русских**. Наша же идеология Самодержавия никакой опасности для противников его не может составить. Если глубокий опыт жизни и знание народа русского о нас не обманывает, то мы предвидим, что ближайшим строем России будет вечевой, с всенародными голосованием важнейших законов, во время которого землепашцы получают всю казенную и частную землю, а рабочие заводы, рудники и фабрики, а затем, для закрепления и охраны сего коренного изменения государственного строя, народ русский вручит власть избранному им Самодержцу.

Гроза. 1917. 26 марта. № 892. С. 1–3.

Сталин И.В.

ПРОТИВ ФЕДЕРАЛИЗМА

В № 5 «Дело Народа» появилась статейка: «Россия – союз областей». Предлагается в ней ни больше ни меньше как превращение России в «союз областей», «федеральное государство». Слушайте:

«Пусть федеральное Российское государство примет от отдельных областей (Малороссия, Грузия, Сибирь, Туркестан и др.) атрибуты суверенитета... Но да даст оно отдельным областям внутренний суверенитет. Да будет создан предстоящим Учредительным собранием Российский союз областей».

Сказанное поясняет автор статейки (Иос. Окулич) следующим образом:

Пусть будет единая российская армия, единая монета, единая внешняя политика, единый верховный суд. Но, да будут свободны в самостоятельном творчестве новой жизни отдельные области единого государства. Если американцы уже в 1766 году... союзным договором создали «Соединенные Штаты», то неужели мы в 1917 году не можем создать прочного союза областей?»

Так говорит «Дело Народа».

Нельзя не признать, что статейка во многом интересна и, во всяком случае, оригинальна. Заинтересовывает также ее тон, высокаторжественный и, так сказать, «манифестичный» («да будет», «пусть будет»!).

При всем этом следует заметить, что в целом она представляет какое-то странное недоразумение, в основе же этого недоразумения лежит более чем легкое обращение с фактами из истории государственного строя Северо-Американских Соединенных Штатов (а также Швейцарии и Канады).

Что говорит нам эта история?

В 1776 году Соединенные Штаты представляли собой не федерацию, а конфедерацию дотоле независимых колоний или штатов. То есть были независимые колонии, но потом для защиты общих интересов против главным образом внешних врагов колонии заключают между собой союз (*конфедерация*), не переставая быть вполне независимыми государственными единицами. В шестидесятых годах XIX столетия происходит перелом в политической жизни страны: северные штаты требуют более прочного политического сближения штатов вопреки южным штатам, протестующим против «централизма» и ратующим за старый порядок. Возгорается «гражданская война», в результате которой северные штаты берут верх. В Америке устанавливается федерация, т. е. союз суверенных штатов, делящих власть с федеральным (центральным) правительством. Но такой порядок продолжается недолго. Федерация оказывается такой же переходной мерой, как и конфедерация. Борьба между штатами и центральным правительством не прекращается, двоевластие становится невыносимым, и в результате дальнейшей эволюции Соединенные Штаты из федерации превращаются в унитарное (слитное) государство с едиными конституционными нормами, с ограниченной автономией (не государственной, а административно-политической) штатов, допускаемой этими нормами. Название «федерация» по отношению к Соединенным Штатам превращается в пустой звук, давно уже не соответствующий действительному положению вещей.

То же самое нужно сказать о Швейцарии и Канаде, на которые также ссылается автор упомянутой статейки. Те же независимые штаты (кантоны) в начале истории, та же борьба за более прочное их объединение (война с Зондербундом в Швейцарии, борьба англичан с французами в Канаде), то же превращение в дальнейшем федерации в унитарное государство.

О чем же говорят эти факты?

Только о том, что в Америке, как и в Канаде и Швейцарии, развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идет не в пользу федерации, а *против* нее. Федерация есть переходная форма.

И это не случайно. Ибо развитие капитализма в его высших формах и связанное с ним расширение рамок хозяйственной территории с его централизующими тенденциями требуют не федеральной, а унитарной формы государственной жизни.

Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не беремся, конечно, повернуть назад колесо истории.

Но из этого следует, что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обреченной на исчезновение.

«Дело Народа» предлагает проделать в России опыт Соединенных Штатов 1776 года. Но есть ли хоть отдаленная аналогия между Соединенными Штатами 1776 года и Россией наших дней?

Тогда Соединенные Штаты представляли собой собрание независимых колоний, не связанных между собой и желавших связаться, по крайней мере,

конфедеративно. И это их желание было вполне понятно. Представляет ли нынешняя Россия что-либо подобное? Конечно, нет! Для всех ясно, что области в России (окраины) связаны с центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы.

Далее. Для того чтобы установить в Америке конфедерацию или федерацию, необходимо было *объединить* не связанные еще между собой колонии. И это было в интересах экономического развития Соединенных Штатов. Но для того чтобы превратить Россию в федерацию, пришлось бы *порвать* уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой, что совершенно неразумно и реакционно.

Наконец, Америка (так же, как и Канада, и Швейцария) разделяется на штаты (кантоны) не по национальному признаку, а по географическому. Там штаты развились из колоний-общин, независимо от их национального состава. В Соединенных Штатах имеется несколько десятков штатов, между тем как национальных групп всего 7–8. В Швейцарии существует 25 кантонов (областей), тогда как национальных групп всего 3. Не то в России. То, что принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии (Украина, Закавказье, Сибирь, Туркестан и др.), есть не простые географические области вроде Урала или Поволжья, а определенные уголки России с определенным бытом и (не русским) национальным составом населения. Именно поэтому автономия (или федерация) штатов в Америке или Швейцарии не только не решает национального вопроса (она и не преследует такой цели!), но даже не ставит его. Между тем автономию (или федерацию) областей России для того собственно и предлагают, чтобы поставить и решить национальный вопрос в России, ибо в основе разделения России на области лежит национальный признак.

Не ясно ли, что аналогия между Соединенными Штатами 1776 года и Россией наших дней искусственна и нелепа?

Не ясно ли, что федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?

Нет, предложение проделать в России опыт Америки 1776 года – положительно непригодно. Половинчато-переходная форма – федерация – не удовлетворяет и не может удовлетворить интересов демократии.

Решение национального вопроса должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно:

- 1) право на отделение для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;
- 2) политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции для областей, отличающихся известным национальным составом и остающихся в рамках целого.

Так и только так должен быть решен вопрос об областях в России.

Правда. 1917, 28 марта. № 19.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 3. 1917 март – октябрь. М., 1946. С. 23–28.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Вопрос о взаимоотношениях этих двух органов революционной России и об отношении к ним со стороны партий и общественного мнения страны выдвигается все более и более на первый план в ряду очередных задач, которые история ставит перед великим народом. Он начинает обсуждаться и на митингах, и в печати, и в дружеской беседе. Он уже становится линией водораздела между партиями и течениями.

Для социалистов-революционеров решение этого вопроса не может представлять особых затруднений. Партия трудовых масс, партия активного вмешательства живых сил страны в ход истории, социалисты-революционеры отказываются применять к перевороту и создавшимся во время его учреждениям масштаб узкого легализма. О том, какой орган в новом строе законно выше другого, нас не интересует. И вопросы такого публично-правового местничества оставляют нас в данный момент совершенно равнодушными. Здесь мы стоим всецело на точке зрения Лассалья, который в своей «Системе приобретенных прав», даже говоря о более устойчивой области гражданских отношений, восклицал: «...как мы можем спорить о незыблемости какого-нибудь отдельного правового явления, какой-нибудь палки, вбитой в историческую почву известных общественных отношений, когда самая почва потрясена великим землетрясением, и все, что на ней находилось, сдвинуто и разрушено».

Не входя в подробности образования органов новой власти, мы можем констатировать тот факт, что из революции, путем соглашения Гос[ударственной] думы в лице ее не предусмотренного Наказом исполнительного комитета, с исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов, выросло Временное правительство, являющееся фактически главным органом республиканского управления страной в настоящий переходный момент. Его роль — роль орудия, которое история дает нам в руки для продолжения переворота и закрепления основных свобод и демократических принципов. Пользуясь им в этих целях, мы и поддерживаем его, поддерживаем не токмо за страх, но и за совесть, пока оно не отклоняется от этой своей основной исторической задачи.

Оно не есть правительство социалистическое. В нем представлены преимущественно цензовое землевладение и различные оттенки буржуазии, финансовой, промышленной и принадлежащей к либеральным профессиям — буржуазии, политически вмещающейся между поддерживавшем еще столь недавно Столыпина октябризмом и левым социально-реформаторским кадетством.

Чистая от всяких примесей демократия и социализм находят в среде Временного правительства лишь одного выразителя.

Но — в этом сказывается своеобразная логика недавних событий — это столь буржуазное по своему составу правительство развернуло в первые же дни своего выступления настолько последовательную демократическую программу ближайших реформ — притом отчасти уже осуществляемых декретами — что в этом отношении и партия революционного социализма может оказать ис-

кренную поддержку Временному правительству. По этой программе могут группироваться для защиты укрепления первых приобретений революции и активные социалистические силы, конечные требования которых, несомненно, далеко заходят за пределы упомянутой программы.

Но здесь же начинается и другая сторона вопроса. Если возникло Временное правительство; если правительство это, несмотря на свой, в общем, буржуазный характер, является до сих пор органом крупных намечающихся реформ, то этим революционная Россия обязана тому факту, что еще в дни героической борьбы со старым строем возник, под названием Совета рабочих и солдатских депутатов, связующий центр народных и социалистических сил, сыгравший первостепенную роль в победном исходе революции. В него вошли люди, которые еще в начале февраля на ряде не прекращавшихся митингов, оставшихся мало знакомыми публике вследствие гнета цензуры, поднимали настроение рабочих. Они сблизили рабочих и солдатские элементы в момент начала борьбы. Они вывели своим выступлением из замешательства колеблющуюся, не знавшую, что начать, Думу. Короче сказать, они были движущей силой русской революции, ее сердцем и ее головой. Да и в настоящее время, несмотря на отдельные промахи и частные ошибки, они концентрируют в себе революционный напор трудовых и социалистических элементов.

Но именно поэтому для социалистов не может и существовать вопроса о двоевластии, на каждом шагу возбуждаемого робеющей буржуазией и паническими подголосками ее среди межеумочной прогрессивной интеллигенции. Властью является в данный момент Временное правительство, которое осуществляет – и поскольку оно осуществляет – свою программу. Но оно быстро потеряло бы свой реформаторский пыл, утратило бы свое значение органа совершения революции, если бы не находилось под постоянным контролем живого, хотя порой и очень бурлящего очага народной и социалистической энергии, воплощенного в Совете рабочих и солдатских депутатов и его исполнительном комитете. Прекрати этот орган свою подталкивающую и контролирующую деятельность, вступи он на путь «успокоения» масс, столь ревностно рекомендуемого ему доктринерами порядка, перестань он давить на Временное правительство – и само Временное правительство первым испытало бы напор притаившейся, но далеко не совсем уничтоженной реакции.

От него должен был бы отколоться тот выразитель крайней демократии и социализма, который именно потому и обладает таким удельным весом среди цензового и буржуазного правительства, что между ним и революционной Россией устанавливается, при посредстве исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов живой ток, отклоняющий равнодействующую консервативных и умеренных элементов страны влево. И в таком случае в рядах обезглавленного Временного правительства произошла бы дальнейшая дифференцировка, и верх взяли бы неминуемо не наиболее, а наименее демократические элементы, которые, в силу своего экономического и духовного сродства, потянули бы откровенно в сторону землевладения, капитала,

привилегий – словом, старой России. И тогда вопрос: не пережила ли бы Россия после своей февральской революции и свои июньские дни?

Реформирующая власть Временного правительства, подталкивающая и контролирующая деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов – так ставится вопрос и взаимодействии двух учреждений и об отношении к ним передовых демократов и последовательных социалистов.

Дело народа. 1917, 31 марта. № 14. С. 1.

Ландау Г.А.

ЕДИНАЯ РОССИЯ

Свободная нация в свободной России – таково естественное самочувствие и устремление малых народов, почувствовавших себя в наши дни освобожденными вместе с народом русским. Извне нередко легко может представиться, что преобладает первая часть лозунга, что задача национальной автономии отдельных народов опережает задачу строения единого свободного государства. В этом отчасти сказывается инерция уже старого, но ведь еще только вчерашнего самочувствия. Бессмысленное, безоглядное националистическое давление вчерашней российской государственности вызвало соответственное напряжение националистического же противогосударственного озлобления в подавляемых народах, сепаратистское настроение и идеологию, которые – при внезапно переменившихся обстоятельствах, открывших свободу для нестесняемых проявлений, – и вызвали в освобожденной России разбег отчуждения, накопившегося в России деспотической. Отчасти, впрочем, действует и другое: общая свободная государственность многими предполагается уже данной и, следовательно, само собою подразумеваемою; мысль же и действие направляются в ту сторону, которая ощущается во всяком случае как еще требующая защиты и осуществления.

А между тем отсюда получается – или во всяком случае может получиться – видимость, не только не соответствующая интересам как государственного целого, так и входящих в его состав народностей, но еще могущая существенно повредить и тем, и другим. В том сыром, предстроительном, предучредительном состоянии, в котором сейчас находится Россия, когда строить приходится все, и приходится строить спешно и решительно, когда дела месяцев и годов предопределять течение и судьбы десятилетий, – абберация лозунгов может иметь особо опасное социально-государственное значение. Некоторую опасность они могут представить и психологическую, вызвав неправильную, но широко распространенную ассоциацию между свободой и сепаратизмом, и тем самым связав противодействие второму с противодействием первой. Наболевшие застарелые чувства, привычные предрассудки и формулы сохраняют и в революционные эпохи необычайную живучесть, и пробиться сквозь них к подлинному пониманию действительности столь же трудно, как необходимо. В предреволюционное же время так же упорно с одной стороны считали, что единство целого требует подавления свободного развития частей, как неясно с другой стороны оценивали, «что для обеспечения мирного со-

существования народов недостаточно одной автономии от целого, нужны и центристремительная сила зависимости от целого, единства множества наций в целом единого государства»¹.

Для большей отчетливости развиваемого здесь взгляда я считаю нужным переместить обычную постановку национального вопроса. Обычно свободное государство предполагается, как само собою разумеющаяся предпосылка автономии живущих в нем национальностей, в настоящей статье я предполагаю, как нечто само собою разумеющееся, что в свободной России, многонародной и многопространственной, народам не может не быть дана свобода национальной жизни и самостоятельного творчества, как не может не быть дано широкое самоуправление различным ее составным областям, – и вопрос я ставлю о значении для этих задач общегосударственного единства.

При этом замечу, что суть вопроса заключается сейчас не в тех или иных формах, а только в устремлениях – к сепаратизму того или иного вида с одной стороны, или же с другой стороны – к единству. Форма сама по себе имеет второстепенное значение; и напр[имер] форма федерализма, которая считается обыкновенно воплощением наиболее далеко идущей автономии, на самом деле в истории бывала воплощением не сепаратистических, а объединительных тенденций. Из независимых ячеек путем федерации сложилось государство Соединенных Штатов Америки со все усиливающейся централизаторской тенденцией; из самостоятельных королевств, княжеств и вольных городов сложилась путем своеобразной федерации едино-централизованная Германская империя, неимоверно развившая после своего федеративного объединения не один только свой военный механизм – как нынче принято обыкновенно утверждать – но и научную культуру, материальную производительность и социальную организованность, в частности и сплоченность пролетарской организации. (Небезынтересно к тому же отметить сравнительную прогрессивность германского имперского представительства и законодательства по сравнению с представительством и законодательством ряда составных государств, при том как наиболее крупных, так и наиболее мелких.) Наконец, и в Англии федеративное устремление знаменует собою стремление к объединению; ибо в силу своеобразной структуры островного государства, некоторые из его колоний получили фактически полную независимость (под военным протекторатом метрополии); теперешнее империалистически-федеративное стремление ведет к тому, чтобы, сделав эти колонии участницами единой власти, возложить на них и бремя общих повинностей, и тем сплотить их в более тесное единство с метрополией; переход от автономии (колоний) к федерализму (Британской империи) знаменует здесь не ослабление единства, не увеличение сепаратизма, а наоборот, более тесное государственное объединение, рост централизации. Поэтому и представляется более правильным – не вдаваться в обманчивую привычность готовых форм и формул (а, пожалуй, нередко – простых слов), прикрывающих подчас весьма различное

¹ См. мою брошюру «Польско-еврейские отношения», 1915. Стр. 40. – *Примеч. автора.*

содержание, а остановиться лишь на самом содержании, – на противоположении основных тенденций, центробежной и центростремительной, сепаратистической и объединительной, тенденции к государственному расчленению и к государственному единству.

II

Задача удовлетворения национальных требований для нас может быть поставлена в плоскости общего вопроса разрешения требований всякой национальности, – а не в плоскости желаний одного какого-либо народа стать из угнетенного – угнетателем, из подчиненного – господствующим. Ибо добиваться для своего народа не только освобождения, самостоятельности, но и мощи, господства над другими – это дело силы, борьбы, ловкости, удачи; это не вопрос справедливости и правового обоснования. Но не о мощи какой-либо одной народности ставится здесь вопрос, а о совместном удовлетворении требований всякой народности. В этом отношении основным фактом, непосредственно бросающимся в глаза в области национальной проблемы всей восточной и юго-восточной Европы, является то обстоятельство, что национальности живут здесь не в территориальной раздельности, а в непрерывных переходах и смешениях. Конечно, имеются территории, более или менее сплошь населенные одною какою-либо народностью, но она же распространена и на соседних территориях вперемешку уже с народностями иными. Национальные смешения и чересполосица характерны для большинства местностей и народов России; причем разные национальности неравномерно сосредоточены и по различным социальным классам; так обстоит дело между армянами, грузинами и татарами; между литовцами, поляками и евреями; между литовцами, белорусами и русскими; между украинцами, поляками и евреями; между татарами и русскими – в соответственных частях России. Нация, в одних местах составляющая большинство населения, в других оказывается в меньшинстве, и обратно. Отсюда уже с первого взгляда ясно, что не только нельзя разделить территориально Россию так, чтобы соответственно распределились и нации, но ясно и другое: что в каждом из таких подразделений мы получим одну нацию, составляющую большинство, но, впрочем, не включенную в него целиком, и одну или даже две-три нации меньшинства. Я уже оставляю в стороне вопрос о совершенно неразрешимых взаимных претензиях, к какой автономной области отнести ту или иную территорию – к Польше или Литве, к Польше или Украине, к Литве или Белоруссии и т. п.; но даже предполагая эту стадию взаимных притязаний, споров, борьбы, как-нибудь превзойденной, мы остаемся перед совершенно неотвратимым фактом сосуществования двух (или больше) неравносильных национальных групп на сравнительно ограниченной территории. Согласно ходячим представлениям о национальной автономии территория эта организуется по национальному признаку (господствующей национальности); но численно-господствующая в данной области национальность до сих пор не была государственно-господствующей, и, следовательно, не имея готового аппарата власти, социального

руководительства и т. п., она еще только должна свое господство создать, утвердить. Претендуя не только на национальное преобладание, но и на всецело национальное построение своей области, но не владея таковым, а к тому же действуя в разбеге национальной победы, такая господствующая нация не может не вести с особой настойчивостью сугубо-националистической политики. И мы получим – вместо одной господствовавшей в России нации – множество господствующих (над соответствующими меньшинствами) наций по разным частям и углам России. Лет шесть назад при старом режиме всестороннего угнетения мне пришлось формулировать вопрос таким образом: «не появится ли на место единого зоологического национализма, господствовавшего на всю империю – по разным углам великой России, – целый зверинец маленьких национализмов, поедающих, кто что может»¹. Конечно, свержение старого строя меняет условия и характер процесса; однако дело ведь здесь не в абсолютном масштабе, а в относительном, – в сопоставлении процессов национального освобождения в единой российской государственности и в самодовлеющих автономных ее частях. А в этом отношении необходимо отметить, что национальное освобождение именно при нынешних условиях естественно получает в целом России и в отдельных, ставших самодовлеющими ее частях, существенно различное, почти противоположное направление. Российская самодержавная империя, построенная на всевозможных угнетениях, а в частности – и на угнетении национальном, раскрепощенная переворотом, получила толчок к отрицанию и свержению всякого гнет, в частности же и гнета национального. Главная масса предстоящей работы в русле общегосударственном естественно будет направлена по линии общегосударственного же строительства, по линии залечивания ран и болячек прошлого, по линии разрешения общеполитических и социальных задач. Если только рассчитывать на сколько-нибудь благополучное разрешение предстоящих задач, то его нельзя ожидать иначе, как путем всеобщих усилий, всеобщей работы, напряжений всех слоев и народов. Принудительно гнить Россия могла в гнете над народами и классами; оправиться Россия может только в содружной и свободной работе всех. Ни у одного ее народа, хотя бы численно господствующего, не хватит сил на угнетение или ограничение других при одновременном осуществлении гигантской задачи воссоздания государства. И потому, поскольку России суждено в свободе воскреснуть к творческой государственной жизни, в ней обеспечены свободная жизнь и самостоятельное развитие и отдельным ее национальностям. Совершенно иначе обстоит дело применительно к ее отдельным самодовлеющим частям, выделенным по национальному признаку.

Так как такие области предположительно должны быть организованы по национальному принципу, то здесь все внимание, вся работа, все усилия неизбежно будут устремлены под этим знаком; и, следовательно, над социальной и политической задачей неизбежно будет обладать первенством задача чисто национальная. А первенство национального созидания в многонациональной области не может не приводить к националистическому угнетению.

¹ См.: Там же. С. 35. – *Примеч. автора.*

Но и помимо специальных условий настоящей эпохи, и при рассмотрении вопроса в перспективе неопределенно длительного мирного существования, – не может подлежать сомнению, что наименее благоприятным для безболезненного разрешения национальной проблемы является государственная среда, включающая наряду с господствующей национальностью еще одно или два сравнительно малочисленные национальные меньшинства. Национальных трудностей не существует в однопациональном государстве, и потому трудности национального сожительства при преобладании одной национальности, имеющей рядом с собою еще национальное меньшинство, естественно разрешаются в сторону приближения к однопациональному типу, т. е. в сторону принудительного ассимилирования, подавления или выключения национальных меньшинств. Такая тенденция к национальному гнету возможна и в большой многонациональной империи, где национальностей множество и нет трагического *tête-a-tête* двух – слабого и сильного народов. Однако в этом случае угнетение множества народов достижимо лишь путем такого насилия, которое угрожает самому существованию государства. Ради самосохранения оно нуждается в сотрудничестве инородцев, и при многонациональности их – и при свободе в нем – подрывается смысл угнетения каких-либо отдельных групп. Когда свободное великое государство «объемлет много религий, помимо христианских и еврейской, и религии: магометанскую, буддийскую и друг[ие], оно не может процветать вне веротерпимости; когда оно объемлет множество рас и народов, оно не может свободно развиваться, не дав возможности жизни этим народам, ибо из них оно состоит и их содействием держится. Когда «империя» объемлет различные источники культуры, наряду с культурой господствующей – и другие, частью погасающие, но еще могущие ожить, частью нарождающиеся, но частью уже преисполненные сил, она может в качестве «империи» существовать, лишь не затрачивая сил на их внутреннее искоренение, не отравляя этих источников недовольством, не ввергая их, т. е. частью себя – в парализованное прозябание. В этом интерес великой многонациональной «империи», творческой и действенной, т. е. свободной и прогрессивной. В этом же и интерес населяющих ее народностей»... «Именно, являясь совместным бытием множества народов, сообща его составляющих и им управляющих, великое демократическое государство, свободная «империя», сильнее каждого местного, хотя бы и сильного коллектива, способно его обуздать, и может иметь интерес это сделать, – поскольку само из многих народов складывается и заинтересовано в их мирном сожительстве». И потому «соучастие в многонациональной «империи», если только она построена на принципе демократии и свободы, соединяет для них простор и мощь участия в великой силе с возможностью сохранить свою индивидуальность в среде множества национальных коллективов»¹.

¹ См. мою ст. «Еврейство и империя», в журнале «Национальные проблемы», № 1, 1915, а также упомянутую брошюру. Стр. 41. – *Примеч. автора.*

Именно в национальном отношении существование в многонациональном великом государстве, свободном и демократическом, выгоднее для отдельных национальностей, чем существование вдвоем (или втроем) в государстве небольшом. И в особенности это так для наций небольших, для наций, рассеянных на большем пространстве, для наций, в разных своих частях сосуществующих с различными другими национальностями, для наций, не обладающих собственной богатой культурой, сосредоточенных преимущественно в одном каком-либо социальном слое (напр[имер], крестьянском или торговом). Во всех подобных случаях государственное расчленение ведет к безысходным национальным угнетениям и грызне, а велико-государственное, в этом смысле «имперское» объединение – в предположении демократии и свободы – создает предпосылку свободной многонациональной жизни. Само собой разумеется, что эта свободная национальная жизнь требует и определенных государственных форм, соответствующих особенностям и строению отдельных наций, и что задача создания таких форм национального сожителства в многонациональном государстве представляет немало трудностей и сложностей. Но сейчас моей целью было столь же мало отрицать эти формы, как и выяснять их; моей целью было только отметить, что их следует отыскивать и создавать в устремлении к общегосударственному совместному существованию, к великогосударственному единству, а не в сепаратизме тщательно выделенных и отграниченных национальных, территориально-национальных ячеек. Единая, а не расчлененная Россия нужна нациям, ее населяющим, – в их национальном же интересе.

III

Было бы неполно и неискренне, если бы я ограничился в обосновании значения единства России для наций, ее населяющих, лишь одним их специфически-национальным интересом. Нации состоят из людей данной национальности; но люди данной национальности являются рабочими и купцами, крестьянами и инженерами, помещиками и чиновниками. Исключительное сосредоточение на национальном в нации, заслоняющее социальные и политические интересы ее состава, составляет одно из больших бедствий и ошибок нашего времени.

Довольно характерно это забвение проявляется в наши дни по крайней мере на поверхности общественно-национальной жизни. Правда, что республика, свобода, равенство, оказались фактически установленными в несколько дней. Однако никто ведь не думает, что этим установлением и разрешаются все задачи государственной перестройки России. И ведь дело отнюдь не в том только, чтобы обеспечить добытое от так называемой контрреволюции, а в том, главным образом чтобы реализовать новый государственный строй в соответствующей системе права, организации народа, социальном укладе, в том, чтобы сотворить новый государственный строй, – ибо реализация предполагает именно творчество, созидание новых форм и отношений, а не простое обеспечение и предохранение от реакций и контрреволюций. И, разумеется,

о наиболее привычных социальных и политических задачах немедленно же и зашла речь – в области ли рабочего права, или аграрного вопроса, организации суда или управления. Характерно, что собрания и съезды отдельных национальностей склонны оставлять в тени эти и подобные вопросы, выдвигая на первый план задачу специфически национальную, а с нею те государственные или административные, которые всецело ею определяются (напр., национально-федеративный строй). Задача специфически-национальная поглощает или оттесняет задачи политические, государственные, социальные, просветительные (ибо и просвещение трактуется не как таковое, а лишь в плоскости национализации просвещения). Не столько о содержании заботятся, сколько о национальных формах для этого содержания. Удивительного в этом ничего нет; угнетение долгих десятилетий, обиды и стеснения не могут не дать отзвука в первый же день свободы; с наибольшим размахом устремляются к тому, что было сугубо запретным. Но факт, хотя бы и легко объяснимый, не перестает от того быть фактом: специфически национальное заслоняет общегосударственное, социальное, политическое, просветительное. Можно надеяться, что со временем – по удовлетворении важнейших национальных запросов, другие интересы постепенно выдвинутся на принадлежащее им место; но трудно закрыть глаза на то, что поскольку национальная жизнь урезанная и прижатая в предыдущий период, подлежит не столько осуществлению, сколько созиданию, выработке заново, – большая часть энергии, заинтересованности, внимания, заботы будет направлена именно в эту сторону с непосредственным ущербом для гражданских и социальных задач времени. Если в центральных, общероссийских учреждениях будут в первую голову поставлены задачи именно социальные и гражданственные, то в местных, национально-автономных организациях, они, вероятнее всего, будут оттеснены задачами не только местными, но и специфически национализаторскими. Гражданственность, социальный и политический строй будут коваться в общероссийских учреждениях, в общероссийском общественном мнении, в общероссийском бассейне; по автономно-национальному руслу будут преимущественно коваться национальные формы. И это логически могло бы дать удовлетворительное сочетание, если бы фактически отдельные национальности тем самым не были в лице своих деятельных элементов поглощены своим национальным автономизмом, если бы сепаратистическая тенденция не овладела ими, если бы сознание необходимости и важности российского единства сохранило действительную мощь, не заслоненное сепаратистическими настроениями и идеологиями. Но для этого необходимо твердо держать знамя единства, не заслоненным пестротой сепаратистических знамен; для этого – не пренебрегая своими национальными заботами и стремлениями – необходимо твердо идти по пути объединено-российского строительства, иначе не только отдельные национальности свои силы посвятят не социально-гражданскому строительству, а выработке одних лишь национальных форм, но еще тем самым они отвлекут от общегосударственной жизни и сократят силы и энергию социально-гражданственной работы. Мало того, отсюда может последовать и дополнитель-

ный печальный эффект. Именно, не только национальное строительство за-слонит социальные и гражданственные вопросы в инациональных частях России, но и Россия преимущественно великорусская проникнется ответным специфически-национализаторским настроением; а так как она полна инородческими элементами, как полна соответственно инородческими элементами и автономные «окраины», то трудно учесть те опасные для государственно-социального творчества последствия, те внутренние трения и противодействия, которые могут отсюда развернуться.

В частности – в этих трениях, дроблениях и противодействиях неизбежно должна ослабеть позиция демократии; ибо, именно, демократия в первую голову терпит ущерб от специфически-национальных ориентаций. Таков опыт истории, и нетрудно усмотреть общие социологические его основания. Линия специфически-национального сплочения разрывает линии сплочений классовых, политических, профессиональных. Для иных – напр[имер] в области культуры – задач это и вполне естественно; но когда этот разрыв происходит в плоскости напряженного социально-государственного строительства, он не может не отразиться на нем весьма существенным образом. Прежде всего в национально-сепаратистически построенных автономиях сжимаются нации меньшинства, чуя угрозу своим интересам: а так как в защите этих интересов значительную роль естественно могут играть социальные верхи, то центр этого сжимания передвигается к экономически и социально сильным слоям. Но и в нациях большинства происходит аналогичный процесс; национальная ревность и подозрительность, вызываемая трудностью заново спешно построить собственную государственность без исторической подготовки и преемственности отравляют источники демократизма. Задачи свободного социального и политического творчества неизбежно отступают перед ревниво преследуемой острой национализаторской задачей; равенство отступает перед национальным критерием, свобода несовместима с трудностью и категорической предвзятостью националистического задания.

Существенным в социально-политической борьбе является не только совокупность социальных задач и социальных сил в ней участвующих, но и распределение первых около определенных фокусом внимания, распределение вторых около определенных центром группировки. И если во главу угла ставятся задачи национально-сепаратистические, то другие задачи оттесняются на вторые места в поле общественного внимания и общественного действия; в общественной борьбе неизменно второстепенное приходится откладывать, ослаблять, урезывать во имя основного. Когда первостепенной задачей является задача национализаторская, то урезывать и откладывать приходится задачи социальные, политические, государственные. Помимо этого, не следует упускать из внимания, что ко всем группировкам неизменно присоединяется немало людей с периферии, лишь в основном примыкающих к общим лозунгам, их объединяющим; поэтому к группировкам, централизующимся около классовой идеи естественно примыкают люди независимо от различий и разногласий вероисповедных, национальных, нередко и политических; к группи-

ровкам, централизующимся около политической идеи, примыкают люди разных классов и разных национальностей; к группировкам национальным или вероисповедным примыкают люди и независимо от классовой и политической принадлежности. Это мы всюду наблюдаем в западноевропейских странах. Клерикальные партии (напр[имер], германский центр) объединяют рабочих с аристократами, консерваторов с людьми сравнительно прогрессивными; и то же относится и к некоторым национальным партиям Австрии. Отсюда и своеобразный колеблющийся, компромиссно-лавирующий характер подобных партий. Они обыкновенно сочетают иные демократические требования с плутократическими, поддерживают традиции и реформы, то накрываясь более на один бок, то на другой. И что относится к партиям, относится и вообще к разного типа общественно-политическим объединениям и деятельности. Поэтому националистический лозунг и ведет к национальным скоплениям и объединениям, нарушающим в ущерб демократии линии социального и политического объединения.

Конечно, мыслимо представить такую структуру, при которой общественные группировки складываются по национальному признаку, а в их пределах далее подразделяются по признаку классовому, политическому и т. п. Но дело в том, что подобные мелкие дробления, возможные только в известных пределах, приводят к крайней множественности и малозначительности организованных сил, получающихся в результате подобных повторных делений, подразделений, под-подразделений; а между тем для успешности политико-социальной работы необходимо сосредоточение больших масс; кроме того, подобная дробность приводит к расточительности сил, времени, формальной организаторской деятельности, а след. и к общественной утомленности, безучастности, – и потому допустима лишь в определенных границах. Здесь не место развивать в положительной форме принципы подлежащей организации национальных, социальных, политических интересов; достаточно в целях настоящей статьи отметить, что решающее вмешательство националистического принципа, и в особенности – сепаратистически-националистического принципа, в политико-социальную борьбу ведет к разрыву социально-политических линий объединения; и что ближайшим последствием этого является ослабление именно демократических позиций, отвлечение от задач социальных и политических, от общегосударственного строительства, от организации широкой свободы, общего производительного подъема, благоприятного распределения; сепаратистическая тенденция, разводя близкие социально и политически элементы по разным углам, ослабляет силу и устойчивость демократии.

IV

Характерный и знаменательный пример того, как исключительное или решающее господство национального принципа, нарушая социально-политические, государственные линии, искажает нормальное строение и развитие народное, дает самая проблема автономии.

Вне всяких возможных сомнений, страна такого протяжения, как Россия, не может и не должна управляться из одного центра. Весьма глубоко идущее самоуправление – быть может, несколько различное для разных частей России – является, несомненно, насущнейшей потребностью и необходимостью здорового развития страны. С другой стороны, вне сомнений и то, что в стране, населенной столь большим количеством национальностей, – угнетение таковых означает и подавление всей государственной жизнедеятельности, прозябание и омертвление страны. Каковы должны быть автономные формы самоуправляющихся областей и каковы формы национального свободного развития – это вопросы в настоящем месте, не подлежащие рассмотрению; как бы то ни было, единый процесс государственного освобождения и расцвета России предполагает и национальную свободу, и самоуправление областей, предполагает в этом смысле свободное развитие и национальное, и областное. В русле свободного развития единой России должно сложиться и то, и другое в соответствии с интересами как целого, так и заинтересованных частей. Но националистическая точка зрения заранее ставит вопрос в иную плоскость и тем не только искажает государственное дело, но несет ему серьезные угрозы и затруднения.

Надо сказать, что в этом отношении неожиданным образом агрессивный милитаризм подал руку внутреннему националистическому сепаратизму или, точнее говоря, лил воду на его мельницу. Политика расчленения Австрии, Турции, частью и Германии, проповедуемая и преподносившаяся за все время войны под флагом национального освобождения, совпала с политикой внутреннего государственного разложения во имя того же принципа.

Мне приходилось в разгар войны, общественного упоения ее лозунгами и их цензурной охраны, высказываться против лозунгов раздела вражьих стран во имя будто освобождения национальностей¹ и при том высказывался против них не только ввиду лицемерного применения этих лозунгов к другим без применения их к себе, но и ввиду недемократичности этих лозунгов самих по себе. Это дает мне право теперь, при применении тех же идей к внутреннему строению России и при таком же общественном упоении ими – и в этом применении снова обратить внимание на их отрицательные и опасные стороны. Суть дела и здесь заключается в том, что справедливые, более чем справедливые национальные требования применяются к решению несоотносительных с ними проблем. В применении к лозунгу расчленения государств по этническому принципу я писал: «Границы государства могут обоснованно определяться лишь общегосударственными же, а не специально этническими задачами, – задачами государственной устойчивости, возможностями наилучшего культурно-социального использования». И то же аналогично относится и к внутреннему государственному расщеплению на самодовлеющие автономии. Территория, законно долженствующая быть выделенной в качестве автоном-

¹ «Идея этнической государственности», см. «Северные Записки», 1915 г., апрель. – *Примеч. автора.*

ной, не должна определяться единственно (или хотя бы главным образом) по этническому признаку ее населения. Ибо автономия, самоуправление не касается одних только этнических интересов данного населения, а его социальных, экономических, правовых, культурных интересов; в этих же отношениях не меньшее значение имеют и самые свойства территории – ее географические очертания и особенности, ее хозяйственные возможности; не меньшее значение имеет материально-культурная структура страны, экономические отношения производства и рынков, и наконец, даже и особенности личного состава населения, – но не одни этнически национальные особенности. Конечно, расселение той или иной национальности происходит в некоторой связи с социальной структурой расселяющихся и с экономико-географическим строением территории расселения, но только в некоторой связи. В длинном историческом процессе нации разливались по территории, не считаясь с ее целостным географико-экономическим характером; вместе с тем – разливались по разным территориям, сохраняя национальное единство; и кромсать географически-территориальное единство, кромсать сложно сплетающийся социальный комплекс во имя выделения национальной, этнической целостности, значит нарушать существеннейшие народные интересы, существеннейшие интересы населения, задерживать его хозяйственную деятельность, его социально-культурное развитие во имя националистической идеи, которая, однако, в свою очередь, осуществлена быть не может потому, что слишком много в восточной Европе территорий многонациональных. Перекройка сообразно этническому принципу не только не повела бы к реальной автономии соответствующих областей, а привела бы к тому, что одна окажется в беспомощной фактической зависимости от другой, – к тому, что хозяйственно и социально связанная область может оказаться разбитой между разными самоуправлениями, и каждое из них включало бы в себе отрезки разнородные и внутренне не связанные между собой. Подобная перекройка привела бы не к автономии, а именно к гетерономии областей, к нескончаемым между ними трениям, борьбе (быть может, с перспективой и вооруженной борьбы), создало бы и внутренние, и внешние тормозы нормальному и полному развитию. Поистине поразительно, как и слева, и справа забыли о том, что самоопределение в сложных процессах производства и творчества, работы и распределения, материального и правового устройства – не связано исключительно или главным образом с национальностью индивидов. Хороша была бы социальная работа, если бы, предположим, рабочий комитет для сношений с управлением завода представлял не всех рабочих данного завода, а рабочих одной национальности нескольких заводов разных производств, причем рабочие другой национальности тех же заводов имели бы особые комитеты – для тех же сношений с администрацией того же завода; если бы примирительная камера связывала не представителей рабочих и хозяев данного производства, а рабочих и хозяев разных производств, но зато одной национальности; если бы функции городского самоуправления определялись не социально-муниципальной структурой города, а национальностью обслуживаемых лиц, и напр[имер]

трамваи шли не по направлениям общегородского движения, а сообразно расселению по городу различных национальностей, и особые телефонные кабели связывали не соседние дома, а дома, принадлежащие или населенные лицами преимущественно одной национальности; если бы единый горный округ был искусственно расчленен между разными государствами или штатами: если бы шлюзование одной и той же реки было предоставлено разным распорядителям в зависимости от языка, на котором говорят жители прибрежных деревень. А между тем именно такого рода последствия, но только несравненно более значительные, неминуемо должны получиться, если руководиться при построении самоуправляющихся областей одним только признаком национальности населения. Поистине остается удивляться той аберрации, которая ныне происходит у такого множества людей, заставляющая забыть экономику, географию, право, социологию во имя одного национального признака индивида. Свободное государство, свободная Россия не может поступить иначе, как предоставить нациям свободу национального творчества и развития и широчайшую самостоятельность в национальных делах; в России свободной и для свободы России и необходимо и неизбежно широкое областное самоуправление, – не отождествлять национальную самостоятельность с областным самоуправлением, строить автономии государственные по признаку национальному, подчинять экономику, право, культуру одному национальному моменту – значит тормозить социальное и правовое развитие страны, вносить в нее национальный разлад и вражду, создавать новые условия зависимости и подчиненности. В этом отношении приходится признать, что под лозунгом национализма делается не дело освобождения, прогресса и демократии, а дело новой связывающей народы реакции.

V

Можно думать, что и апологеты национального расщепления государства иной раз вспоминают об экономических, географических и прочих связях населения, иной раз задумываются над той путаницей и реакцией, которую может внести прямое проведение их идеи. Но на такие сомнения у них имеется готовый ответ и выход; пусть сами нации решат, как им устраиваться, в какой им оставаться степени независимости или связности с другими нациями и с целым. Национальное самоопределение путем плебисцита – такой ответ кажется уже вершиной свободомыслия, демократизма, политического идеализма.

Я не буду останавливаться подробнее на вопросе о том, что если такой выход применим, напр[имер], к определению формы правления в пределах уже предназначенного государства или области, то менее всего он применим к определению самих пределов государства или области, ибо ясно, что результат плебисцита и самоопределения здесь всегда будет уже предрешен тем кругом населения, в котором он производится, и, следовательно, результат плебисцита и самоопределения предрешен уже до плебисцита и до самоопределения. Так, напр., если плебисцит и самоопределение производятся в преде-

лах Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний, он будет для Сувалкской губернии иным, чем если он производится в пределах, положим, бывших Сувалкской, Ломжинской, Плоцкой, Варшавской губерний. Если плебисцит производится в пределах Витебской и Могилевской губ., он будет иным для северных уездов Витебской губернии, чем если он производился бы в пределах губерний Курляндской, Лифляндской, Витебской. Если плебисцит производился бы в составе всего Северо-Западного края, он был бы для Ковенской и Виленской губернии иным, чем если он будет произведен для них отдельно, или совместно с Сувалкской губернией. И вообще результаты самоопределения и плебисцита определяются не плебисцитом и самоопределением, а тем принципом, которым определяется круг населения, производящего плебисцит и самоопределение, другими словами – самоопределение по отношению к границам автономии предопределено границами производящего самоопределение населения. Я не утверждаю, что эти границы непременно совпадут, я только утверждаю, что первые определяются вторыми; и что мы здесь имеем дело не с автономией, а с гетерономией, не с волей населения, а с предрешением этой воли тем принципом, который положен в основание ее проявления. Самоопределение здесь мнимое.

Но оставим в стороне этот ряд соображений. Вопрос должен быть поставлен глубже и принципиальнее. Пускай даже предрешения нет, а есть подлинный процесс национального самоопределения. Можно ли на этом успокоиться, проявляется ли в этом демократизм и свобода?

Думать так, значит повторять ту же роковую ошибку, которую некогда допустил старый узко-доктринерский либерализм применительно к личности. Он тоже стоял на идее самоопределения личности, – и как давно уже выяснено, что безоговорочно и безоглядно проведенная эта идея приводит к угнетению одной личности другою, к угнетению слабых, становится пустою формулой, за фасадом которой укрывается и притеснение, и гнет. Это настолько давно и твердо усвоено, что отрицание узко-либеральной формулы привело к необоснованному и зловредному отрицанию того вечного содержания личной свободы, независимости и самостоятельности, которое по существу в ней все же имеется. Но во всяком случае ограничение этой формулы – или, вернее, сочетание ее с демократической формулой коллективной воли и с социальной формулой организации интересов масс – является твердым достоянием современного сознания. А между тем по отношению к национальности повторяется старая ошибка узко-доктринерского либерализма. Ходячая формула национальной автономии есть только доктринерски либеральная, антидемократическая, антисоциальная формула в применении к национальному коллективу.

Ибо в самом деле, вопрос стоял бы просто, если бы человек не жил в сообществе людей, если бы нация не жила в сообществе наций. Здесь принцип самоопределения личности – и нации – был бы вполне уместным и достаточным. Но люди и нации живут в фактической связности, в отношениях фактической зависимости. Деятельности лица – и нации – фактически затрагивают других лиц, другие нации; деятельности слабых лиц и наций – в меньшей

степени, сильных – в степени большей; деятельности лиц и наций, занимающих благоприятное положение в большей степени, занимающих положение неблагоприятное в степени меньшей. И если не ограничить самоопределения лиц и наций не только самоопределением же других лиц и наций, но и просто охраной основных насущных интересов других лиц и наций – всех организованно существующих лиц и наций, то с совершенной неизбежностью самоопределение одних перейдет во власть над другими, или в подчинение другим, в эксплуатацию других или в эксплуатируемость другими. Безоговорочная автономия перейдет в неограниченную гетерономию. А так как вдобавок зависимости сплетаются и скрещиваются, то безоговорочное самоопределение лиц и наций перейдет в слепую и ожесточенную борьбу. Если одна нация сидит на территории, даже и весьма малой, но, положим, заключающей в себе месторождение минералов, абсолютно необходимых для жизни и работы наций соседних, то, конечно, она своим безоговорочным самоопределением будет над ними господствовать. Но если при этом другая нация сидит на приморской полосе, через которую проходит единственный путь жизненно необходимого транзита для других – и в том числе для первой нации, то она со своей стороны будет иметь элементы господства над ними; и, как всегда между господствующими – либо между ними будет борьба за «гегемонию», либо они столкнутся для наиболее устойчивого совместного господства над другими. Все это – в предположении безоговорочного самоопределения, хотя бы и путем чистейшего плебисцита. Разумеется, против этого господства пойдет немедленно борьба, физическая, экономическая или какая бы то ни было, пока самоопределение благоприятно расположенных наций не окажется ограниченным общею волею других наций, пока не будет организованным образом обеспечено удовлетворение насущных интересов всех (если только они не окажутся подавленными теми). Принцип национальной автономии столь же ценен в своей тенденции, как и принцип свободы личности. Но в безоговорочном применении он ведет к аналогичным зловерным, реакционным последствиям. Как и принцип узко-либеральный, он должен быть ограничен, подчинен, сочетан с принципами коллективной воли, общей организации насущных интересов¹. В применении к автономии национальностей, входящих в состав государства, – это означает первенство общегосударственного начала над началом местного национального сепаратизма.

¹ Притом – какие могут быть основания к тому, чтобы предоставлять привилегию политического, государственного самоопределения лишь группам населения, выделенным по национальному признаку? Почему не вправе самоопределяться – не только в пределах своих местных интересов, а и «вообще», в плоскости автономии, федерации, независимости – и население области (хотя бы и разнонациональное), губернии, города и деревни?

Достаточно явная нелепость этого возврата к уделам, к феодализму, к войне городских «концов», к «натуральному» быту, разумеется, должна бы предохранить даже и от мысленного движения по этому пути; коренится же эта нелепица в ошибочности предоставления права на целостное самоопределение составным частям целостного государственного организма. – *Примеч. автора.*

И в самом деле, даже по отношению к физически независимому, суверенному государству, формально всецело самоопределяющемуся, современное сознание все в большей степени предъявляет требования правовых ограничений – международными договорами, международными связующими организациями. Современное сознание стремится к ограничению самоопределения даже суверенных государств, все же живущих самодовлеюще в некоторой степени жизнью; и наряду с этим выставляется лозунг самоопределения отдельных составных частей государства, самодовлеюще государственную жизнь вовсе и не живущих. И наивные люди в столь же добродушном, сколь и мнимом идеализме думают, что если они при этом еще упомянут о плебисците, то уже все сделают для обеспечения прогрессивности, демократичности, революционности. Они и не замечают, как быются в отживших формулах узко-доктринерского либерализма, к которым, вероятно, в других областях относятся с великолепным презрением. Великое государственное целое, включающее в себя множество областей, краев, народов должно иметь первенство над частичными самоопределениями. Общая воля, организация общих интересов, охрана интересов слабейших – лиц, классов, национальностей – такова основа, на которой (и на которой одной) могут свободно развиваться отдельные нации, самоуправляться отдельные области. Единая Россия переее национальных автономий – во имя совместного блага самих же национальностей.

VI

Государства идут к сближению, к организационному сцеплению; иные надеются – или только еще недавно надеялись, – что чуть ли не в результате нынешней войны произойдет едва ли не мировая организация государств. Я не вижу оснований верить в подобную идиллию; но факт таков, что к более объемлющим государственным организациям, несомненно, идет мировой процесс. И уж во всяком случае было бы поистине историческим грехом разбивать те великие единства народов, которые уже сложились в их тяжелой исторической жизни.

Кровью и потом, насилием и жестокостью ряд поколений ковал современные государства; бывшее угнетение и насилие лежит в их основе. И в этом смысле нет в них ничего святого; в этом смысле нет никакой незыблемости в тех или иных их границах. Лозунг неперменного сохранения status quo в этом смысле не опирается ни на какой обоснованный принцип, ни на какое неотчуждаемое право. Но вместе с тем в длительно кровавом процессе государственного строительства путем угнетения и эксплуатации достигнуты и великие ценности; и бросать их на ветер, с легкой душой от них отказываться, допустить поворот вспять исторического движения – значит проявлять слишком большую щедрость на чужие муки, труды, испытания. Отменить бывшее не в наших силах; не в нашей власти стереть то, что претерпели поколения; но мы можем и должны – хотя бы из уважения к человеческим усилиям и напряжениям – дорожить тем благом, которое этими муками добыто. И в этом смысле добытое кровью и потом, вековыми усилиями и трудами предков должно

быть сочтено священным достоянием последующих, грядущих поколений. Существенной чертой исторического процесса было собирание человеческих обществ – мелких местных феодальных самоуправств, удельных провинциализмов – в объемлющие коллективы, в великие скопления и организации человеческих масс, человеческих энергий, человеческих деятельностей. В этих больших государственных организмах происходит претворение вооруженной борьбы в гражданственное борение; здесь в этих скоплениях масс открываются впервые перспективы неограниченных культурных устремлений и побед; здесь развертывается в мировых масштабах творческая работа социальная и материальная. Здесь основные социальные давления и борьба с ними приобретают ясные очертания, четкое содержание и могучий размах; здесь великие задачи получают опору в великих силах и возможностях здесь бесконечно возрастают вероятности и шансы богатого, разностороннего творчества. Разбейте эти государственные организмы на составные части, и вы замените мировые культуры провинциальными, великие интересы – интересами местными, иногда интересами колокольной; массовые напряжения – мелким соревнованием, частичными и путанными столкновениями. Поэтому лозунг расщепления государственных единиц, хотя бы и по признаку национально-этническому, есть лозунг реакционный, толкает вспять к государственному мещанству, к местечковой государственности – на место уже достигнуто уклада крупно-государственного, мирового. В этом отношении идея европейской или средне-европейской организованности, несомненно, включает в себе прогрессивное ядро, как лозунг установления всяческих национальных суверенитетов – ядро регрессивное. И если идея безоговорочного национального самоопределения обнаружилась как применение к народным коллективам узко-доктринерского либерализма, то идея национальных сепаратизмов является лишь применением мещанской, местечковой психологии к построению государственного общения. Конечно, и «мещанская» государственность имеет право на существование, но возвращение к ней есть движение вспять, движение вниз от уже достигнутого уровня. Обольщенные военным угаром, этого – в применении к врагам – не замечали многие, пожалуй, большинство, усматривая в идее дробления уже достигнутых объемлющих объединений на суверенные частицы – освободительную идею войны. Давно наступила пора признать не только фальшь, но и злобредность такого взгляда.

Внутригосударственный сепаратизм, на какой бы признак он ни опирался, хотя бы и на национальный, остается неизбежно реакционным; он вреден для самих национальностей, он вреден для демократии, он вреден для социального прогресса и культурного творчества.

Без сомнения, свободное государство мыслимо лишь в свободе своих составных частей, своих составных коллективов. Задача свободной государственности и заключается в сочетании свободных частей в свободном целом, в соподчинении частей целому и зависимости целого от частей. И задача эта допускает разрешение хотя бы и не в совершенных формах – как несовершенно все сущее и, можно думать, все имеющее существовать.

Бесспорно, наилучшая для разрешения этой задачи государственная структура получается в тех случаях, когда самостоятельные государственные единицы связываются крепкими узами в единое всеобъемлющее целое, частично сохраняя – в большей или меньшей степени – и собственную жизнь; так федерация малых государств в единое союзное государство, обладающее силами и размахом великого единства и вместе с тем сохраняющее в своеобразии и своеобразности частей выгоды малых организаций, в наилучшей степени объединяет положительные стороны различных форм. Здесь сохраняется многообразие культурных образований и тяготений, организационных форм и тенденций, многообразие накоплений прошлого и возможностей будущего, сочетается воспитательная функция тесной среды со свободой просторных горизонтов, – поскольку это не мешает объемлющему единству, его целям и возможностям. Соединение малых – таков путь государственного прогресса. Когда же великое целое уже дано, то задача заключается в том, чтобы открыть в нем возможность проявиться самобытности составных элементов, не разрушая их общности и единства.

Здесь задача несравненно труднее, и путь к ее разрешению несравненно опаснее. Ибо при соединении происходит положительная работа, созидующее творчество; выделение же частей из целого происходит и путем работы отрицательной, разрушительной; отчасти – в момент потрясений и великих разрушений – преимущественно таким образом только и может происходить, тем усугубляя и потрясения, и разрушения. А между тем цель здесь в том, чтобы развязать свободу национальной жизни и организовать местную самостоятельность, не нарушая неразрывного единства целого.

Оставим вопрос о том, какие здесь могут и должны получиться окончательные оформления; в острую эпоху коренной ломки России главный вопрос касается путей к ним. Одним путем является путь сепаратизмов разного вида; другим – путь общегосударственного претворения единого целого. По одному пути – задача заключается в создании более или менее независимых, самоопределяющихся, самодовлеющих, национальных тел, совокупность которых и даст Россию. По другому пути – общегосударственное строительство, разрешая общегосударственные и социальные задачи целого, должно в том числе открыть в его составе и возможность свободной национальной жизни, и организовать самостоятельность, самоуправление составляющих его областей. Я глубоко убежден, что национальная свобода и межнациональный мир – в сочетании с культурным прогрессом и культурным творчеством – достижимы по второму пути, а не по первому; не в России, производно составленной из местных сепаратизмов, а в единой России, организующей в своей свободе и свободу своих составных частей и народов.

Мы не знаем, как в сложной игре не одних социальных и внутригосударственных, но и межгосударственных сил, до последней степени обостренной в настоящее время, определится будущее российского государства; в какой мере для него еще свободны оба пути, или один уже предопределен в книге совершающегося; и мы не знаем, который из них становится или уже стал

путем безнадежности. Но не будем забывать, что идея единой России, свободной в своем целом и в своих частях, есть не только директива для ее предстоящего строения, но и действенная сила самосохранения в стремительном обвале настоящего.

Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 548–569.

Грушевский М.С.

ПОВОРОТУ НЕМА

Резолюції, винесені на вселюдних зборах, громадських і партійних з'їздах, конференціях і нарадах останніх тижнів, не полишають ніякого сумніву щодо тієї політичної плятформи, на якій об'єднуються всі активні елементи української людности. Це старе наше домагання широкої національно-територіальної автономії України в Російській федеративній республіці, на демократичних підвалинах, з міцним забезпеченням національних меншостей нашої землі.

Інакше й бути не могло. Домагання народоправства і суто-демократичного ладу на Україні у відокремленій, «незмішаній» автономній Україні, зв'язаній тільки федеративним зв'язком чи то з іншими племенами слов'янськими, чи то з іншими народами і областями Російської держави – це старе наше гасло. Підняте ще в 1840-их роках найкращими синами України: Шевченком, Костомаровим, Кулішем, Гулаком, Білозерським і іншими, воно від того часу не переставало бути провідним мотивом української політичної думки, організаційної роботи, культурної і громадської праці. Часами тільки воно не розгорталося широко і прилюдно, з причини цензурних заборон і репресій, з якими старий режим Росії виступав проти гасел автономії і федерації. Але як тільки українське громадянство діставало змогу вільно висловити свою думку, воно повторювалося всюди неустанно і завсіди: з трибуни першої і другої Думи, в пресі «днів свободи» і т. ін. Тепер же воно могло бути проголошене не тільки друкованим словом, але й живим – на великих зборах, маніфестаціях і у всякого роду прилюдних заявах, до яких прилучаються українські і неукраїнські зібрання на місцях, заявляючи солідарність з ними і стверджуючи, що це домагання всього українського громадянства і всіх політично-свідомих верств України.

Без сумніву, воно зостанеться тією середньою політичною плятформою, на якій буде йти об'єднання людности України без різниці верств і народностей. Середньою між програмою простого культурно-національного самоозначення народностей і домаганням повної політичної незалежності.

Програма культурного самоозначення, яку недавно в одній із своїх промов необережно прийняв за міру національних домагань народів Росії, і в тім і народу українського, голова нинішнього Тимчасового уряду кн. Львов, тепер уже нікого на Україні не задовольнить. Ті часи, коли українському громадянству

доводилось рахуватися з обставинами старого режиму, з неможливістю виявити масову волю українського народу до всієї повноти національного життя і з тим недовір'ям, яке виявляло до українства, як до руху народного, громадянство російське, минули безповоротно. Тоді не тільки уряд, але й поступове російське громадянство ставилося до українства як до якоїсь невеликої інтелігентної купки. Її зв'язки з народом представлялися сумнівними, її запевнення про потреби народного життя приймалися скептично. Українцям приходилося проробляти тяжку педагогічну роботу над цим громадянством, за принципом «від легшого до труднішого», висувачи на чергу домагання найбільш елементарні, безсумнівні для всякої, просто тільки гуманно і культурно настроєної людини. Такі були домагання українського навчання в школі, допущення української мови в державних і громадських установах, в суді й церкві – на ниві, де українські маси зустрічаються з культурою, громадською і державною організацією. Воля народу не могла бути виявлена, доводилося ці скромні домагання аргументувати більше «од розуму». Вони повторялися довго, і так іще недавно, і коли б були вислухані своєчасно, то витворили б тривкий моральний зв'язок між українським громадянством, з одного боку, російською державністю й великоруським поступовим громадянством, з другого.

Але, на превеликий жаль, їх не слухали, поки був час. Не послухано і в критичний момент, коли російський уряд, користаючи з війни, заходився нищити і викорінювати українство в Галичині і в Росії, не спиняючись перед найбільш вандалськими, варварськими заходами. Українці не знайшли допомоги й підтримки у великоруським громадянстві ніде, – крім деяких соціалістичних груп.

Це, треба правду сказати, викликало в українцях глибоку зневіру до російської демократії, до можливості, в союзі з нею, забезпечити повноту українського національного життя в рамках російської конституційності. В цю можливість українське громадянство вірило перед війною, коли зав'язувалися, як здавалося, міцні зв'язки між ним і поступовим великоруським громадянством. Але зв'язки ці не витримали воєнної проби. З тим стало все більше зростати переконання в неминучій потребі забезпечити українському народові державне право – або федерацією Російської держави, а як ні, то повною незалежністю України. Тільки державність признавалась певною запорукою вільного політичного і національного розвитку українського народу. Це сталося і відступитися від цього неможливо. Від цього становища не може бути повороту назад, у пройдені стадії чисто-культурного самоозначення або культурної автономії.

Широка автономія України з державними правами українського народу в федеративнім зв'язку – це та програма даного моменту, від якої не може бути відступлення назад. Всякі перешкоди, всякі вагання в задоволенні її з боку провідників Російської держави, чи керуючих кіл російського громадянства можуть мати тільки один наслідок – це пересунення центру ваги в бік українського самостійництва. Про це самостійництво російські лідери

заговорили з думської катедри ще перед війною. Але вони самі й дали йому зброю в руки своєю хиткою, ухильчивою політикою в українській справі в ці останні роки українського лихоліття. В теперішню хвилю прихильники самостійної, чи вірніше сказати – незалежної, України погоджуються залишитися на спільній платформі широкої національно-територіальної автономії і федеративного забезпечення державного права України. Прапор самостійної України стоїть згорнений. Але чи не розгорнеться він з хвилиною, коли всеросійські централісти захотіли б вирвати з наших рук стяг широкої української автономії в федеративній і демократичній Російській республіці?

З цим треба великої обережності. Це повинно бути ясне керівникам Російської держави!

Нова Рада. 1917, 1 апреля. № 4.

ВАМ СЛЕДУЕТ СОБРАТЬСЯ С УМОМ И ЧЕСТЬЮ!

Редакционная статья газеты «Сакартвело»

Наши социал-демократы лезут из кожи вон. В таком же положении находятся рабочие депутаты, которые на самом деле являются представителями социал-демократических организаций: не терпят они рядом с собой существования иных, не могут переварить деятельности других партий, всем своим существом борются против них, не чужаются насилия, не брезгают клеветой. Этим оружием они уже воспользовались в девятьсот пятом и шестом и приостановили, – хоть ненадолго, но все же, – выпуск газеты грузинских федералистов!

Для них привычным делом стало сбивать выступающих чужаков с трибуны, размахивать кинжалами и револьверами, вспомните Сухуми, Цаленджиха и прочие места.

Однако первейшим оружием борьбы нашенских эсдеков со своими противниками стала клевета о том, что автономия Грузии подразумевает восстановление у нас крепостничества, неперемное преследование и притеснение негрузинского населения по всей территории.

Таковы методы борьбы социал-демократия с автономией Грузии, а, следовательно, – с идеей ее свободы.

Мы знали, нашенская социал-демократия, которая все еще носит имя РСДРП и до сегодняшнего дня ни разу не упоминала слов «Грузия» и «Свобода Грузии», является непримиримым врагом тех партий, которые служат идее своей Родины и в первую очередь борются за ее автономию.

Мы знали, что социал-демократия, которая вместо лозунга «Грузины, объединяйтесь!» кричит «Пролетарий всех стран, объединяйтесь!», останется не-

примиримым врагом тех партий, которые требуют объединения грузинского общества на своей Родине.

Мы знали, что партия, которая не верит в мобилизацию нации, не верит в организацию ее сил с целью восстановления прав своей родины, и сегодня вражески отнесется к каждой такой попытке.

Мы знали, но не верили, что социал-демократия вновь возьмется за старое.

Мы предполагали, что борьбе будет придан культурный характер. Что спорные положения различных партийных программ будут прояснены между собой, что клевета и насилие – как методы борьбы – будут отброшены навсегда, что победа или поражение той или иной партии, при всех равных условиях, будут зависеть только от органической природы и сути партийных программ.

Мы предполагали, но были обмануты!

Социал-демократы почувствовали силу, и сразу же полезли из кожи вон.

Диктаторские страсти бушуют их сущность. Каждое их дело и слово пропитаны духом господства, отмечены печатью превосходства.

Непризнание, уничтожение инакомыслящих, – вот их сегодняшняя болезнь. И чтобы обезоружить других, они прибегают к испытанным способам, подобным утверждениям, что «автономия – это отстранение от России», «автономия – это выдворение из Грузии русских и армян, присвоение грузинами всего их имущества», «автономия – это возвращение крепостничества» и многому, многому другому в подобном же ключе! В Кутаиси небезопасно произносить на улице слово «автономия». Вас или избьют, или посадят в тюрьму. Из-за этого слова был забит насмерть один из студентов Реального училища, а солдаты-грузины выкрали и растоптали флаг социалистов-федералистов.

Как случилось, что солдат-грузин позволил себе растоптать и оскорбить флаг, выдвигаемый в качестве символа свободы его родины? И причем здесь социал-демократы?

Как это – «причем»?

Не могли же своим словом и своей литературой оплевывать «автономию» и оскорблять ее флаг те, кто за нее борются, кто всеми своими силами прокладывает путь к свободной Грузии? Все грузинское общество, которое не стоит рядом с вами, обвиняет в этом именно вас. И если это не дело рук Ваших, то проще простого – *признайтесь в Вашей газете публично, что автономия не означает отделения от России, не означает изгнания армян и иных жителей Грузии и присвоения их собственности, что автономия – не крепостничество, и что требование ее означает требование демократической республики в автономной Грузии. Напишите все это в вашей газете, осудите дезинформацию и объясните своим читателям, что вы боретесь против автономии не потому, что она возвращает крепостничество и ведет к отделению от России, либо что-то еще в том же духе. А потому, что Вы не разделяете подобного принципа для будущего обустройства Грузинского государства.* Тем самым Вы исполните свой долг, как и опровергнете справедливые до сегодняшнего дня обвинения, выдвигаемые против вас подобными газетными статьями.

До сегодняшнего дня старое правительство не давало нам права свободно обсуждать его действия и высказать о нем и о них наши искренние суждения.

Сегодня в роли подобных запретителей выступают наши социал-демократы и Советы рабочих депутатов. Сегодня они пытаются запрещать нам свободно высказывать свое мнение. В Кутаиси приостановлено издание газеты «Самшобло» [«Родина»], издателей вынудили публично извиниться и переверстать негодный им номер газеты. А третьего дня мы получили письмо (за № 194) от секретариата Исполкома Совета рабочих депутатов с угрозой закрыть наше издание, если впредь будут напечатаны такие статьи, которые не понравятся Совету.

Во-первых, мы желаем знать, кто исполняет роль правительства – назначенный и присланный из Петрограда Комиссариат или Тифлисский Совет рабочих депутатов?

Есть ли у нас хоть какой порядок вещей или дело перешло к насилию и анархии? Мы против последнего, однако если с нами не хотят бороться честно, то они получат достойный ответ.

Если же у нас есть верховная власть, и эту власть представляет Совет рабочих депутатов, а не присланный их Петрограда Комиссариат, то пусть Совет рабочих депутатов сообщит нам об этом официальным, пронумерованным письмом. А после этого мы потребуем от него, как от правительства, которое боится критики – *официально установить предварительную цензуру нашей газеты, как и всех тех изданий, существование которых им не нравятся*. И пусть тогда наша газета будет вновь выходить из печати с пустотами вместо выдернутых цензурой частями текста, подобно тем номерам нашей газеты, что выходили при старом правительстве!

Недаром полученное нами письмо начинается тем, что редакция «Сакартвело» не впервые ополчилась против действий и постановлений Совета рабочих депутатов, и по этому поводу Совет выражает свое недовольство.

Как так?

Кто такой этот Совет рабочих депутатов, действия и постановления которого, оказывается, нельзя обсуждать и критиковать?

Застрахован ли вообще кто-либо на свете от ошибок?

Может ли кто-либо быть всегда прав в деле управления страной?

Возможно, такое и существует, но менее всех таковым является нашенский Совет рабочих депутатов, где собрались пропитанные партийной фантазией и крайне односторонне мыслящие рабочие, да молодые студенты, завершившие свое обучение в сентябре прошлого года.

И как это понять? Не имеющий никакого опыта в управлении разношерстный люд, набранный лишь из кругов городских рабочих различных национальностей, пытается навязать свои постановления двум миллионам грузинских крестьян, оказать влияние на их жизнь и судьбу, оставаясь при этом вне критики прессы?

Нет уж, извините!

Не то что закрытие газеты, но даже под угрозой вырывания языка мы не откажемся от критики. Именно так мы понимаем наш гражданский долг.

Наша руководящая идея – укрепление революции и сплочение нашей родины для национальной свободы, а также того, чтобы исключить возможность повторения в сельских районах того, что творилось в девятьсот пятом году, т. е. разбоя и прямого хищения чужого имущества.

Для объяснения своих выступлений Совет рабочих депутатов и социал-демократы и ныне используют испытанный ими метод – клевету. Какой здравомыслящий поверит в нашу контрреволюционность? Кто может поверить в то, что мы якобы боремся против нового правительства?

Возможно ли, чтобы мы мечтали о восстановлении прежнего правительства, прежнего режима, во время которых так бессовестно была растоптана честь нашей родины?

Как бесстыден Ваш язык, произносящий такое про нас!

Неужели Вы не понимаете, какой пожар, какой ад может разгореться от этой вашей клеветы, если вдруг, поверив вам, стоящие здесь российские войска начнут действовать?

Кто сможет остановить вооруженную силу, затуманенную Вашей клеветой?

Кто сможет остановить эту силу? Им ведь будет все равно, кто подвернется под руку – национал-демократ, федералист или социал-демократ.

Не дай Бог, но вследствие этой клеветы может пострадать не одна к.-л. партия, но вся наша родина.

Неужели чувство ответственности перед родиной не заставит Вас отречься от этого, со всех сторон неприемлемого оружия, выдуманной для укрепления возвеличения собственной партии?

Пока есть время для этого, Вам следует собраться с умом и честью!

Сакартвело. 1917, 2 апреля, воскресенье. № 73.

Ленин В.И.

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе – и добросовестным оппонентам, – было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков, и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе.

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии:

а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства;

б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах;

в) при полном разрыве, на деле, со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку. Разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед блоком всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, со-

циалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С[оветы] р[абочих] д[епутатов] есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, *пока* это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, – возвращение к ней от С[овета] р[абочих] д[епутатов] было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества¹.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батр. депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С[овета] р[абочих] д[епутатов].

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С[оветов] р[абочих] д[епутатов] за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны»²,

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии³.

¹ То есть замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

² То есть такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

³ Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо называться Коммунистической партией.

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра»¹.

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разъяснять им их ошибку...»

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!) революционной демократии...»

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы р[абочих] д[епутатъв] есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики...»

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападаю на Временное правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учредительного собрания, отделяясь посулами. Я доказывал, что без Советов рабочих и солдатских депутатов созыв Учредительного собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учредительного собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели

¹ «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (= «оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.

«бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «бреда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, какое государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г-н Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и К° «обижаются»... за кого? – за германских *шовинистов*, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Правда. 1917, 7 апреля. № 26.

ПРИДИТЕ В СЕБЯ, ПОРА!

Редакционная статья газеты «Эртоба»

Грузинские националисты продолжают свои пагубные действия. Они явно мешают развитию революции и подготавливают почву под контрреволюцией.

Партия ни одной нации в России не ведет такую агрессивную политику против революционных органов, какую ведут наши националисты. Везде и всегда они нацелены на разъединение, на разрыв сил революционного народа.

И это не пустые слова: они создали отдельную организацию солдат-грузин; хотя грузинские солдаты гневно отвергли эту тактику, они все-таки стоят за свое, вызывая ненависть к ним в солдатских кругах, что чревато озлоблением солдат уже ко всему грузинскому народу.

Примеров этому много. Они ясно видят, вся их политика провокативна, однако они все-таки продолжают свою такую деятельность.

Эти господа не остановились на этом. Они явились крестьянам верховными покровителями в некоторых грузинских уездах и с помощью поповщины и старорежимных стражников навязывают селу свою волю. У нас в руках неопровержимые доказательства того, что националисты старыми, замшелыми методами хотят отгородить село от влияний революционизированного города. Дело дошло даже до того, что они арестовывают пропагандистов Совета рабочих депутатов и силой выдворяют из сел.

На страницах прессы националисты развернули черносотенную агитацию: приписали Совету рабочих депутатов желание ввергнуть село в анархию, в насилие и грабежи, в смертоубийство. И сделали они это *сознательно*, намеренно, поскольку они хорошо знают, что Совет рабочих депутатов ничего подобного не постановлял и не намеревается впредь подобным заниматься,

Совет лишь старается и на селе, наряду с городом, утвердить новый строй. И когда Совет рабочих депутатов потребовал у «Сакартвело» опровергнуть свою злостную клевету и на страницах своей же газеты восстановить правду, те и на это ответили площадной бранью, да все новыми и новыми инсинуациями. Перечитайте передовицу в их газете, выпущенной в Пасху, и вы убедитесь, с какой настойчивостью разрушают грузинские националисты репутацию революционных организаций.

Мы потребовали от них всего лишь опровержения клеветы и приостановки черносотенной агитации. Они же пишут, будто мы отнимаем у кого-то свободу критики.

Взгляните, что они пишут о Совете рабочих депутатов:

«...Как это понять? Не имеющий никакого опыта в управлении разношерстный люд, набранный лишь из кругов городских рабочих различных национальностей, пытается навязать свои постановления двум миллионам грузинских крестьян, оказать влияние на их жизнь и судьбу, оставаясь при этом вне критики прессы?»

Не очаровательна ли эта филиппика националистов!

Вас, – главную силу революции, – они будут обзывать «грабителями» и поджигателями», а Вы, оказывается, должны это воспринимать – молча. А лучше даже и восторгаясь этой «очаровательной» критикой.

Нет, господа! Зря стараетесь подменить тему. Критику вам не запрещает никто. Никто не ограничивает и свободу письма и печати. Борьба идет, всего-навсего, против черносотенной агитации, против контрреволюционных выступлений.

Что правда – то правда, революция ограничивает черносотенные свободы, однако, позвольте спросить – что общего между злобной клеветой и чистосердечной критикой?

Как можно позволить себе так злобно выкручивать понятия?

Наши националисты так и не смогли забыть методы борьбы Дубровина «благословенного» и К°, которые всех российских революционеров называли «жидами». Этим же занимается сегодня «Сакартвело».

Вот как она обращается к социал-демократии: «...Вся Грузия, которая не стоит рядом с Вами, в этих делах обвиняет Вас» и пр.

Оказывается, вся Грузия стоит в стороне от нас! Так из кого же состоит социал-демократия?

Наверное, из армян и русских! Не так ли?

Придите в себя, пора! Отбросьте даже саму мысль, что Вы можете что-либо предпринять против демократии. Вспомните, хотя бы судьбу российских либералов! Остановитесь сами, не то Вас остановят другие!

Неужели только для затуманивания ваших мозгов выкроил время Юпитер?

Губер П.

АРМИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

I

Какой-нибудь месяц спустя после русской революции, которая произведена была и до сих пор поддерживается и охраняется армией, странно и даже несколько дерзновенно будет звучать тезис, что армия, по существу своему, есть установление не демократическое. Тем не менее тезис этот верен, и его легко обосновать.

Несомненно, что все существующие армии в отношении внутреннего устройства оставались до сих пор чужды демократическому принципу. Английские и французские войска похожи в этом смысле на германские и австрийские. Черты различия, конечно, имеются, но они не так уж многочисленны и, сверх того, сводятся к мелочам, зависят от бытового уклада соответственных народов больше, нежели от какой-нибудь продуманной системы.

Главные же принципы военной администрации всюду одинаковы. И это неудивительно, ибо самое бытие армии покоится на некоторых простейших законах массовой психологии, законах, по-видимому, столь же всеобщих и неизменных, как законы физики и химии. Все известные нам армии, во-первых, иерархически устроены, во-вторых, предполагают безусловное подчинение старшим младших, в-третьих, имеют регулятором всех внутренних отношений организованное принуждение, достаточно грозное, чтобы принудить к послушанию недисциплинированные элементы.

По «конституции» своей современная армия приближается к типу абсолютной централизованной монархии. Из истории мы знаем, что образование абсолютных монархий и создание постоянных армий шло в Европе параллельно, причем навыки мысли и приемы управления постоянно переносились из одной области в другую. В XVIII веке и в первой половине XIX армия была подобна государству. Затем обозначились признаки расхождения. Полицейский абсолютизм исчез, в одних странах раньше, в других позже. За установлением правового государства последовала постепенная демократизация законодательства и управления. Однако армии остались в стороне от этого процесса. Он коснулся их лишь с одной стороны посредством введения всеобщей воинской повинности. Армия стала вооруженным народом – термин, приобретающий свое истинное значение только во время войны, когда произведена мобилизация.

По составу своему армии приблизились к народу. Благодаря переменам в государственном устройстве они из инструментов насилия и угнетения стали, по крайней мере в идее, средством для защиты национальной свободы и самостоятельности, орудием в руках демократии.

Каким образом демократия, по крайней мере современная буржуазная демократия английского или французского типа, делает армию своим орудием? Она, через посредство ответственного перед парламентом военного министра, назначает главнокомандующего и высших генералов.

И это все. Начала, руководящие жизнью самой армии, остались, в общем, те же, что и в XVIII столетии. Случилось это потому, что полное уподобление армии современному демократическому и правовому государству встретило серьезные препятствия практического характера.

Попытки достичь такого уподобления делались неоднократно. Так, во Франции, перед самой войной, возникла целая литература по вопросу о том, как реформировать армию сообразно духу времени и демократическим началам. Напомню книгу Жореса «*L'armée nouvelle*». Были и другие авторы, предлагавшие порою меры весьма крайние и далеко идущие, например заменить армию поголовным ополчением всего населения без различия пола; роль же постоянного войска ограничить задачами современных штабов и офицерского корпуса.

Но разразилась война, и все эти предложения были отвергнуты как неисполнимые. Друзья и сподвижники Жореса вынуждены были признать, что существующая военная организация всего более отвечает условиям нынешней военной техники. Немного позднее, когда Англия начала создавать вместо прежнего наемного войска новую армию на основе общей повинности, она опять-таки взяла в пример готовые континентальные образцы. Все принципиальные и идейные соображения оказались бессильны перед неумолимыми требованиями жизненной необходимости.

С этими требованиями предстоит считаться и нам на намеченной и уже совершающейся перестройке нашей военной системы.

Всем известно, что бытовой уклад нашей армии многими своими сторонами был связан с полицейским и крепостническим строем старой русской жизни. Теперь, в связи с падением царского самодержавия, тягостные и одиозные особенности военного быта, конечно, должны быть устранены. Они и устранены уже почти повсеместно. Сюда относится рукоприкладство, телесное наказание, рабское бесправие солдата перед офицером – словом, все то, чем давно уже тяготились наиболее чуткие и сознательные личности из профессиональной офицерской среды. Закрепить создавшуюся перемену, ввести ее в плоть и в кровь огромного большинства, будет, конечно, нелегко. Однако это совершенно необходимо. Это нужно прежде всего для увеличения боеспособности армии, для укрепления вооруженной мощи страны и силы ее сопротивления завоевателю.

Но изменение быта в более гуманном и – да простится мне это истасканное и скомпрометированное слово – в более либеральном духе, еще не разрушает собою старых органических законов армии. Оно, это изменение, осуществляется не столько правовым, сколько психологическим путем, вследствие перемены в самосознании солдат и офицеров, переживших революцию. Такое изменение еще не имеет права именоваться реформой армии.

Быть может, благоразумнее, быть может, гораздо осторожнее и мудрее было бы подождать с коренными реформами до конца войны. Но, к несчастью, острожная мудрость в революционные эпохи сплошь и рядом оказывается ничем не лучше тупости и недальновидности. Если нам суждено было

пережить революцию во время войны, а не по окончании ее, то из этого факта необходимо сделать все логические выводы. Потому нам нужно не столько благоразумие, сколько полная ясность мысли, определенное и кристаллизованное сознание намеченных целей. Ясности мышления и сознательности действий вправе требовать страна от всех своих деятелей и руководителей, на каком бы поприще они ни выступали – в политике, в публицистике или в деле управления.

Именно этих качеств нам, пока что, сильно не хватает.

Две меры, выдвинутые самую жизнь, как естественное следствие революции, заслуживают названия р е ф о р м ы армии, а не простого изменения ее быта. Я разумею дарование полноты политических прав военнослужащим и введение выборного начала как нового принципа организации войсковых частей.

По существу этих мер можно высказывать разные мнения. Но, во всяком случае, одно из них имеет отвлеченно теоретический, кабинетный характер и начинает граничить со слепым доктринерством. Это то, которое считает обе меры нежелательными и подлежащими немедленной отмене.

Настаивать на подобном шаге, значит, обнаружить полное незнакомство с нынешним состоянием дел и умов в русской армии.

Недостаточно, однако, высказаться за сохранение и дальнейшее целесообразное развитие двух великих вольностей, завоеванных русским солдатом. Нужно, не теряя времени, уяснить себе истинный смысл их, объем и пределы вносимых ими изменений и их вероятные последствия. Всякие недомолвки и словесные экивоки здесь неуместны. Выпадают такие моменты в истории, когда для охранения свободы, порядка и безопасности строгость терминологии нужнее строгости полицейской.

Все вопросы, связанные с реформой армии, следует разрешать чисто практически, по возможности вне партийных рамок и углов зрения. Дело такое новое, необычное, непредусмотренное никакой партийной программой, не продуманное до конца ни на одном партийном съезде. Жизнь требует от нас творчества и промедлений терпеть не желает. Если мы не можем творить и созидать совершенно заново, жизнь отвернется от нас, предоставив нас сени смертной.

Речь. 1917, 8 апреля, № 81.

Ленин В.И.

О ДВОЕВЛАСТИИ

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса, не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*. Этот факт надо уяснить себе прежде всего; не поняв его, нельзя идти вперед. Старые «формулы», например, большевизма надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление *оказалось* иное. О двоевластии *никто* раньше не думал и думать не мог.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки, несомненно, существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это – революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью. Это – власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. *Эта* власть – власть *того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года.

Основные признаки этого типа:

1) источник власти – не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение;

2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ;

3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо, по меньшей мере, ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной, оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего.

В этом и *только* в этом суть Парижской Коммуны как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили гг. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди «центра», т. е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне социал-демократы, социалисты-революционеры и т. под[обные].

Отдельваются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, не хотят *подумать* о том, *что такое* Советы рабочих и солдатских депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что, по-

сколько эти Советы существуют, *поскольку* они – власть, постольку в России существует государство *типа* Парижской Коммуны.

Я подчеркнул: «поскольку». Ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным правительством и рядом фактических уступок *сдала* и *сдает* позиции буржуазии.

Почему? Потому ли, что Чхеидзе, Церетели, Стеклов и К° делают «ошибку»? Пустяки. Так думать может обыватель, но не марксист. Причина – *недостаточная сознательность* и организованность пролетариев и крестьян. «Ошибка» названных вождей – в их мелкобуржуазной позиции, в том, что они *затемняют* сознание рабочих, а не проясняют его, *внушают* мелкобуржуазные иллюзии, а не опровергают их, *укрепляют* влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния.

Отсюда должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя «просто» вопрос: надо ли тотчас свергнуть Временное правительство?

Отвечаю: 1) его надо свергнуть – ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно *не может дать* ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим *соглашением* с Советами рабочих депутатов и главным Советом, Питерским прежде всего; 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на «*поддержку*» буржуазии *вторым* правительством, Советом рабочих депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало, и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы – марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии.

Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали; сплотимся для пролетарской классовой работы, и из пролетариев, из *беднейших* крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо *жизнь* будет ежедневно разбивать мелкобуржуазные иллюзии «социал-демократов» Чхеидзе, Церетели, Стекловых и пр., «социалистов-революционеров», мелких буржуа еще более «чистых» и пр. и пр.

Буржуазия за единовластие буржуазии.

Сознательные рабочие за единовластие Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов, – за единовластие, подготовленное *прояснением* пролетарского сознания, *освобождением* его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия, – «социал-демократы», с.-р. и пр. и пр., – колеблется, мешая этому прояснению, этому освобождению.

Вот фактическое, классовое, соотношение сил, определяющее наши задачи.

Правда. 1917, 9 апреля. № 28.

Плеханов Г.В.

О ТЕЗИСАХ ЛЕНИНА И О ТОМ, ПОЧЕМУ БРЕД ПОДЧАС ИНТЕРЕСЕН

В статье о задачах пролетариата в данной революции («Правда» № 26) Ленин, изложив свои, отныне знаменитые тезисы, в заключение счел нужным обрушиться на меня грешного. Зачем это понадобилось ему, я не знаю. Но посмотрите, как лихо ведет он против меня свою кавалерийскую атаку:

«Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь “бредовой”. Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели бред сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению “брета”? Некругло, совсем некругло у вас выходит».

Я вовсе не расположен был вступать в публицистические схватки. Теперь у меня другая забота. Притом же полемика, ведомая в духе, каким пропитаны цитированные мною строки Ленина, непременно выродилась бы в петушиный бой, имеющий некоторый интерес, – да и то единственно для охотников до этой забавы, – только в эпохи политического затишья и общественного упадка. Мы же переживаем теперь период подъема, и участники петушиных боев в литературе должны возбуждать в читающей публике чувство отвращения. Но я не могу молчать. Во-первых, потому, что простодушные последователи Ленина вообразили бы, будто мне решительно нечем отразить его удалой наезд, во-вторых, по той причине, что этот наезд представляет собою лишь военную демонстрацию, предпринятую с целью защиты главной позиции, на которой расположены ленинские тезисы. Потому я и начинаю с наезда.

Ленин утверждает, что я неуклюж, неловок и недогадлив в своей полемике. Если это правда, то тем лучше для него. Однако разберем. В чем же, собственно, проявилась, моя неуклюжесть, неловкость и недогадливость? Мой развязный противник спрашивает, каким образом могли слушать бредовую речь сотни слушателей в течение целых двух часов. Затем он недоумевает, почему «Единство» посвятило целый столбец изложению бреда.

Замечу, прежде всего, что я не давал никакого отзыва о речи Ленина и не был между его слушателями. «Бредовой» назвал длинную речь Ленина товарищ репортер «Единства». Разумеется, он мог ошибиться в своей оценке. Но я позволю себе заметить, что его ошибка никак не могла бы служить доказательством моей неуклюжести, неловкости и недогадливости в полемике. Кроме

того, впечатление бреда речь Ленина произвела на огромное большинство слушателей, а не только на товарища репортера «Единства». Если в этом последнем обстоятельстве Ленин увидит новое доказательство слабости моего литературного таланта, то я боюсь, как бы даже простодушные читатели «Правды» не сообразили, что неуклюжестью, неловкостью и недогадливостью отличается именно он, Ленин. Пойдем дальше. Напрасно думает мой противник, что «бредовая речь» не может привлекать к себе внимание слушателей в течение целых двух и даже более часов. И столь же напрасно уверяет он, будто изложению такой речи газеты не могут отводить места. Бред бывает иногда весьма поучителен, в психиатрическом или в политическом отношении. И тогда люди, занимающиеся психиатрией или политикой, охотно посвящают ему много времени и места. Укажу на «Палату № 6» Чехова. Она составляет целую книжку. В ней излагается самый несомненный бред, а между тем занялся же воспроизведением этого бреда большой, очень большой художник. И когда мы читаем это произведение очень большого художника, мы не смотрим на часы и нисколько не ропщем на то, что оно занимает несколько печатных листов. Напротив, мы жалеем о том, что слишком скоро доходим до последней его страницы. Это новый довод в пользу того, что бред, оставаясь бредом, может быть интересен во многих отношениях.

Или возьмем «Записки титулярного советника Авксентия Ивановича Поприщина». В художественном отношении эта вещь Гоголя слабее, нежели «Палата № 6». Однако и она читается с большим интересом, и никто не жалуется на то, что она занимает несколько «столбцов». То же и с тезисами Ленина. Читая их, сожалеем только о том, что автор не изложил их гораздо подробнее. Это не значит, конечно, что я ставлю Ленина на одну доску с Гоголем или с Чеховым. Нет, — пусть он извинит меня за откровенность. Он сам вызвал меня на нее. Я только сравниваю его тезисы с речами ненормальных героев названных великих художников и в некотором роде наслаждаюсь ими. И думается мне, что тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин. Обстановка эта характеризуется следующей пометой:

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое».

Мы увидим, что именно при такой обстановке, т. е. при полном отвлечении от обстоятельств времени и места, написаны тезисы Ленина. А это значит, что совершенно прав был репортер «Единства», назвавший речь Ленина бредовой.

Первый тезис Ленина

Есть люди, политический кругозор которых до такой степени затуманен любовью к Интернационалу, что они никак не могут, — да и не хотят — разобраться в том, на кого же собственно падает ответственность за нынешнюю войну. Рассуждения этих людей всегда заставляли меня вспоминать о том мещанине в одном рассказе Глеба Успенского, который уверял, будто существует статья, гласящая: «по совокупному мордобою и взаимному оскорблению не виновны». И когда я слушал такие рассуждения, я не раз мысленно восклицал

словами купчины в том же рассказе: «Передрались мы все как самые последние прохвосты, а выходим все, как младенцы невинные». На первый взгляд представляется непонятным, как может человек, не совсем лишенный здравого смысла, допускать, что в международном праве современного социализма существует статья, подобная вышеуказанной. Но дело объясняется тем, что в данном случае ответственность переносится с людей на производственные отношения. Вина во всем капитализм, который, на высшей стадии своего развития, непременно становится империалистическим. Сам по себе этот довод ничего не объясняет. Он основан на той логической ошибке, которая в науке называется *petitio principii*, другими словами: он считает доказанным как раз то, что требуется доказать, т. е. что ответственность за каждую данную империалистическую войну в одинаковой мере падает на все участвующие в ней капиталистические страны. Но он успокаивает совесть интернационалистов, «не приемлющих войны», и потому нередко принимается без критики даже людьми, от природы весьма неглупыми.

Ленин никогда не был человеком сильной логики. Однако и он как будто подметил логическую несостоятельность этого довода. Это явствует из следующих строк его первого тезиса.

«В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К°, безусловно, остается грабительской империалистской войной, в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки революционному оборончеству».

Вы видите: война является грабительской, империалистской войной *со стороны России*. А как обстоит дело *со стороны Германии*? Об этом у Ленина не сказано ничего. Но, если со стороны одного из двух, сталкивающихся между собою лиц, проявляется грабительское намерение, то весьма естественно предположить, что другое лицо рискует быть ограбленным. Выходит, что Германия подверглась опасности быть ограбленной Россией. А если это так, то русскому пролетариату нет никакой надобности деятельно участвовать в нынешней войне.

Признаюсь, логика Ленина нравится мне больше, нежели логика людей, в своих рассуждениях отправляющихся от убеждения в безответственности «участников совокупного мордобоя». Он не отказывается от рассмотрения вопроса об ответственности: из приведенных мною строк его неизбежно следует, что ответственность падает именно на Россию, *со стороны* которой проявились грабительские намерения? Однако его логичность есть именно логичность человека, ведущего свои рассуждения в том психическом состоянии, которое прекрасно характеризовал Поприщин своей пометой:

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое».

Кто же не знает, что война объявлена была не Россией – Германии, а наоборот: Германией – России? Правда, Бетман-Гольвег уверял, что Россия своей мобилизацией вынудила Германию объявить ей войну. Но неужели Ленин способен принять всерьез это утверждение германского канцлера, в свое время победоносно опровергнутое автором известной книги «J'accuse»? Допустить

это совершенно невозможно. Дело вовсе не в том, известен или не известен Ленину тот или другой отдельный факт, знакомо или не знакомо ему то или другое утверждение или то или другое опровержение этого утверждения. Он рассуждает вне обстоятельств места и времени. Он оперирует единственно со своими отвлеченными формулами. И если формулы эти противоречат фактам, то тем хуже для фактов. Да и какое значение могут иметь факты там, где нет ни чисел, ни месяца, а существует лишь нечто совершенно фантастическое?

Ленин утверждает, что в виду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, не желающих никаких завоеваний, необходимо терпеливо разъяснять им их ошибку. Из этих его слов прежде всего следует, что масса русского населения желает защищать свою страну, т. е. стоит на нашей точке зрения, а не на точке зрения Ленина. Нам чрезвычайно приятно лишний раз убедиться в этом. Но пойдем дальше и спросим себя: какую же ошибку следует разъяснять массе, расположенной к защите своей страны?

По словам Ленина, мы должны «разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной». *Какого же* капитала? Так как грабительские наклонности проявились именно «*со стороны России*», то следует думать, что нынешняя война падает на ответственность *русского* капитала.

Но этому выводу противоречит следующее соображение.

Политика новейшего империализма есть продукт стран, достигших наивысшей ступени капиталистического способа производства. Россия не принадлежит к числу таких стран. Мы все знаем, что, по известному выражению Маркса, ее трудящееся население страдает не только от капитализма, но также и от недостаточного развития капитализма. Стало быть, русский капитал никак не может выступить в роли наиболее видного и наиболее опасного для других народов представителя империалистической политики.

А если он не способен выступить в такой роли, то нелепо считать его главным виновником нынешнего международного столкновения. К тому же наша трудящаяся масса просто-напросто не поверит «беспристрастным» агитаторам, которые захотели бы «разъяснить» ей, что ответственности за войну следует искать преимущественно, если не исключительно, «*со стороны России*». Ленин как будто сам чувствует это. По крайней мере, он обнаруживает готовность ограничиться «разъяснением» того, что «кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала».

Смысл этого ясен: *сначала* свержение капитала, *а потом* участие народа в защите страны. Совершенно так рассуждал Гюстав Эрвэ до своего внезапного превращения в прямолинейного фанатика национальной самозащиты. Марксизмом тут, разумеется, не пахнет, как вообще не пахнет им в рассуждениях людей, не считающихся с условиями времени и места. На Парижском Международном Социалистическом Конгрессе 1889 г., на этом первом съезде второго Интернационала, анархисты объявили изменой социализму выставленное нами, марксистами, требование восьмичасового рабочего дня. Они тоже говорили: сперва свержение капитала, а потом уже охрана труда. Я оби-

дел бы современного читателя, если бы принялся «разъяснять» ему, что истина была не на стороне анархистов.

Ленин находит, что его изумительная и чисто анархическая формула прогресса должна широко пропагандироваться не только в трудящейся массе, но также и в действующей армии. Это понятно. Очень нередко именно самое уродливое дитя пользуется наиболее горячей любовью своих родителей. Но совершенно загадочно окончание первого тезиса Ленина. Оно состоит из одного только слова: «братанье». С кем братанье? По какому случаю братанье? Это остается покрытым мраком неизвестности. Но, принимая в соображение *начало* первого тезиса, можно построить на этот счет довольно вероятную гипотезу.

Так как нынешняя война до сих пор остается грабительской, империалистской войной *«со стороны России»*, то всем нам, не одобряющим грабительства русским людям, — а также, конечно, и находящимся на фронте воинам нашим, — надо побрататься с немцами: простите, мол, нас, добрые тевтоны, в том, что мы своими грабительскими намерениями довели вас до объявления нам войны; до занятия значительной части нашей территории; до надменно-зверского обращения с нашими пленными; до ограбления Бельгии и до превращения этой, когда-то цветущей страны, в одно сплошное озеро крови; до систематического разорения многих французских департаментов и так далее, и так далее. Наш грех!.. Наш великий грех!

Как только до немцев дойдет этот трогательный, покаянный плач, они расчувствуются в свою очередь, заплачут слезами радости, кинутся в наши объятия, и тогда начнется, как говаривал Фридрих Энгельс: *«eine allgemeine liebensduselei»* (всеобщее любовное лобызание).

Ну, разве же не очевидно, что, по крайней мере, первый тезис Ленина написан в том фантастическом мире, где нет ни чисел, ни месяцев, а есть только черт знает что такое?

Остальные тезисы Ленина

Маркс говорит в знаменитом предисловии к не менее знаменитой книге *«Zur Kritik der Politischen Oekonomie»* («К критике политической экономии»): «На известной ступени своего развития *производительные силы* общества вступают в противоречие с существующими в этом обществе *отношениями производства*, или, выражая то же самое юридическим языком, с отношениями собственности, внутри которых они развивались до сих пор. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в *препятствие* для их развития. Тогда наступает эпоха социальной революции».

Это значит, что далеко не во всякое данное время возможен переход от одного способа производства к другому, высшему, например от капиталистического к социалистическому. Маркс прямо говорит далее в том же предисловии, что данный способ производства никак не может сойти с исторической

сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил.

Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т. е. что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а наоборот, препятствует ему?

Выше я сказал, что Россия страдает не только оттого, что в ней есть капитализм, но также и оттого, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами. Если бы нужно было ее новое подтверждение, то его можно было бы почерпнуть из опыта нынешней войны, показавшей, как сильно рискует такое экономически отсталое государство, как Россия, сделаться предметом беспощадной эксплуатации со стороны такого экономически развитого государства, как Германия. Если это так, то совершенно ясно, что о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие себе учение Маркса.

Самое важное разногласие между нами и народовольцами, – как известно восстававшими против марксизма, – заключалось в том, что, по их мнению, предстоявшая русская революция должна была соединить в себе как *политический* элемент, т. е. низвержение царизма, так и момент *социальный*, точнее *социалистический*, мы же, в противность им, доказывали, что это невозможно вследствие экономической отсталости России. Согласно нашему взгляду, завоевание политической свободы должно и могло явиться лишь одним из тех необходимых условий, которые подготовят социалистическую революцию, имеющую совершиться в более или менее отдаленном будущем.

Этого тоже не оспаривал до сих пор никто из русских марксистов. Не оспаривал этого, между прочим, и Ленин. Это общераспространенное между русскими марксистами убеждение до сих пор напоминает ему о себе время от времени. В его восьмом тезисе говорится:

«Не “введение” социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С[овета] Р[абочих] Д[епутатов] за общественным производством и распределением продуктов».

Тут Ленин отдает дань своему прошлому русского марксиста. Но, отдавая эту дань одной рукой, он другой рукой старается взять ее назад. Конечно, иное дело введение социализма, а иное дело контроль. Однако спрашивается: что же собственно хочет контролировать Ленин? Ответ: общественное производство и распределение продуктов. Это, увы! – весьма неопределенный ответ. Контроль над производством и распределением продуктов, необходимый в социалистическом обществе, в известной и даже весьма значительной мере возможен также и при капитализме. Это опять-таки очень убедительно доказала нынешняя война. Но если восьмой тезис Ленина дает лишь неопределенный ответ на интересующий нас вопрос, то первый его тезис совсем недвусмысленно требует «полного разрыва на деле со всеми интересами капитала». Кто вполне разрывает на деле со всеми интересами капитала, тот совершает соци-

алистическую революцию. Таким образом, заключающаяся в восьмом тезисе оговорка (не «введение» социализма, а контроль и прочее) представляет собою лишь слабую попытку нашего *«коммуниста»* успокоить свою *марксистскую* совесть. На деле он вполне разрывает со всеми, – основанными на теории Маркса, – предпосылками социалистической политики и со всем своим обозом и артиллерией переходит в лагерь анархистов, которые всегда неустанно призывали рабочих всех стран к совершению социалистической революции, никогда не справляясь о том, какую именно фазу экономического развития переживает та или иная отдельная страна.

Социалистическая политика, основанная на учении Маркса, имеет, конечно, свою логику. Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению. Если нелепо звать только что названные мною элементы к низвержению капитализма, то не менее нелепо звать их к захвату политической власти. Кто-то из наших товарищей, оспаривавших тезисы Ленина в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, напомнил ему глубоко истинные слова Энгельса о том, что для данного класса не может быть большего исторического несчастья, как захват власти в такую пору, когда его конечная цель остается недостижимой по непреодолимым объективным условиям. Ленина в его нынешнем анархическом настроении, разумеется, не может образумить подобное напоминание. Всех тех, которые возражали ему в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, он оптом величал оппортунистами, поддавшимися влиянию буржуазии и проводящими ее влияние на пролетариат. Это опять язык анархиста. Если читатель даст себе труд перелистать старую книгу М.А. Бакунина «Государственность и Анархия», то он увидит, что отцу русского анархизма сам Маркс представляется оппортунистом, поддавшимся влиянию буржуазии и проводящим ее влияние на пролетариат. Да иначе и быть не могло. В анархизме тоже есть своя логика. Все тезисы Ленина вполне согласны с этой логикой. Весь вопрос в том, согласится ли русский пролетариат усвоить себе эту логику. Если бы он согласился усвоить ее себе, то пришлось бы признать бесплодными наши более чем тридцатилетние усилия по части пропаганды идей Маркса в России. Но я твердо уверен в том, что этого не будет, и что в призывах Ленина к братанью с немцами, к низвержению Временного Правительства, к захвату власти и так далее, и так далее, наши рабочие увидят именно то, что они представляют собою в действительности, т. е. *безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле.*

Русский пролетариат и русская революционная армия не забудут, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встретит немедленного энергичного и сурового отпора с их стороны, то она с корнем вырвет молодое и нежное дерево нашей политической свободы.

Череванин (Липкин) Ф.А.

ЧЕГО ДОБИВАЕТСЯ ЛЕНИН?

Революция не ждет. Для своей успешности она требует немедленной организации народных масс. «Как временные учреждения для укрепления завоеваний революции», Советы рабочих и солдатских депутатов – идеальные учреждения. Но они не выдерживают ни малейшей критики как постоянные учреждения. Солдатская масса включает в себе все слои населения: тут и земледельческий батрак или представитель крестьянской бедноты и рядом – средне или сильно зажиточный крестьянин, тут и мелкий торговец или служащий и тут же – настоящий рабочий пролетарий.

Объединение солдат и рабочих – не классовая организация. Между тем объединения отдельных классов, пролетариев, крестьян, буржуазии необходимы для защиты интересов каждого из этих классов в отдельности.

Рядом с этим в стране должны быть органы, объединяющие все население для общей постоянной работы. Такими органами могут быть демократические городские думы и земства; таким органом для всей страны может быть демократически избранный парламент.

Но солдатская масса это не все население, и объединение ее с одним рабочим пролетариатом тоже не представляет собой всего населения. Все население правильно выражать свою волю через Советы рабочих и солдатских депутатов не может, и от лица населения Советы рабочих и солдатских депутатов могут говорить и действовать только до тех пор, пока население не организуется и не найдет правильного выражения своей воли в Учредительном собрании.

Но вот пришел к нам Ленин и говорит, что Советы рабочих и солдатских депутатов – идеальная форма правительства. Нужно только к ним добавить еще батрацких и крестьянских депутатов. Демократическая парламентарная республика это – пройденная ступень. Будем образовывать республику Советов депутатов: «Выше и лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем» («Правда», № 28).

Тут сейчас же возникает целый ряд недоумений. Можно ли не крестьян, не батраков и не рабочих лишать голоса в определении судьбы страны? Может ли истинная демократия устранять какие-либо слои от участия в управлении страной?

Затем дальше. Ленин собирается свергать Временное правительство. Он прямо говорит: «...его надо свергнуть» (Там же). Как свергнуть? Добившись большинства в Советах. Советы депутатов должны стать единственной властью.

Но каким образом добиться большинства в Советах?

Необходимо организовать «коммунистическую партию», отвечает Ленин.

На кого она должна опереться?

На пролетариат и беднейшие слои крестьянства.

Но в Советах везде рядом с пролетариатом должны быть организованы не только беднейшие крестьяне, но и все крестьянство и, кроме крестьянства, еще солдатские массы. Среди всех этих организованных элементов пролетарии и беднейшие крестьяне будут в меньшинстве.

На чем же основаны надежды Ленина?

Почему он рассчитывает, что партия, опирающаяся даже на большинство пролетариев и беднейших крестьян, поведет за собой всю массу крестьян и солдат? Заставит их делать то, чего требуют интересы пролетариев? И главное: на чем основана надежда сделать это очень быстро, пока еще существует Временное правительство, чтобы успеть его свергнуть?

Но, может быть, под крестьянскими депутатами Ленин понимает депутатов не от всего крестьянства, а только от его меньшинства, от батраков и близких к батракам беднейших крестьян? Это было бы последовательно. Раз от управления делами страны устранена вся буржуазия, вплоть до мелкой и мельчайшей (до всяких ремесленников и пр.), вся профессиональная интеллигенция, зачем допускать к управлению делами всю массу крестьянства? Не лучше ли право голоса оставить только за беднейшими крестьянами?

В чем же истинная позиция Ленина?

Ясно, во всяком случае, что возможны только два толкования этой позиции. Или дело идет о том, чтобы медленно, долгим процессом борьбы и пропаганды завоевывать для новой коммунистической партии сперва большинство среди пролетариата и беднейшего крестьянства, затем с помощью этого большинства завоевывать большинство в Советах рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов и, добившись там большинства, приняться за свержение Временного правительства. Тогда гора родила мышь.

Тогда, очевидно, Ленину не придется свергать Временное правительство. Оно успеет исчезнуть само, пока Ленин совершит всю работу, необходимую для его свержения. На место его успеет стать Учредительное собрание, и даже Учредительное собрание успеет учредить парламентарную республику.

Волей-неволей Ленину со своей коммунистической партией придется перекочевывать из Советов рабочих депутатов в ненавистную ему теперь парламентарную республику.

Но, может быть, истинное понимание позиции Ленина нужно искать не столько в том, что он говорит, сколько в том, что он недоговаривает. В действительности, может быть, дело идет об установлении в стране диктатуры пролетариата и беднейшей части крестьянства, диктатуры, которую Ленин надеется провести в жизнь в атмосфере революционного угара, создавая в массе несбыточные надежды на скорое осуществление социализма.

Говоря словами поэта: «Есть речи, значенье темно иль ничтожно, но им без волненья внимать невозможно». Значение речей Ленина, несомненно, «темно иль ничтожно», но в той темной путанице, которую он несет, революционная стихия, разгоряченная своими победами, воспринимает одно, только одно — близкую надежду на свержение власти капитала, на осуществление социализма. То, что может быть куплено только долгой медленной борьбой, начинает

казаться под влиянием этих речей легко осуществимым, требующим только быстрого, стремительного натиска.

Только поэтому «темные и ничтожные» речи Ленина вызывают в малосознательной массе рабочих «волнение». А за Лениным идут его сторонники, которые уже прямо берут у Ленина только то, что способно «волновать» массу. И в итоге, как говорят многочисленные свидетельства, малосознательная масса понимает проповедь Ленина и особенно проповедь его последователей как призыв немедленно вводить социализм на заводах, сменяя администрацию, заглаживая заводы, беря в свои руки управление ими.

Ленин, помимо своей воли, становится апостолом анархии.

Господства в Советах рабочих и солдатских депутатов он не достигнет. Но возбудить против Советов малосознательные слои рабочих, разжечь вражду в рядах революционной демократии, и дезорганизовать ее работу, он может, если вовремя ему не будет дан самый решительный отпор, если вовремя не будут разоблачены «темнота и ничтожество» его «волнующих» речей.

Рабочая газета. 1917, 11 апреля. № 28.

Каменев Л.Б.

О ТЕЗИСАХ ЛЕНИНА

«Вне социализма нет спасения человечеству от войн, от голода, от гибели еще миллионов и миллионов людей», — так пишет тов. Ленин, защищая свои тезисы.

Верно ли это?

Для социалиста не существует тут ни малейшего сомнения. Это — абсолютная истина. Одна беда: эта абсолютная истина никуда не годится в качестве аргумента за ту или другую практическую политику сегодняшнего дня.

Что вне социализма нет спасения человечеству от войн и голода — это было верно всегда: при царизме, как и после свержения царизма. Мало того, эта истина принадлежит к разряду таких истин, которые сейчас же, сию минуту подпишут вам любые Шейдемань, германские, английские, русские.

Для того чтобы строить марксистскую политику, мало этой истины: надобен еще учет исторической обстановки, надо взвесить соотношение сил и классов в данный момент, в данной стране, находящейся в таких-то и таких-то отношениях с другими странами. Этого нет ни в тезисах Ленина, ни в его статьях.

Его тезисы, великолепная программа... для первых шагов созданной революции в Англии, в Германии, во Франции, но не для законченной демократической революции в России. И это сказывается на тезисах Ленина тем, что в них нет ответа ни на один вопрос политической жизни России сегодняшнего дня.

Какова должна быть политика партии в вопросе о войне? Оборонцы говорят: надо защищать революцию на фронте. «Правда»: надо, сейчас же открыть широчайшую общенародную кампанию за всеобщий мир, тем самым облегчая пролетариату всех стран восстание против своих правительств.

Что говорят тезисы тов. Ленина?

Ничего. Ибо единственный по поводу войны конкретный совет Ленина – «обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять широким слоям неразрывную связь капитала с империалистской войной» – решительно ничего не разъясняет в вопросе о практической политике партии, претендующей на руководство революционными массами пролетариата и одетой в солдатские шинели беднейшей частью крестьянства.

Другой пример. Наше отношение к Временному правительству. Тов. Ленин отвечает: 1) «его надо свергнуть», 2) «его нельзя сейчас свергнуть», 3) «его вообще нельзя свергнуть обычным способом».

Верно.

Чтобы его «свергнуть», надо получить в стране большинство на свою сторону. А большинство масс, по мнению самого же тов. Ленина, характеризуются покуда «доверчиво-бессознательным отношением к правительству капиталистов».

Случайно ли это?

Нет!

Может ли это измениться с сегодня на завтра?

Нет!

Значит, нам предстоит более или менее длительный период изживания массами своего «доверчиво-бессознательного отношения к правительству капиталистов». (Заметим в скобках, что в других странах этот «период» тянется уже десятилетия и до сегодняшнего дня еще не кончился свержением буржуазных правительств.)

На этот период, именно ради того, «чтобы массы опытом избавились от своих ошибок», нужна в партии программа требований к этому правительству, нужно ли стать к нему в определенные отношения, если мы отказываемся звать наших сторонников к обреченным сегодня на неудачу попыткам немедленного его свержения? Так мы снова возвращаемся к вопросу об отношении партии к Временному правительству, который тов. Ленин благополучно обошел признанием, что его «свергнуть надо, но сейчас нельзя»¹.

Почему же у тов. Ленина «не вышло» никакого ответа на самые животрепещущие вопросы масс? Потому, что у него есть один общий, все разрешающий ответ. Ответ этот гласит: социализм.

¹ Надо же сделать хотя в этом вопросе определенный вывод. Если прав тов. Ленин, что «свергнуть Временное правительство сейчас нельзя» (а в этом он, несомненно, прав), то призыв к немедленному свержению надо прямо признать не соответствующим моменту, вредным, дезорганизуя силы революционного пролетариата.

Если действительно мы в России уже закончили демократическую революцию и вступили – под давлением империалистической войны – на путь осуществления социализма, тогда поистине нелепо предъявлять к правительству какие-то требования, касающиеся приступа к миру, нелепо толковать об Учредительном Собрании, нелепо думать парламентской республике. Тов. Ленин поэтому, не желая изменять логике, обо всем этом, если и думает, то лишь с приставкою «не»: не требования к правительству, а разоблачение его, не парламентская республика, а Советы и т. д.

Что же надо делать?

«Надо делать решительные шаги к свержению капитала, – пишет и подчеркивает тов. Ленин. – Их надо делать умело и постепенно... Но эти шаги надо делать». Вот это ясно и определено.

Но шаги к социализму, к свержению капитала могут сделать только рабочие. А они отдают себе отчет, что обстановка незавершенной демократической революции в самой отсталой стране Европы в момент, когда деревня еще не ликвидировала даже крепостничества, – что эта обстановка и этот момент отнюдь не соответствуют «решительным шагам к социализму».

В воскресных газетах опубликован документ первостепенной исторической важности. Это отчет конференции представителей заводов Артиллерийского ведомства. Конференция эта объединяет около ста тысяч рабочих самых крупных казенных заводов. Эта конференция должна была решить (на практике, не на словах) тот самый вопрос о «решительных шагах к свержению капитала», который разделяет нас с тов. Лениным. Вопрос этот перед 100 000 рабочих был поставлен жизнью, тем, что – как сообщает отчет:

«В разгар великой российской революции на некоторых заводах, напр. в Патронном и Сестрорецком оружейном заводах, администрация в панике разбежалась с заводов и не появлялась там в течение нескольких дней, так что фактически все управление заводами и производством очутилось в руках самих рабочих».

Что же решили рабочие?

До тех пор, пока не наступит момент полной социализации всего общественного хозяйства, государственного и частного, рабочие не берут на себя ответственность за техническую и административно-хозяйственную организацию производства и отказываются «от участия в организации производства».

Почему именно таково решение передовых рабочих Петрограда. Они объясняют это ясно:

«Создавшаяся еще при старом самодержавном режиме хозяйственная разруха сей экономической жизни, дезорганизация транспорта, а вследствие этого недостаток материалов для производства побудили рабочих снять с себя ответственности за техническую и хозяйственную организацию производства. Но зато все, что касается отношений между трудом и капиталом, всю защиту интересов труда перед заводской администрацией и контроль над ее деятельностью конференция рабочих приняла всецело на себя».

Итак, совершенно ясно: рабочие использовали великий социально-политический переворот для того, чтобы создать «конституционную фабрику», взяли под контроль всю деятельность администрации в ее отношениях к рабочим, но сознательно отклонили «решительные шаги к социализму» по частям.

Только самые отъявленные оппортунисты могут счесть «конституционную фабрику», т. е. полную демократизацию внутренних распорядков работы, за решительный шаг к социализму, или хотя бы за подход к социализму.

Отклоняя ответственность за организацию производства, рабочие прекрасно понимали, что социализм идет не через частичный захват фабрик и заводов, не через разрозненные коммуны, а через захват центрального аппарата государственно-экономической жизни, через переход в руки пролетариата как класса, управления банками, железными дорогами, продовольственного дела в государственном масштабе и т. д.

И в этом мы всецело с рабочей конференцией заводов Арт. Ведомства – против тов. Ленина.

Положение страны таково, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов неизбежно должны взять на себя решение целого ряда государственно-экономических вопросов. И в деле транспорта, и в деле продовольствия они должны вмешаться самым решительным образом, если они не хотят, чтобы революция не погибла в хаосе хозяйственной разрухи. Но смешивать эту работу С.Р. и С.Д. с «решительными шагами к свержению капитала» – непозволительно и с научной, и с тактической точки зрения.

Наша статья затянулась, и мы отлагаем подробный разбор «тезисов» тов. Ленина.

Заметим покуда одно. Тов. Ленин усиленно проповедует размежевание. Мы тоже за размежевание, но мы полагаем, что единственное размежевания в среде пролетариата исторически оправдано и практически необходимо. Это размежевание по линии интернационализма. Мы за сплочение всех интернационалистов, готовых вести решительную борьбу с революционным оборончеством.

Правда. 1917, 12 апреля. № 30.

Сорокин П.А.

СОЦИАЛИЗМ И СЕПАРАТНЫЙ МИР

Возможно ли добиваться сейчас отдельного мира с Германией? – вот вопрос, который стоит перед многими, и в особенности представителями социализма. Допустимо-ли, с точки зрения социалистической, заключение такого мира? Ставя этот вопрос, мы сразу же дадим на него ответ. Этот ответ гласит категорически: «Нет, невозможно и недопустимо!» Такой отдельный мир допустим еще с точки зрения узко национальной, но с точки зрения международного социализма он неприемлем.

Почему? Потому что, во-первых, социализм по своей природе «интернационален», т. е. для него важны интересы того или иного народа постольку, поскольку они находятся в согласии с интересами всего человечества. Идея общечеловечности – основная идея социализма. В силу этого для него на первом плане стоят не избавление одного народа от бедствия, а избавление от последнего всех народов. Война – зло. Уничтожение войны есть очередная задача социализма. Но это уничтожение войны социализм не может мыслить как избавление от нее только одного или нескольких народов, а может мыслить лишь, как уничтожение войны вообще, как избавление от всех народов, вовлеченных в это бедствие. В силу этого, какие бы выгоды не сулил для России, для Германии или для любой из воюющих стран сепаратный мир, он для социалиста неприемлем, ибо он означал бы забвение международных интересов социализма и замену последних интересами узконациональными или государственными.

В самом деле, допустим, что сепаратный мир вывел бы Россию из числа воюющих государств. Что из этого получится? Прекращается ли этим бойня? Нет. Избавляются ли от бедствий войны Германия, Англия, Франция и т. д.? Нет. Устанавливается ли при таких условиях единение трудового народа России, Англии, Франции и т. д.? Нет. Напротив, отношения между ними по необходимости становятся враждебными. Раз социализму важны интересы всего человечества – и раз такой выход не спасает от войны все государства, – он не может быть принят социализмом. Но мало того. Сомнительно, чтобы сепаратный мир мог избавить и Россию от войны. Не будет большой фантазией, если мы предположим, что отдельный мир России с Германией повлечет за собой объявление Англией, Францией и друг[ими] государствами войны России. Такого рода возможность весьма вероятна, ибо сепаратный мир России с Германией означал бы измену и вызов союзникам, и этот вызов они едва ли оставили бы без ответа. Выходит, таким образом, что отдельный мир не согласен с заветами социализма, не спасает человечество от войны, ведет к розни и вражде демократий России и союзных стран и, наконец, не выводит из области войны даже Россию. Короче, он дает одни минусы и никаких плюсов.

Вот почему самая идея сепаратного мира противоречит основному завету социализма и потому для него неприемлема. Мы хотим уничтожения войны вообще, а не уничтожения войны для той или другой страны.

Таков главный довод, показывающий недопустимость всяких сепаратных мирных договоров с точки зрения социализма. Серьезным заблуждением являются голоса тех социалистов, которые выкидывают лозунги сепаратного мира. Помимо указанного довода, есть немало и других оснований, приводящих к тому же выводу.

Социализм справедлив и морален. Для него заветы нравственности также святы, как и для развитого общечеловеческого морального сознания. А последнее гласит: «Нельзя вероломно извлекать выгоду за счет чужой беды. Нельзя спасать себя ценой гибели другого». Чем же иным, как не таким спасением себя за чужой счет, является предлагаемый сепаратный мир? Разве не

обозначает он избавления России от бедствий войны за счет Англии, Франции и др. государств? Разве не обрушится Германия на союзные государства двойной тяжестью, если мы заключим такой мир? «Националист» может сказать на это: «А какое мне дело до Франции и Англии, мне важна только Россия!» Так может сказать националист, но «интернационалист» и «социалист» так сказать не могут. Для последних одинаково близки интересы всех государств, а не только России. Вот почему сепаратный мир и по указанному основанию невозможен. Если бы слышали мы голоса союзных социалистов, требующих сепаратного мира Франции и Англии с Германией, наше мнение было бы одно; мы бы сказали: «Какое забвение интересов социализма! Какая недопустимая купля своих выгод за счет России!» Так оценили бы мы подобные попытки. Отчего же забывают об этом наши сторонники мира? Где их логика? Почему забыли они заветы социализма? Почему мы не слышали от западных социалистов Франции и Англии требования сепаратного мира? Между тем Германия куда охотнее пошла бы на сепаратный мир с нашими союзниками, чем с нами. Наши союзники теперь, после присоединения Америки, и без нас в состоянии бороться с Германией. Мы же без союзников погибли бы. Заключив с ними мир, Германия без особого труда справилась бы с Россией. И западноевроп. социалисты прекрасно понимают это, как прекрасно понимают и задачи социализма. Потому-то они и молчат о сепаратном мире. Социализм хочет скорейшего мира, но не сепаратного, а всеобщего, избавляющего не отдельные страны, а все человечество от войны. Это относится одинаково как к враждебным нам, так и к союзным государствам.

Не приводя других резонов, скажем просто: сепаратный мир и социализм несовместимы.

Что же отсюда следует? Один вывод: нужно добиваться общего, а не сепаратного мира. Но опять-таки общего мира не какого угодно, а лишь такого, который совместим не требованиями того же социализма. Если будет заключен, напр[имер], общий мир на условиях разгрома Германии или России, такой мир неприемлем для нас, социалистов. Неприемлем потому, что допускает порабощение одной народности другими. Борьба же против всякого угнетения – классового, сословного, национального, религиозного и т. п. – также один из основных социалистических заветов. Поэтому всякий общий мир, основанный на порабощении какой-либо одной нации или государства, несовместим с социализмом. Его требование гласит: мир общий, а не сепаратный, общий, но не какой угодно, а представляющий отрицание всякого порабощения любого из воюющих государств.

Какой же мир является отрицанием идеи угнетения? Ответ уже дан. Он гласит: мир без завоеваний и без насильственных приобретений и с той, и с другой стороны.

Вот тот мир, которого может и должен добиваться социалист. Всякий иной мир несовместим с задачами последнего. Всякий иной мир является отрицанием, а не утверждением социализма. Какими бы громкими лозунгами ни

прикрывались и ревнители «какого угодно, но лишь бы скорейшего мира», им не замазать противоречия их требований и заветов социализма.

Земля и воля. Пг., 1917, 13 апреля. № 16. С. 1.

Петрищев А.Б.

СОЛДАТСКАЯ ВОЛЬНИЦА

– Едете? Не поздравляю вас... На своих боках узнаете, что есть солдатская вольница... Какой билет ни возьмите, – будьте покойны: на вашем месте в купе расположатся солдаты, а вы со своими вещами будете стоять, – хорошо, если в коридоре, а то и на вагонной площадке... Знаете, какой случай был в М-леве? Начальник станции прямо сказал: вагоны I и II класса заняты солдатами, билетов продать не могу... Пассажиры послали к солдатам в вагоны депутацию. Солдаты выслушали просьбу, обсудили и постановили: отказаться от некоторого комфорта, мало-мало потесниться и разрешить к продаже из станционной кассы 10 билетов I класса и 10 билетов II класса.

Так говорил мне знакомый, и притом довольно левый, накануне моего отъезда из Москвы. И не он один говорил. Легенд, слухов, разговоров о солдатской вольнице идет немало. Но если бы даже они были вполне верны, к ним требовались бы существенные оговорки и поправки. «Солдатская вольница» началась задолго до революции и переворота, но за все время нынешней мировой войны не проявлялась в таких буйных формах, как в 1904 г. и первой половине 1905 г., во время войны русско-японской. Тогда целые города, – напр., Смоленск, – попадали под власть пьяной солдатской толпы, от которой прятались и гражданские, и военные власти. Теперь мы, слава Богу, ничего подобного тогдашним буйствам не видели и не слышали.

В нынешнюю войну, до переворота, было другое. Царская военная организация не обладала способностью удержать в порядке многомиллионную массу призванных. Мало того: в самой основе этой организации было много пороков, вносящих разложение и расстройство. Одних она бестолково перебрасывала с места на место; других как бы забывала, оставляя на долгие недели и даже месяцы без дела и без приюта; третьих сталкивала с оскорбляющей человеческое достоинство грубостью или обрекала на позорные наказания; четвертых, оторванных от своей семьи и от своего дела ради защиты государства, заставляла быть на побегушках у совершенно посторонних воинскому делу дам и девиц... И рядом с настоящим солдатом появился во множестве солдат бродячий, если не прямо беглый, то солдат без документов или с сомнительным документом.

Еще до переворота произошло любопытное изменение в судьбе беглых солдат. Пока, например, возле того или иного села появлялся один беглый солдат, – он считал нужным скрываться. Но когда их набиралось до десятка, они приходили в свои дома и жили открыто. Население, враждебно настроенное ко всему, что исходит от царя или царского правительства, относилось к

этому терпимо. А полиция не смела вмешиваться, ибо понимала, что беглый сумеет отомстить.

На железнодорожных станциях замечалось то же самое. Единичные солдаты без документов просто смешивались с солдатами, имеющими документы, и пока в общей сложности набиралось немного, 5, 10, 15 человек, внешние признаки дисциплины были налицо. Но лишь только составлялась толпа в 70, 100, 150 человек, – исчезали даже внешние признаки дисциплины. Серая толпа брала штурмом вагоны III класса, а жандармы, кондуктора, коменданты, иные станционные чины и власти либо прятались, либо делали вид, что ничего не замечают. Солдатская вольница завладевала вагонами III класса. И мне не раз приходилось быть свидетелем, как она демонстративно отказывалась пользоваться прицепляемыми для нее к пассажирским поездам теплушками.

Но третьеклассными вагонами напор вольницы по мере ее роста ограничиться не мог. За последние два месяца перед переворотом почти ни одна из моих личных, довольно частых поездок не обходилась без того, чтобы в коридорах, порою и уборных, вагонов II и I класса не было солдат. Мимо них молча и осторожно проходила поездная прислуга с контролем во главе. Никто не спрашивал у них проездных документов и билетов. Молчаливой тактики держались и офицеры. В последнюю мою предреволюционную поездку из Москвы в Брянск, 20-го или 21-го февраля, я заметил, что солдатская вольница обнаруживает намерение располагаться в купе I класса.

– Как по-вашему, чем это кончится? – спросил я у случайного попутчика, военного врача.

– Тем же, чем во время маньчжурской кампании, – ответил он. – Солдаты переселятся в классные вагоны, а генералов и офицеров выгонят в теплушки. Тогда это случилось при эвакуации, после мира. А теперь, кажется, будет раньше мира, – весной, должно быть, начнется... А уж к лету непременно...

Так было, повторяю, до переворота. И какова бы ни была солдатская вольница теперь, ее, очевидно, нельзя относить всецело за счет революции. Революция внесла лишь кое-какие осложнения. Из тыловых частей некоторая доля солдат, по-видимому, двинулась самовольно по домам, – временно перешла, так сказать, в беглое состояние. А среди прежних беглецов, наоборот, возникло патриотическое воодушевление, и по крайней мере часть их двинулась на места службы или просто по направлению к фронту. К этому присоединились пасхальные отпуска. И вышла экстренная перегрузка железных дорог солдатами и притом во время сокращенного пассажирского движения.

Уже по дороге к вокзалу я не сомневался, что увижу исключительную перегрузку. Было лишь любопытно не только увидеть, но и испытать, какова стала солдатская вольница, – такая же, как и до переворота, или иная. Загрузка оказалась действительно огромная, – все забито солдатами, много их и в зале для первоклассных пассажиров. Но особенной «вольности» не видно. Кое-где группы – солдаты вместе с офицерами – расположились кто на полу, кто на чемоданах и узлах, пьют чай, разговаривают, смеются. Не видано у нас в России, чтобы офицеры с солдатами были так запросто, по-товарищески.

Ново. Непривычно. Но это – воля, а не вольница, свобода и равенство, а не своеволие.

Подают вечерние поезда, – четверто-классный, почтовый, потом скорый. «Вольных» пассажиров не пускают, – «пожалуйста билет», а билетов еще не выдают. Солдаты прут, – их не задерживают. Они быстро наполняют вагоны, – вон уж и на крыши полезли. Мы, «вольные» пассажиры, смотрим на это, ждем билетов, и совершенно не знаем, где же нам поместиться с билетами. Это неприятно. По-видимому, новые власти плоховато распоряжаются или не имеют возможности распоряжаться лучше. Но опять-таки нет основания относить происходящее за счет солдатской вольницы.

На вокзале встретился со знакомым купцом. Хотели вместе ехать. Но он достал спальное место в скором поезде, мне попался лишь билет на поезд почтовый. Ехали врозь и снова встретились уже в провинции. Спрашиваю, какая была для него поездка. Отвечает: спальные места были заняты солдатами, пассажиры с плацкартами стояли в коридорах. Впрочем, солдаты установили «дежурство»: один по одному выходили из купе в коридор и предлагали «вольным» пассажирам:

– Идите посидеть, а мы постоим. А потом уж вы, Граждане, нас пустите посидеть, а сами постоит... Так и будем, значит, меняться...

В вагоне первого класса почтового поезда, где мне пришлось ехать, «порядок» был другой. Здесь «вольных» пассажиров набралось не менее 80-ти, солдат – человек 20. До переворота в вагонах распоряжалась офицерская вольница: она забирала себе купе, ехала с комфортом, а штатских пассажиров, случалось, попросту выгоняли. Теперь за водворение порядка взялись какой-то солдат с большим красным бантом на груди и еврей-купец, направляющийся из Москвы в Волынскую губернию. Прежде всего они потребовали, чтобы в каждое четырехместное купе было допущено не менее 12-ти пассажиров (по 4 на диван, и по 2 на верхние полки). Затем реквизировали каморку проводника, – его попросту выгнали, а в каморке разместили трех раненых, выпианных из лазарета. Офицеров попросили переселиться в специальный офицерский вагон II класса. В результате оказалось: все купе были предоставлены «вольным» пассажирам, солдаты разместились в коридоре и на площадках; тут же поместились и те «вольные» пассажиры, которым места в купе не хватило. Оба распорядителя о себе демонстративно не заботились: солдат с красным бантом лег где-то на полу, а еврей-купец провел ночь в коридоре рядом со мною, сидя на своем чемоданчике.

– Если бы по-прежнему, столько народу не вместились бы, – заметил я ему.

– О чем и я говорю, – живо ответил он. – Без свободы тут надо было 3 вагона, 4 вагона. Ну, а при свободе одного вагона достаточно... Ничего, что тесно. Ведь мы же все-таки едем...

До переворота около солдатской вольницы ходили молча и боязливо. Теперь с «земляками», изрядно теснившими нас, «вольных» пассажиров, вышел разговор начистоту. Им без особенного стеснения заявили, что «надо потише»:

– Мы заплатили деньги, сколько следует по тарифу, а вы забрались сюда зайцами, без билетов, – значит, должны понимать...

«Земляки» стали было отвечать запальчиво, агрессивно.

Но их быстро урезонил какой-то еврей:

– Это в Москве, – заявил он, – еще не умеют распорядиться. А я вот ехал из Вологды. Там, на Северной дороге, – порядок. К каждому поезду выходят патруль и милиция. Они и направляют: солдат – в свое место, вольных – в свое... Какой у кого билет, тот туда и садись...

– У вас денег много, – так вам можно на скором ехать, а нам взять негде, – так мы на «Максима Горьком» тащись? – возражали земляки.

– Это же не мы распоряжаемся, – ответил еврей. – Патрули посылаются советом солдатских депутатов. Милиция – от народной власти... Что же вы не хотите и народную власть признавать? Какой же тогда может быть порядок?

Против этого аргумента у земляков не нашлось возражений. Они согласились, что без власти нельзя и порядок должен быть. На этом и кончился разговор. Через день я узнал из газет... что порядок, о котором говорил пассажир-еврей в вагоне, применен в Киеве: за посадкой в вагоны наблюдают патрули и милиционеры, и каждый беспрекословно садится там, где ему следует по железнодорожным правилам.

Прошло несколько дней. Перед одним из митингов, на которых я выступал в качестве докладчика, знакомый инженер предупредил меня, что солдаты решили явиться в двойном комплекте, так как услышали, будто группа большевиков, недовольная моим критическим отношением к ее лозунгам, замышляет устроить маленький беспорядок. А самое намерение солдат не допустить какого бы то ни было беспорядка послужило лишь поводом для некоторого обмена мнений между мною и инженером.

Еще осенью мы говорили с ним, какие ужасы ждут Россию после мира. Армия не станет ждать планомерной и по необходимости медлительной эвакуации. Она захочет поскорее домой, ринется на поезда. Начальство по обыкновению спрячется. И по крайней мере весь ближайший тыл будет залит голодной солдатской вольницей. Она будет требовать хлеба, а тыловым жителям самим нечего есть. Нам с инженером казались неизбежными катастрофические возможности.

– Ну, а теперь, что, по-вашему, после мира будет? – спросил я.

– Теперь, – засмеялся он. – Совет солдатских депутатов вышлет патрули, и все останутся на месте и будет терпеливо ждать очереди... Знаете, ведь наши солдаты изумительные государственники. Идея порядка для них прямо-таки священна. Но они презирали и ненавидели старую власть. Новую, свою власть они чтут. И новая власть не спрячется. У нее руки подлиннее, чем у старой. Слава Богу, кончается солдатская вольница... Не случись переворота, – натворила бы она бед. Но теперь ей уж недолго гулять. Кончается она...

Кончается ли? Ответ на это зависит от новой власти, а главным образом от самого народа. Раньше, до переворота, народ ничего не мог поделать, был

обречен на пассивное, страдательное состояние. Теперь он может, и, думается, сумеет прекратить солдатскую вольницу?

Русские ведомости. 1917. 13 апреля. № 81.

Веселовский Б.Б.

ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА

Одной из неотложнейших задач настоящего момента является, бесспорно, организация новой, народной власти на местах. Каждый день промедления усиливает дезорганизацию; необходимо иметь организованную власть, — власть вполне демократическую, которая пользовалась бы полным доверием населения; и только тогда будет задержано развитие на местах дезорганизующих начал. Организация самоуправления на местах наряду с созданием на правильных началах народной милиции предотвратит распыление революции.

Сейчас на местах, часто с благими побуждениями, стремятся немедленно, всякий на свой образец, создать и реформировать существующие органы самоуправления. Местами это происходит гладко, местами же наблюдаются отнюдь не нормальные условия, а порой даже весьма странные. Такой разброд, по существу, опасен, и с ним надо поскорее покончить. Правительство спешно работает над проектами местного самоуправления и управления, и на днях, наконец, увидит свет проект правил о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях.

Сущность этого проекта такова:

Выборы в городские и участковые думы — всеобщие, прямые, равные и тайные, без различия пола, вероисповедания и национальности. Возрастной ценз предполагается установить в 21 год, так как этот возраст, по общим гражданским законам, определяет налицо правоспособность лица. Понижение ценза создаст такое положение: лицо, не имеющее права свободно располагать своим имуществом (оно состоит под попечительством до 21 года), призывается к управлению общественным хозяйством. Тогда ведь можно понизить и до 18-ти лет и менее.

Далее проект предусматривает ценз самого краткого проживания в данном месте (это необходимо для составления списков) и ценз оседлости, так что лицо, имеющее, например, квартиру или какое-либо определенное занятие в городе, но случайно выбывшее из города при составлении избирательных списков, не лишается права принять участие в выборах.

Лица, состоящие на военной службе, делятся на две категории: 1) если они служат в месте своего постоянного жительства, они участвуют в выборах на общих основаниях, и 2) если они служат (на фронте, где-либо в гарнизоне и т. д.) не в месте постоянного проживания, они выдают доверенность на участие в выборах по месту своего постоянного жительства.

И ничего другого предложить, конечно, нельзя. В местных выборах необходима и связь с местностью органическая. Во многих местах население оказалось бы совершенно отодвинутым на задний план, и в гласные были бы избраны солдаты гарнизона, которые могут быть завтра передвинуты в другое место, и город останется без гласных, но... с займами и налогами, установленными ушедшими воинскими частями.

В государственных выборах, — повторяем, — иное: там голосует гражданин страны, в местных выборах — гражданин данной местности.

По проекту, пассивный ценз, право быть избранным, шире активного, — можно выбирать в гласные и иногородних.

Проект предусматривает: 1) обязательное составление избирательных списков (иначе возможны всяческие злоупотребления, и вместе с тем права избирателей будут не ограждены) и 2) голосование во всех городах по твердым, заранее заявленным спискам, по пропорциональной системе (очень простой). Это даст возможность попасть в городские и участковые думы гласным разных течений, сгладить нежелательные обострения, что так важно именно теперь.

Выборы предполагается закончить в течение 45–60-ти дней; это представляется при всеобщем голосовании пулеметной быстротой, но, по-видимому, местами питают надежду сделать выборы скорее, без списков. Это было бы огромной ошибкой, а для Петрограда, например, даже непоправимой политической ошибкой.

Число гласных, по проекту, — от 90 до 162, по количеству населения города.

Выборы в участковые городские думы проектируются на тех же началах, что и в городские. Это даст возможность осуществить их ныне же очень просто. При этом участковые думы намечаются для городов с населением не менее 100 тыс. жителей факультативно, по постановлению городской думы.

По поводу районных дум в городах в широких слоях царят довольно сбивчивые представления. Многие полагают, что такие думы станут если и не над центральной городской думой, то, во всяком случае, рядом с ней. Но это свидетельствует о полном непонимании городских, муниципальных задач. Город один, и такие предприятия, как водопровод, трамвай, канализация, технически сложные, требуют централизации. Районные думы могут быть лишь вспомогательными органами, без права обложения.

Вот в общих чертах правительственный проект городской реформы, построенный на таком демократическом фундаменте, какого мы не имеем нигде за границей. Надо здраво и спокойно поглядеть на факты. Такие широкие права налагают на граждан и громадную ответственность. Можно, конечно, спорить о деталях, но не следует упускать из-за деревьев леса. Правительство честно и достойно выполняет свои обещания, давая такой проект столь важной городской реформы, но это не подарок русским гражданам, а тяжелый крест: кому многое дано, с того многое и спросится.

ГОРОДСКАЯ РЕФОРМА

Постановление Временного Правительства об устройстве городского самоуправления, изданное 16 апреля, является первым крупным организованным актом новой власти, одним из устоев постройки местной жизни на новых началах.

Знакомство с принципами, положенными в основание нового закона самоуправления, должно убедить всех граждан, к каким бы партиям они ни принадлежали, что Временное Правительство смело и не оглядываясь назад идет по пути, предопределенному демократическим характером русской революции.

Закон об устройстве городского самоуправления воплощает в себе наиболее демократические принципы избирательного права в формах, которые составляют только предмет мечтаний даже в наиболее свободных в политическом отношении государствах.

Правом непосредственного участия в городских выборах пользуются все русские граждане о б о е г о пола; предоставление активного и пассивного избирательного права женщинам и военным представляет собою такую особенность, которая имеется только в весьма немногих государствах. Возраст определен в 20 лет, — опять-таки способ увеличения числа избирателей, мало где встречаемый. Имущественный ценз совершенно отменен. Всякого рода ограничения сведены к минимуму; даже ценз оседлости, т. е. требование, чтобы избиратель жил хотя бы некоторое время в городе, где он участвует в выборах, — и этот ценз сформулирован в законе лишь общим указанием, что избиратель проживает в данном городе. Закон далее воспринял систему, которая считается наиболее совершенной для выявления воли всего населения, именно систему пропорциональных выборов, при которой количество мандатов в точности определяется количеством поданных голосов, причем партии меньшинства получают соответствующее представительство. Начало пропорциональности выборов требует от избирателей голосования не за того или иного кандидата, а за определенный список кандидатов, представляющих ту или иную партию или общественную группу. Эта система списков проведена в новом законе в форме, считающейся наиболее демократической.

Возможность злоупотреблений в новом законе пресекается публичностью всех процедур по выборам и широкой постановкой права жалобы в с у д е б н ы е учреждения. Наконец, закон установил требование, чтобы выборы производились в один из воскресных или праздничных дней для того, чтобы граждане, занятые трудом, могли свободно осуществить свое право.

Уже указанных черт достаточно для того, чтобы охарактеризовать дух и цели первого учредительного акта Временного правительства. Новая власть не только отказалась от какой бы то ни было связи с прежним законодательством, нормировавшим местную жизнь, но она пошла гораздо дальше, чем идут наиболее демократические правительства Западной Европы. Специалисты по муниципальному праву, вероятно, будут подвергать новый акт критике именно с точки зрения его слишком большой приверженности к новым, не всегда

еще даже испытанным и в культурных странах принципам; осторожные политики найдут, вероятно, опять много возражений и против понижения возрастного ценза, против отмены ценза оседлости и т. д. и т. д. Но в новом акте сказался дух революции, который состоит прежде всего в доверии к народу, в убеждении, что государственная стихия, заключающаяся в народных массах, проявит свое чудесное действие. Ведь до сих пор народ всегда оказывался достойным наиболее совершенных приемов управления. Разве в 60-х годах не считалось безумной смелостью призвать в качестве судей совести присяжных заседателей – вчерашних рабов, а между тем эти вчерашние крепостные блестяще выполнили свою задачу и доказали, как правы были смелые новаторы. Временное Правительство в своем законе идет по этому пути. В своем акте о самоуправлении оно воплотило все лучшее, до чего дошла демократическая политическая мысль.

Мы верим, что эта смелая реформа увенчается успехом, что народ оправдает веру в него на этот раз. Необходимо только, чтобы все, кто действительно желает упрочения нового строя, сделали все для правильной организации выборов, для правильного устройства городского самоуправления, которое явится одним из устоев новой России, если оно удовлетворит все группы городского населения.

Вот в этом направлении должна идти работа всех организованных групп городского населения, партий, обществ и союзов. Закон открывает широкую возможность легального строительства местной жизни, этим исключается теперь всякая необходимость каких-либо захватных действий, какого-либо присвоения власти одной партией или одной группой населения. В этом морально-общественное значение нового акта, который должен положить конец разрозненной случайно организации местного управления, неизбежной в первые дни революции.

Мы надеемся, что именно так новый закон будет воспринят всеми партиями. Ведь даже наиболее левые политические группы должны будут признать, что этот акт «буржуазного» Временного Правительства дает русской городской демократии муниципальное право, по своей широте и правам нигде еще не превзойденное...

Речь. 1917, 17 апреля. № 89.

Чернов В.М.

ДО ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ!

«До полной победы!» – подсказывают нам лозунг английские и французские гости-социалисты, представленные в правительствах стран согласия.

«До полной победы!» – настаивают они, указывая, что, после падения ненавистного всему миру царизма, Гогенцоллерны и Габсбурги – вот кто главный оплот реакции в Европе, вот кому необходимо нанести *поражение*.

Да, мы тоже хотим поражения Гогенцоллернам и Габсбургам. Но у нас, сравнительно с некоторыми из наших заграничных товарищей по социализму, разные методы наносить поражения.

Они ради военного поражения Гогенцоллернов и Габсбургов шли заодно с русским царизмом и потому не только «менажировали» его в своей прессе, но и допускали, чтобы, напр., Гюстав Эрве в своей «Guerre Sociale» печатал статьи под заглавием: «Vive le tzar!» – «Да здравствует царь!».

Конечно, как социалисты они прекрасно понимали, что к украшению им этот союз не служит, но будь на месте царя хан Батый с ордой – они делали бы ему глазки, а представитель социалистов в министерстве ездил бы пожимать ему руки. Ибо тогда, при царе, русские войска для них имели лишь служебное значение – они должны были притягивать к себе определенную массу немецких вооруженных сил и тем облегчать французский фронт. И если бы вместо русских войск стояли просто полчища обученных для войны горилл, стратегическое положение не менее давило бы на их политику, определяемую лозунгами: все – для войны, все – для победы!

Военных побед при этом одержано было не очень много, зато моральных уронов и поражений пришлось потерпеть весьма много.

Поражение Гогенцоллернов и Габсбургов... Если мы спросим себя, когда и где было им нанесено за это время самое сильное поражение, то ответ будет очень ясен: это поражение было нанесено не под Варшавой, не под Лембергом и не на полях Восточной Пруссии, – а это поражение было им нанесено... под Петроградом! Это поражение было им нанесено в уличных боях революционной недели!

Да, слеп тот, кто не видит, что в этих боях удар был нанесен не только Николаю, а и Вильгельму.

В Германии, где Вильгельм и Гинденбург под своими знаменами могли удерживать немецких пролетариев ссылками на то, что на востоке Германия ведет освободительную борьбу против худшей из мировых деспотий, где менее приглядно выглядевшая борьба против войск французской республики на территории этой республики могла скрашиваться ссылкой на то, что «республика, prostituiровавшая себя царизму, есть республика только по имени», – в Германии сразу рухнули все эти раззолоченные ширмы, и во всей наготе предстала грязная действительность. Германия Вильгельма сразу оказалась главным оплотом абсолютизма в Европе, и сражаться под знаменами Гинденбурга сразу стало означать – бороться за этот оплот абсолютизма...

Это ли не удар? Это ли не поражение?

Вторым поражением, вторым ударом Гогенцоллерну и Габсбургу было обращение ко всему цивилизованному миру Совета рабочих и крестьянских депутатов. Это было дальнейшее развитие *наступления* русской революции на позиции германского и австрийского абсолютизма, ибо русская революция поистине не обороняется только, а *наступает*. Ее наступление заставляет вырасти перед Габсбургами и Гогенцоллернами целый новый фронт: фронт *внутренний*, фронт *гражданской войны*. Оно приводит к *вмешательству* в

войну против Габсбургов и Гогенцоллернов новой силы: их бывших союзников внутри страны, рабочей демократии центральных империй.

И уже готовится *третье* поражение главного оплота абсолютизма в Европе. Временное правительство, прислушиваясь к голосу народной и общественной совести, перед лицом страны уже должно было торжественно отречься от всяких захватных стремлений – этого грязного наследия, перешедшего нам в секретных договорных актах, заключенных царем с его союзниками. Завтра, прислушиваясь к тому же властному голосу народной и общественной совести, оно почувствует себя вынужденным формально довести об этом до сведения союзников и пригласить их высказаться по существу принципов, положенных в основу такого заявления. А послезавтра эти союзники под давлением такого мирового события, как русская революция, под давлением примера, поданного заявлением России, под давлением, наконец, собственной демократии, чья революционная совесть чей полужаснувший революционный дух просыпается, разбуженный зовом с Востока, – также вынуждены будут присоединиться к провозглашенной нами и поддержанной Америкой формуле. Думать иначе – значит совершенно извериться в трудовой демократии Европы. Она могла под ураганом войны растеряться и потерять путь, но должно же произойти ее морально-политическое возрождение, должна же она появиться снова как самостоятельная сила, а не как пристяжная лошадь в колеснице военной диктатуры, на политической арене. Ибо если не теперь, то когда же? И если не она, то кто же?

Но этот новый шаг на пути *освобождения* от стяжательных и корыстных стремлений в этой войне поставит и в центральной Европе ребром проклятый вопрос о целях войны и условиях мира. Исчезнет возможность твердить избитые, вульгарные, плоские и фальшивые слова об «обороне». Придется или отвлечься от всего того, что заставляло гордо биться сердца юнкеров, буржуазных империалистов и служителей «блеска и престижа династии», или же стать поперек дороги раскованным стремлениям демократии, поперек дороги жажде *справедливого мира*, с силой элементарной стихии, пробуждающейся в истощенной голодом, исстрадавшейся под трауром стране. Ибо прямое и публичное заявление *всех* союзников о полном, безоговорочном, честном отказе от завоевательных целей – но только оно одно – как рукой снимет все кошмарные видения, которые и в Германии, как и повсюду, обуяли воображение народных масс, поразили его паникой и вылились в крике – у одних фальшивом, у большинства же болезненно-искреннем: «Отечество в опасности!»

Рассеять эти кошмары – значит нанести смертельный удар всей внутренней политике коронованных владык центральной Европы. И подготовить этот удар суждено революционной России.

Ее призвание, великое историческое призвание – наносить тронам поражение за поражением, одерживать над ними победу за победой, одерживать своим, особым путем, тем путем, который дает ей союзников *внутри* тех самых стран, чьи троны она уже колеблет.

Первое мая этого года – первый смотр этих союзников, первый смотр их боевым силам! Они будут расти и пойдут вместе с революционной Россией до *полной победы!*

Дело народа. 1917, 18 апреля. № 27. С. 1.

Карташев А.В.

СИНОД И ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

3-го минувшего марта у нас произошла государственно-правовая катастрофа. Вместе с отречением последнего Михаила Романова от царства пали на мгновение и все высшие правительственные установления, созданные волеизъявлением монаршей власти. Где Государственный совет? Его нет и, конечно, не будет. Где Государственная дума? Она не упразднена, но не может и действовать на старом основании. Сенат? Сенат вместе с министерствами действует, но реорганизуется и приспосаблиется к новому строю. Кто вправе все это делать? Единственно только одно временное правительство, родившееся в грозе и буре революции из недр Государственной думы. Лишь тайные поклонники павшего монархизма пытаются утверждать, что верховная власть в государстве временного правительства чем-то, будто бы, меньше бывшей царской власти. Это праздный вздох огорченного сердца, а не голос трезвой государственной мысли. На самом деле выпавшая из ослабевших рук царей власть вся целиком подобрана и поднята на свои плечи признанным всей Россией и всем миром нашим временным правительством. Другой высшей санкции внутри государства сейчас не существует. Временное правительство, как правомочный наследник бывшей власти, совершенно законно признает или упраздняет государственные учреждения, вызванные к бытию царской юрисдикцией, руководясь при этом только соображениями государственной целесообразности.

Самоочевидны выводы, вытекающие из данного положения в применении к Синоду. Это – не автономно-канонический институт, а **г о с у д а р с т в е н н о е** учреждение, созданное Петром I для управления церковными делами и лишь терпимое и до известной степени приемлемое для церкви в качестве ее правящего органа. Следовательно, наряду с прочими органами высшего государственного управления 3-го марта 1917 г. пал и Святейший Правительствующий Синод, ибо утратил опору в отрекшейся от своих прав монархической власти. Духовный регламент и указ Петра Великого лишились силы действующего права без утверждения их волей временного правительства.

Правительству оставалось одно из двух: или молчаливо признать в силе духовный регламент и стоящий на нем Синод, приспособив последний к задачам момента, как оно приспособляет Сенат, или декларировать отмену духовного регламента и создать заново такой же **г о с у д а р с т в е н н ы й**, но

только временный, впредь до Собора, орган управления делами православной церкви. «Временный Священный Синод», созданный по соответствию с установившимися формами синодского устройства и обер-прокуратуры при нем, действовал бы по составленному им и утвержденному правительством наказу и имел бы своей экстренной задачей подготовить церковь к ее новому, независимому от государства положению после Учредительного собрания и организовать ее на началах выборности и самоуправления для создания нормального, неподдельного Собора. Заявление правительства об упразднении духовного регламента прозвучало бы для русской церкви радостным манифестом о ликвидации мрачного крепостного периода ее истории под пятой петербургского абсолютизма и явилось бы правовым праздником совершившегося переворота и в церковно-государственной области. Общей признательностью и благодарностью Временному правительству ответило бы на такой акт церковное общество, а высшая иерархия, не умеющая ясно сознать своего государственного положения и свою политическую роль, поняла бы, что старая, дореволюционная почва унесена у нее из-под ног совершившимся переворотом, и что судьба ее находится пока всецело в руках новой государственной власти. Еще было бы лучше, если бы с ненавистным духовным регламентом и духовной коллегией одновременно исчезло бы и одиозное звание «обер-прокурора» Синода и заменено было бы точным именем «министра по делам православной церкви», имеющего впоследствии стать «министром всех культов». Тогда отнята была бы придирка у церковных контрреволюционеров для запугивания малосознательных ревнителей церковности призраками продолжающегося будто бы «обер-прокурорского засилья» с его старыми, не имеющими для настоящего времени никакого смысла государственно-поработительными целями. Положение вообще было бы ясно даже для слепых и разогнало бы целую тучу недоразумений, опутывающих сознание до поразительности беспомощных в политических вопросах духовных особ. Правительство имело бы с первых же дней переворота возле себя сгармонизированный с его общими задачами, работоспособный орган церковного управления, из которого безболезненным юридическим актом, никого не задевающим лично, удалены были бы неподходящие к моменту иерархи.

Но из указанных двух тактических путей принят был первый, так сказать, неревolutionный, а эволюционный путь отношений к Синоду. Повидимому, это диктовалось деликатным желанием показать церковным сферам до щепетильности корректную позицию временного правительства относительно церкви и предоставить им на опыте убедиться в практической необходимости неизбежного приспособления к новой политической обстановке. Правительство молчаливо признало юридическую силу за регламентом и данным Синодом до его наличного состава включительно, пока бесплодно потерянные во взаимных трениях пять недель не убедили обе стороны в необходимости хотя бы простейшей перемены. Зимняя сессия Синода несколько ранее своего срока была прервана, и по самой обычной, точно соответствующей старым образцам форме был вызван новый состав Св. Синода. Более умеренного способа действий при данных жгучих, не терпящих отлагательства

обстоятельствах нельзя придумать. Осторожность и медлительность Временного правительства вызывали даже недоумение более активных церковных кругов. Но консервативные церковные кружки стараются во имя фальшиво понятой свободы церкви посеять мысль о неправомерности правительства делать даже и то, что оно сделало. Об искренней или неискренней игре понятием свободы церкви мы вскоре поговорим особо. Сейчас отбросим только со всей силой убеждения попытку отстранить временный государственный контроль над самовластием церковной бюрократии.

Говорят: цари распоряжались церковью в силу благодати и миропомазания. Совершенно верно. У новой власти нет теократического помазания, но она и не претендует на теократические действия. Она не собирается входить через Царские врата к чаше причащения, не думает возбуждать дел по канонизации святых и т. п. Новая власть лишь не имеет права легкомысленно, ничего не упорядочив, убегать из сферы церковных дел, с которыми она связана тяжкими узами тысячелетнего брачного союза государства с церковью. Внезапный уход власти из церкви был бы актом недобросовестного предательства дела церковной свободы. Старый режим довел организацию церкви до полного разложения и отдал ее свободу во власть иерархической бюрократии со всеми чертами политического деспотизма. Государственная власть морально обязана сейчас со всей энергией воздействовать на ход церковного управления не для кощунственного использования церковной энергии для политики, как было прежде, а для посильного исправления искаженности церковного организма, причиненной ему государственным давлением. Временное правительство в последнюю годину тесной связи русского государства с церковью обязано держать свою контролирующую руку над нынешним церковным строем, содействуя освобождению и самоопределению церковных низов и не позволяя прежнего антиканонического засилья над ними церковных верхов. Когда церковь, как самоуправляющееся общество, освободится при содействии нового правительства от теснящего ее неканонического внутреннего бюрократизма, тогда правительство с чистой совестью отойдет от нее в сторону. Роль и задача светской власти в церкви в настоящую минуту диаметрально противоположны роли и задаче старого режима. Та вела церковь к бесконечному порабощению, эта — исключительно к полному освобождению. Иное освещение нынешнему положению вещей могут придавать или непонимание, или реакционная вражда к новой власти.

Русское слово. 1917, 20 апреля. № 87.

Веселовский Б.Б.

ВОЛОСТНОЕ ЗЕМСТВО

15-го апреля Временное правительство, выполняя намеченную им программу реформирования всего строя местного управления, утвердило временные правила о производстве выборов городских гласных и об устройстве в

городах с населением не менее 150 тысяч жителей районных дум. Ныне заканчиваются разработкой проекты: об устройстве милиции (см. нашу статью в № 79 «Русского слова»), о волостном земстве, о земских выборах и о поселковом управлении. Ранее других пройдет проект о волостном земстве, потребность в котором чувствуется чрезвычайно остро. Опубликование закона о волостном земстве следует ожидать в ближайшие дни, и сейчас же, немедленно, должно начаться составление по волостям избирательных списков с таким расчетом, чтобы через 1,5 месяца могли уже быть произведены выборы волостных земских гласных.

Вопрос о бессословной волости, о волостном земстве был поставлен еще в [18]60-х годах, но наши правители прилагали все свои усилия за долгие годы лишь к тому, чтобы сдавить жизнь в ее развитии, вернуться к старым сословно-крепостническим порядкам. В деревне царили произвол и несправедливость. Никакое прочное культурное развитие страны при таких условиях было немыслимо. Но жизнь все же давала себя знать. На местах, особенно в последнее время, стали возникать различные попечительства, общественные организации и т. д. Наконец, за последнее десятилетие сильное развитие получила кооперация, принявшая на себя в значительной мере и бремя общей культурно-просветительной работы.

Теперь настало, наконец, время ввести волостное земство – этот основной, краеугольный камень народной свободы. Настало время организовать действительно народное управление страной, сверху до самых низов, до самых глубин толщи народной. И когда через несколько недель население изберет своих лучших людей в волостное земство, страна получит организационную спайку. Новая власть перейдет в новые руки. Весь народ приобщится к непосредственному управлению страной, приобщится к власти, и власть станет народной. Она должна будет, в подлинном смысле этого слова, нести на себе бремя ответственности за дело устройства порядка на началах завоеванной страной свободы, развивать эту свободу и оберегать ее от всяких покушений, от кого бы они ни исходили.

Вместе с тем как городские выборы, так и выборы в волостное земство явятся наилучшей подготовкой к выборам в учредительное собрание. Граждане приобретут некоторый опыт в выборах, получают возможность узнать друг друга на общественной работе и таким путем сознательнее провести выборы в Учредительное собрание. Волостное земство явится в этом смысле необходимой, важнейшей политической школой для населения сил и деревень.

Проект волостного земства, разработанный министерством внутренних дел, сводится в общих чертах к следующему:

В первую очередь волостное земство вводится в нынешних 43-х земских губерниях, волости остаются пока в прежних своих пределах, но в дальнейшем в случае необходимости их границы могут быть изменяемы. Выбирать гласных (по 20–40 в каждой волости, в зависимости от числа жителей) предоставляется всем российским гражданам обоего пола, достигшим 20-ти лет, не состоящим на службе по милиции, не опороченным по суду, – всем, кто, за

этими исключениями, ко дню составления избирательных списков проживает в волости или имеет там какое-либо обзаведение или службу.

Последнее, т. е. наличие обзаведения, очень важно для массы крестьян, уходящих на сторонние промыслы. Они имеют дом, хозяйство, но в день составления списков отлучились: ко дню выборов они могут снова вернуться и пожелать принять участие в выборах, — нельзя лишать их избирательного права.

Право быть избранным в волостные гласные, а также в волостную управу не ограничивается проживанием ко дню составления списков в волости: можно избрать и жителя другой местности, лишь бы он удовлетворял прочим условиям для выборов (возраст, неопороченность и т. д.).

Заблаговременно избиратели указывают, по проекту, записками, кого они намечают в гласные, и эти кандидаты затем баллотировались парами в один из воскресных или праздничных дней. Для удобства выборов волость делится на мелкие избирательные участки, но во всех участках баллотировались одни и те же лица. Число голосов, полученных каждым, подсчитывается потом по всем участкам, и в гласные зачисляются получившие наибольшее число голосов.

На неправильности в избирательных списках и на выборах можно жаловаться в особый суд.

Гласным волостного земства в возмещение расходов по проезду и проживанию на время собрания назначаются суточные и прогонные.

Волостные земства выбирают либо управу, либо ограничиваются, по их усмотрению, избранием волостного головы и его помощника. В волостном земстве состоят также: секретари, сотские, сборщики податей и другие должностные лица.

Волостным земствам предоставляется ведать в общем те же дела, что и уездным земствам, но, конечно, и те, и другие должны действовать согласованно. Поэтому проект и предусматривает известное взаимодействие между волостным и уездным земством.

Волостной управе предоставляются те же полномочия, что и уездной земской управе, а кроме того, она принимает в экстренных случаях (до прибытия чинов милиции и следственных властей) меры полицейского характера, точно оговоренные в проекте.

На днях проект этот с теми или другими, — надо думать, несущественными, — изменениями будет утвержден и опубликован; и немедля придется приступить к составлению по волостям избирательных списков с таким расчетом, чтобы в конце мая и в начале июня, до наступления страдной поры, можно было уже произвести выборы гласных в волостное земство.

Дело теперь за народной интеллигенцией и общественными организациями, — их долг помочь крестьянству сознательно отнестись к выборам и выполнить величайшую, до крайности ответственную работу данного исторического момента — организовать все население на общем деле. Выборы в волостное земство — первые широкие народные выборы; они многое предопределят в судьбах нашей родины ближайшего времени. Без преувеличения можно ска-

зять: нет более важной культурно-политической задачи в стране, как организация населения в демократических самоуправлениях. Она предотвратит распыление революции и спасет дело народной свободы.

Русское слово. 1917, 22 апреля. № 89.

Петрищев А.Б.

ШТАТСКАЯ ВОЛЬНИЦА

До переворота была солдатская вольница. Тем более до переворота была вольница «вольная» или штатская.

Чтобы правильно судить об огорчениях, причиняемых ныне солдатской вольницей, надо помнить, что революция спасла нас от неминуемой катастрофы на фронте: там ведь не было хлеба, и не было никакой надежды, что Риттих доставит его. Еще несколько недель, – вернее, пожалуй, дней, – и наименее устойчивая часть армии с голоду ринулась бы в тыл за хлебом, съедая на пути все, что можно съесть, и закупоривая все дороги, которые могут питать армию. Этот позорный и страшный «конец войны» грозил нам. Но революция спасла. Спасла уже одним тем, что сумела доставить фронту хлеб. Как она это сделала, – объяснит впоследствии история. А пока можно сказать одно: хотя железные дороги были совершенно загружены и работали с максимальным напряжением, тем не менее в первую же неделю переворота некоторые из них, – например Екатерининская, – увеличили пропускную способность вдвое. Специалисты говорят об этом, как о чуде. Быть может, оно и есть чудо, совершенное энтузиазмом железнодорожных тружеников, их гением изобретательности.

И еще надо сказать одно, чтобы правильно судить о неприятностях, причиняемых солдатской вольницей. Уже в конце осени 1916 г. фронт стали питать за счет сначала ближайшего, а потом и более глубокого тыла. Во многих местах без хлеба сидел обыватель, переводили на полуголодное или даже почти голодное пищевое довольствие и воинские части. Фронтového солдата питали плохо. Тылового еще хуже. Продовольственная политика Риттиха исключала надежды на счастливое разрешение кризиса. Положение день ото дня становилось непоправимее и грознее. И было ясно, что Россия быстро приближается к двоякой возможности: либо тыловые солдаты сами станут разбегаться за хлебом, либо их начнет под тем или иным предлогом усиленно распускать по домам правительство. Практически это было одно и то же: сами ли разбегутся, правительство ли их распустит, – они запрудят и закупорят железнодорожную сеть; при поведении прежних начальников прятаться от опасностей, при общей озлобленности против них это не могло кончиться иначе, как катастрофой. Революция дала хлеб не только фронтовому, но и тыловому солдату. Правда, она отпустила много лишнего или даже попросту не способного к воинской службе народа из воинских частей по домам. Но это сделала она не вследствие

бесхлебья, а по другим соображениям. И хотя она для эвакуации отпущенных не могла дать ни специальных вагонов, ни специальных паровозов, тем не менее дело обошлось без катастрофы. Огромный наплыв отпущенных и спешащих домой почувствовался болезненно. Но он не мог пройти безболезненно. Задача была в том, чтобы боль не перешла в несчастье. И с этой задачей революция, по-видимому, справилась.

Для правильного представления о неприятностях, причиняемых теперь штатской вольницей, надо помнить о том, о чем не могла говорить печать до переворота: вольница уже начинала разгуливаться и забирать силу. Это было и в городах, и в деревнях. В деревнях положение складывалось, быть может, особенно остро: беднейшее большинство крестьян доело или доедало последние остатки урожая. Съедено даже то, что берегли на семена; подвоза нет, хлеб остается только у богатей и помещиков, но они чаще всего придерживали запас и безбожно взвинчивали цену. В середине января мне пришлось объехать несколько губерний – Рязанскую, Тульскую, Калужскую. Перспективы ближайшего будущего складывались вполне определенно: более трезвая часть деревни сдерживает раскаляемые голодом страсти, но нельзя надеяться, что сумеет до конца сдержать их. Из деревенских мест, в Калугу, например, уже летели телеграммы и спешные рапорты о полицейских и воинских командах, требующихся для охраны кооперативных лавок и складов. Вольница разгуливалась, и, видимо, начинала по линии наименьшего сопротивления – с кооперативов, как наименее охраняемых начальством и не приятных начальству мест. Сама собою возникла мысль, что, не напивавшись скудными кооперативными запасами, вольница, руководящая голодной толпой, направится за хлебом к торговцам, благо против них натравливало начальство, а от торговцев к кулакам, а, может быть, и мимо кулаков прямо к помещикам.

Представлялся неизбежным поход в помещичьи экономии не только за хлебом для еды. К весне требовались и семена. Риттих плохо доставлял их. Видно было, что и не доставит. А где их взять, если не у помещиков? Явно назревало тяготение и вообще свести счеты. Уже летом 1916 г. отношения крайне обострились. В Саратовской, например, губернии требовались особые усилия, чтобы избежать эксцессов по случаю крайне обидного для крестьян распределения пленных. В сторону эксцессов толкали неправильности при реквизициях, слишком обидное для крестьян распределение государственной помощи, получаемой сельским хозяйством, агрессивный тон помещиков, поддержанных дороговизной, легенды об их намерении вернуть крепостное право... Представлялось весьма реальным опасение: начнется из-за голода, а разыграется вообще. К одному и тому же времени, к весне, история, казалось, подготавливает общую постановку российской трагедии: развал голодного фронта, развал голодного воинского тыла, путейский крах, деревенский разгром и окончательный натиск австро-немецко-турецких полчищ.

Оставались города... Но с продовольствием у них было еще хуже, чем в деревнях. И нарастала дикая психология. Вот одна из многих картинок накануне революции. Дама в уездном городе сходит с извозчика у своего дома и распла-

чивается. Мимо идут две подгородных бабы. Останавливаются. Кривляясь, выкрикивают площадную брань, прилагаемую к слову «барыня», плюют, замахиваются палками. За что? Почему? Ни за что и ни почему. А, ты барыня, – ну, так вот же тебе... «Погоди, мы еще вам покажем»...

Разгуливалась штатская вольница. И уже не действовали на нее напоминания о немцах. «А что нам немцы, – пушай приходят, хуже не будет»... Революция предупредила взрыв. Силы, накопленные стихийно для голодного деревенского бунта, она направила на планомерный учет и планомерное распределение местных припрятанных и придержанных запасов. Она подвезла к провинциальным городам хлеб. Пусть в малом количестве, но все-таки больше, чем давал и мог дать Риттих. Она дала возможность центростремительным силам страны хоть кое-как наскоро организовать. Она дала огромную положительную ценность, подавляющую разгул центробежных сил, – самый дикий своевольник уже не мог сказать: «Пушай приходит немец, хуже не будет»; стало совершенно очевидно, что будет хуже, что немец убьет не какую-то чаемую, еще не родившуюся русскую свободу, а свободу видимую, осязаемую, уже пришедшую.

Не трудно предвидеть конечные итоги. Вольница – оборотная сторона бесправия. Она растет за счет обездоленных и озлобленных невозможностью закономерно защищать самые высокие интересы личности, удовлетворить самые насущные потребности народа. Если революция укрепитя и бесправие исчезнет, – сам собою прекратится общественный распад и сам собою иссякнет человеческий материал, питающий вольницу. Но это будет потом, – если революция укрепитя и когда укрепитя. А сейчас еще рано говорить о достижении конечного результата.

Вольница несколько подавлена положительными ценностями, принесенными революцией. Ее пути ограничены отпором, какой могут оказать организующиеся центростремительные силы. Но слишком много вольницы оставлено рухнувшим самодержавием. У нее есть своя инерция и нашлись свои пророки и вожди...

Не так давно петербургская «Рабочая газета» возмущалась некоторыми митинговыми лозунгами. Вот один из них: «Товарищи, готовьте гранаты, чтобы забросать ими учредительное собрание»... Почему гранаты? Потому, что учредительное собрание явится органом власти всего народа, а должна быть власть не всего народа, а наша... Чья «наша»? Тех, – объясняют рекомые ленинцы, – кого «выберут», – очевидно, митинговым порядком, – пролетарии, батраки, беднейшие крестьяне. А что будут делать те, кого они «выберут»? Вот и еще один из лозунгов, возмущающих «Рабочую газету»: долой 8-мичасовой рабочий дань, он не соответствует нашим интересам, наука доказала, что вполне достаточен 4-х часовой рабочий день. К этому надо прибавить и некоторые другие митинговые лозунги: «Жалованье должно быть всем 200 рублей в месяц... Мало двести – 300... Нет, не 300, а 500»... «Против нас только буржуи»...

А «буржуи» – это прежде всего крестьяне, за исключением разве «беднейших» или, вернее, согласных с «нашими» теориями. Вместе с крестьянами раз-

ряду «буржуев» принадлежат и все вообще, с «нами» несогласные. «Буржуи» собственно – весь народ, правомочный избрать то самое учредительное собрание, против которого надо заранее готовить гранаты. Разница лишь в том, что объявлять войну против народа неудобно. А если заменить слово «народ» словом «буржуи», то получится большое лингвистическое облегчение. Эвфемизм наизнанку...

Что должны делать «буржуи» согласно этой теории? Во-первых, платить каждому гражданину, не принадлежащему к «буржуям», не меньше 200 руб. в месяц жалованья. Во-вторых, не обременять работой. В-третьих, доставлять дешевый хлеб. Хлеб непременно для «нас» должен быть дешевым, а жалованье «нам» непременно должно быть большое. В провинции в конце марта мне довелось слышать озлобленные вопросы крестьян: чем это отличается от крепостного права? Теперь приходится такие же вопросы читать в письмах из деревень. И, к сожалению, наблюдаются при этом опасные aberrации.

Вольница жадно подхватывает приятные ей лозунги, переиначивает по-своему и разносит по всему лицу земли русской. А люди, встревоженные этими лозунгами, относят их не за счет тех, от кого они исходят, не за счет вольницы, которая их подхватывает и распространяет, а за счет всей революции.

Революция спасла Россию от катастрофы, подготовленной старым строем. Но вольница может сорвать революцию и повернуть события опять к катастрофе. Вольница еще может извратить революцию, озлобить против нее наиболее темную часть народа. Опасность минует, если государственные центростремительные силы сумеют надлежаще организовать. Но опасность есть. И может не миновать.

Русские ведомости. 1917, 23 апреля. № 90.

Трубецкой Е.Н.

АНАРХИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Из рассказов о московском вооруженном восстании 1905 года мне врезалась в память в особенности одна сцена.

Вдали слышны ружейная перестрелка и частные пушечные выстрелы. А в это время старушка перед колокольной крестится и охает:

– Господи, когда же это, наконец, свободу запретят!

Вот яркое изображение контрреволюционной психологии – той главной опасности, которая была причиной неудачи многих революций, в том числе и революции 1905 года. Страх перед хаосом – таков основной мотив контрреволюционного движения.

Напрасно было бы отождествлять его с так называемым «буржуазным страхом». Тот страх, который вызывает наиболее могучие реакционные движения, овладевает не одними имущими классами. Бывают минуты в истории,

когда ему подчиняются решительно все – и верхи, и низы общества. Именно в этих случаях реакционное движение приобретает непреодолимую силу.

Так было, например, у нас после революции 1905 года. Кто делал тогда реакцию? Конечно, не одни «помещики», не одни «имущие классы», но вместе с ними и широкие крестьянские массы. Вы помните, что происходило тогда в деревнях! Сначала «иллюминации» и погром помещичьих усадеб. Потом крестьяне, не поделившие помещичьей земли, стали бросаться друг на друга. По деревне прошла волна грабежа, разбоя, экспроприации. И что же, ужас перед анархией оказался сильнее стремления крестьян к земле. Все изголодались по порядку и власти. Тогда пришел Столыпин с военно-полевыми судами да расстрелами. Успех был полный: революцию подавили и, согласно желанию московской старушки, «свободу запретили».

Возможность дикого хаоса таится во всякой революции, – в этом заключаются, основной контрреволюционный факт и главная опасность для свободы, ибо анархический хаос до того ужасен, что он заставляет людей бросаться в объятия в с я к о й в л а с т и, как бы плоха она ни была. Для людей, охваченных паникой, в с я к а я власть лучше, чем полное отсутствие власти.

Всякий из нас хорошо понимает, что эта возможность таится и в недрах нынешней революции. Чтобы усиленно бороться с этим врагом, нужно внимательнее к нему присмотреться.

Оружие всякой революции – з а х в а т.

В этом ее сила и слабость. С и л а потому, что только захватным путем народ может овладеть властью; с л а б о с т ь потому, что захват всегда может обратиться против самого народа, овладевшего властью. Захват легко может стать оружием контрреволюции. Чтобы этого не случилось, нужно уловить ту грань, за которой захват перестает быть орудием революции и становится орудием контрреволюции.

Быть может, никогда эта грань не намечалась так ясно, как теперь, – 2-го марта 1917 года захват власти народом стал совершившимся фактом. П о л и т и ч е с к а я революция в этот день закончилась; открылась полная возможность законодательным путем проводить в жизнь самые смелые демократические реформы. Ясно, стало быть, что с этой минуты захват становится не только бесполезным, но и вредным для свободы. Раз народу принадлежит вся полнота власти, захват может совершаться только за счет народа, путем узурпации власти. Какая бы общественная группа ни была виновницей такой узурпации, и какими бы мотивами она ни руководствовалась, – все равно, такой насильственный захват направляется против народа и, следовательно, должен рассматриваться как выступление контрреволюционное.

Захват после революции может быть только началом общественного разложения и дезорганизации.

Есть яркое олицетворение того хаоса, который отсюда должен родиться: это – наши железнодорожные поезда, захваченные беспорядочною толпою, мчащиеся без расписания. Посмотрите на эти битком набитые вагоны с разбитыми стеклами: в каждом вагоне по митингу, на крышах солдаты рассуждают

об устройстве новой жизни в России и падают под колеса, а иным сносит головы на мостах. Этот катастрофический бег захваченного поезда – до жути похожий образ современной России, – точнее говоря, того, чем не должна быть Россия, да послужит же он нам предостережением!

Захват, попирающий всякое право, неизбежно приводит к катастрофам. А у нас, в России, теперь только ленивый не захватывает. Если мы не сделаем героического усилия, чтобы остановить эту захватную оргию, нам предстоит целая серия катастроф.

Из них первая и самая опасная – голодная анархия, во всех возможных видах и формах. Угроза серьезна. Я укажу здесь ее общую причину. Это – частью захват, частью иные, с м я г ч е н н ы е формы анархии. Прежде, при старом порядке, у нас царила анархия мундирная, чиновничья, теперь она заменена той демагогической анархией, которая в деревне сказывается в форме аграрных волнений. Волнения эти прежде были опасны для одних помещиков, – теперь они грозят голодной смертью городам.

До сих пор главными поставщиками целого ряда необходимых для города припасов были помещичьи экономии: оттуда город получал хлеб, молоко, сахар, шерсть и дрова. Теперь, когда крупное землевладение доживает свои последние дни, спасение или гибель городов всецело зависит от того, как совершится переход от старых форм землепользования к новым. Если он совершится безболезненно и мирно, в з а к о н о д а т е л ь н о м п о р я д к е, – будущий законодатель сумеет обеспечить при этом продовольственные потребности городского населения.

Но есть другой, з а х в а т н ы й путь, на который толкают крестьянство безответственные ораторы. Кто эти ораторы, – партийные или внепартийные, – для нас неважно. Важны результаты их деятельности.

Первый результат заключается в том, что благодаря им значительная часть полей останется незапаханной. Захватить землю нетрудно, но п о д е л и т ь ее между крестьянами невозможно, так как попытки поделить захваченное легко могут окончиться поножовщиной. В этих случаях «захваченная» земля просто остается неиспользованной, тем более что у захвативших иногда не оказывается нужного для ее обработки инвентаря. Подобные случаи, к сожалению, у нас бывали и нынешней весной. К чему это приводит, – показывает пример 1905 года, когда, вследствие паники в деревне, 15 % земель осталось незапаханными.

Собственно, прямых захватов земель у нас теперь меньше, чем в 1905 году, но есть другие, смягченные формы захвата, приводящие к тому же параличу сельского хозяйства: таковы самовольное снятие австрийцев и служащих в экономиях, воспрещение нанимать работников из других губерний и другие многообразные способы обструкции помещичьего хозяйства, перечислять которые здесь нет надобности.

Анархия парализует не только производство хлеба, но и правильное распределение хлеба, уже добытого. При старом порядке вывозу хлеба из губернии в губернию нередко препятствовали местные уполномоченные по про-

довольствию: тогда Россия как бы распадалась на независимые друг от друга уделы. Теперь эти уделы заменены независимыми друг от друга республиками волостными и уездными, которые унаследовали от старого строя то же стремление – не выпускать хлеба из пределов данной местности.

К чему это приводит, – об этом красноречиво говорит только что опубликованное воззвание петроградского совета рабочих депутатов к крестьянам. Оно говорит о предстоящем голоде в городах и в армии. Я же знаю целую губернию, – губернию Калужскую, – которая, может быть, через несколько дней останется без единого пуда ржаной муки, потому что ее сейчас купить негде! Вот результаты захватного права и анархического утверждения свободы отдельных групп и местностей за счет народа как целого.

К опасности голода хлебного присоединяется еще и перспектива голода молочного в ближайшем будущем. В снабжающей молоком Москву конторе Чичкина мне сообщили, что некоторые экономии, снабжавшие Москву молоком, уже дрогнули и стали распродавать скот. Да как тут не дрогнуть?

К одному землевладельцу приходят крестьяне требовать «лужок», служивший пастбищем или сенокосом; у другого снимают австрийцев, ходивших за скотом или русских рабочих. Прибавьте к этому, что и «реквизиция» скота для армии теперь часто считается не столько с нуждой городов в молоке, сколько с желанием крестьян, чтобы скот брался преимущественно у помещиков, – и вы поймете, как мало обеспечено снабжение городов молоком на будущую зиму. Если не будет найдено выхода из нынешнего трудного положения, молоко в недалеком будущем будет у нас продаваться как аптекарский товар по рецептам врачей для больных.

Прибавьте к этому, что по тем же причинам недосев и недобор свекловицы грозят нам голодом сахарным, а захват пастбищ для помещичьих овец – голодом шерстяным, – и вы все-таки не составите себе полного представления о тех «казнях египетских», какими грозит России аграрная смута. Есть еще один вид голода, самый страшный из всех: это – голод дровяной.

На днях мы прочитали в газетах, что Москва обеспечена топливом только до декабря. После того совету московского университета пришлось обсуждать вопрос, не перенести ли учение с зимних месяцев на летние, так как университет, как и все вообще московские правительственные учреждения, может рассчитывать только на 60 % потребного для него топлива.

Не знаю, в каком положении окажутся зимою частные квартиры. Знаю только, что, кроме бедствия «недоедания», нам предстоит другое, неслыханное доселе бедствие – «недомержание». Тут опять-таки, помимо иных видов анархии, одна из главных причин – переживаемая нами аграрная смута.

В целом ряде местностей крестьяне, подбиваемые «орателями», не позволяют помещикам рубить и вывозить дрова, так как ожидают, что леса перейдут в их владение. Легко себе представить, что будет в городах, да и в тех же деревнях, если против этого не будут приняты немедленно меры, – ведь мы доживем последний срок сводки лесов: летом их сводить нельзя без ущерба для будущих зарослей.

Последствия надвигающегося на нас дровяного голода неисчислимы. Возможно, что железные дороги и не станут, но движение на них значительно сократится. Возможно, что не все фабрики прекратят работу, но, во всяком случае, многие, и у нас начнется ужасающая безработица при нынешних невероятных ценах на жизненные припасы. При этом представьте себе, что будет происходить в частных квартирах, где тепловая норма будет доведена до трех-четырёх градусов по Реомюру. Чтобы избежать холода, семьи будут собираться в кучу по несколько в одну хорошо отопленную квартиру. А если случайно уцелеют хорошо отапливаемые просторные помещения, туда будут приходить «явочным порядком» незванные гости «осуществлять свое право на тепло».

Легко себе представить то стихийное массовое озлобление, которое вырастет на этой почве. Вот и сейчас время от времени мы слышим в «хвостах» на улицах угрожающие возгласы: «Вот погодите, кончится война, тогда мы всем этим буржуям кишки-то повыпустим». Сейчас это, быть может, и несерьезно. Но что будет в те дни, когда в городах тепло, молоко и хлеб станут предметом роскоши! Легко себе представить, во что тогда превратятся существующие социальные антагонизмы.

А к антагонизмам существующим прибавляются теперь и новые; самая демократия теперь готова расколоться на два резко противоположных и враждебных друг другу лагеря. Город стоит против деревни, а деревня – против города. Сколько раз в деревнях нехлебородных губерний в дни мучного голода поднималось стихийное озлобление против горожан! Теперь мы видим другое. Воззвание петроградского совета рабочих депутатов к крестьянам – это уже слезная мольба городского пролетариата к деревне, чтобы она не оставила города умирать от голода. Если дела пойдут так, как они идут теперь, то в один прекрасный день деревня пойдет в город громить лавки, а город пойдет в деревню рубить дрова.

Есть же и другие антагонизмы в самой деревне. Там местами крестьяне отрубные враждуют с общинниками, а общинники идут против отрубных, захватывая их поля.

Сама демократия готова распасться на части. И, как показывают недавние волнения в Петрограде, мы на волоске от гражданской войны. Если она едва не вспыхнула из-за ноты Милюкова, то что же произойдет на почве грядущего зимнего голода?

Теперь, как и всегда, опасность увеличивается теми «темными силами», которые примазываются к освободительному движению, соперничая с теми, которые раньше примазывались к реакции. Эти силы теперь те же, как и в 1905 году, – хулиганы, экспроприаторы и неосторожно выпущенные из тюрем каторжники. Беда в том, что революция совершилась не только в России, – одновременно с нами и в аду произошла перемена образа правления. Там тоже самодержавие сатаны заменено республикой чертей. И вот эта республика чертей теперь вторгается к нам, требуя себе равных прав со свободными гражданами.

Наряду с угрожающими нам «казнями египетскими» эта «республика чертей» и есть один из самых могущественных факторов контрреволюции. Если мы не положим предела ее вторжению, то скоро, очень скоро, страх перед анархическим хаосом у нас может оказаться сильнее отвращения к деспотизму. Тогда появление человека, который «запретит свободу», станет неизбежным.

Вспомним, отчего так быстро пало самодержавие Николая II: оно решительно всем насолило, оказалось в противоречии с интересами решительно всех классов населения. Это – предостерегающий пример и для нас. Анархическое своеволие, так же, как и деспотизм, противоречит интересам всех. Оно так же может поставить всех без исключения перед разбитым корытом. Для свободы это будет смертным приговором.

Я указываю на все эти опасности не для того, чтобы вызвать чувство страха. Я верю в ваше мужество, я призываю вас к борьбе, и только поэтому я и призываю вас заглянуть на самое дно той пропасти, куда нас толкают.

Раз мы сознаем опасность, мы найдем и способы против нее бороться. Я оставлю здесь в стороне те способы, которые зависят от правительственной власти. Укажу только, что такие *с п о с о б ы е с т ь*, и притом весьма действительные. Например, голод дровяной может быть предупрежден *р е к в и з и ц и е й* лесов в потребном размере, причем в случае затруднений те же леса можно рубить и вывозить даже войсками. Но одних правительственных мер для борьбы с анархией недостаточно. Тут нужны еще и общественное содействие, и общественная организация. Позаботиться об этом – дело независимых общественных сил.

Тут нужны широкое общественное объединение, организованное восстание республики свободных граждан против «республики чертей».

Знамения времени этому благоприятствуют. Интеллигенция теперь в подавляющем большинстве за порядок, а с нею заодно все то сознательное, что есть в народных массах. Этим надо пользоваться. Быть может, теперь была бы своевременная *к о н ф е р е н ц и я* *в с е х* *р е с п у б л и к а н с к и х* *п а р т и й*, кроме одной, для обсуждения способов совместной борьбы против анархии; возможен целый республиканский блок не для выборов, а для борьбы против дикого своеволия и захвата. Для этой цели мы могли бы наводнить деревню целыми легионами молодых агитаторов, воодушевленных идеалом свободы и строгого правового порядка.

Прежде всего, не нужно падать духом. Чем больше опасность, тем общественнее должны быть наш подъем, наше воодушевление в борьбе. Раз все сознательное на нашей стороне, чего же нам бояться? Понесем в народ наше сознание, наше воодушевление. И если мы не дрогнем перед опасностью, с *в о б о д а* *б у д е т* *с п а с е н а*.

Предупредить контрреволюцию пока в нашей власти, и будет преступлением, если мы этого не сделаем. Дадим друг другу клятву положить все силы на борьбу с анархией, тогда исчезнет и грозный призрак контрреволюции.

Будем помнить: мы живем в эпоху величайших, мировых контрастов. Теперь сорвались с цепи все силы зла; если мы будем бездействовать, мы от-

дадим Россию во власть сатанинской оргии. Но одновременно ополчились и светлые, духовные силы. Верьте в эти силы, которые в вас живут, вами двигают и вас воодушевляют! Если вы внесете в ваш труд то бесстрашие, которое нужно для высшего подвига, вы дадите России и тепло, и хлеб, и порядок, и свободу.

А главное – вы спасете ее от бури, которая угрожает ей гибелью, и благополучно выведете ее на желанный берег.

Русское слово. 1917, 25 апреля. № 91.

Винниченко В.К.

УКРАЇНСЬКА ЦЕНТРАЛЬНА РАДА І МИ

Насамперед, що таке сама Українська Центральна Рада?

Це орган, складений Національним Українським Конгресом, на якому були представлені в с і течії організованого українського громадянства, як партійні, так і професійні та культурні. Конгрес був ніби з'їздом виборщиків, на якому вибрано Українську Думу, Парламент.

Я знаю, що секому може здатись навіть смішним прирівнювання Центральної Ради до Думи. Але факт лишається фактом: для тої людності, яка посилала своїх виборщиків на Конгрес, для виборщиків, які вибирали Раду, вона є вищим законодавчим і виконавчим органом в тих справах, які їй доручено Конгресом.

Я повторюю: для тої людности, яка посилала. 1 для тої тільки людности постанови й заходи Центральної Ради суть законні, авторитетні й обов'язкові. Себто це значить, для організованої свідомої української людности, а не тої всієї людности, що заселяє територію України.

Не будучи представницьким органом всієї територіальної людности на Україні, Центральна Рада й не претендує на признання свого авторитету серед тих, хто не був представлений на Конгресі й не доручив йому свою волю.

Через такий особливий склад сього органу виходить і особливість завдань Центральної Ради. А власне, вона має одне завдання: здобути автономію України, забезпечити українському народові право політично-національних форм розвитку. Це єдиний пункт платформи, на якій погодились разом виступати всі політичні течії українського громадянства. Ніяких інших завдань Українська Центральна Рада не ставить собі (не рахуючи, розуміється, тих чисто демократичних тезисів, на яких **всі** погожуються без угоди: Демократичної Республіки, всіх свобод громадянських).

Ми, українські соціал-демократи, так само, як і інші політично-соціальні групи, посилали на Конгрес своїх виборщиків і маємо своїх представників в Парламенті організованого українства, в Центральній Раді, як мають їх по своїх Парламентах соціалісти всіх націй. І через це *всі* кидає нам з цьо-

го приводу ми вважаємо просто нерозумінням *самої* справи і характеру Укр[аїнської] Центр[альної] Ради.

Дійсно, становище українських соціал-демократів не зовсім подібне до становища соціалістів інших Парламентів. Ми ввійшли в Раду не із метою боротись там з іншими течіями, що складають її, ми ввійшли не штовхать кудись наперед весь орган, а, навпаки, стримувать його, не дозволяти виходити поза межі тої платформи, на якій всі погодились. А погодились ми для того, щоб спільними силами об'єднано домагатись здійснення тої (і тільки тої!) Платформи.

Ми знаємо, що дальші цілі у ріжних течій не однакові; знаємо, що навіть здобуття цього єдиного пункту нашої платформи у кожної течії впливає з ріжних соціально-політичних світоглядів та ідеалів; знаємо, що, здобувши, ми зараз же з спільників можемо перевернутись на запеклих ворогів.

І все ж таки ми свідомо й твердо визнаємо, що инакше ми не можемо під сей час чинити. Для нас, соціал-демократів, життя поставило рубя питання: бути чи не бути нам українськими соціал-демократами, бути нам виразниками інтересів українського робітництва чи якого инчого.

Це тягне за собою инче питання: чи одріжняється українське робітництво чим-небудь від робітництва інших націй; чи є потреба організуватись йому в окрему партію, яка має представляти його інтереси; чи суть такі окремі інтереси?

На ці всі питання ми з досвіду і партійного життя і всенаріонального повинні з чистим сумлінням сказати: так, все це єсть. І окремі інтереси єсть, і окремі завдання, і потреба окремої організації. Ми вважаємо, що задоволення національних вимог для робітництва так само необхідно, як задоволення політичних (свобода слова, спілок, зібрань), більше того, це задоволення потрібно йому не менше, як 8-годинний робочий день. Так само, як 8-годинний робочий день дає робітникові змогу легше, краще, продуктивніше розвивати свої класові сили, так само забезпечення національних прав дає змогу теж продуктивно, економно й з успіхом розвиватись політично й соціально. І тим-то нехтувати формами розвитку пролетаріата, боротись з иайлегчими способами освіти й вислову своєї волі, це боротись ч класовим рухом робітничим, шкодити всій справі соціалізму.

Ми – не вороги свого робітництва, ми плоть од плоті його, ми – передова частина його. І через те не маємо ні права, ні охоти робити йому шкоду. Навпаки, ми ставимо собі в обов'язок всіма засобами здобути для українського пролетаріата забезпечення найлегчих, найкорисніших йому форм його матеріального й духовного розвитку.

Таким забезпеченням є, на нашу думку, такий національно-політичний устрій України, в якому права української національносте не могли би бути занедбаними. А таким устроєм є тільки автономія України

І от через що ми мусіли в сей політичний момент, коли перетворюється весь лад і здобуваються усі права, не нехтувати часовою угодою з несоціал-демократичними течіями. Ми мусіли це зробити, бо піддержку ми бачили

тільки у цих течій. Вони так само, як і ми, зацікавлені в досягненні сеї спільної для нас вимоги, хоч ними керують і інші мотиви та цілі.

Ми ввійшли в Центр[альну] Раду, як в Думу, і разом з іншими групами, які домагаються того самого, що й ми, будемо боротися за свої вимоги.

Звичайно – це ані на крихту не змінє нашої класової, соціально-політичної позиції. Ми так само, а то ще й гостріше, будемо проводити її в життя. І перший же акт Центральної Ради, який стане всупереч з цією позицією, викличе з нашого боку відповідну відповідь, яка може вилитись навіть в форму цілковитого розриву й виходу з Ради-Парламенту. Ми ввійшли в неї для допомоги досягненню наших соціалістичних ідеалів, а не на шкоду їм. Національні досягнення для нас є тільки з а с о б и, а не цілі. Шкодити цілі ради засобів нелогічно і не корисно. Нарізно йти, разом бити.

Робітнича газета («Рабочая газета»). № 24, 25 апреля 1917.

Кизеветтер А.А.

УРОК

Знаменательные события, происшедшие в Петрограде 20-го – 21-го апреля, не нашли себе полного отражения в газетных описаниях. Рассказы очевидцев, заслуживающих безусловного доверия, рисуют картину в высшей степени внушительную, можно сказать – величественную. Началось с демонстраций перед Мариинском дворцом, направленных против временного правительства. Но эти демонстрации с чрезвычайной быстротой были поглощены стихийным массовым народным потоком, охваченным стремлением выразить полное доверие временному правительству и оказать ему всемерную моральную поддержку. А затем весь Петроград превратился словно в одно сплошное всенародное собрание. Народные массы заливали все площади и главные улицы. Всюду шли импровизированные митинги. Со всякого сколько-нибудь удобного для того места говорили быстро сменявшие друг друга ораторы. Это не были какие-нибудь профессиональнее ораторы; говорил всякий, кто не мог молчать, говорили иногда всего по несколько слов; но речи лились непрерывно, подхватываемые дружными возгласами толпы. Это были речи о том, что для спасения свободы всеми должен быть признан всецело и безусловно авторитет временного правительства, что действия этого правительства одобряются мнением народа, что всякие попытки вызывания разлада и раздора в переживаемый нами момент величайшей национальной опасности сугубо вредны для свободы.

По сообщениям очевидцев, эта всенародная петроградская манифестация производила особенно сильное, неотразимо внушительное впечатление более всего тем, что она не носила на себе никаких следов нарочитой подготовки, режиссерского искусства; она представляла собой непосредственное, непронизывное обнаружение мыслей и чувств широких масс петроградского насе-

ления. *Весь Петроград вышел на улицу и вынес вотум полного доверия временному правительству*: таков был знаменательный смысл этого события.

Из этого знаменательного урока должны быть сделаны соответствующие выводы. Этот подлинный и произвольный голос населения должен быть принят к сведению и к исполнению всеми, кто берет на себя право говорить от имени масс. Нельзя быть демократом и затыкать уши перед голосом всенародной толпы, нельзя быть демократом и стоять на том, что только и света в окошке, что в собственном приходе, в собственной партии, в собственном комитете, а все с этим несовпадающее объявлять идущим не от народа, а от лукавого. Это – не демократизм, это – автократизм.

Голос петроградского населения, так явственно и внушительно прозвучавший в ответ на нападки на ноту Милюкова, был именно протестом против таких автократических замашек совета рабочих депутатов, во имя истинной народной свободы, во имя права всего населения на истинное самоопределение. Население на улицах и площадях Петрограда заявило, что во имя дела свободы, во имя его укрепления и утверждения доверие к временному правительству должно быть доверием настоящим, – доверием не на словах, а на деле; что критика, необходимая и полезная во всяком деле, не должна принимать характер явно предубежденной подозрительности, в сущности, всякое доверие исключаящей; что недопустимо раздувать до размеров политического конфликта критику того или иного выражения правительственного документа, вкладывая в критикуемое выражение толкование, которое может быть порождено только явно недоброжелательным предубеждением. Вот что выразила собой петроградская манифестация, явившаяся произвольно вылившимся в форму всенародного собрания ответом на попытки расколоть временное правительство на вопросе о твердости наших обязательств по отношению к союзникам. Временное правительство есть правительство *народное*, и никто, вплоть до созыва учредительного собрания, которому оно обязалось дать отчет, не может лишить его этого народного значения.

Манифестация петроградского населения выразила еще и другое. Она показала, что, поддерживая временное правительство, население сознательно и стойко стремится к укреплению свободного строя и считает, что для этой именно цели в переживаемый момент великих испытаний недопустимо с «детской резвостью» колебать авторитет правительства, которое создано революцией и является главным и основным устоем для закрепления того, что революцией добыто. Эту черту очень важно отметить ввиду усвоенной уже кое-кем повадки всякое проявление общественного мнения, не по его указке выраженное, немедленно и без дальних размышлений зачислять в категорию антиреволюционности.

Таков урок, данный последними петроградскими событиями. Понимать смысл жизненных уроков и не отвертываться от этих уроков есть первое требование и первый признак политической зрелости.

Ерманский А.О.

ЗА ИЛИ ПРОТИВ ЗАЙМА «СВОБОДЫ»?

В чем *главная суть* спора о займе «свободы»? Во вчерашнем номере «Рабочей Газеты» дан совершенно правильный ответ на этот вопрос: главная суть не в финансовой, не в денежной стороне дела, а в *политической*. Это верно для всякого политического деятеля. **А для нас**, революционных социал-демократов, современная политика представляется обязательно под углом зрения *международной* жизни.

Какие явления современности стоят в центре политической жизни?

Война и революция.

Но и та, и другая насквозь пропитаны международным, интернациональным содержанием.

Мы в «Раб[очей] Газете» ведем непрерывную кампанию за демократический путь ликвидации войны, борьбу за мир в международном масштабе. Также неоднократно нам приходилось указывать на то, что развитие русской революции имеет огромное влияние на ход общественной жизни во всем мире, на всю международную жизнь.

С точки зрения этих обоих главных явлений современности, а — стало быть — и с точки зрения *международной политики* рабочего класса, мы должны ставить и вопрос об отношении к займу «свободы». Вкратце эту точку зрения можно выразить словами: *главная задача* наша — борьба за демократический мир в международном масштабе, являющаяся вместе с тем главнейшим средством спасения наших революционных свобод.

Но совершенно ясно, что в этой борьбе у русской революционной демократии только *один* союзник — рабочий класс всех других стран. Совершенно очевидно также, что такой демократический мир не с неба упадет, что его надо добыть упорной борьбой, а для этого надо *прибегать* к *соответствующим* действиям, для этого надо *избегать* каких бы то ни было *несоответствующих* действий.

С точки зрения главной задачи надо оценивать каждый шаг наш. И то, чего мы требуем от своего единственного союзника — международного пролетариата, то мы должны строго проводить в своих *собственных* действиях.

Это, кажется, такой простой и ясной истиной. А между тем против нее грешат многие изо дня в день в наше смутное и тяжелое время.

Чего мы все непрерывно требуем от социал-демократов Германии и Австрии, Англии и Франции? Мы требуем, чтобы они не поддерживали нынешней империалистической войны, чтобы они в парламентах голосовали *против* миллиардных кредитов на войну. Как же мы можем тогда сами голосовать за миллиардные займы на войну? Разве это есть действие, *соответствующее* нашей главной задаче, разве оно помогает тому, чтобы рабочая демократия других стран шла в том направлении, которого мы от нее требуем? Ведь такое действие *еще* хуже, чем бездействие.

Мы для спасения интересов международного пролетариата, для спасения завоеваний русской революции добиваемся скорейшего **окончания** войны. И для этой цели мы стремимся создать себе не врагов, а друзей в рабочих массах Германии и Австрии. Но именно скорейшему окончанию войны мы **мешаем** тем, что, всенародно голосуя за военный заем, мы заставляем наших товарищей в Германии видеть в нас помощников войны, сторонников ее продолжения. Этим мы мешаем им скорее превратиться в наших друзей и союзников.

Одних *уверений*, что мы за скорейшее окончание войны, недостаточно. Такие уверения мы слышали ведь и от увлеченных на ложный путь поддержки империалистической войны социалистов Германии, Франции – вроде Шейдемана, Альберта Тома и других. А их линию поведения мы по справедливости считали ошибочной, вредной.

Правда, русская социал-демократия, даже вся революционная демократия – в лице Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов не ограничилась одними уверениями. Она кое-что важное и *сделала*. Она своим воззванием 14 марта поставила перед всем миром задачу демократической ликвидации войны. Но это не довод в пользу того, чтобы голосованием военного займа *мешать* осуществлению той же задачи. Нельзя же *одной* рукой делать некоторую творческую работу, а *другую* энергично разрушать эту работу...

И именно теперь, когда германская социал-демократия вся присоединилась к воззванию Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов от 14 марта, когда она вся *единодушно* голосовала *против* военных кредитов, – именно теперь нам голосовать *за* военный заем? Это значит губить наше собственное дело, губить общее дело всемирной демократии.

Воззвание 14 марта говорило о необходимости народам «взять в свои руки решение вопроса о войне и мир». Но этого народы еще не сделали. Еще решение вопроса о мире не в их руках. Мы даже во внутренней политике поддерживаем Врем[енное] правительство наше лишь постольку, поскольку оно осуществляет задачу демократического строительства. В области внешней политики нам даже и постольку не в чем поддерживать Врем[енное] правительство участием в его займе.

Это стало особенно ясным после ноты 18 апреля, показавшей, чего добивается правительство своей военной политикой. Ведь в лучшем случае мы после ноты 21 апреля вернулись к тому положению, какое существовало до 18 апреля. Во всяком случае Правительство с того времени не сделало ни одного шага навстречу требованиям Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов. Но тогда решение Советом вопроса об отношении к займу «свободы» было задержано впредь до ожидаемых от правительства дальнейших уступок. Таких уступок Правительство не сделало. Ясно, что и с этой стороны у нас нет повода поддерживать военный заем. Тем более что это значило бы расстраивать всю нашу работу разрешения основной и главнейшей задачи, стоящей перед вами.

Я, конечно, далеко не исчерпал в этой статье вопроса о займе «свободы». Но и сказанного, думается, достаточно, чтобы правильно поставить этот острый вопрос дня.

Рабочая Газета. 1917, 26 апреля. № 40.

Веселовский Б.Б.

РЕФОРМА ЗЕМСТВА

В ближайшие дни будут опубликованы два указа временного правительства: о введении волостного земства в 43-х земских губерниях Европейской России и об изменении в этих же губерниях порядка выборов уездных и губернских земских гласных. О проекте волостного земства мы уже писали. Остановимся на последнем проекте.

В первую очередь придется, конечно, заняться устройством волостного земства, – этой основной самоуправляющейся ячейки. Как только списки для выборов в о л о с т н ы х земских гласных будут составлены, так вскоре же можно будет приступить к выборам и у е з д н ы х земских гласных. Дело в том, что для упрощения всего механизма выборов списки избирателей будут составляться не уездными земскими управами, а в волостях и городскими управами (для городских жителей). Эти списки придется затем лишь частично дополнить за время после опубликования волостных и городских списков до назначения срока для составления уездных списков.

Состав избирателей по выборам уездных гласных тот же, что и для выборов волостных и городских гласных: правом выбирать пользуются все российские граждане обоего пола, без различия вероисповедания и национальности, достигшие 20-ти лет и проживающие ко времени составления избирательных списков в уезде.

Избранными в уездные земские гласные могут быть и не проживающие в уезде, лишь бы они удовлетворяли прочим условиям.

Для производства выборов сельские местности разделяются на избирательные округа, по одной или нескольку смежных волостей в каждом, так, чтобы на каждый округ приходилось выбирать не менее 5-ти гласных. Выборы, конечно, прямые, равные (никто не может иметь на выборах более одного голоса) и тайные (записками). Городские поселения составляют каждый отдельный округ.

Избирательные округа для удобства выборов могут делиться на избирательные участки.

Выборы устанавливаются, как и для городских и волостных гласных, пропорциональные. Заранее избиратели подают списки лиц, которых они желают выбрать в гласные. Эти списки затем и голосуют, так что избиратели подают свои голоса за тот или иной список. И соответственно поданным за каждый список голосам из этого списка избираются по порядку записи гласные.

Таким путем обеспечивается всем группам населения иметь своих гласных в уездном земстве.

Общее число уездных земских гласных устанавливается от 29-ти до 79-ти, пропорционально населению каждого уезда. Это приблизительно так, как было до 1890 года, и значительно больше, чем теперь, по Положению 1890 года. В каждом уезде число гласных распределяется, опять-таки пропорционально числу населения, между сельскими местностями, с одной стороны, и отдельными городскими поселениями – с другой.

Надо сказать, что проект не обходит наболевшего вопроса о выделении городов из земств. Именно города (Петроград, Москва, Киев и Одесса) выделяются в самостоятельные губернские земские единицы, и 65 городов выделяются в уездные земские единицы (все губернские города и города с населением не менее 50-ти тысяч жителей). Предлагалось и более радикальное решение – о выделении всех городов из состава уездных земств или хотя бы городов с населением не менее 25-ти тысяч жителей. Но в окончательном виде восторжествовало более осторожное мнение, указывавшее на временность этих правил и на трудности, которые возникали бы, если бы пришлось потом смягчать решение. Самые правила об урегулировании финансовых взаимоотношений земств и городов при выделении уже выработаны, но будут проведены дополнительно, и о них мы пока не будем говорить. В основу их, во всяком случае, положена та мысль, чтобы намечаемый переход не отразился слишком болезненно на земской кассе и не ударил больше по населению.

Выборы гласных в волостное земство могут быть начаты в скором времени, – примерно в начале – середине июня, в затишье между полевыми работами. Выборы уездных гласных, по тем же в общем спискам, возможно, удастся осуществить во многих местах тогда же, но, быть может, в ряде местностей это затянется несколько. Тем временем имеется выход и из такого положения: земствам (губернским и уездным) предоставлено временно пополнять свой состав привлечением представителей общественных организаций, в количестве 100 % состава по расписанию. Это в большинстве случаев уже и осуществлено. То же имеем и относительно земских управ. Таким образом, особенно настоящим является образование бессловных демократических волостных земств. Они составят фундамент для организации народной власти на местах и вместе с тем помогут правильнее провести выборы в земства, а затем и в Учредительное собрание.

Русское слово. 1917, 29 апреля. № 95.

РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ

«Перед Россией, – говорит Временное правительство, – встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущей гибель свободе». Современное положение вещей, по мнению Правительства, делает управле-

ние государством крайне затруднительным и в своем последовательном развитии угрожает привести страну к распаду внутри и к поражению на фронте...

Приходится, к сожалению, признать, что пессимистические выводы, к которым пришло Временное правительство, не являются нарочитым сгущением темных красок. Наоборот, это – горькая, суровая правда.

В апрельские дни манифестировавший на улицах Петрограда народ резко делился на два стана. В одном лагере были те, кого стоустая молва упрощенно окрестила «ленинцами» и которых, к сожалению, можно найти в рядах не только одной партии ленинских коммунистов. Эти «экстремисты» вульгаризируют и упрощают даже лозунги «Правды», требуют немедленного свержения буржуазного Временного правительства, немедленного прекращения войны, немедленной конфискации земель и экспроприации фабрик и заводов. Словом, желают коммунистической революции по рецепту известной резолюции завода Парвиаинен или по рецепту безответственных уличных ораторов.

Большинство их антагонистов самоопределялось путем отрицания «ленинства». Революционно-демократические элементы не могли не протестовать против анархического лозунга немедленного свержения правительства или против абсурдной формулы «долой войну». Здоровый инстинкт толкал их на сопротивление сеятелям гражданской войны и поражения на фронте. А в огромном большинстве органов социалистической печати, вернее, во всех социалистических органах, за исключением лишь «Единства», они не встречали обоснования революционного оборончества, не видели прямого и неуклонного стремления сберечь страну от внутренней анархии, не видели твердой воли направить дальнейшее развитие русской революции в политически организованное русло. Вместо этого они встречали уклончивые, неопределенные заявления о займе свободы, чувствовали за каждой строчкой плохо скрываемую боязнь перед демагогией анархистствующих элементов.

И вся эта демократическая масса, в которой значительную роль играли солдаты, масса, в основе своей революционная и демократическая, была вынуждена во многих случаях «сливаться» воедино с элементами, лишь жаждущими порядка и этой демократической массе, в сущности, враждебными.

И те из социалистов, которые заняли уклончивую позицию в этих кардинальнейших вопросах, несут на себе тяжкую ответственность за развитие анархических тенденций, за грозящую нам гражданскую войну, за возможное поражение на фронте.

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов и еще в большей степени Всероссийское совещание Сов[етов] раб[очих] и солд[атских] депутатов в своих официальных выступлениях встали на почву революционного оборончества и на почву прямой поддержки Временного правительства.

После же апрельских событий определенность позиции Исполнительного комитета сделалась еще более яркой, что и сказалось в его решении по поводу займа.

Теперь ему надлежит сделать еще более решительный шаг. Надлежит пойти навстречу призыву Временного правительства – «поддержать государственную власть».

Временное правительство указывает также, что оно, со своей стороны, с особенной настойчивостью возобновит усилия, направленные к расширению его состава путем привлечения представителей трудовой демократии. Правительство, таким образом, стремится к созданию того, что называется теперь не совсем правильно коалиционным министерством. Коалиционное министерство, конечно, возможно лишь при правильно действующем парламентарном строе. У нас же речь идет лишь о вхождении социалистов в состав созданного революцией Временного правительства.

Тот же вопрос перед Центр[альным] комитетом партии соц[иалистов]-револ[юционеров] и перед Советом раб[очих] и солд[атских] депутатов ставит т. Керенский, который говорит, что в нынешних условиях «представители трудовой демократии могут брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранию и формальному уполномочию тех организаций, к которым они принадлежат». При такой прямой постановке вопроса нельзя уже, подобно петроградской конференции соц[иалистов]-рев[олюционеров], выносить противоречивые и уклончивые решения.

Нельзя одновременно и приветствовать т. Керенского, и заявлять о недопустимости вхождения социалистов в коалиционное министерство. Теперь нельзя уже будет косвенно поддерживать анархистствующих ленинцев, фактически подрывать почву под Временным правительством, под тем органом власти, который был создан в огне революции, который должен довести страну до Учредительного собрания.

Теперь социалистические партии вынуждены прямо и определенно выбирать – между вхождением во Временное правительство, т. е. энергичной поддержкой государственной революционной власти, или прямым уклонением от этого, т. е. косвенной поддержкой разлагающего страну ленинства, подготовкой гражданской войны и поражения на фронте.

Нет сомнения, что огромное большинство русских социалистов сумеет взять на себя ответственность за судьбы России, спасет страну от внутренней разрухи и от позорного поражения.

Воля народа. 1917, 29 апреля. № 1. С. 1.

Бердяев Н.А.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

I

В такое время, как наше, многие слова употребляются некритически и без определенного реального содержания. Словесные лозунги соответствуют известным настроениям и потому приобретают силу, но строгого смысла и со-

держания они могут быть лишены. Сейчас очень злоупотребляют выражениями «политическая» и «социальная» революция и на этом противополжении ориентируют разные точки зрения на происходящий в России переворот. Одни очень настойчиво утверждают, что в России произошла исключительно политическая революция, другие же требуют, чтобы политическая революция была продолжена в сторону социальной и как можно дальше на этом пути зашла. Для тех, которые стоят на второй точке зрения, революция только начинается, она еще впереди, пройден лишь первый подготовительный этап, за которым должны следовать дальнейшие этапы социально-классовой революционной борьбы. Социал-демократы не в силах выдержать последовательно точки зрения социальной революции и даже у г. Ленина она представлена не в совсем чистом виде. Сами же социал-демократы очень любят говорить, что русская революция – буржуазная, а не пролетарская и не социалистическая, и по поводу происходящего безответственно отклоняют слова «буржуазия» и «буржуазность». И они же настаивают, что эту буржуазную революцию сделал рабочий класс, и что он должен в ней господствовать. Если под выражением «социальная революция» нужно понимать социалистическую революцию, то остается непонятным, как можно по существу буржуазную революцию превратить в социалистическую какими-либо насильственными, диктаторскими мерами, борьбой за политическую власть рабочего класса, не соответствующую его социальному весу в данный исторический момент. Выражение «буржуазная революция» во всех отношениях очень плохое, по моральным своим мотивам даже безобразное выражение, и нужно просто признать, что буржуазная революция есть прогрессивный этап в историческом развитии народов. Сам Маркс признавал за буржуазией в высшей степени прогрессивную и революционную роль в истории. В сущности, буржуазная революция означает национальную, всенародную революцию, момент в исторической судьбе целого народа, в его освобождении и развитии. «Буржуазная» революция сейчас в России и есть не классовая, а сверхклассовая, всенародная революция, осуществляющая задачи общенациональные и общегосударственные. А если бы сейчас в России произошла «пролетарская» революция, то она была бы исключительно классовой, антинациональной и антигосударственной и привела бы к насильственной диктатуре, за которой по непреложному закону последовал бы цезаризм.

Когда происходит великий исторический переворот в жизни народа, то всегда есть в нем некоторая объективная линия, соответствующая общенациональным, общегосударственным историческим задачам, линия истинно творческая, в которой целый народ влечется инстинктом развития и тайным голосом своей судьбы. Истинная политика и есть угадывание этой национальной линии. И все, что срывает в сторону, должно быть признано не творческим, разрушительным и реакционным в глубочайшем смысле того слова, нереальным, призрачным. Многое, представляющееся очень революционным, реально бывает реакционным. Лассаль признавал реакционными крестьянские войны и крайние течения реформационной эпохи; прогрессив-

ной же признавал лишь Лютеровскую реформацию, которая была на современном языке «буржуазной», но совершила огромное всемирно-историческое дело. С этой точки зрения он признал бы глубоко реакционными русские большевистские и максималистские социалистические решения и лишил бы их всякого исторического значения. В революционном максимализме всегда отсутствует творческий исторический инстинкт, и никогда гений не влечется в эту сторону. И всякий обладающий творческим историческим инстинктом, постигающий судьбу народов, должен признать реакционным срывом все максималистские социалистические течения в нынешний час исторического существования России. Эта истина блестяще подтверждается тем, что при более глубоком взгляде на происходящее у нас не оказывается никакого социального движения и нет никакой социалистической идеи. Социализм есть во всяком случае идея регуляции социального целого; он все хочет привести в соответствие с социальным организмом, он противится хозяйственной анархии. Но то стихийное массовое движение, которое именуется у нас социальным, не вдохновляется сейчас идеей социального целого, идеей, регулирующей и организующей всю нашу народную хозяйственную жизнь; в нем явно преобладают интересы личные и групповые в ущерб целому, в нем нет самоограничения, в нем слишком много корыстного и захватного. Этот антисоциальный характер движения есть наследие старого режима, старого рабства, старого отсутствия навыков к свободной общественности, свободного подчинения личности целому. Временное господство этих течений может кончиться лишь такими призраками, как царство Сиона Иоанна Лейденского или Парижская коммуна. Но принудительное водворение «царства Божьего на земле» всегда пахнет кровью, всегда есть злоба и взаимное истребление. В таком максимализме есть глубокая религиозная и моральная ложь, не говоря уже о его социалистической и исторической невозможности.

II

Политическая революция в России, столь страшно запоздавая, будет, конечно, иметь свою социальную сторону, как это бывает во всяком великом историческом перевороте. Перед Россией стоит задача очень серьезных, смелых социальных реформ, особенно в сфере аграрной. Политическая революция в России совсем не означает торжества старого буржуазного либерализма, который давно уже идейно разложился и не может никого вдохновить. И менее всего такой резко антисоциалистический тип либерализма подходит к русскому душевному складу. Россия вступает на путь политической свободы в поздний час истории, отяжеленная опытом западноевропейской истории, но легкая и свободная от собственного опыта и собственных связывающих традиций. Вступает она на этот путь в исключительной обстановке мировой войны, потрясающей основы современных обществ. И думается, что в России возможны и даже неизбежны смелые опыты социализации, совершенно внеклассовой, государственной, не похожей ни на какой доктринальный социализм. Грядущий день истории сотворит непредвиденное и, вероятно, обманет

ожидания и «буржуазные», и «социалистические». Развитие капитализма в России не может уже быть подобно классическому английскому его развитию. Борьба против темных и злых сторон капиталистического развития должна у нас начаться в первоначальных стадиях этого процесса и организованные рабочие не могут не оказывать воздействия на социальную структуру его. Это ясно должен сознать русский промышленный класс и этим сознанием изготовить себе творческую роль в социальном перерождении России. Идея «социальной революции», по существу, не творческая идея, и она предполагает неизбежность социального катаклизма именно потому, что никакого творческого социального процесса, устраняющего зло, не происходило, а происходило лишь фатальное и неотвратимое нарастание социального зла. Классический марксизм и сложился под влиянием английского типа первоначального развития капитализма, который в чистом виде явил злые стороны этого процесса. Но всякое социальное творчество предотвращает социальную революцию

У нас необходимо напомнить о той выяснившейся окончательно истине, научной и философской, что социальная революция в строгом смысле слова вообще невозможна, ее никогда не бывало и никогда не будет. В этой области слово «революция» можно употреблять только иносказательно, лишь в очень расширенном смысле. Так, например, мы говорим, что в XIX веке великие технические изобретения были великой революцией, перевернувшей всю человеческую жизнь. Но по существу нужно сказать, что возможна лишь социальная эволюция с более или менее ускоренным темпом, возможны лишь социальные реформы более или менее смелые и радикальные. Изменение социальной ткани обществ есть всегда длительный молекулярный процесс; оно зависит, с одной стороны, от состояния производительных сил, от экономического творчества, промышленного и сельскохозяйственного, с другой – от незримых изменений в человеческой психике. Творческое отношение человека к природе и творческое отношение человека к человеку, то есть творчество экономическое и творчество моральное, изменяет социальную ткань. Заговорами, бунтами, восстаниями и диктатурами ничего нельзя изменить в жизни социальной, все это есть лишь накипь. Насильственные эксперименты, производимые явочным порядком, лишь отбрасывают назад в социальном развитии. И для Маркса социалистическая революция, *Zusammenbruch* капиталистического общества, предполагает длительный процесс развития капиталистической промышленности – к ней ведут не диктаторски-насильственные действия пролетариата, а объективная диалектика капиталистического развития, объективный экономический крах капиталистического хозяйства, концентрация, перепроизводство и кризисы. Марксизм не допускает такого социализма, при котором понизилась бы производительность труда. Социализм может тогда лишь заменить капитализм, когда он может оказаться более производительным. Но марксизм представляет собою крайне не критическое смещение точки зрения объективной эволюции, совершающейся неотвратимо и фатально,

с точкой зрения субъективно-классовой, переоценивающей значение революционной активности пролетариата. И критика марксизма шла с двух сторон.

III

Марксистская *Zusammenbruchstheorie* и *Verelendungstheorie* оказались не состоятельными со всех точек зрения. Эти теории не только научно неверны и совершенно устарели, но с ними связана и ложная моральная настроенность. Развитие капитализма пошло другими, более сложными путями, смягчающими противоречия, ослабляющими зло, увеличивающими значение рабочего класса и его благосостояние внутри самого капиталистического общества. Поэтому социал-демократия подверглась роковому процессу «буржуазизации». Да и идеалы ее, в сущности, всегда были буржуазными. Духовная буржуазность социализма, его рабство у социальной материи, его отрицание ценностей, его неспособность подняться над ограниченной целью человеческого благополучия до целей более далеких и высоких, совершенно несомненна и обнаруживается все более и более. И менее всего можно искать противоядия против этой буржуазности в идее социальной революции, которая порождена рабством духа. Марксистская *Zusammenbruchstheorie* была построена по Гегелевской диалектической схеме. Но в этой теории было все-таки больше уважения к факту социальной эволюции, чем у г. Ленина и большей части русских социал-демократов, которые в сущности соединяют старое русское народничество с старым русским бунтарством.

Мировая война поставила в исключительные условия хозяйственную жизнь народов и вызывает неотвратимый процесс государственной регуляции и социализации. Но этот военный социализм, этот социализм бедности, внеклассовой и государственной, не дает никаких жизненных оснований для возрождения идеи социальной революции. На этом горьком пути вырабатываются навыки, которые вряд ли будут иметь значение для дальнейшего социального процесса, и вряд ли возможен после войны возврат назад, к совершенно нерегулированной хозяйственной жизни капиталистических обществ. Но это будет лишь новый фазис социальной эволюции, который ни к какому «социализму» в доктринерском смысле не приведет. Социализм, как он конструируется в социалистических доктринах, всегда будет или преждевременным, или слишком запоздалым. Когда наступит время для социализма, то он окажется уже ненужным и устаревшим, так как будет уже новая жизнь, не похожая на ту, которая преподносилась в социалистических мечтах, скованных отрицательными связями с буржуазно-капиталистическим строем. В социалистической идее нет почти ничего творческого.

Многие из нас, русских критических марксистов второй половины 90-х годов, глубоко пережили крушение идеи социалистического *Zusammenbruch's*, идеи социальной революции. Происходившая с тех пор идейная работа не оставила камня на камне от старых социальных утопий; она не только научно, но и религиозно их преодолела. Проблема социальная разбилась и была поставлена в связь с проблемой космической. Для людей духовного опыта и

усложненной мысли стало ясно, что невозможна совершенная организация человеческой общественности на поверхности земли, изолированной от мирового целого, от всего божественного миропорядка. Между человеческой общественностью и космической жизнью существует таинственный эндосмос и экзосмос. И столь быстрое восстановление у нас и быстрая победа детски-незрелой, смутной идеи социальной революции, есть лишь показатель отсталости и малокультурности широких масс, не только народных, но и интеллигентских, идейного убожества тех кругов, которые со слишком большой гордостью именуют себя демократическими. Для всякого, дающего себе отчет в словоупотреблении, должно быть ясно, что не только у нас сейчас не происходит социальной революции, но и социальной революции вообще никогда не произойдет в пределах этого материального мира. Но легко могут принять за социальную революцию социальную дезорганизацию и социальный хаос, восстание частей против целого. Это антисоциальное движение может показаться его сторонникам и противникам революционным в социалистическом смысле этого слова. И следует всеми силами выяснять, что захватная борьба за власть отдельных личностей, групп и классов не имеет ничего общего с природой социального процесса и социальных задач. В один день может пасть власть и замениться другой, да и то после длительного подготовительного процесса. Но в социальной ткани в один день не может произойти ничего, кроме психических и экономических молекулярных процессов и формулировки социальных реформ, подготовленных в соответствии с этим молекулярным процессом. И классам, настроенным враждебно к социализму, следовало бы освободиться от унижительного страха перед социальной революцией. Страх этот несет отраву в нашу народную жизнь. Классы экономически господствующие должны будут пойти на самоограничение и жертвы во имя социального возрождения русского народа. Но упование на революционный социальный катаклизм, который мыслится как прыжок из царства необходимости в царство свободы, есть лишь смутное и бессознательное переживание эсхатологического предчувствия конца этого материального мира. До тех же таинственных времен и сроков может быть лишь социальная эволюция, лишь социальные реформы, регулирующие целое, но всегда оставляющие иррациональный остаток в социальной жизни, но никогда не преодолевающие до конца зла, коренящегося в жизни космической и в приливающих из ее недр темных энергиях. Перед Россией стоит задача социального устройства, а не социальной революции. Социальная же революция может быть у нас сейчас лишь социальным расстройством, лишь анархизацией народного хозяйства, ухудшающей материальное положение рабочих и крестьян. И перед теми бесконечно трудными и сложными задачами, перед которыми поставила Россию судьба, всякий розовый оптимизм был бы неуместен и даже безнравствен. Силы зла сильнее в этом мире, чем силы добра, и они могут являться под самыми соблазнительными обличьями и самыми возвышенными лозунгами. И русской демократии предстоит прежде всего пройти суровую школу самоограничения, самокритики и самодисциплины. Нас ждет не социальный рай, а тяжелые жизненные

испытания. И нужен закал духа, чтобы эти испытания выдержать. Все социальные задачи – также и духовные задачи. Всякий народ призван нести последствия своей истории и духовно ответствен за свою историю. История же наша была исключительно тяжелая и трудная. И безумны те, которые, вместо того чтобы призывать к сознанию суровой ответственности, разжигают инстинкты своекорыстия и злобы и убаюкивают массы сладкими мечтами о невиданном социальном блаженстве, которое будто бы покажет миру наша несчастная, истрадававшаяся бедная родина.

29 апреля 1917 г.

Русская свобода. 1917. № 4. С. 5–10.

Череванин (Липкин) Ф.А.

КРИЗИС ВЛАСТИ

«Есть речи, значенье коих темно или ничтожно», писал я как-то в «Рабочей газете» по поводу выступлений Ленина. К сожалению, эти выступления по-прежнему остаются по меньшей мере «темными», и это чрезвычайно затрудняет анализ и оценку их.

Ленин и его последователи очень часто говорят о союзе пролетариев города с батраками и беднейшими (т. е. полупролетарскими?) крестьянами в деревне, о союзе их для достижения власти. Итак, они добиваются по существу пролетарской, а след[овательно], и социалистической диктатуры? Итак, они хотят осуществить диктатуру меньшинства населения?

Этот вопрос я прямо и определенно ставил перед Лениным и его сторонниками и, конечно, не получил ответа. А после этого изо дня в день появлялись статьи и статейки в «Правде», которые ходили вокруг да около этой темы, но так и оставляли читателя в полном недоумении, к какой же диктатуре они стремятся.

Теперь по поводу выступления Церетели. Ленин в № 44 «Правды» как будто дает вполне определенный ответ. Он обращается к Церетели с укоризненным вопросом: «как же можно, оставаясь демократами, быть против “диктатуры” пролетариата и крестьянства? как можно опасаться от нее гражданской войны? гражданской войны какой? горсти помещиков и капиталистов против рабочих и крестьян? ничтожного меньшинства против подавляющего большинства?»

Кажется, ясно?

Имеется в виду не диктатура пролетарских элементов города и деревни, несомненно, составляющих меньшинство в стране, а диктатура пролетариата с крестьянством вообще, т. е. со всем крестьянством или большинством его. Конечно, у нас нет никаких гарантий, что в следующей очередной статье «Правда» снова не переметнется и не выступит на сцену опять старая пролетарская диктатура.

Но будем жить моментом, иначе с «Правдой» нельзя иметь дело. Сфотографируем ее тон, как она выглядит сейчас. Ленин хочет господства большинства. И поэтому он стремится к союзу городского пролетариата, (составляющего меньшинство даже в городских поселениях), с огромным большинством деревни. Иначе большинства не выйдет никаким способом.

Но спрашивается, как тогда понять эти постоянные надоедливые обвинения нас и большинства Исполн[ительного] Комитета С.Р. и С.Д. в том, что мы мелкобуржуазны, в том, что мы сейчас представляем мелкую буржуазию. А крестьянство, его значительное большинство, это – не мелкая буржуазия? И если Ленин, добившись диктатуры, потопит пролетариат в массе крестьянства, тогда эта диктатура не будет мелкобуржуазной? Для всякого, умеющего немного по-марксистски мыслить, ясно, что это будет по существу мелкобуржуазная диктатура. И всякий, кто стал бы внушать пролетариату, что путем такой диктатуры он сможет осуществлять свои социалистические цели, будет – сознательно или бессознательно – обманывать пролетариат. Будет внушать ему вредные и опасные иллюзии, в результате которых пролетариат, в конце концов, будет иметь против себя объединенные силы всей буржуазии – крупной и мелкой – и будет разгромлен.

Но пойдем дальше: союз пролетариата со значительным большинством деревни. А большинство населения городов и местечек, остающееся за пределами рабочего пролетариата? Армия служащих и профессиональной интеллигенции – это новое третье сословие, создаваемое капиталистическим процессом развития? Эта масса городской демократии должна быть отвергнута? Эта масса городской демократии меньше способна, меньше пригодна для осуществления широких демократических задач, чем те активные крепкие мужички, которые наполняют теперь кооперативы и которые имеют все основания повести за собой большинство деревни? Эту массу Ленин предлагает отвергнуть? Если да, то это покушение с явно негодными средствами. Большинство деревни не отвергнет этой массы, и с ней найдет гораздо скорее общий язык, чем с сознательными и социалистически настроенными элементами пролетариата.

И по существу, если мы захотим дать оценку того революционного процесса, который мы переживаем, мы должны сказать: Россия идет не в ленинской диктатуре, а к власти буржуазной демократии города и деревни. Только власть этой буржуазной демократии, а не более левая диктатура, соответствует уровню развития производительных сил России, и, с другой стороны, только эта буржуазная демократия способна вывести Россию из того экономического тупика, в который она попала благодаря войне.

Сейчас необходима величайшая смелость. Смелость самым серьезным образом посягнуть на интересы имущих классов, обложивши их так, как только возможно для спасения страны. Смелость в решительном регулировании экономической жизни, отметающем в сторону целые группы капиталистов, как тормозы для упорядочения жизни, и твердыми ценами ограничивающем до минимума аппетиты буржуазии. Сейчас нужна смелость в решении аграрно-

го вопроса, смелость в ликвидации крупного землевладения и притом такой ликвидации, которая не возложила бы на плечи неимущих классов нового налогового бремени. Нужна, наконец, смелость сказать определенно и ясно союзникам в связи с войной, что демократическая Россия может и хочет и чего она не может и не хочет.

Этой смелости по всем признакам лишено теперешнее Временное правительство, и тут – и только тут – и коренится кризис власти. По-видимому, приближается момент, когда существующее Правительство должно быть решительно преобразовано.

Развивающиеся события явно требуют правительства более левого и по программе действий, и по составу. Окончательным выходом из этого кризиса будет перемещение власти в руки буржуазной демократии с уклонением от этой власти пролетариата во имя своей классовой позиции. Но в переходный период, в период революционный, предшествующий Учредительному собранию и окончательному формированию власти, может оказаться необходимым временное участие во власти и рабочего пролетариата в лице его идейных представителей. Но этот вопрос заслуживает особого рассмотрения, и мы к нему вернемся.

Рабочая газета. 1917, 30 апреля. № 44.

Изгоев А.С.

«КРИЗИС»

Для «социальной революции», на словах для «защиты революции», большевики завели вооруженную ружьями рабочую гвардию. Совет рабочих и солдатских депутатов допустил создание гвардии, хотя оно явно было направлено против войск, опорочивая их преданность новому строю. Если войска верны революции, – для какой ее защиты нужны тысячи вооруженных рабочих, не умеющих держать ружья в руке? В основе всей затеи с красной гвардией лежала ложь, и скрыто было преступление.

20-го и 21-го апреля ложь вскрылась, а преступление приняло кровавые, всеми осязаемые формы. Кто-то, во всяком случае люди из Совета рабочих и солдатских депутатов, вызвал на Мариинскую площадь солдат, чтобы требовать отставки Временного правительства, а в особенности Милюкова. Кто-то заблаговременно на заводах готовил плакаты и знамена с надписями: «Долой Милюкова» и «Долой Временное правительство». Кто-то вел агитацию среди рабочих, отдавая приказания «красной гвардии» о выступлении, снимал рабочих с заводов, в том числе, понятно, и работающих на оборону. Обо всей этой агитации Совет рабочих и солдатских депутатов не мог не знать. Он молчал, однако, до позднего вечера 21-го апреля. Он заговорил уже после того, как пролилась кровь.

А пролилась она очень просто. Ленинцы, большевики, красная сотня, красная гвардия – есть тысячи названий для обозначения этих групп, составленных наполовину из обманутых, оглушенных, озлобленных фанатиков и наполовину из темных личностей – вот эти-то вооруженные господа марширующими отрядами вышли на улицу и дали несколько залпов в лиц, пытавшихся отнимать плакаты с надписями: «Долой Временное правительство!».

В главном органе красной гвардии «Правде» (№ 38) отчет об этом событии изложен так: «По Невскому мирно шла манифестация Выборгского района с плакатами: “Долой Временное правительство!” Навстречу им двигалась группа солдат с одним офицером. Этот офицер велел стрелять и стреляли в толпу. Есть раненые и убитые».

Эта заметка – образчик – надо сказать грубое слово – самой подлой политической лжи. «Правда», конечно, знает, что «мирные» манифестанты шли все с ружьями, военным строем, знает, что попавшаяся им навстречу группа солдат не была ничем вооружена, что стреляли красногвардейцы, что убиты

солдаты, защитники Временного правительства, в том числе один делегат с фронта. «Правда» лжет, что приказ стрелять отдал офицер и лжет с гнуснейшей целью, стремясь натравить солдат на офицеров, представить их виновниками смерти солдат, убитых ленинской красной гвардией... Да, далеко дубровинским и марковским листкам до ленинской «Правды», и патриархи союза русского народа могут быть спокойны и довольны: их дело, дело черной анархии и красной ненависти, дело междоусобной войны и отравления народной души находится в хороших руках.

Что ленинство, русский анархизм есть лишь вывернутое наизнанку русское царское самодержавие, в этом никогда не сомневались вдумчивые люди, умеющие разбираться в событиях. К несчастью, русская интеллигенция или не видела, или не имела мужества признать наличность грозных явлений, на которые наша литературная группа неоднократно указывала – достаточно напомнить хотя бы «Вехи». Когда разразилась революция, надо было бы собрать все силы и единодушно изолировать подымавшую голову анархию. С ней заигрывали и продолжают заигрывать и теперь, как бы нарочно создают такое положение, которое обессиливает всякую власть и роковым образом губит свободу и влечет в пропасть всю Россию...

Кризис 21-го апреля кончился с внешней стороны как будто бы благополучно, но на самом деле он и не кончился и ничего благополучного не показал. 26-го апреля об этом сказало и правительство. Дело свободы подкатилось к самому срыву.

Надо иметь мужество взглянуть опасности в лицо. В чем суть кризиса? Печать об этом до сих пор молчала, но в частных разговорах давно говорили прямо и решительно: в двоевластии. Двоевластие весьма своеобразное. Одна власть, «Временное правительство», имеет все психические атрибуты власти. Она признается. Она – национальна. Она имеет свои корни. И в то же самое время она не имеет никакой физической силы, она не может привести в исполнение ни одного своего решения, оправдать свое слово актом, не может никуда двинуть ни одной роты. Об этом ей самым бесцеремонным образом тотчас же после улаживания «кризиса» напомнил Исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов, заявивший войскам, что без приказа, подписанного Чхеидзе, Скобелевым, Богдановым и другими, они не смеют отлучаться из казарм.

Физическая власть находится в руках Совета и, казалось бы, возможен прямой, простой и честный выход из кризиса: Совет должен устранить Временное правительство (само добровольно отдать свою власть оно может только Учредительному собранию) и создать свое министерство. Но сделать это Совет не решается. Он понимает, что для такой задачи он бессилен, что социалисты, заполняющие его Комитет, вынуждены будут проводить «буржуазную политику», что появление Совета у власти будет означать междоусобную войну, государственный крах, разрыв с союзными державами...

И вот начинается своеобразная игра. Должен оговориться, что сознательные расчеты и мотивы играют в этой игре весьма малую роль. Люди, быть может, интригуют гораздо меньше, чем кажется (интрига все-таки есть). Очень многие, быть может, даже большинство, проникнуты самым искренним желанием помочь положению, найти выход, отдать свои силы для спасения России. Но объективно получается жалкая партийно-интеллигентская ослепленная игра, грозящая стране большими бедствиями.

Казалось бы, если главная беда от двоевластия и все это понимают, то надо создать одну общую власть, надо договориться и действовать совместно. Но ведь это значит следующее: в тот момент, когда образуется новая власть, Совет солдатских и рабочих депутатов должен объявить, и особо по всем частям петроградского гарнизона, что отныне он, Совет, никакой исполнительной власти не имеет, что *вся* власть в руках правительства, войска должны слушаться *только* министров, что всякие вооруженные частные гвардии должны немедленно прекратить свое существование и немедленно выдать оружие, о чем должны позаботиться сами войска.

Вот единственный возможный компромисс, который мог бы спасти родину. И если бы Совет солдатских и рабочих депутатов на него пошел, то ни перед какими партийными или личными соображениями нельзя было бы останавливаться. Пусть будут сделаны все перемены, какие надо, но пусть на другой же день начнется творческая работа по созиданию нового порядка, а не новое подрывание нового временного правительства.

Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять их неразрешимость. Руководители Совета – в конце концов ведь это все нам хорошо известные революционные интеллигенты обычного типа – на такой компромисс не пойдут, пойти не способны да и не могут. Для такой работы их политические приемы совершенно не пригодны. У них для нее не найдется ни идей, ни подходящих слов.

Как раньше все их силы направлялись на подрыв правительства, так и теперь они работают над тем же. Сегодня хотят срезать Милюкова и Мануилова, завтра потребуют Гучкова, послезавтра – кн. Львова и Шингарева, а там дойдет очередь и до других, если катастрофа не придет раньше, чем окончится этот процесс обирания артишока.

Участвовать в такого рода «компромиссе», при котором и после смены лиц правительство фактически останется столь же бессильным, как было, и будет так же дискредитироваться своими друзьями слева, – занятие вредное для родины и недостойное политических деятелей...

Есть один факт, который мог бы внушать некоторую надежду. Мы ведь ведем войну. Наше положение чрезвычайно опасно. Не могут же русские люди предать свою родину и отдать ее на разгром, на расчленение. Перед лицом врага, может быть, и русские социалисты забудут о своей «тактике», действительно, без всяких задних мыслей, объединятся с остальными гражданами, дадут Временному правительству единую, сильную, надо сказать, диктаторскую, власть, которая только и может вывести Россию из смертельной опасности.

Ведь вся Россия знает и кн. Львова, и Милюкова, и Гучкова, и других. Не для себя, не для подавления кого-либо взяли они власть.

Тут был бы выход. Но, к несчастью, только небольшая часть наших социалистов, группа «Единства», часть социалистов-революционеров, и притом часть наименее влиятельная, действительно способна поставить живой образ России выше доктрины. Огромное большинство увлечено демагогией и не может освободиться от тумана, навеянного тем, что при царе родина и участок для них были синонимами. Для Ленина, например, Курляндия уже не Россия, и отвоение ее он считает «аннексией», предпочитая комедию плебисцита под угрозой прусских штыков.

Солдаты устали. Весь народ устал. И, демагогически пользуясь этой усталостью, политики и политиканы выставляют причиной длительности войны «завоевательные планы» Милюкова, обманывают народ, будто отказом от мнимых аннексий можно купить мир. На самом же деле политика, на которую нас толкают слепые либо очень зрячие люди, фатально приведет к столкновению с Англией, Францией и Японией, к немедленным новым войнам, к позору предательства, к банкротству, краху и расчленению...

Плеханов, конечно, в такой же мере противник насильственных аннексий, как и В. Чернов или меньшевик Дан, но он, любя Россию, понимает, что политика Милюкова ничего завоевательного в себе не содержит, что она стремится лишь к возвращению ограбленного у нас, к восстановлению Бельгии, Сербии, Польши, Румынии, что для России — дело чести. Разве можем мы добиться этих целей иначе, как в связи с Англией и Францией, сохраняя верность взятым на себя обязательствам? Никто не будет навязывать нам пользование нашими правами (отказывайтесь, сколько хотите!), но все потребуют исполнения взятых на себя обязательств.

Все это ясно, как день. Агитация против Милюкова, по существу, совершенно бессодержательна. Ее нельзя было бы понять, если бы не видно было, как сзади ее мастерят деятели двух родов: одни, вполне сознательно идущие к сепаратному миру с Германией, хотя на словах, по талейрановскому правилу, отрешивающиеся от страшного слова, и другие, мечтающие возместить внешний ущерб благами внутреннего социалистического переворота, который они готовят.

Среди последних, вероятно, немало искренних и честных людей. Горько будет их позднее разочарование и раскаяние, когда вместо прекрасного социалистического строя они увидят свою родину, в анархических судорогах, нищей, больной, бьющейся в руках иностранных войск...

1 мая 1917 г.

Ерманский А.О.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И БОРЬБА С АНАРХИЕЙ

Русская революция переживает *глубокий кризис*. В ходе революционной борьбы наблюдается серьезное расстройство. Народные массы, борющиеся за мир и свободу, порою теряют из виду единую, высокую цель своих стремлений. В освобожденной России идет большая работа устранения всего, что уродовало нашу жизнь при старом режиме. Настала возможность и надобность *строить новую* жизнь при тяжелых условиях, когда страна истощена и дезорганизована длящейся уже три года войной.

Чем тяжелее условия, тем больше требуется планомерности и организованности в борьбе трудящихся масс для достижения основной цели. Между тем за последнее время каждый день приносит нам ряд печальных известий. Из них складывается тяжелая картина не только хозяйственной, но и *политической разрухи*.

Единый мощный поток революционного движения как будто все больше разбивается на множество обособленных слабых струек. На место выдвинутых войной и революцией *общеполитических* интересов всего трудящегося народа и всемирного пролетариата на первый план выступают иногда желания отдельных частей России, отдельных групп трудящейся массы – желания, часто идущие в разрез с интересами всей революционной демократии.

Такое распыление борьбы обессиливает общее революционное движение. Оно запутывает политическое положение России и еще больше усугубляет общую разруху. Оно вызывает раздражение и недовольство революцией, подвергает величайшей опасности дело мира и свободы.

Этот кризис русской революции *отчасти* неизбежен. Широкие массы народа, ныне выступившие на открытой арене свободной общественно-политической жизни, мало подготовлены к ней всеми условиями старого строя. Царское правительство о том больше всего и заботилось, чтоб в корне задуть всякую общественность, всякую способность народа сосредоточить внимание и силы на общей политической задаче и организованными действиями добиваться ее решения.

Неудивительно поэтому, что у менее сознательных слоев трудящихся масс борьба идет неорганизованным путем: высокая общеполитическая задача достижения скорейшего мира и упрочения свобод легко размывается на мелкую монету местных и групповых требований, несогласованных с основной исторической задачей наших дней.

Этой склонности к распылению общественно-политической борьбы должно было бы противодействовать созданное революцией Временное правительство. Если б оно преследовало только ту же, что и революционная демократия, цель скорейшего заключения мира и упрочения демократических свобод, то должно было бы вести соответствующую решительную политику. Оно долж-

но было бы направить ее по ясному, *определенному руслу*, к которому могли бы тесно и уверенно примкнуть чаяния и стремления революционной демократии. Этим было бы устранено или по крайней мере значительно ослаблено распыление борьбы масс.

Но в том-то и дело, что стремления правительства Львова–Милюкова были не те, что у революционной демократии. А поскольку к ее нуждам подошла политика *нового* Врем[енного] правительства, – и тут далеко было до решительности. *Классовые* интересы правящей буржуазии удерживают ее от тех решительных мероприятий по борьбе с общей разрухой, которые требуются условиями революционного и военного времени. Империалистические вожеления тех же правящих кругов, составляющих большинство и в новом Врем[енном] правительстве, делают их деятельность в пользу мира скорее словесной, чем действенной, международно-политической.

И, не встречая в правительственной политике твердой опоры своим стремлениям, широкие массы народа, не сумевшие еще сосредоточить свои силы вокруг одного центра, бредут по случайным путям, которые не направлены к одной общей цели, а – наоборот – вносят еще больше несогласованности и путаницы в общий ход революционной борьбы. Так растет и ширится распад и анархия в нашей общественной жизни.

Вот перед нами ряд фактов *разложения власти на местах*. Прежние, до-революционные органы местной власти – губернаторы, исправники, земские начальники, полиция – должны были исчезнуть с момента торжества революции. Кем же их заменило Врем[енное] правительство? Комиссарами – большей частью из числа председателей земских управ, т. е. тех же представителей помещичьих кругов и сторонников *старого* строя. В некоторых местах даже оставлены были прежние администраторы царского правительства – только под новым наименованием – «комиссаров».

Конечно, демократическое население не могло питать доверия к этим сторонникам реакции, иногда даже собирающим вокруг себя черносотенные шайки. При таких условиях немудрено, что население на местах становилось во враждебное отношение к тем, кого Правительство присылало как представителей *общегосударственной* власти. А иногда те или иные города вовсе обособлялись от остальной России, объявляя себя как бы совершенно самостоятельными государствами в государстве. Как будто мы не переживаем тяжелого времени войны и революционного переворота. Как будто перед русским народом не стоит ряд острых вопросов и задач, которые могут быть решены только общими дружными усилиями трудящихся масс всей России, даже всего мира.

Или вот мы наблюдаем *беспорядочную* волну забастовок рабочих и служащих в разных предприятиях. Это вносит еще больше прежнего расстройство в нашу хозяйственную жизнь. Промышленники и буржуазные газеты видят все зло в рабочих и служащих, в их будто бы чрезмерных требованиях. Эти обвинения опровергаются фактами и цифрами чуть не в каждом отдельном случае.

Но допустим, что в отдельных случаях требования рабочих являются действительно преувеличенными. Спрашивается, *что* со своей стороны сделали г. Коновалов и другие представители правящей буржуазии, чтоб внушить к себе доверие пролетариату и сделать совершенно невозможным все то, что расстраивает нашу хозяйственную жизнь?

Ведь в кругах торгово-промышленной буржуазии все время царит неслыханный разгул *барышничества* и *наживы*. Тут идет процесс бесстыдного, скандального обогащения капиталистов и бесцеремонной, иногда сознательной дезорганизации народного хозяйства. Давным-давно надо было правительственной власти деятельно вмешаться в этот скандал, в этот «пир во время чумы». Надо было установить твердые цены на все промышленные изделия, наложить руку государства на скандально высокие «военные» прибыли, установить минимальную заработную плату, взять в руки центральной власти снабжение предприятий сырыми материалами, вмешаться в организацию самого производства, наладить планомерное распределение промышленных изделий, упорядочить всю хозяйственную жизнь. Ведь сделаны же были в этом направлении решительные шаги в Англии и Германии.

Теперь и само правительство наше видит, что все это необходимо осуществить. Но на деле оно ничего подобного еще и не начинало, ибо *все не решалось* посягнуть на свободу обогащения дельцов. И этим оно не только до крайности обострило хозяйственную разруху, поставив страну на край гибели, – этим оно отняло у рабочих и служащих возможность рассчитывать на упорядочение хозяйственной жизни правительством. Этим *развязаны* были стремления отдельных групп беспорядочно, за свой страх и риск, пытаться взять, что можно.

Наконец, еще одна область разложения и распада, занимающая *далеко не последнее место* в нашей жизни. Газеты наполнены жалобами на *разложение армии*, на готовность солдат на фронте махнуть на все рукой, чуть не разойтись просто по домам. Об этих фактах с несомненностью можно сказать одно: в них, – хотя и в уродливой, ибо пассивной, необщественной форме, – проявляется назревшая *воля к миру* солдатской массы. Эту волю вырастила сама жизнь, весь трехлетний опыт преступной войны. Эту волю уже нельзя подавить силой или обманом. Ее можно только направить в русло сознательных и организованных проявлений. Иначе выйдет, как всегда: гони природу в дверь, – она войдет в окно. Что же делало до сих пор Врем[енное] правительство, чтоб двинуть вперед дело международного мира?

На словах, под давлением революционной демократии, – многое; на деле – почти ничего. Мало изменилось в этом отношении дело даже после заявления, выпущенного новым, коалиционным правительством 6 мая, так как революционная демократия не оказала необходимого решительного давления на правительство. А тут пошли еще новые легкомысленные разговоры о нашем наступлении, о «войне до решительной победы».

Ясное дело: правящие круги *ничего* серьезного не предприняли, чтоб сделать то, что они выдвигают, как *свои* цели войны, целями широких народных

и солдатских масс. Больше того, они сделали много в *противоположном* направлении. На что же могут рассчитывать правящие круги в своем стремлении прекратить разложение армии? Только в решительной и честной правительственной политике борьбы за мир измученная солдатская масса могла бы увидеть *твердую опору* для своих стремлений, – найти общественно-политический путь для их осуществления. Только такой путь дал бы разумный политический выход неистребимой воле к миру. Только тогда отпала бы почва для анархии и разложения армии в различных его проявлениях.

Только тогда потеряли бы почву под ногами и те политические группы, которые, плывя под флагом «последовательных» социал-демократов, на деле только поддерживают анархию и усиливают стихийный процесс распыления, «разобществления» народной борьбы.

Перед сознательными пролетариями, конечно, стоит задача борьбы с распадом, разложением народной борьбы за мир и свободу, задача борьбы и с теми анархическими течениями, которые это разложение усиливают. Но, чтоб эта борьба не была беспочвенной, революционная демократия должна самым энергичным образом бороться с разлагающей политикой правящей буржуазии – с политикой попустительства и *потакания хищничеству, контрреволюции и империализму*.

И во главу угла должна быть поставлена самая активная *борьба за мир*. Ибо дальнейшая затяжка войны неизбежно таит в себе роковое обострение и хозяйственной анархии, и контрреволюционной опасности.

*Летучий листок меньшевиков-интернационалистов.
1917, май. № 1. С. 4–7.*

Астров (Повес) И.С.

ПРОЛЕТАРИАТ И КОАЛИЦИОННОЕ МИНИСТЕРСТВО

Для чего мы сделали революцию?

Буржуазия попыталась вначале ответить – для счастливого окончания империалистической войны.

Для достижения всеобщего мира – заявил сознательный пролетариат. И его голос, и его воля заставили буржуазию искать какого-то среднего пути, найти выход из тупика, в который ее завело желание совместить революцию с войной.

Буржуазии тем труднее было найти этот средний путь, что революция означала воскресение пролетариата к самостоятельной политической борьбе, высвобождение его из-под буржуазных влияний, укрепившихся в пролетариате благодаря «приятно» войны. Эта средняя линия была дана соглашением для спасения революции.

Буржуазия дала обязательство, добиваясь мира, спасти революцию от когтей европейского империализма, а колеблющиеся между оборончеством и

интернационализмом социалисты обязались, укрепляя боевую мощь армии, приблизить тем самым час мира.

Так родилось коалиционное министерство с программой, которая ясно говорила лишь о том, что испуг перед союзниками продолжает быть единственным руководящим принципом нашей внешней политики. Ибо с первой минуты революции было ясно, что она не может примириться с империалистским характером войны англо-франко-русского согласия. Но точно так же было очевидно, что союзный империализм не может принять программы внешней политики, выставленной революцией.

В этом положении был один выход: недвусмысленное заявление, что каждое революционное правительство может быть только правительством мира. Не правительством *войны без аннексий*, каким является нынешнее правительство, пока оно не только обещает организацию наступления, но и старается к нему довести страну, но правительством *мира без аннексий*, идущим к нему через заключение немедленного перемирия на всех фронтах.

Словом, в своей внешней политике революционное правительство должно было искать помощи не у союзных правительств, а у союзных народов. Революционное правительство должно было опереться на союзные народы, отвергающие империалистскую политику своих правительств, а не на союзные договоры с империалистскими правительствами согласия. Революционное правительство должно было так или иначе поставить союзный империализм перед необходимостью считаться с условиями, созданными русской революцией. И оно могло это сделать тем легче, что народы союзных стран были бы на стороне революционного правительства. Ибо народы бесконечно устали от империалистского бесчинства своих господствующих классов. И давление России, давление без двусмысленных оговорок не могло бы не встретить поддержки с их стороны.

Европейский империализм извлек из двусмысленного соглашения, заключенного между социалистами и буржуазией, только то, что укрепляет в массах, истязаемых им, союз с правительством для мнимой обороны отечества, в действительности же для растерзания на части Европы по планам империалистских людоедов. Союзному империализму это было тем проще сделать, что *слово* аннексия, по мнению союзных дипломатов, «неправильно» толкуется революционной Россией. Так, Асквит (либерал, будто бы противник империализма, что уж там говорить о Ллойд-Джордже) разъяснял, что под понятие аннексии не подходят: освобождение народностей; присоединение областей, необходимых с стратегической точки зрения. Асквит не говорит, что же тогда называется аннексией. Но очевидно, что избежать лжетолкований с такими фокусниками можно только ясностью. И вопреки, быть может, намерениям некоторых ее авторов, декларация Временного правительства превратилась в декларацию верности империализму союзников.

Рибо и Ллойд-Джорджи выразили свое удовлетворение заявлениями России, ибо в декларации не сказано прямо, что является для России неприемлемым в программах наших «доблестных союзников». Ибо они не сказали,

что мира они хотят добиться не путем продолжения войны, а соглашением между воюющими странами.

Рибо и Ллойд-Джорджи рукоплещут декларации правительства. Пусть лицемерно. Для себя русская революция отказалась от захватов, а они хотели бы, чтоб и русская революция осталась «до конца» на почве освободительно-захватной программы. Но пока им и этого достаточно. Пока русская революция бережно и осторожно подходит к драгоценному сосуду союзных договоров о захватах и разделах военной добычи. И они могут своим народам говорить (и они во всю мощь своих империалистских легких пользуются этой возможностью), что русская революция поддерживает их бессмысленные мечтания, их грабительские программы, что русская революция с союзными правительствами, а не с союзными народами, отвергающими империализм.

До сегодняшнего дня Временное правительство не избавило революцию от опасностей империалистической военной политики. Больше того. Хотя Россия за себя и отказалась от аннексий и контрибуций, а, значит, выразила вообще свое отношение к захватной политике и других государств, буржуазные члены Временного правительства не приняли всерьез воли народа, открыто выраженной им. За спиной его Терещенко дал союзникам какие-то обещания, которые укрепляют в союзниках уверенность, что русскую революцию можно и дальше, как при Милюкове, водить за нос. По свидетельству министра Рибо, Терещенко дал обещания, которые окрылили аннексионистских фантазеров Франции и Англии и дали им право не верить серьезности заявлений русской революции относительно отказа от аннексий и контрибуций.

Тень Милюкова бродит в канцеляриях Временного правительства.

Истрадавшиеся народы Франции, Англии, Италии не нашли во Временном правительстве союзника в борьбе их с отечественным империализмом.

Союзный империализм продолжает издеваться над русской революцией.

Мы требуем от Временного правительства прекращения этой игры. Мы требуем от него ясного и недвусмысленного заявления, что ни одна капля крови русского гражданина не будет пролита также и за усиление колониального могущества и великодержавной мощи европейских империалистов и достижение путем войны национального объединения.

Мы требуем от Временного правительства решительного отказа от роли обманутого обманщика.

Мы требуем от Совета рабочих и солдатских депутатов, чтоб он поставил перед правительством вопрос не только о решительном давлении на союзные правительства, но и о заключении всеобщего временного перемирия. Пусть начало переговоров о мире откроет народам всех воюющих стран глаза на истинные цели их правительств на лживость уверений буржуазии, что для нее речь идет лишь об обороне страны. Если правительства не смогут прийти к соглашению, народам станет ясно, что только в их собственных руках их освобождение от ига войны.

Только на этом пути народы Франции, Англии, Германии, России найдут друг друга. И если бы Временное правительство вступило на этот путь, и только тогда оно получило бы мощную поддержку всего революционного народа

России, который защитит его и себя в союзе с народами всех стран от разгрома и пут империализма. Потому что только в этом случае оно станет действительным органом революции, а не органом торможения ее.

Астров.

*Летучий листок меньшевиков-интернационалистов.
1917, май. № 1. С. 9–11.*

Ленин В.И.

КРИЗИС ВЛАСТИ

Вся Россия помнит еще дни 19–21 апреля, когда на улицах Петрограда готова была закипеть гражданская война.

21 апреля Временное правительство написало новую якобы успокоительную бумажку, в которой «разъяснило» свою грабительскую ноту от 18 числа.

После этого большинство Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов решило признать «инцидент исчерпанным».

Прошла еще пара дней, и всплыл вопрос о коалиционном министерстве. Исполнительный комитет разделился почти поровну: 23 – против коалиционного министерства, 22 – за. Инцидент оказался «исчерпанным» только на бумаге.

Но вот прошло еще два дня, и мы имеем новый «инцидент». Военный министр, один из главарей Временного правительства, Гучков, подал в отставку. Говорят о решенной будто бы отставке всего Временного правительства (в момент, когда мы пишем эти строки, мы не знаем еще, верно ли, что все правительство ушло). Создался опять «инцидент», да притом такой, перед которым побледнеют все предыдущие «инциденты».

Откуда же такое множество «инцидентов»? Нет ли тут какой-нибудь основной причины, которая с неизбежностью порождает «инцидент» за «инцидентом»?

Такая причина *есть*. Это – так называемое двоевластие, это – то неустойчивое равновесие, которое явилось результатом соглашения между Советом рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством.

Временное правительство есть правительство капиталистов. Оно не может отказаться от стремления к завоеваниям (аннексиям), оно не может кончить грабительскую войну демократическим миром, оно не может не охранять барышей своего класса (т. е. класса капиталистов), оно не может не охранять земли помещиков.

Совет рабочих и солдатских депутатов представляет другие классы. Большинство рабочих и солдат, входящих в Совет, не хотят грабительской войны, не заинтересованы в прибылях капиталистов и сохранении привилегий помещиков. Но оно, вместе с тем, доверяет еще Временному правительству капиталистов, хочет соглашаться с ним, хочет быть с ним в контакте.

Советы рабочих и солдатских депутатов сами являются зародышем власти. Рядом с Временным правительством Советы тоже пытаются в некоторых вопросах осуществлять свою власть. Получается чресполосица властей или то, что теперь называют «кризисом власти».

Так тянуться долго не может. При таком положении вещей каждый день будет приносить новый «инцидент» и создавать новые осложнения. Бумажку с надписью: инцидент исчерпан – написать можно. Но в живой жизни эти инциденты не исчезнут. И это по той простой причине, что это вовсе не «инциденты», не случайности, не мелочи. Это внешние проявления глубокого внутреннего кризиса. Это результаты того тупика, в который уперлось все человечество. Выхода из разбойничьей войны нет и быть не может, если не решиться на те меры, которые предлагают социалисты-интернационалисты.

Три пути предлагаются теперь русскому народу, дабы разрешить «кризис власти». Одни говорят: оставьте все по-старому, доверьтесь еще больше Временному правительству. Возможно, что отставкой угрожают именно для того, чтобы заставить Совет сказать: доверяем еще больше. Временное правительство добивается, чтобы его стали упрашивать: придите и владейте, без вас – на кого же мы останемся...

Другой путь: коалиционное министерство. Поделите министерские портфели с Милюковым и К°, введем в министерство несколько человек наших, и тогда пойдет уж музыка не та.

Третий путь предлагаем мы: перемена всей политики Советов, отказ от доверия к капиталистам и *переход всей власти к Советам рабочих и солдатских депутатов*. Перемена лиц ни к чему не приведет, надо переменить *политику*. Надо, чтобы у власти стал другой класс. Правительству рабочих и солдат поверит весь мир, ибо всякий понимает, что рабочий и беднейший крестьянин никого грабить не хочет. Только это может ускорить конец войны, только это может облегчить нам, пережить экономическую разруху.

Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов! Никакого доверия правительству капиталистов!

Каждый «инцидент», каждый день, каждый час будет подтверждать *правильность* этого пароля.

Правда. 1917, 2 мая. № 46.

Череванин (Липкин) Ф.А.

КОАЛИЦИОННОЕ МИНИСТЕРСТВО И ЕГО ПЛАТФОРМА

В своей статье, посвященной вопросу о кризисе власти в № 44 «Рабочей Газеты»¹, я обещал вернуться к вопросу о коалиционном министерстве.

¹ Между прочим, во фразе, которой начинается эта статья: «Есть речи, значение коих темно, или ничтожно», слово «коих» принадлежит, конечно, не мне, а корректору.

Но прежде чем я успел коснуться этого вопроса, жизнь его успела поставить с такой резкостью, что многие колеблющиеся перестали колебаться, и Исполнительный Комитет С.Р. и С.Д. высказался за участие в коалиционном министерстве. Чтобы оценить это решение, необходимо сказать себе определенно: *мы переживаем страшный кризис, из которого выход должен быть найден немедленно.*

Хозяйственная разруха не уменьшается, а растет. Не хватает самого необходимого продукта – хлеба. И нельзя рассчитывать только на то, что поедут агитаторы и убедят крестьян везти хлеб. Нужно за хлеб что-нибудь дать крестьянину. Нужно обеспечить ему доставку необходимых продуктов. Не хватает необходимых продуктов, помимо хлеба, и городскому населению. Обеспечить получение населением всего необходимого можно только решительным вмешательством в экономическую жизнь. Все должно быть взято на учет: и то, что производится, и то, что перевозится, и то, что потребляется. Все лишнее, но, безусловно, необходимое, должно быть убрано, и в производство перевозки и потребление должны быть внесены контроль и организация. Тучи посредников, наживавших огромные деньги, должны погибнуть. Отдельные заводы, фабрики, даже целые отрасли должны приостановиться. Все, что нужно, должно быть принесено в жертву для спасения страны.

Цены должны быть твердые и должны быть понижены везде, где возможно. И нужно спешить с этим. Рабочие и служащие не ждут. Свою упавшую благодаря дороговизне реальную плату они стремятся поднять – возможно, скорее поднять, и поднимают. За них стихия революции. Но вся страна в целом кровно заинтересована в том, чтобы реальная плата поднималась в большей степени путем понижения цен продуктов, получаемых рабочим, чем путем повышения денежной платы. Иначе нам грозит то, что цены будут расти, что страна будет затоплена бумажками, которые ничего не будут стоить, и мы придем к финансовому банкротству.

Необходимы решительные финансовые меры, следующие по пятам за наживой не только настоящей, но и прошлой, и отнимающие от нее львиную долю в пользу государства. Необходимы до Учредительного собрания решительные заявления о предстоящей ликвидации помещичьего землевладения, которые успокоили бы крестьян, предотвратили бы анархическое решение аграрного вопроса и отняли бы почву у безумцев, зовущих к анархии. Необходима вполне авторитетная и поэтому вполне твердая власть, чтобы бороться с растущей анархией вообще, – анархией, которая отказывается признавать представителей центральной власти на местах. Которая отказывается признавать какие-нибудь правила и законы, которая закону противопоставляет произвол личности, произвол группы.

Жуткое впечатление производит проповедь анархии изо дня в день «Правдой» при фактической анархии, развивающейся в стране. Не насилием, конечно, нужно бороться с такой агитацией. Насилием и нельзя ее победить, раз она находит почву в стране. Только смело и громко раздающийся голос

авторитетной власти, решительно поддерживаемый всеми демократическими организациями, может справиться с этой анархией.

И, наконец, внешняя политика.

Я не буду сейчас говорить о принципах интернационализма, о долге русского пролетариата перед международным пролетариатом. «Рабочая Газета» об этом говорит, кричит, к этому зовет из номера в номер. Я стану сейчас на общую почву со всей демократией России и скажу: для России сколько-нибудь продолжительная война – полное разорение и гибель. Это ясно всякому беспристрастному человеку, сколько-нибудь разбирающемуся в экономических вопросах. Но даже ценой избавления от гибели русская демократия не пойдет на измену демократии Европы, не отдаст ее на растерзание германскому империализму.

Россия не хочет сепаратного мира, но со всей страстью страны, только что завоевавшей свободу, она хочет мира для себя и мира для всех. Она согласна, истекая кровью, продолжать борьбу, но под одним условием: ни одной капли крови для удовлетворения хищнических appetитов английских, французских, итальянских, каких угодно империалистов. И правительство, достойное завоевавшей свободу России, должно в этом отношении водворить полную ясность.

Нас пугают всякими ужасами со стороны союзников, если наше правительство заговорит с ними смелым и решительным языком. Но революционное правительство революционной России не должно бояться никаких угроз там, где на карту поставлены жизненные интересы страны.

И затем, что получают союзники при двусмысленной и нерешительной политике правительства? Военный паралич страны, военный паралич фронта. Революционный народ должен знать, что он борется за свободу, за интересы демократии. Иначе вы его не вдохновите на борьбу, не наполните эту борьбу необходимой энергией.

Вот та платформа, которую мы выдвигаем, вот та платформа, которую должно написать на своем знамени обновленное правительство. Для того чтобы принять и быть способным проводить эту платформу, правительство должно быть действительно обновленным, его состав должен быть таким, чтобы платформа эта не разбивалась об интересы имущих классов, не душилась ими в самом зародыше. И чтобы платформа эта проводилась быстро и решительно, нужно, чтобы в нее внесен был пафос, внесена была страсть.

А настоящий пафос, настоящую страсть для этой платформы где мы находим? Мы находим ее сейчас только в организации революционной демократии, в Совете рабочих и солдатских депутатов. Там тесно сплелись между собою, во имя решения неотложных революционных задач, элементы далеко неоднородные, которые рано или поздно разойдутся. Тут есть и пролетариат, тут есть и мелкая буржуазия. Но сейчас они сплетены, сейчас революционная страсть и энергия их объединяют и должны объединять, пока революция не закрепила окончательно свои позиции. Поэтому и вопрос о коалиционном министерстве они могут решать только сплоченно, только едино.

Ясно также, что волю и энергию к проведению необходимой платформы исполнительная власть не может получать путем давления и подталкивания со стороны. Воля и энергия эти должны быть в пределах самой исполнительной власти. Иначе вместо решительного и последовательного осуществления этой платформы мы получим только непрерывные конфликты между властью исполнительной и властью контролирующей. Совет рабочих и солдатских депутатов через своих представителей должен принять участие в исполнительной власти.

Основой для этого принятия должна быть обрисованная выше платформа и необходимая для ее осуществления реорганизация правительства.

Н. Череванин.

Рабочая газета. 1917, 3 мая. № 46.

Мартынов А.С.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ

Мы разошлись с большинством общерусской меньшевистской конференции, потому что ее решения, стоя на почве оборончества и идя в разрез с решениями Циммервальда и Кинталя, содействуют *затягиванию войны*; затягивание же войны означает, для России, между прочим, еще большее усиление великой экономической разрухи и расчистку дороги для контрреволюции.

Но к таким же последствиям – затягиванию войны, усилению разрухи и приближению контрреволюции – должна привести и тактика Ленина, хотя Ленин руководится не боязливо-приспособленческими соображениями оборонцев, а прямо противоположными – революционно-авантюристическими.

Оборонцы все ссылаются на Циммервальд. Но и Ленин сходит с позиции Циммервальда, поскольку он подменяет главную задачу дня, выдвинутую в Циммервальде, – борьбу за мир, задачей захвата власти пролетариатом в России.

Буржуазная революция в России уже закончена, говорит Ленин; она не положила конца империалистической войне и не могла этого сделать. Это делает лишь вторая революция после того, как она свергнет капитал и передаст всю полноту государственной власти пролетариату, ведомому социал-демократией (т. е. ленинской фракцией) и ведущему за собой через посредство «Советов» крестьянскую и солдатскую массу.

Эта вторая, чисто пролетарская революция в России вызовет социалистическую революцию на Западе, и лишь таким путем сможет быть положен конец войне и утвержден мир на основе освобождения всех угнетенных народов и народностей. Если же за пролетарской революцией в России не последует социалистическая на Западе, то у нас останется другой путь к миру: русский пролетариат объявит революционную войну буржуазному Западу и с оружи-

ем в руках проложит там дорогу к социализму и миру. Таковы заманчивые широкие перспективы, рисуемые Лениным.

По их поводу мы, прежде всего, должны заметить: если бы программа Ленина была осуществима, если бы возможно было сейчас в России сделать социалистическую революцию, то, идя ленинским путем, мы пришли бы к миру лишь после многих лет затяжной войны. А это значит, что ленинские коммуны пришлось бы строить на развалинах цивилизованного мира Европы. Но дело в том, что перспектива Ленина вообще утопическая. *После того* как началась бы социалистическая революция на Западе, русский пролетариат мог и должен был бы ставить себе такие задачи, какие формулировал сейчас Ленин. Но предлагать пролетариату самой экономически отсталой страны, в обстановке непрекращающейся войны, пролетариату страны, стоящей перед экономическим банкротством, приступить к осуществлению социализма, когда на капиталистическом Западе даже еще не началось массовое движение протеста против войны, когда там даже буреви́стников социальной революции еще не видать, когда значительная часть рабочих там идет еще за Шейдеманом и Реноделями, — значит быть безнадежным утопистом.

Ленин, впрочем, и сам как будто испугался своей храбрости и думает ответить обвинения в утопизме тем, что на *словах* отказывается назвать свою революцию социалистической. Но дело не в словах. Конечно, в настоящее время, в исключительных условиях войны, мы наблюдаем и в Германии, и в Англии самое решительное вмешательство государства в экономическую жизнь, в капиталистическое производство, в распределение и товарообмен; и мы, марксисты, эти радикальные экономические меры лишь в насмешку называем «военным социализмом»; их правильнее было бы называть военным капитализмом. Но Ленин предлагает аналогичные меры проводить в тесной связи с диктатурой пролетариата, а это неизбежно должно приобрести характер закладывания основ социалистического строя.

Лишь в двух пунктах ближайшие требования Ленина отступают от социал-демократической программы *maximum*, применяясь к отсталым условиям России; но оба эти отступления делаются не применительно к буржуазному характеру русской революции, а применительно к анархической стихии, ею развязанной.

Мы имеем в виду его национальную программу, толкующую право на самоопределение народов исключительно в смысле права на отделение и, таким образом, *фактически* толкающую страну к распаду на множество маленьких государств.

Мы имеем, далее, в виду предлагаемые им *частичные* захваты помещичьих имений и социализацию хозяйства в них под контролем батрацких советов, что является такой *формой* осуществления конфискации земли, которая неизбежно должна вызвать жесточайшую междоусобицу в деревне, от которой прежде всего пострадали бы батраки. Эти требования Ленина сильно сближают его позицию с анархо-социалистической.

Чего же можно ждать теперь от пропаганды этих анархо-социалистических взглядов? По своей упрощенности и заманчивости они могут иметь и имели действительно большой успех среди революционно-настроенных, но политически неопытных рабочих, особенно поскольку с этими взглядами до сих пор конкурировали лишь взгляды оппортунистических элементов меньшевизма и народничества. Но Ленин ведь хочет большего. Он хочет, чтобы пролетариат повел за собой *под этим знаменем* крестьянскую массу. Вот это-то и есть безнадежное дело.

Ленинская пропаганда немедленной диктатуры рабочих и батраков, не привлекает крестьянскую массу к пролетариату, а отталкивает ее от него. Правда, мы не ставим себе целью привлекать всех и любой ценой. И наша интернационалистическая позиция должна, напр[имер], в настоящей фазе революции неизбежно отталкивать в лагерь контрреволюции помещиков и известные слои капиталистической буржуазии, разные элементы, идущие за Милюковыми, Гучковыми и Алексеевыми. И это нас не смущает. Они свое дело сделали и могут уйти. Но тактика Ленина отбрасывает от пролетариата и демократии слои буржуазии и крестьянства и делает это тем скорее, чем больше растет в стране разруха и анархия, порождаемая войной, и обостряемая ленинской тактикой. Пробным камнем послужила в данном случае встреча, оказанная Ленину на крестьянском съезде.

Если мы пойдем по ленинскому пути, – в близком будущем придем не к диктатуре пролетариата, а к диктатуре контрреволюционных слоев буржуазии.

«Но, что же предлагаете делать вы?» – спрашивают вас коварно ленинцы. «Ведь и вы критикуете настоящее коалиционное правительство Львова, Керенского и Церетели. Допустите же, что и это правительство ваших советов не послушается, в чем мы, ленинцы убеждены. Что же, вы и тогда будете настаивать, что Совет рабоч[их] депутатов должен уклоняться от власти и умыть руки?» Нисколько.

Не ставя себе целью идти к власти в буржуазной революции, мы хорошо понимаем, что могут быть случаи, когда обстоятельства нас вынудят к этому. Но если обстоятельства заставят пролетарскую партию совместно с революционной демократией при современных русских условиях взять власть в свои руки, она обязана будет не приступать в России сейчас к осуществлению социализма. И не вводить сейчас режима пролетарской диктатуры, а ограничиться единственной осуществимой теперь задачей – ликвидацией войны, и принятием энергичных мер, обеспечивающих созыв Учредительного собрания.

Но это чистейший пацифизм! скажут ленинцы. Нет, это – революционный марксизм, ибо мы убеждены, что ликвидация войны будет означать не успокоение и усыпление народов, а наоборот, развязывание их революционного движения. Когда пролетариат западных стран избавится от кошмарного страха иноземного нашествия и разгрома, он предъявит счет своим буржуазным правительствам, и тогда наступит пора реванша за все их империалистические преступления. Напомним, что Ленин и в 1905 году недоволен был нашим ло-

зунгом; долой войну! Что он и тогда боялся, как бы Портсмутский мир не подкосил в корне революцию.

Оказалось, что она только после заключения мира развернулась настоящим образом.

Резюмируем. Есть лишь два пути: либо через затягивание войны к торжеству контрреволюции в России; либо через скорейшую ликвидацию войны к развязыванию революции на Западе.

*Летучий листок меньшевиков-интернационалистов.
1917, май. № 1. С. 11–12.*

Троповский А.

БЕСЕДА С П.Б. АКСЕЛЬРОДОМ

Телеграмма специального корреспондента «Биржевых Ведомостей»
Стокгольм, 2 (15) мая, в 1 час дня

Вчера прибыл сюда П.Б. Аксельрод. Вид у него бодрый. Он рвется в Россию. Аксельрод проехал через Германию в качестве швейцарского подданного. Его проезд не находится ни в какой связи с проездом других эмигрантов. В продолжительной беседе с вашим корреспондентом Аксельрод заявил:

«В последнее время сведения из России получались в Швейцарии весьма скупо. При этом они носили крайне противоречивый характер. Русские газеты приходили с огромным запозданием. Поэтому я не уясняю себе достаточно отчетливо то, что происходит в России. Считаю необходимым соблюдать известную сдержанность в суждениях, впредь до личного ознакомления на месте с действительным положением вещей.

Однако для меня лично совершенно ясно, что нынешняя революция не является чисто пролетарской, но также и буржуазной. С этим нужно считаться, и исходить от этого, как от отправной точки, во всех дальнейших действиях и при определении дальнейшей тактики.

Вредно требовать низложения буржуазного правительства, так как пролетариат при данных условиях не может справиться с задачей управления страной.

Поэтому, с жаром подчеркнул Аксельрод, — **те, кто выставляет лозунг: «Долой Временное Правительство», совершают истинное преступление.** Тактика, повелительно диктуемая пролетариату условиями момента, должна основываться на **поддержке Временного Правительства** и одновременно широком участии представителей пролетариата во всех отраслях общественной и государственной деятельности и повседневной органической работе над демократизацией всех областей национальной жизни. Эта работа может носить оппозиционный характер, но, повторяю это и особо подчеркиваю, **лишь в пределах, определяемых буржуазным характером революции.**

Такая поддержка буржуазии, в сущности, явится взаимной поддержкой буржуазии и пролетариата и совместной чисткой авгиевых конюшен низвергнутого царизма, реставрация которого одинаково не в интересах ни буржуазии, ни пролетариата.

Правда, в среде правительства одни элементы более, другие же менее демократичны, попутаны анархией и слишком **нетерпеливо** жаждут скорейшего восстановления порядка.

Однако, если бы даже настал момент поставить вопрос о смене правительства, то **отнюдь не непременно социалистическое правительство должно прийти на смену нынешнему правительству**. Возможны, наоборот, промежуточные формы. Конечно, может явиться безусловная необходимость в захвате власти. Однако еще Энгельс, предвидев такую возможность, признавал ее большой опасностью для пролетариата».

Аксельрод признает принципиально нежелательным вступление социалистов в нынешний кабинет. Однако он полагает, что если участие социалистов в кабинете необходимо для спасения революции, то его надо избрать, как меньшее из двух зол. Все зависит от условий момента. Возможность чисто пролетарского правительства, по словам Аксельрода, мыслима лишь в условиях общей пролетарской революции в Европе. Но таковая вообще крайне сомнительна, особенно во время войны.

Перейдя к вопросам войны и мира, Аксельрод самым решительным образом подчеркнул **недопустимость даже одной лишь мысли о сепаратном мире**, так как он явится тем, в чем обвиняли царизм, т. е. **позорной изменой раздавленным Германией Франции, Бельгии, Румынии и Сербии**, вообще всем, кто волею судеб связан известного рода **круговой порукой** в общей борьбе против поработительных стремлений Германии.

«Недопустимо, – продолжил Аксельрод, – актом вероломства подрывать доверие к пролетариату. Мало того, правительство оказалось бы тогда в роли революционной, мы же, наоборот, в реакционной, так как всякая, даже малейшая победа Германии оказалась бы победой полуабсолютистской страны над революционной, в частности дала бы германскому правительству орудие борьбы против левых социал-демократов.

Я отнюдь не намерен прикрашивать и смягчать картину. Наоборот, я глубоко возмущен многими действиями английского и французского правительств. **Но, в конце концов, нельзя закрывать глаза на высокую демократическую культуру Франции и Англии.** Крайне важно, чтобы демократия, как таковая, не была дискредитирована торжеством Германии, что было бы равносильно торжеству принципа милитаристского монархизма.

Однако борьба за мир является первостепенной задачей революционной демократии. Нельзя бороться за внутреннее переустройство, относясь в то же время беспринципно к войне. Но возникает вопрос, какой путь надо избрать?

По моему глубокому убеждению, необходимо прежде всего требовать от правительства, **чтобы оно энергично добивалось общего согласия союзников на открытие мирных переговоров или заключение перемирия.** Для

этого нужно организовать **широкое международное давление пролетарских масс на все правительства**, но под неперменным условием, чтобы это давление носило **международный характер**. Подчеркиваю слово «международный»: давление должно происходить во всех воюющих странах.

Достигнуть этого можно, конечно, лишь путем международного соглашения между рабочими партиями. Но партийные руководители большинства всех воюющих стран солидарны со своими правительствами. **Нужно поэтому, чтобы рабочие массы добились радикальной перемены своих руководящих органов**, или чтобы последние, по крайней мере, выполнили свой первейший долг и собрались на конгрессе для переговоров по вопросу о ликвидации настоящей войны».

Аксельрод считает самым правильным, чтобы русский Совет рабочих и солдатских депутатов, к голосу которого теперь прислушивается весь мир, совместно со всеми центральными организациями русских социалистических партий принял на себя инициативу создания специальной комиссии в какой-нибудь из нейтральных стран для сношений со всеми социалистическими партиями как союзных, так и враждебных стран. Следует путем широкой устной и печатной агитации добиваться **созыва конгресса**, который послужит пробным камнем для миролюбия обеих сторон и обнаружит колебания и неискренность той или другой стороны, прижатой к стене требованием прямых ответов.

Аксельрод признает, что поведение большинства германской социал-демократической партии внушает **мало доверия**. Но на основании ряда бесед с австрийскими и германскими социал-демократами он положительно утверждает, что настроение пролетарских масс центральных империй **не соответствует политике их партийных руководителей**. Аксельрод уверяет, что **даже солдаты на фронте охвачены революционным брожением**. Поэтому он верит в возможность в более или менее близком будущем **активного проявления пролетарского сознания германских солдат и рабочих**.

В заключение, на прямо поставленный ему вопрос относительно последних событий в русской армии, Аксельрод ответил: *«В подробностях смогу разобраться лишь по приезде в Россию. Сейчас же могу сказать одно лишь, а именно то, что дезорганизация армии ни в коем случае недопустима»*.

А. Троповский.

Биржевые Ведомости. 1917, 4 (17) мая. № 16 (216).

Бернацкий М.В.

ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА

В истории народа, как и в жизни отдельного человека, бывают особенно ответственные моменты, которыми определяется его судьба на долгое время вперед. Каждая ошибка, совершенная при таких условиях, подобна губитель-

ному яду, отравляющему весь организм. Великих усилий будет стоить излечение; иногда же оно оказывается невозможным.

Эту страшную годину переживает ныне наша родина. Ответившие старые устои распались, новые еще не сложились. Необходима дружная, согласованная работа всех живых сил страны, чтобы вывести ее из рокового тупика. Между тем замечается «больше энергии в работе разъединяющей», чем сплачивающей. Охотнее проповедуют различие интересов, чем указывают на возможное и естественное их согласование. Безответственные ораторы стараются перещеголять друг друга в провозглашении возможно крайних лозунгов. Вместо разумной жизни выступает какой-то «с о ц и а л ь н о – и с т е р и ч е с к и й» б р е д, пробуждение от которого может быть весьма мучительным.

Как будто действительно история – бесполезная наука! Но неужели русская революция уподобится в этом отношении русскому царизму? Конечно, разлагающее влияние этого последнего на целый ряд поколений является главной причиной нашей нынешней беды. В сущности, сейчас ставится ребром вопрос о сохранении России как независимого и целостного государства. Чтобы разрешить удовлетворительно эту задачу, нужно всем гражданам проникнуться идеей «государственности» в истинном и лучшем смысле этого слова. Но ведь такая «государственность» систематически вытрапливалась и посрамлялась «жадными толпами, стоявшими у трона». Нам приходится теперь платить за эти грехи!

Посмотрите, какие усилия прилагаются многими, чтобы исказить, – скажем больше: извратить великие истины! Кому дороги социалистические идеалы, тот пуще огня должен бояться уронить их в глазах населения неудачными опытами по водворению нового порядка. Оставляя в стороне «ленинцев» (быть может, они и «не ведают, что творят»), утверждаем, что каждый мало-мальски образованный социалист должен понимать основные условия успеха социалистической революции – наличие соответствующих общественных организаций. Ведь социализм есть обобществленное хозяйство, планомерно руководимое всем народом; дабы оно стало возможным, необходимы тесная спайка, величайшая организованность демократии. Имеется ли она и может ли быть создана в короткое время? Не нужно ли рабочему классу пройти еще длительную общественную школу через свои профессиональные союзы и мощные кооперативы? Что касается крестьянства, то разве только слепой не видит преобладания в этой среде индивидуалистических настроений! Хотя бы на волостных, уездных и прочих съездах сотни раз провозглашались требования обращения всей земли в общую собственность, крестьяне всегда будут думать о земле помещичьей, а свою собственность не позволят и пальцем тронуть! А при таких условиях социалистическое якобы разрешение аграрного вопроса кончится укреплением мелкой земельной собственности, что отнюдь не может входить в программу социалиста! Не надо обманывать ни себя, ни других! Мало того: как и в 1905 году, внимание крестьян сосредотачивают только на размерах земельного владения, а это в корне неверно: землю голыми руками не обработаешь, нужен инвентарь, и живой, и мертвый. Могут ли социалисты обещать миллионам собственников достаточное снабжение их

необходимыми средствами? Конечно, нет! И тем не менее социалистические речи с самыми красными лозунгами гремят по селам и деревням.

Обратимся к промышленному рабочему классу. Здесь пестро сплетаются требования «социализации фабрик и заводов» с лозунгами острой классовой борьбы в рамках капитализма. Конечно, мыслимо одно из двух: или социализация – и тогда не надобны меры по охране рабочего класса, ибо такового в социалистическом государстве не будет, – или нужны эти меры, но тогда нечего говорить о социализации и пытаться поставить капиталиста в невозможность продолжать свою деятельность. Если рабочий класс признает неизбежность существования капитализма еще на неопределенное время, то он должен во имя своих и государственных интересов прийти к полюбовному соглашению с предпринимателями. Разрыв будет губителен и для обеих сторон, и для родины.

Невероятная дороговизна, страшное «бестоварье», естественно, побуждают рабочих стремиться к возвышению платы. Опять-таки это законное стремление имеет и должно иметь естественные пределы: за ними борьба становится вредной для всего народного хозяйства и бесполезной для самих рабочих. Допустим, что денежная оценка труда учетверится, но разве за новые средства рабочие получают больше продуктов, предложение которых сокращается с каждым днем? И справедливо ли будет при таких условиях отнимать у крестьян по прежним ценам хлеб и отдавать городским жителям? Бешеная погоня за чрезвычайно высокими заработками приведет к одному несомненному результату – падению стоимости бумажного рубля. Да скоро и станков не хватит, чтобы покрыть бумажками все претензии! Конечно, мы считаем безусловно необходимым положить пределы и торгово-промышленным прибылям, ибо их возрастание также, по существу, есть девальвирование рубля. Нельзя благородное желание «мира народов» делать опорой для нападков на наших союзников, без которых мы давно лежали бы во прахе перед таким «апостолом мира», как Вильгельм! Больно и стыдно слышать и читать «грозные» выпады против английского и американского империализма, обходящие деликатно вопрос о гнуснейшем из империализмов – германском...

Пора одуматься! Наступило время, когда решается вопрос, достойны ли мы свободы и самостоятельного государственного бытия, или мы – «тесто», из которого всякий проходимец может лепить, что ему угодно.

Русское слово. 1917, 3 мая. № 98.

Канторович Я.А.

ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ

Каждый день приносит нам факты, речи, лозунги, которые имеют захватывающий интерес не только по своему политическому значению и содержанию, но и в чисто психологическом отношении. Когда-нибудь, через много

лет, люди будут читать последние речи Керенского, Гучкова и других с душевным трепетом, и лица, произносившие эти речи, и их переживания, которые отразились в этих речах, и события, которыми вызваны эти речи, – все это будет окружаться ореолом творимой легенды. Исчезнут мелочи и частности текущего момента, упадет все малозначительное в смене фактов, в кипении страстей и в борьбе партий и лозунгов, и останется общая картина великой исторической драмы, переживаемой теперь Россией. В исторической перспективе эта картина выступит в совершенно других очертаниях и в совершенно другом освещении, чем те очертания и то освещение, которые могут быть доступны нам, современникам, близко стоящим к событиям и лицам и воспринимающим все под углом зрения текущего дня.

Две силы борются между собою в настоящее время в России. Эти силы на жаргонном языке партийной литературы называются: демократия и буржуазия, пролетариат и имущие классы, социализм и капитализм, революция и реакция и т. д. Эти понятия только приблизительно и весьма неточно определяют то содержание, которое им дается партийно-политическою терминологиею, и противопоставление их вовсе не соответствует действительному соотношению борющихся между собою политических лозунгов и тенденций. Достаточно указать на то, что, как известно, в составе всех социалистических партий и даже в качестве наиболее руководящих элементов их имеется немало лиц, которые живут материально от капитализма, служат ему своею профессиональною деятельностью, связаны с ним всею обстановкой своей личной и семейной жизни, вполне «буржуазной» по привычкам, вкусам и повседневному интересам и вообще не имеют решительно ничего общего, кроме исповедуемой ими доктрины социализма, с пролетариатом, от имени которого они говорят и выступают. И наоборот, – к «буржуазии», по партийной терминологии, должны быть относимы многие элементы населения, как, например, представители свободных профессий и вообще интеллигентского труда, которые живут исключительно от труда и зависят от работодателей в такой же мере и по тому же закону спроса и предложения, как и пролетарии из фабричных мастеров и рабочих, и даже часто менее обеспечены, чем последние.

В действительности, борьба сил, которая выдвинута нашей революцией после ее возникновения и после первых ее счастливых успехов, заключается не только и не столько в классовых противоречиях, сколько в чисто психологическом моменте революционного настроения. В сущности, борются между собою два течения, имеющие под собою не социально-экономическую, а исторически-психологическую основу, – течение революционное и течение эволюционное. Революция, по природе своей, имеет тенденцию и стремление к непрерывному нарастанию, к безостановочному движению, к немедленному и совершенному достижению конечных идеалов, которые выставляются на знамени социально-политической доктрины. Эволюция имеет тенденцию к остановкам в поступательном движении, к последовательным переходам к постепенному закреплению позиций. Это различное отношение к исторической перспективе определяется исключительно индивидуальными особенностями

каждого из нас – складом ума и характера, темпераментом, возрастом, степенью интеллекта, от которой зависит перевес рефлекса или воли, условиями воспитания и жизненного опыта и вообще многими личными и общественными элементами, которые так или иначе влияют на образование мировоззрения. Совершенно неверно обычно принятое в партийной литературе сведение происходящей у нас теперь политической борьбы исключительно к борьбе классов и классовых интересов. Этот набивший оскомину изо дня в день повторяемый трафарет является или демагогическим приемом агитации, рассчитанным на поддержание революционного кипения, или односторонним, узким выводом слепого доктринерства. Замечательно, что представителями наиболее крайних тенденций большевизма являются у нас эмигранты-доктринеры, которые в течение долгих лет своего эмигрантского существования в каком-нибудь швейцарском уголке, были оторваны от действительной жизни и в тесном эмигрантском кругу варились в соку партийных кружковых споров и доктринерских дискуссий. Годами изо дня в день, в теоретических спорах и дискуссиях, в непрерывной полемике в партийных органах, во взаимных уличениях и выпадах раздражения и озлобления, в постоянном болезненно самолюбивом напряжении мысли, направленной к вящему посрамлению своего партийного противника, – во всей этой затхлой кружковщине вырабатывается у эмигранта особая психология, особое болезненное одностороннее отношение к непогрешимости своего политического *credo*. В результате исповедуемая им доктрина, вместо живого комплекса идей и мыслей, питающихся соками жизни, имеющих своими истоками реальные жизненные явления, оплодотворяемые и оживляемые текучими жизненными процессами, превращается в сухую схему, в неподвижную, безжизненную формулу, которая, как математическая аксиома, находится вне времени и пространства.

Такова доктрина, привезенная к нам в запломбированном вагоне из Цюриха эмигрантами типа Ленина и его товарищей. Их схема очень простая: мир состоит из двух классов – буржуазии и демократии.

Буржуазия – это кучка капиталистов-империалистов, которые захватили и держат в своих руках земли, орудия производства, власть и все блага жизни. Демократия – это все остальное население, все рабочие, крестьяне, батраки. Революция вырвала власть из рук буржуазии, но она остановилась в самом начале своего пути: она оставила у власти буржуазию в лице членов Временного Правительства, которые по своим классовым интересам не желают осуществлять социалистический строй. Ясно, как день, и верно, как дважды два, что для торжества социализма необходимо устранить буржуазию от правительственной власти и немедленно декретировать социалистический строй – передачей земель, фабрик, заводов и всех орудий производства в руки крестьян, рабочих и батраков. Вот все, что требуется от революции. После этого на следующий день над русской землей засияет солнце социалистического братства, равенства и свободы. Это солнце своими сверкающими лучами осветит и земли других народов, в их числе германского народа. Это до очевидности ясно и несомненно, – потому что демократы всего мира жаждут братства, равенства

и свободы, и им мешают только кучки капиталистов-империалистов, которые держат мир в состоянии войны, выгодном для их интересов, и заставляют демократию проливать свою кровь. Но ведь так просто и легко демократиям стряхнуть с себя это иго капиталистов-империалистов. Русская демократия сделает это первая, а за нею радостно и легко сделают то же самое другие демократии. Все это очевидно и ясно, как на ладони, и только изменники из социалистов (как Плеханов) не желают этого видеть и идут в ногу с представителями буржуазии.

Отсюда все лозунги эмигрантов – выходцев из Швейцарии, возвещаемые у дворца Кшесинской. Отсюда это глухое и слепое упрямство революционеров-доктринеров, которые были бы прямо трогательны в своей святой наивности и простоте, если бы их лозунги оставались только кружковым учением на швейцарской почве и не бросались в пожарище русской революции, в массы темных отуманенных умов, в которых эти лозунги претворяются в анархические эмоции и в антигосударственную действенность.

Роковым образом судьба русской революции сковала одну цепью идейного доктринера-эмигранта, долгие года вдали от родины шлифовавшего свою доктрину и доведшего ее построения до последних пределов непререкаемости, и вчерашнего раба романовской России, в темном уме и взбунтовавшейся душе которого лозунги этой прямолинейной доктрины откликаются, как знакомые погромные призывы доброго старого времени – времени царского правительства и его прислужников из союза русского народа. Эта цепь разорвется, и на развалинах русской революции, и на обломках русской свободы нашим революционерам-доктринерам придется вновь шлифовать свою доктрину в ожидании новой революции в России...

История повторяется. Она повторяется с таким однообразием, с таким почти стереотипным воспроизведением отдельных мелочей и подробностей, что становится обидно за человечество, за бессилие его исторического творчества. История учит нас, что путь человечества к прогрессу идет зигзагами и поворотами; он часто идет от радостной революции чрез мрачную анархию к жалкой реакции и вновь возвращается к революции. После разрушения Бастилии и освобождения узников старого режима французы в радостных восторгах обнимались и целовались на улицах Парижа. А потом эти самые люди дико гоготали, когда тысячами скатывались с гильотины молодые, прекрасные благородные головы прежних кумиров революции, и требовали все новых жертв на алтарь юной свободы. А далее эти люди в своих омраченных анархией, усталых и разочарованных душах стали нащупывать желание-мысль, что лучше порядок без свободы, чем свобода беспорядка. Когда этот психологический момент наступает, тогда сама собою возникает возможность для появления какого-нибудь Наполеона, который уничтожает свободу, но дает какой-нибудь порядок. И за это все благословляют этого узурпатора и называют его великим. Затем одно из следующих поколений эту сказку повторяет. Узурпатор, которого благословляли, или его преемники своим образом правления объединяют страну в общем недовольстве, которое вызывает рево-

люцию; революция переходит пределы и превращается в анархию, а анархия вызывает и облегчает появление нового узурпатора власти над истомленным и ослабевшим народом.

Но есть одно утешение в этом печальном ходе истории: каждый из этих этапов все-таки что-нибудь приносит человечеству в его поступательном движении к прогрессу. Между Францией Людовика XVI и Францией Наполеона Бонапарта – огромная разница в пользу прогресса. И между прошлой Россией Романовых и Россией будущей, – какие бы катастрофы ни готовил нам завтрашний день и как бы пессимистически ни рисовались нам ближайшие судьбы России, – несомненно, будет лежать огромная пропасть, отделяющая рабство и мрак от свободы и света.

Речь. 1917, 7 мая. № 106.

Бердяев Н.А.

ВЛАСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

До революционного переворота у нас был длительный кризис власти. Старая власть перестала быть национальной и государственной, она стала во враждебное отношение ко всей нации и была низвергнута в небытие порывом всей нации. Всенародная революция выдвинула временное правительство, которое должно выражать максимум национального и государственного единства, должно вести линию исторических задач, соответствующих уровню общественного развития России. Власть имеет объективную природу, она не может быть совершенно субъективной и произвольной, партийной и классовой. Когда она делается такой, власть вырождается и падает. Старая христианская мудрость учила, что всякая власть от Бога. Эту истину неверно было бы истолковывать в том смысле, что божественна и мистична самодержавная монархия или иная какая-нибудь определенная форма государственной власти. Истину эту нужно понимать так, что всякая власть по природе своей божественна и мистична, если она исполняет свое объективное назначение, если она выражает общегосударственную и общенациональную природу, если она хаос превращает в космос, полагает предел торжеству злой воли, организует народную жизнь. В этом смысле власть в демократических республиках так же божественна и мистична, как и всякая другая власть, соответствующая своему назначению. В природе власти и в отношении, которое она к себе вызывает, есть тайна, которая не может быть рационально постигнута. Власть может переродиться в злое начало, в самоутверждение, и тогда она изменяет своим божественным истокам и своему назначению, тогда она перестает быть служением. Такое злое перерождение власти долго, слишком долго происходило при старом режиме. И нужно прямо сказать, что власть временного правительства, столь неустойчивая и преходящая, более божественна, более согласна с вечной природой власти, чем власть Николая II, опиравшаяся на

столь древние устои, чем власть его временных правительств. Власть по природе своей и по назначению своему не есть право, не есть привилегия, не есть интерес. Власть есть обязанность, бремя и служение. В самодовлеющей и самоутверждающейся борьбе за власть есть всегда великая неправда. Ибо всякий берущий на себя бремя власти прежде всего возлагает на себя великую ответственность. Взявший бремя власти не может уже смотреть на все с точки зрения части, с точки зрения группы, класса, партии, с точки зрения оппозиции частной силы против целого. Он вступает в таинственную, неведомую со стороны, жизнь великого целого, жизнь целого народа и целого государства, вступает не только в данное мгновение его существования, но в его исторической длительности, в связи времен. Взявший бремя власти обязан думать об огромном целом, организовать его, не допускать распада целого, окончательного восстания частей против этого целого. К этой тайне целого, целого народа и целого государства, приобщается лишь тот, кто берет на себя ответственность. Власть неотделима от ответственности, безответственная власть должна пасть, она должна быть низвергнута. Старая власть потому и пала, что она не могла нести ответственности за судьбу России, что она безответственно губила Россию, толкала ее в пропасть.

Можно критиковать наше временное правительство с разных точек зрения, но несомненно, что в нем есть высоко развитое чувство ответственности, оно взяло на себя ответственность за великое целое, именуемое Россией, в самый трудный момент русской истории и готово было нести эту ответственность до конца. Временное правительство выражало линию движения объективно-государственную и объективно-национальную, линию движения великого целого. Оно озабочено судьбой России, осуществлением насущных исторических задач. Временное правительство, выдвинутое русской революцией, имеет оригинальные черты, отличающие его от временных правительств других революций. В нем нет самодовлеющей любви к власти, нет самоутверждения, нет ничего диктаторского. Скорее его можно было бы упрекнуть в слишком большой гуманности и мягкости, почти в толстовском непротивлении. Оно — жертвенно, совершенно бескорыстно и несет власть, как бремя и обязанность. Оно ничего не хочет урывать для себя. Оно ответственно за целое, оно поглощено тяжелыми думами об устройении России, о ее защите, о предотвращении анархии. В этом «буржуазном» по безответственной уличной терминологии, правительстве есть что-то характерно русское, русская нелюбовь к властвованию, готовность отказаться от власти, если это нужно для России. Временное правительство держит власть не из чувства права и корысти, а из чувства обязанности и ответственности. В данный исторический момент власть в России есть крест, и неохотно решаются его возложить на себя.

Получается невозможное положение. Те социал-демократы, которые враждебны временному правительству, устраивают против него демонстрации и хотели бы его свергнуть, борются за власть, как за право и привилегию, но боятся власти и не решаются взять на себя ответственность, связанную с властью. И нужно сказать, что это нежелание и боязнь взять на себя ответ-

ственность власти не есть только порождение трусости и нерешительности, это имеет более глубокие реальные корни. Власть в руках социалистов, стоящих на классово-пролетарской точке зрения, и не может быть ответственной. Эта власть не могла бы в своем управлении стоять на точке зрения огромного целого, носящего имя России, по существу не могла бы быть общенациональной и общегосударственной. Она на все принуждена смотреть лишь с точки зрения интересов части. Приобщение к тайне власти, конечно, должно было бы несколько изменить природу тех, которые ныне стоят на чисто классовой точке зрения и не имеют попечения о целом. Но этого-то они и боятся. Этого-то они и не хотят. Тот, кто входит в правительство, фатально делается государственным и смотрит с государственной точки зрения на то, на что раньше смотрел с точки зрения частной. И социал-демократы боятся сделаться предметом безответственной оппозиции, отстаивающей интересы части, боятся замарать свою социалистическую чистоту, свои красные социалистические одежды. Устраивать Россию в тот час ее существования, когда необычайная революция соединилась с необычайной войной, когда власть получает такое страшное наследие от старой власти, не только трудно, но и страшно. Социал-демократы хотели оставить за собой сладость безответственного и чистого исповедания своих отвлеченных учений. Но всякая власть в мире есть жертва чистотой во имя ответственности за судьбу народов и государств. И нужно сказать, что в некоторых отношениях «меньшевики» хуже «большевиков», так как они двойственны и боязливы. Безнравственно желать власти и не желать ответственности. Это есть отрицание великой тайны целого, тайны национального и государственного бытия, за которое жестоко карает история.

Не только ныне не может властвовать рабочий класс в России, но и никогда не может властвовать никакой класс. Природа власти – сверхклассовая. Классовое государство разлагает власть. Социалист, вошедший в правительство, будет так же защищать гражданские права буржуа, как и всякий другой министр, он должен заботиться о продовольствии всех классов населения, о безопасности и обороне русского государства, об организации полиции, поддерживающей порядок, о суде, обеспечивающем права граждан, к каким бы классам они ни принадлежали. Всякая власть должна быть сильной, – бессильная власть есть бессмыслица и она ни к чему не нужна. Пример бессильной власти был явлен в последние времена старого режима. И особенно сильной должна быть власть в эпоху такого кризиса, который переживает сейчас Россия. Но сильная власть должна пользоваться доверием и иметь поддержку в народе. Она должна чувствовать, что выражает ту среднюю линию воли целого народа, которая одна только и может вывести Россию из кризиса. Власть ответственна, когда на нее возложили ответственность за управление страной, когда ей предоставлена свобода действия и не вмешиваются в каждый ее шаг. Мания недоверия, которой сейчас отравлен русский народ, разлагает не только власть, она разлагает Россию, она убивает душу народа. Эта безответственная проповедь недоверия повсюду, это разыскивание «буржуазности» есть величайшее зло наших дней. Принцип демократии понят у нас

прежде всего как недоверие и подозрительность ко всякому проявлению личного начала. И это есть наследие старой России, переживание старого рабства. Проповедь недоверия солдат к офицерам и генералам разлагает армию и ставит Россию в положение беззащитное. Проповедь недоверия к «буржуазии» и «буржуазному» правительству разрывает Россию на части, хочет уничтожить всякое воспоминание о народном единстве. И это – рабья проповедь. Выходит даже, что после революционного переворота недоверие сделалось больше, чем при старом режиме. Первые дни русской свободы отравлены. Проповедь недоверия отрицает человека в России, достоинство личности, она отрицает русский народ. И для спасения России и русского человека должно наступить нравственное отрезвление и оздоровление, суровое сознание нравственной ответственности. Нравственная и религиозная аскеза должна положить предел безответственным и распущенным оргиям социальной мечтательности.

8 мая 1917 г.

Русская свобода. 1917. № 6. С. 3–6.

Трайнин А.

СВОБОДА И ПРИНУЖДЕНИЕ

Коалиционное правительство, представляющее все элементы революционной России, обладает достаточной *силой авторитета*, чтобы действовать от имени и на благо России. Но для того чтобы действия эти дали весь государственно-необходимый результат, новое министерство должно обладать и *авторитетом силы*, способной не только призывать и убеждать, но и предписывать, повелевать и принуждать.

С первых дней свободы с разных концов России вместе с добрыми вестями о начавшейся творческой работе стали приходить сведения о случаях самоуправства, бесчинства и насилия. Было бы величайшей ошибкой переоценивать размеры этих явлений. Но революция достигла той стадии, когда ее безопасность и ее достоинство не мирятся и с этими отдельными актами насилия. Теперь недостаточно ссылаться на то, что в упоении свободой недисциплинированные умы потеряли грань между революционным и анархическим, допустимым и запретным. Теперь, после двух месяцев напряженного до крайней степени государственного строительства, когда все трения преодолены и вся Россия – порыв к творческой жизни в свободе, всякое насилие, не встретившее противодействия власти, есть свидетельство слабости революции, ее государственной немощи и, следовательно, политической неустойчивости.

Поэтому революция ради себя самой должна найти средства сделать реальным, подлинно-общеобязательным каждое распоряжение, каждый акт нового правительства. Для этого революция должна быть не только гуманной, но и сильной; власть – не только единой, но и твердой.

Настал момент, когда необходимо преодолеть еще один опасный предрас-судок, оставленный старой властью. Старый режим так произвольно и против-воправно прибегал к репрессиям, что самое пользование принудительной вла-стью в его руках неизменно превращалось в насилие над свободой и законом. Отсюда в свободной России естественное, почти непреодолимое отвращение к пользованию репрессиями. Близкое к концу разрешение продовольственно-го кризиса – изумительное доказательство того, как порой всемогущий призыв к чувству гражданственности населения. Но обращение к добрым чувствам не может быть единственным, исключительным методом правительственной политики, по крайней мере при современном состоянии государства. Поэтому было бы новой жертвой отжившему строю из того положения, что старый ре-жим был основан на силе и держался страхом, делать вывод, что всякое при-нуждение и реальное пользование властью стесняет свободу.

Власть, в распоряжении которой – только нравственные поучения, пере-стает быть властью. А свободе, опирающейся на такую власть, грозит тягчай-шая опасность. Поэтому глубоко поучительно, что не кто иной, как верный слуга свободы, ее признанный рыцарь и бессменный страж А.Ф. Керенский первым провозгласил преследование виновных «по всей строгости законов».

В этом лозунге революция сделала новый шаг к победе: она осознала себя властью. С этого момента нет революционной стихии, неустойчивой и каприз-ной. Есть революционная Россия, которая и во вне, и внутри сумеет заставить себя уважать.

Русские ведомости. 1917, 9 мая. № 103.

АВТОНОМИЯ

Открывающийся сегодня съезд партии народной свободы поставил на об-суждение сверх аграрной и ту часть своей программы, которая касается во-проса местного самоуправления и автономии. Программа партии установлена в 1905–1906 годы. С тех пор прошло одиннадцать лет, и за эти годы жизнь в значительной мере изменяет ту обстановку, в какой приходится ставить эти вопросы, требует их выяснения и углубления.

Решать их приходится среди величайшей разрухи, проявленной войной, среди небывалой в жизни России смуты в умах и сердцах, вызванной всем пережитым нами за последние три года. Смута эта выросла после 27 февраля 1917 года, ибо несомненно за последние недели она чрезвычайно усилилась, великие и прекрасные зовы революционной зари затуманились тяжелыми призраками большевизма, наживы, усталости, анархии... Благодаря этому неясно, в какой обстановке будут решаться эти вопросы в Учредительном Собрании, как бы скоро оно ни было, ибо сейчас в немногие месяцы проис-ходят смены общественного мнения более сильные, чем какие идут в обычное время в течение десятилетий.

Несмотря на все это, ясно, что изменение этой части программы необходимо, едва ли может быть сомнение, что новая огромная русская демократия с республиканской формой управления, охватывающая небывалую в истории единую государственную территорию, населенную много более чем 15-миллионным населением, не может основываться на том строе местной жизни, какой существовал у нас последние 50 лет. Огромная часть России была лишена самоуправления: в остальной самоуправление все время сдерживалось в своем росте и развитии русским царизмом. Его тяжелый покров сдавливал местную жизнь во всех ее проявлениях и в формах местной децентрализации, и в формах национальной жизни, отличной от русской народности.

С исчезновением этого покрова всюду, во всей стране, бурно поднялись долго сдерживавшиеся стремления отдельных национальных движений к свободной жизни и искания широкой местной обособленности, свободы от давления центра. Временами и местами они принимают характер течений явно центробежных, грозящих единству и силе Российского государства. И здесь, как на фронте, как в армии, как во внешней политике и в социальной области, стоит один и тот же вопрос, который так тягостно и мучительно ставится сейчас тысячами и миллионами. Устоит ли Россия в этом испытании, не выйдет ли она из него униженной, опозоренной, расчлененной? Или она найдет в себе достаточно моральных сил и здравого государственного разума, чтобы удержать и развить великие приобретения свободы и равенства, так старательно сейчас со всех сторон заглушаемые?

Есть два решения. С одной стороны, путь немедленной федерации, распада России на ряд государственных единиц на почве национальной или территориальной и объединения их в единую федерацию.

В этом случае мы имели бы дело с величайшим государственным изменением, какое только испытывала Россия; оно требует такого напряжения сил, которое едва ли она сможет выдержать в этот грозный и опасный час истории. Но, с другой стороны, еще менее возможен возврат к старой форме государственного устройства. Необходимы немедленные коренные изменения, достаточно большие и не сравнимые со старым, и такие, которые дали бы возможность при лучших условиях жизни безболезненно перейти к тем новым формам государственного устройства, какие придется творить новой России. Съезду партии придется решать два вопроса – с одной стороны, сохранить единство и силы Российского государства, с другой – обеспечить национальную свободную жизнь отдельных входящих в нашу демократию народностей, широкую местную самобытность ее областей. Ему придется различать между той формой государственного устройства, которая должна быть создана в ближайшее время на Учредительном Собрании для той переходной эпохи развала и борьбы, в какой мы живем, и той, которая установится в нормальных условиях нашей государственной жизни. Нам кажется, что лучшим выходом при данных обстоятельствах явится немедленное введение в России Учредительным Собранием местной провинциальной автономии, расширение прав местных самоуправлений с предоставлением им права издавать

местные законы и в то же время создание таких законных форм, которые дали бы выход для желаний отдельных национальностей и местностей, как для изменения границ и размеров автономных провинций, так и для расширения пределов на автономии. Эти изменения, которые могут привести к федерации, должны будут совершаться в таком случае в рамках нормальной жизни русского государства, путем вновь созданных Учредительным Собранием законодательных учреждений.

Речь. 1917, 9 мая. № 107.

Якушкин И.В.

К ОТКРЫТИЮ ГЛАВНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

I

Главный земельный комитет образован и приступает к деятельности. Глубокий политический и военный кризис, несущий в себе роковые опасности, оторвал общественное внимание от закона о земельных комитетах. А между тем это – вопрос первостепенного значения.

Согласно декрету временного правительства 21-го апреля, повсеместно, во всех губерниях и уездах, образуются земельные комитеты строго демократического состава. Декрет надлежит признать первым актом великой земельной реформы: она необходимо должна быть подготовлена творческой работой всего народа, должна опираться на общенародное мнение. Земельные комитеты в одних частях выразят, в других выработают такое мнение, и принесут его учредительному собранию со всех концов России. «Аграрная реформа» ранее своего законодательного построения «в своих общих основаниях и во всех подробностях должна быть обсуждена народом на местах», – писала Трудовая группа в своем земельном проекте, внесенном в 1-ю Гос[ударственную] думу (проект 104-х). Одиннадцать лет это пожелание, как и самая реформа, казалось безнадежной мечтой. Теперь и она осуществилась силами русской революции. Законом 21-го апреля заложены первые камни величественного в будущем здания, открыты первые двери к земельному переустройству, которое должно прийти на смену гибельному хаосу.

Главному земельному комитету предстоит не только наметить общий план по подготовке реформы. Комитет неизбежно должен будет принять ряд спешных решений, без которых нарушился бы самый объем реформы. Столыпинские законы, правда, перестали быть опасными для деревни, так как фактически бездействуют. Во всяком случае, для полной ясности должны быть объявлены утратившими силу многие статьи июньского закона об укреплении наделов в единоличную собственность, также об автоматическом разрушении общины. Неотчуждаемость наделных земель подтверждена, что особенно важно в связи с падением сословных ограничений. Такое постановление особенно желательно для того, чтобы крупные площади наделных зе-

мель не были вырваны у масс темной спекуляцией, и чтобы полное уравнивание в правах не обратилось против крестьян. Далее, из разных местностей поступают в настоящее время известия о распродаже частновладельческих земель. Земля покупается теми верхними слоями деревни, которые уверены, что реформа им ничего дать не может. При упавших ценах на землю, при стремлении владельцев, живущих под угрозой утраты земли, отделаться от нее при обилии в деревне денежных знаков, явление это способно принять крупные размеры. Для будущей реформы развитие такой распродажи представляло бы прямой и серьезный удар. Поэтому необходимы определенные предупредительные меры. Такое решение временного правительства должно быть хорошо известно во всех концах страны.

Относительно местных земельных учреждений главному комитету придется прежде всего установить порядок их открытия и тот срок, к которому они должны быть образованы.

Но независимо от того, к каким вопросам обратится комитет в свою первую сессию, открытие его само по себе знаменует для крестьянской России начало нового земельного строя, который должен быть справедливым для всех.

II

Истекающей весной в распоряжении владельческими землями при всем разнообразии местных оттенков часто господствовало право сильного или по крайней мере наиболее настойчивого. Местным комитетам предстоит вывести страну из анархии и путаницы в земельных отношениях на путь планомерной подготовки земельной реформы. Основной и начальный девиз реформы настолько единодушен во всей России, что нам даже нельзя себе представить разногласий. Они начинаются лишь дальше и относятся преимущественно к способам распределения земли.

Определенный законом 21-го апреля состав уездных земельных комитетов мы не можем не назвать несколько сложным. В уездный комитет входит представитель от каждой волости. Таким образом, перед нами, в существе дела, специальное земельное собрание, вполне сходное по численности с собранием земским. При обширности уездов такие собрания даже в революционное время обречены на очень редкие сессии. Между тем для спешных работ и неотложных действий гораздо важнее малолюдные, облеченные полным доверием уезда земельные управы. В сущности, проектированный законом земельный комитет явится для них только избирательным собранием. Закон не настаивает на обязательном образовании комитетов во всех волостях, и такое решение, вероятно, окажется весьма удачным. Население все задачи передает теперь своему единственному волостному управлению, которое позднее заменено будет волостными земскими управами. Только ему население верит и не считает возможным дробить силы своих избранников. В волости действительно нельзя создавать безбрежного числа специальных учреждений. Земельными органами в волостях, естественно, явятся общие волостные комитеты. Порядок и срок образования комитетов не указаны в законе и, вероятно, будут установ-

лены главным комитетом. Всего естественнее было бы возложить формирование комитетов на представителей общих уездных исполнительных органов совместно с комиссарами. Отсутствие определенного порядка открытия сильно затянуло бы возникновение новых учреждений. Между тем они должны быть призваны к жизни без всякого промедления. По существу дела, они уже должны были бы работать целый месяц, весь апрель, которым решается судьба всего сельскохозяйственного года.

III

Земельные отношения в России бесконечно сложны, и почти бесчисленны задачи земельных комитетов, но с ясностью выделяются крупнейшие из них. Комитеты должны обрисовать в отдельных местностях мнение народа об основах распределения переходящих к трудовому крестьянству земель, о порядке пользования ими. Комитеты должны выяснить численность местных жителей, предполагающих заниматься землей, прежде всего численность безземельных и малоземельных земледельцев. Ни одна партия не станет отрицать преимущественного права именно этих категорий на прирезку земли. Комитеты должны определить для своей местности нормальные размеры земельного обеспечения – трудовую норму, которая поглощала бы весь труд семьи, и норму продовольственную, которая давала бы возможность жить на земле. Комитеты на основе бесспорных данных должны бороться с мифическими представлениями, по которым запасы земли в России безграничны. Такой именно легендой поддерживается взгляд, что все земли должны перейти ближайшим соседним деревням и только им. Уже поддаются отчаянию целые уезды, в которых частновладельческая запашка составляет ничтожную величину, а таких уездов – много десятков. Уже во власти паники находятся малорусские выселенцы, осевшие в центральных губерниях на ликвидированных землях: им мерещится, что их могут выбросить из их устроенных усадеб. Уже в казачьих областях слышатся резкие угрозы по адресу крестьянских, неказачьих поселков, которые существуют здесь веками. Уже идут столкновения общин с вышедшими на отруб. Земельные комитеты должны подняться над такими распрями. Под влиянием комитетов в деревне должна укрепиться мысль, что местное население имеет на окрестные земли только преимущественное – до известной нормы, а не беспредельное право. Они должны непрестанно поддерживать государственную точку зрения на земельную реформу. С другой стороны, земельные комитеты будут смягчать и предотвращать конфликты между земледельцами и землевладельцами. Они будут охранять от разрушения отдельные хозяйственные организмы, которые имеют для народа гораздо большую ценность, пока они не распались. Комитеты все силы свои отдадут на то, чтобы в критический для России год она не видела незасеянных полей. И, наконец, когда реформа будет совершать свой обратный путь от палаты представителей в деревню, она найдет на местах для своего осуществления кадры испытанных и закаленных работников.

Туган-Барановский М.И.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Этот исторический лозунг русской революции как будто приближается к своему осуществлению. Воля уже достигнута в таком размере, что большего, кажется, нельзя и желать. По общему мнению, мы даже очень и очень хватили в этом отношении через край, — вместо воли у нас получилось своеволие, и многие, несомненно, опьянели, хлебнув в чрезмерном количестве благородного напитка свободы.

Теперь очередь идет за землей. Земельный вопрос поставлен перед страной во всем своем размере, и нельзя сомневаться, что мы стоим накануне величайшей земельной реформы.

Действительно, все, что в этом отношении нам показывает прошлая история, кажется совершенно ничтожным сравнительно с тем, что предстоит нам. В новейшей истории Запада ирландское аграрное законодательство справедливо признается самым крупным и самым смелым опытом перестройки земельных отношений. Но как незначительна ирландская аграрная реформа сравнительно с предстоящей у нас! В Ирландии земельная реформа, растянувшаяся более чем на 30 лет и все еще не законченная, привела к тому, что были урегулированы арендные отношения на площади приблизительно в три миллиона десятин, причем за последние годы эта площадь стала переходить в руки крестьян-арендаторов путем выкупа арендованной земли за счет арендаторов с небольшой прибавкой из государственных средств.

В результате несколько сот тысяч семейств ирландских мелких землевладельцев должны стать собственниками той земли, которую они раньше обрабатывали как арендаторы.

Только и всего. Наша же земельная реформа имеет совершенно иные размеры и преследует гораздо более грандиозные цели.

Прежде всего о размерах. Дело идет у нас не о нескольких стах тысяч крестьянских семейств, а о многих миллионах этих семейств, о земельной площади не в несколько миллионов десятин, а во много десятков миллионов десятин, — быть может, даже в сотни миллионов десятин.

Что же касается целей нашей земельной реформы, то они заключаются отнюдь не в укреплении за арендаторами той земли, которая и так находится в их пользовании, но в создании совершенно новых небывалых форм землевладения и землепользования. Предполагаются грандиозное принудительное отчуждение частновладельческой земли и передача отчужденной земли трудящемуся населению в более или менее уравнительное пользование.

Ничего подобного мир до сих пор не видел. И мы должны осуществить эту великую земельную реформу в сравнительно очень короткий срок. История не ждет, крупное землевладение доживает в России свои последние дни, ибо крупное сельское хозяйство становится у нас почти невозможным при настроении крестьянских масс.

В воскресенье, 7-го мая, должно было состояться первое заседание Главного земельного комитета – центрального правительственного органа по подготовке земельной реформы. Заседание это не состоялось вследствие перемен в составе правительства. Новый министр земледелия В.М. Чернов отложил открытие заседаний комитета.

В каком направлении намечается земельная реформа при обновленном составе правительства, – об этом двух мнений быть не может. Новый министр земледелия представляет собой яркую и общеизвестную фигуру как признанный вождь партии социалистов-революционеров. Эта партия имеет свою уже давно выработанную земельную программу, которую, очевидно, и будет проводить в жизнь ее представитель.

Центральное место в аграрной программе социалистов-революционеров занимает требование «социализации земли». Понятие «социализации земли» партия определяет следующим образом:

Социализация земли, согласно официальной программе партии, есть изъятие земли из товарного оборота и обращение ее из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние на следующих основаниях: все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессловесных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями (расселение и переселение, заведование резервным земельным фондом и т. п.); пользование землей должно быть уравнилельно-трудовым, т. е. обеспечивать трудовую норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе. Земля обращается в общенародное достояние без выкупа; за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям личного существования.

С такой земельной программой принял портфель министра земледелия В.М. Чернов. Нечего и говорить, каким глубоким переворотом в земельных отношениях было бы осуществление этой программы.

Я не буду останавливаться в настоящей статье на критике аграрной программы социалистов-революционеров, предполагая дать такую критику впоследствии. Теперь же я остановлюсь лишь на вопросе об отношении этой программы к социализму.

Вероятно, многие признают эту программу выражением наиболее яркого и определенного аграрного социализма, но такое мнение было бы, безусловно, неверно. Социализация земли является одной из форм национализации земли. Национализация же земли отнюдь не равносильна социализму.

На Западе движение в пользу национализации земли исходит главным образом из буржуазных кругов. Западноевропейские сторонники земельной реформы решительно противопоставляют эту меру социализму. Они думают, что земельная реформа должна разрешить социальный вопрос нашего времени и устранить все противоречия существующего общественного строя. Частная земельная собственность признается ими единственным корнем всех

бедствий нашей эпохи. Переход земли в руки государства рассматривается ими как единственное средство навсегда закрепить капиталистический строй и обеспечить ему неопределенно долгое развитие.

И потому западноевропейские сторонники земельной реформы – враги социализма.

В России движение в пользу национализации земли выступает под красным флагом. И это понятно, так как только крайняя близорукость буржуазных сторонников земельной реформы внушает им мысль, что земельная реформа есть противоядие от социализма. На самом деле национализация земли является хотя и частичной реформой, но все же реформой, не укрепляющей капитализма, а подрывающей его основы. Уже одно исчезновение с исторической арены землевладельческого класса не может не повлиять глубочайшим образом на весь ход общественного развития. И, конечно, это влияние будет благоприятно социализму.

Тем не менее совершенно ясно, что национализация земли, хотя бы в форме социализации, отнюдь не является социализмом. Социализм требует новой организации производства, коренного преобразования всего народнохозяйственного процесса, с основания до вершины. Стихийная свобода частнохозяйственного предпринимательства и личного труда должна заместиться стройной, планомерной организацией всего общественного хозяйства. Существующие народнохозяйственные отношения исторически выросли и сложились без руководящей и направляющей воли общества: социализм должен подчинить все эти отношения разумной воле человека. Задача эта превосходит по своей грандиозности все, что до сих пор знает история.

Все революции, бывшие доселе, кажутся ничтожными всплесками исторической реки сравнительно с тем водоворотом, в который ей предстоит попасть в случае революции социалистической. Колоссальная трудность творческого дела социализма заключается в том, что впервые с начала мировой истории человек будет сознательно воссоздавать по выработанному им самим плану весь строй своего общежития во всех его существенных основах. Прежние революции касались только частных сторон народной жизни; при социализме придется преобразовывать ее всю. Прежде социальный строй после революции оставался таким же стихийным и бессознательным в своем целом, таким же слепым продуктом исторической обстановки, как и до нее; осуществление же социализма явится «прыжком из царства необходимости в царство свободы», и пусть это будет не прыжок, а длительный эволюционный процесс, – все же в его результате должно получиться «царство свободы», т. е. нечто до сих пор небывалое, новая эра человечества.

Социализация земли может приблизить нас к социализму, но сама по себе она ни малейшим образом не является социализмом, как не является социализмом наша земельная община, идея которой положена в основу земельной программы социалистов-революционеров.

Социализация земли оставляет землю в пользовании отдельного земледельца или отдельных групп земледельцев. Точно так же и трудовой про-

дукт при социализации земли остается в руках отдельного производителя. Социализм же требует передачи средств производства и продукта труда в распоряжение всего общества.

Социализм требует общественного производства, между тем как при социализации земли производство остается индивидуальным. И потому только по недоразумению можно усматривать в социализации земли социализм.

Русское слово. 1917, 10 мая. № 104.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС

Сегодня съезд партии народной свободы приступает к пересмотру своей аграрной программы. Если предположить, что партия одобрит вносимый центральным комитетом проект, то новая программа будет значительно отличаться от прежней, не по существу своему, а по внешнему виду. В проекте новой программы подведен, в сущности, только итог двенадцатилетней серьезной работы партии над важнейшим в русской жизни вопросом. Основные идеи остались те же, но учтены все требования развившейся за это время нашей экономической жизни. Тогда как центр тяжести прежней программы лежал главным образом в наделении земель малоземельных и безземельных, нынешняя программа, кроме земельной реформы в тесном смысле слова, объемлет и вопросы о лесах о недрах, о водах, о форме землевладения, о юридической природе земельных союзов, о переселениях, содействии подъему земельной культуры и росту кооперации и т. д. и т. п.

Партия народной свободы и в новой своей аграрной программе не сходит с того государственного пути, который предписывал ей не манить народ несбыточными обещаниями, не бросать в его среду непродуманные бессодержательные лозунги, а намечать основы реформ, практически осуществимых и влекущих за собой не расстройство экономической жизни, а подъем ее производительных сил.

Поэтому-то центральный комитет, несмотря на бушующую вокруг бурю крайних лозунгов, не увлекся этой дешевой демагогией и не выкинул никакого модного, будто бы социалистического, лозунга, хотя на деле, несомненно, воспринял из начала национализации то, что в нем имеется разумного, осуществимого, отвечающего требованиям экономического развития России.

Программой признано, что недра земли и леса, за исключением площадей, могущих получить сельскохозяйственное назначение или состоящих во владении трудового населения и общественных учреждений, отходят к государству, что ему же принадлежит верховное право регулировать пользование водами. Таким образом, начало «национализации» естественных сил и богатств страны получило очень широкое применение в программе.

Но партия не хотела и не могла распространить начало «национализации» на область земель сельскохозяйственного пользования. «Национализация» в

этой области либо ничего не означает, либо имеет тот смысл, что земля должна быть государством отобрана от трудового населения, от крестьян, и затем им же передаваться, но уже на иных началах, на основе срочной аренды.

Партия полагает, что такого рода опыт, серьезными причинами не вызываемый, может повлечь, однако, за собой весьма серьезные последствия и породить такую смуту, с которой ни одно правительство не справится.

Судя по представленному проекту, партия остается на своей старой точке зрения принудительного выкупа частновладельческих земель по справедливой (не рыночной) оценке для передачи ее малоземельному и безземельному земледельческому, преимущественно местному, населению.

Основное начало, проникающее всю земельную программу партии народной свободы, выражено с полной определенностью в первом пункте: «Земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому земледельческому населению».

Соответственно этому принципу партия охраняет от принудительного отчуждения участки земли, не превышающие трудовой нормы, принимая меры, чтобы они не превратились «в источник постоянного рентного дохода», т. е. нетрудового, например в форме постоянной сдачи в аренду. Конечно, трудовая норма, как и всякая вообще норма, понятие не вполне определенное. Она меняется в зависимости от местности, состава семьи, орудий обработки, инвентаря и т. д. Но в каждой местности мыслимо установление такой нормы, которая даст полную возможность населению применить свой труд на земле с наибольшей производительностью...

Партия не могла следовать примеру тех демагогов, которые, суля землю «всему народу» и не считаясь с размерами действительно пригодных для земледелия запасов, вынуждены логически прийти к мысли о необходимости посадить по «уравнительному» началу всю сельскохозяйственную Россию на «потребительную норму». Но такое «поравнение», если бы оно и было возможно, обрекало бы всю Россию на культурное одичание. Разделение труда, необходимое в современном строе, было бы уничтожено. Города, фабрики, заводы, миллионы рабочих остались бы без хлеба, но и крестьянин, посаженный на «продовольственную норму» с угрозой дальнейшего постоянного передела земли, был бы обречен на жалкое полунищенское существование.

Партия народной свободы по этому пути, ведущему к народному рабству и к государственной нищете, пойти не могла. В общих интересах всего государства она становится на защиту трудового земледельческого хозяйства и сельскохозяйственной культуры страны. По той же самой причине партия устояла и от соблазна увлечься началом бесплатности при отчуждении земли. Само собою разумеется, что тот, кто обещает дать землю бесплатно, всегда встретит более благодарных и восторженных слушателей, чем тот, кто говорит неприятные слова о выкупе. Но из этого вовсе не следует, что, обещающий землю бесплатно, способен вообще дать ее. Конфискация, т. е. безвозмездное отчуждение земли при современной ее задолженности не только внутри России, но и за границей, грозит такими осложнениями, что выкуп, как сорок лет тому

назад говорил и Маркс, будет, пожалуй, самым дешевым способом разделить-ся с лэндлордизмом (30), тяготеющим над нашей жизнью.

В проекте аграрной программы партии народной свободы, чрезвычайно выросшей ныне сравнительно с немногими параграфами, принятыми первым съездом в Москве в 1905 г., заложены не только начала великой земельной реформы, но и определенного реального политического мировоззрения, видящего основной устой государства в трудовом земледельческом населении.

Речь. 1917, 10 мая. № 108.

Кафенгауз Л.Б.

ОГРАНИЧЕНИЕ ВОЕННЫХ ПРИБЫЛЕЙ

Каждую неделю министерство финансов публикует отчеты разных акционерных обществ, из которых всякий может убедиться, что прибыли промышленных предприятий за истекший год достигли совершенно исключительных размеров.

Несмотря на то что почти все торгово-промышленные предприятия отчисляли в этом году значительную часть своих прибылей на погашение имуществ и в запасные капиталы, сплошь и рядом дивиденды, выданные в этом году, достигают 20–30 % и даже более высокого уровня.

Столь высокая прибыльность за истекший год отнюдь не является результатом того, что фабриканты усовершенствовали свое производство, улучшили технику и организацию дела. Нет, можно смело утверждать обратное: вследствие того, что большая часть заводов завалены казенными заказами, а на частном рынке товар буквально хватают из рук, коммерческая организация дела во время войны даже ухудшилась. Тем не менее военные обстоятельства создали крайне благоприятную почву для роста прибылей.

На каждой крупной фабрике всегда имеются большие запасы материалов и товаров, поступающих в переработку и в продажу довольно медленно; во время войны, вследствие падения ценности денег, стоимость этих материалов с каждым месяцем возрастает, и пока материалы превращаются на фабрике в готовый товар и поступают к потребителю, ценность их настолько поднимается, что при самом добросовестном исполнении всех «нормировок» и «твердых цен» фабрикантам очищаются громадные прибыли. Нечего и говорить о том, какие прибыли дает продажа по вольным ценам или выше предельных цен, которые, как известно, до сих пор и после падения старого порядка сплошь и рядом не соблюдаются.

И нет оснований предполагать, что это положение при революции само собою прекратится; пока печатаются бумажные деньги, рост цен неизбежен. Что же касается роста издержек по повышению заработной платы, то этот рост падает всей своей тяжестью не на фабрикантов, а на государство, так как всякое

повышение платы рабочим тотчас же вызывает соответствующее повышение цен на казенные заказы.

Экономическая наука знает понятие «незаслуженного прироста ценности» имущества, главным образом земли, которая, как известно, повышается в цене вместе с ростом населения совершенно независимо от усилий и забот ее владельцев. Таким же незаслуженным надо назвать тот прирост прибыли, который получают владельцы промышленных предприятий вследствие военной конъюнктуры. И если демократия во всех странах настаивает на обложении незаслуженного прироста ценности земель в мирное время, то тем более необходимо обложить исключительно высокие военные прибыли в настоящее время, когда государству требуются такие громадные суммы.

Год тому назад у нас был опубликован закон об обложении разницы между прибылью военного времени и прибылью довоенного времени: однако обложение это выражается в крайне незначительных размерах: одной пятой прироста прибыли. В то же время в Англии все предприятия, которые работают для нужд государства и пользуются услугами его в деле получения материалов и урегулирования отношений между администрацией и рабочими, уплачивают казне четыре пятых той прибавочной прибыли, которую они получили во время войны.

Финансовая сторона этого английского закона о «контролируемых» государством предприятиях (Munitions of war Act 1915 г.) могла бы послужить основой и для нашего министерства финансов в деле проведения необходимого законопроекта об ограничении военных прибылей.

Существующее обложение прибавочной прибыли необходимо повысить, введя прогрессию, доходящую до того же предела, как и в Англии, т. е. до 80 %. Кроме того, необходимо распространить действие этого закона, который в настоящее время ограничивается только подотчетными предприятиями, т. е. предприятиями акционерными, и на те предприятия, которые не обязаны публиковать свои отчеты. Хотя установление действительных прибылей этой последней категории предприятий в настоящее время и представляет значительные трудности, тем не менее данные, относящиеся к окладам промыслового налога, могут дать некоторый материал для обложения прироста прибыли.

Наконец, совершенно необходимо на время переживаемого нами исключительного момента, когда все население несет тяжелые жертвы, ограничить прибыль известным пределом, выше которого весь излишек должен поступать в казну. Такое ограничение вызывает в некоторых кругах самые энергичные возражения. В заседании одной из комиссий при министерстве финансов, где обсуждался доклад автора этих строк об ограничении прибылей, противники этой меры указывали на то, что ограничение прибылей повредит развитию нашей промышленности, так как сократит приток капиталов в промышленность и вызовет крайнее падение цен акций на бирже.

Однако эти соображения, которые могли бы послужить поводом против ограничения прибылей в мирное время, не выдерживают критики. Подъем цен дивидендных бумаг обусловлен главным образом понижением курса рус-

ского рубля и обилием бумажных денег в стране. При таких условиях отсутствие ограничения прибыли вызывает такой стремительный рост цен акций и такую крайнюю биржевую игру, которая только приносит вред стране.

Последний год старого порядка был отмечен между прочим необычайным развитием биржевой спекуляции, которая обогатила массу спекулянтов и только отвлекла свободные капиталы страны от государственных займов.

Революция положила предел этой биржевой вакханалии, но только временно.

Относительное успокоение, наступившее после образования коалиционного министерства, уже привело к некоторому росту цен биржевых бумаг, и есть все основания полагать, что новые выпуски бумажных денег опять создадут почву для биржевой спекуляции. С этой точки зрения ограничение прибылей явится сдерживающим элементом, который отвлечет сбережения населения от биржевой игры и направит их на те государственные займы, от успеха которых зависит судьба нашей страны.

Точно так же нельзя опасаться сокращения притока капитала в промышленность. Дело в том, что реальный приток капиталов в промышленность в настоящее время вообще крайне затруднен вследствие трудности получения материалов, машин и приостановки строительной деятельности. Поэтому в настоящее время приходится говорить не столько о росте промышленной производительности, сколько о поддержании ее на прежнем уровне. В то же время нормальной жизни промышленности в значительной мере мешают те конфликты между рабочими и предпринимателями, острота которых питается высокими прибылями, реализованными частью наших торгово-промышленных предприятий.

При таких условиях ограничение военных прибылей известным «законным» пределом только улучшит положение промышленности, так как исключит возможность значительной части конфликтов.

Власть народа. 1917, 18 мая. № 17.

Чаянов А.В.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС ИЛИ ВОПРОС АГРАРНЫЙ?

Через несколько дней после образования Временного правительства у входа ведомства земледелия в Петрограде был вывешен большой красный плакат «Земля и Воля. Министерство земледелия».

Старое народническое знамя, десятилетия бывшее знаменем революционных демонстраций, становится знаменем государственного строительства.

Какое же содержание будет иметь государственная работа, ведущаяся под этим знаменем? Что такое – «Воля»? Что такое – «Земля»?

Воля для нас, строителей новой России, является не только освобождением от произвола старой власти и от полицейского участка, но также и свободным

строительством демократического государства и демократического земства, дружной работой всех живых культурных сил нашей родины в деле народного просвещения, народного здоровья и устроения духовной и хозяйственной жизни нашего народа.

Точно так же, когда мы говорим о земле, то мы думаем не только о десятинах пашни, луга и леса.

Говоря о земле, мы говорим о труде человека, приглашаем к земле. Труд земледельца, эта хозяйственная основа жизни нашего государства, должен быть защищен и устроен демократической Россией.

Мы должны облегчить этот труд, умножить его мощь, улучшить все условия его приложения к земле, удвоить и утроить его производительность.

Первым условием труда земледельца является, конечно, земля. Поэтому первым шагом нашего аграрного устройства должна явиться земельная реформа. Все земли нашей родины должны быть представлены свободному труду. Мы не скрываем от себя, конечно, что земельная реформа сама по себе не может дать многого нашей деревне.

За полстолетия, протекшее со времени освобождения крестьян, крестьянское хозяйство приобрело путем покупки у частных владельцев около 27 миллионов десятин земли, по преимуществу пахотной.

Полная национализация крестьянских частновладельческих земель будет означать, что арендная плата за 20 миллионов десятин земли, постоянно арендуемых крестьянами у владельцев, будет понижена и будет выплачиваться не владельцам, а государству. А около 10 миллионов десятин владельческой запашки, часть доходов с которой в виде заработной платы крестьяне получали и ранее, расширят собою площадь крестьянского хозяйства.

Если наше трудовое крестьянское хозяйство поглотит все капиталистические запашки и все его средства производства, то его расширение будет незначительным, так как и до революции наше сельское хозяйство было по преимуществу крестьянским. Сельскохозяйственная перепись 1916 года указывает нам, что в 44 губерниях Европейской России из каждых 100 десятин посева 89 десятин было крестьянских и только 11 – помещичьих, а из каждых 100 лошадей, работавших в сельском хозяйстве, 93 было крестьянских, и только 7 – помещичьих. Несмотря на это, мы все-таки считаем земельную реформу первым и важнейшим шагом нашей аграрной реформы, ибо если количественное значение владельческих земель, передаваемых крестьянам, ничтожно, то их значение моральное – огромно.

В глазах крестьянства с частновладельческими землями связано так много воспоминаний крепостного права, что моральное значение каждой барской десятины во много раз превосходит ее хозяйственное значение.

Поэтому вопрос о земле есть вопрос неотложный и производство земельной реформы есть наша первая государственная обязанность.

Однако, начиная земельной реформой, мы должны отчетливо помнить, что она является только предисловием к трудным и многолетним работам по устроению сельского хозяйства. Земельная реформа является только ча-

стью аграрной реформы и частью, быть может, наиболее легкой. Прежде всего мы должны не только передать землю трудовому крестьянству, но передать ее в организованной форме и в равной мере организовать земли самого крестьянства.

Чересполосные наделы 1861 года, бесконечная дробимость земли при общинных переделах, бессистемные выделы хуторов и отрубов, столыпинское укрепление земли, все это создало в нашей деревне невероятный земельный хаос. Правильное размежевание, округление границ, уничтожение чересполосицы и мелкополосицы в общинах, говоря иначе – общая организация земельной площади даст нашему крестьянству не меньше, если не больше, чем передача в его руки владельческих земель. А в соединении с этим последним – создаст величайшую эпоху нашей аграрной истории.

Это земельное устройство будет, конечно, полным только тогда, когда соединится [с] широкими мелиоративными работами по осушению и орошению неудобных земель и с переселением населения из малоземельных районов в многоземельные. Этим будет заключена организация одного из условий приложения народного труда к земле – сама земельная площадь.

Однако для земледельческого труда нужна не только одна земля, необходимы и другие средства производства: постройки, машины, орудия, семена. Необходимо, чтобы дело снабжения земледельческого труда орудиями производства было прочно взято в руки демократического государства и общественных учреждений. Из земли и средств производства труд человеческий должен организовать хозяйства. И в этом деле, деле организации самого производства, мы должны прийти на помощь нашему крестьянству.

Несмотря на огромный сдвиг последнего десятилетия, наше крестьянское хозяйство является технически отсталым. Еще многие поля, скованные дедовским трехпольем, рыхлятся сохой, а в массе крестьянское скотоводство преследует как главную цель – изготовление навоза. А между тем все будущее нашей родины, вся прочность нашей демократической государственности зависит от энергичного и быстрого подъема нашего земледелия, от того, насколько удастся нам «вырастить два колоса там, где теперь растет один».

Наше Учредительное собрание может национализировать земли России, может передать в руки государства снабжение страны средствами производства, но ни оно, ни любая власть вообще не в силах путем приказа заставить калмыка вести травопольное хозяйство, а тульского крестьянина – вести интенсивное молочное хозяйство, используя обрат для выпойки свиней-бе[r]кширов.

Правда, в свое время императрица Екатерина, Фридрих Великий и другие деятели «просвещенного абсолютизма» вводили культуру картофеля с помощью пушек и экзекуций. Мы, однако, думаем, что такая задача не под силу общественному разуму, хотя бы и располагающему всей мощью государственной организации. Перед нами находятся миллионы хозяйствующих людей, имеющих свои навыки свои представления о сельском хозяйстве, людей, которым приказать ничего нельзя и которые предпринимают все по своей воле

и сообразно со своим пониманием. Надо тем или иным способом обратить внимание хозяев на возможность изменения в их привычных методах работы и путем воздействия устного и письменного, путем примера и наглядного хозяйства убедить население в преимуществах нового земледелия, доказать его большую выгодность, а кроме того, – пробудить это население к активности, дать толчок его предприимчивости.

Работа эта выполняется работниками общественной агрономии.

Теперь, когда застывшие аграрные формы становятся гибкими и готовыми коваться в новый аграрный уклад, когда народная психология вышла из состояния векового окостенения, перед нами встает исключительно ответственная задача – внести агрономический разум в стихийный процесс созидания нового аграрного уклада и нового земледелия.

Не меньшую ответственность несет и наше молодое кооперативное движение – эта организованная хозяйственная самостоятельность нашего крестьянства.

Задачей государства является – оказать всемерную поддержку и той, и другой сознательной работе. Снабдив народный труд, прилагаемый к земле, средствами производства, организовав крестьянское хозяйство на новых началах и укрепив его мощь кооперативным объединением, мы должны облегчить связь крестьянского хозяйства с мировым рынком. Мы должны приблизить хозяина к рынку, проведя новые железные дороги; мы должны облегчить пользование средствами транспорта, пересмотрев в интересах сельского хозяйства наши тарифы, мы должны защитить продукты нашего земледелия на иностранных рынках. Мы должны также тяжелое после войны податное бремя строить, сообразуясь с мощностью земледельческих хозяйств.

Я мог бы продолжать этот перечень задач нашего аграрного строительства, но уже из сказанного видно, насколько далеко за пределы только земельной реформы выходит работа, лежащая перед нами.

Аграрный вопрос, стоящий перед нами, значительно шире вопроса земельного, хотя последний, благодаря присущей ему социальной остроте, может на долгое время вытеснить из общественного внимания все остальные вопросы, связанные с приложением народного труда к земле.

Власть народа. 1917, 19 мая. № 18.

Локоть Т.В.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Это – не угроза будущего, не тот «крайний случай», о котором говорил Церетели, а несомненный факт настоящего, самая живая действительность. Россия переживает, – вместо политической революции, которая при успешном для страны ее ходе, могла бы встретить сочувствие и поддержку в широких кругах населения, – крайне болезненный период потуг на коренные социаль-

ные реформы – в духе социалистических учений, при явном, почти исключительно господстве социал-демократов. А ведь это, по теории социал-демократов, и есть так называемая *диктатура пролетариата*.

Конечно, и история, и современное культурное русское общество едва ли признают действительной, главной и политически ответственной силой в этой диктатуре настоящую пролетарскую массу, тот миллионный рабочий класс, который – несмотря на всю остроту социальных противоречий в России – с полной искренностью, истинно государственным чутьем, если не сознанием, стойко поддерживал до революции живое и решительное стремление России к победе в разразившейся мировой войне, а теперь, когда хлынула волна революции, и вождями пролетариата в его государственном служении оказались не представители государственной власти, а лишь партийные вожди, тот же самый русский пролетариат как будто заговорил уже не о победе России, а лишь о мире «без аннексий и контрибуций»!

Нет! Подлинный пролетариат, русские пролетарские массы, еле-еле еще лишь раскрывающие свои политические очи, еле-еле постигающие еще лишь азбуку политической мысли, по совести, не несут на себе ответственности ни за «диктатуру пролетариата», ни за все те реальные, фактические последствия, которые влечет эта диктатура для России! Еще менее ответственны многомиллионные крестьянские земельные массы, которые – согласно учению социал-демократов – даже и не причисляются к «пролетариату» и только из тактического удобства сейчас как будто тоже зачислены в «революционный пролетариат». Но кому же не известно, что не только крестьянство, обладающее землей и капиталом, хотя бы самым жалким, но все же дающим возможность вести хозяйственно-самостоятельное сельскохозяйственное производство, но даже и сама партия социалистов-революционеров и примыкающих к ним трудовиков, народных социалистов и т. п., причисляются социал-демократами к «мелкой буржуазии»!

И причисляются, должны сказать мы, совершенно правильно. И классовые интересы, и социальный уклад, и политическая психология у «настоящего» пролетариата и у земельной мелкой буржуазии – в весьма значительно степени различны, даже противоположны. Легче и больше сходятся, конечно, интеллигентные представители этих двух социалистических лагерей. Насколько в мирное время социал-демократическая и социал-революционная интеллигенция теоретически почти непримирима, настолько же в бурные времена она легко «объединяется», быстро изыскивает «общую платформу», и в народные массы дружно бросается тот грубо схематический, агитационный демагогический лозунг, который все человечество делит на два абсолютно непримиримых класса: класс буржуазных капиталистов, хозяев, эксплуататоров с одной стороны, и класс трудового пролетариата, класс эксплуатируемых – с другой стороны! При таком упрощенном делении человечества на два лагеря – на эксплуататоров и эксплуатируемых – трудовые массы, при общей бедности и малокультурности народа, особенно чувствительно относящиеся к социальным противоречиям капиталистического строя мирового хозяйства, особенно

легко воспринимают боевые революционные лозунги социалистических партий, и истинная *социальная революция*, если только у нее находятся интеллигентные вожди, получает реальную почву! Эти вожди принимают на себя ответственность за реальные результаты социальной революции, и, конечно, формулируют свое руководство ею как «диктатуру пролетариата».

Но, повторяем, нет и не может быть сколько-нибудь сознательных социалистов, которые – не по «тактике», а по совести, по убеждению – сами верили бы в то схематическое деление человечества на два лагеря – на эксплуататоров и эксплуатируемых, на буржуазию и пролетариат, – которое они бросают в народные массы в качестве боевого революционного лозунга, в качестве искры, которая должна зажечь социальный пожар! Для всякого, не только «буржуазно» мыслящего человека, но и для всякого мыслящего социалиста, конечно, совершенно очевиден факт крайней пестроты, крайней дифференциации, как тех слоев населения, которые революция для схемы – объединяет именем «пролетариата», так и тех слоев, которые окрещиваются именем «буржуазии».

Разве одно и то же – и в экономическом, и в культурном отношении – пролетариат английский и пролетариат русский, а тем более – пролетариат других стран, еще более экономически и культурно молодых или отсталых? Разве в среде того же английского пролетариата нет деления на группы экономически более сильные и более слабые, и разве эти группы – даже в среде такого высококультурного и богатого пролетариата, как английский, во всем экономически и политически солидарны? А в среде нашего, русского рабочего пролетариата разве однородны и действительно солидарны группы каких-нибудь поденщиков и группы квалифицированных рабочих – цеховых мастеров, старост, конторщиков и т. д.?

Разве – далее пролетариат интеллигентный – служащие в государственных, общественных и частных учреждениях и предприятиях, – и пролетариат собственно рабочий, занятый в областях материально-производительного труда, – разве эти два вида пролетариата действительно однородны и действительно солидарны в своих «классовых», вернее, групповых интересах? И разве в среде даже этого «пролетариата» нет людей, обладающих капиталом – земель, домами и проч.? Где же граница между «чистым» пролетариатом и пролетариатом, левой ногой идущим за социализмом, а правой – за буржуазией? А ведь пока мы – в действительности, реально – не можем провести точной границы между пролетариатом и буржуа, мы не имеем научной, истинной почвы для «классового» разделения демократии на пролетариат и буржуазию.

Еще пестрее и разноречивее «класс» буржуазии. Неужели однородны такие буржуазные, капиталистические группы, как группы промышленников, купцов, банкиров и землевладельцев? Даже младенцам, не только буржуазным, но и социалистическим, понятно все «классовое» различие этих буржуазных групп. А если мы вслед за социал-демократами зачислим в мелкую буржуазию и земледельческое, самостоятельно хозяйствующее крестьянство, то неужели и эту многомиллионную в России «буржуазию» мы будем отождествлять или хотя бы объединять – в социальном и политическом отношении – с бан-

кирами, купцами, промышленниками и крупными земельными магнатами? Конечно, внутриклассовая противоположность и борьба в среде этих буржуазных групп еще более неизбежна, чем в среде групп пролетарских. И только общность «хозяйской» психологии, общность некоторых социальных черт, навыков и приемов хозяйственно-самостоятельного труда, общность профессиональных интересов – дает почву даже и для «классового» объединения не только различных групп буржуазии между собою, но сплошь и рядом – даже буржуазных групп с пролетарскими, и обратно.

О политическом объединении, особенно в момент, когда ставятся на разрешение вопросы общегосударственные, вопросы бытия, строительства и переустройства государства, и говорить нечего: всякий жизнеспособный народ, достойный самостоятельного государственного, а тем более исторического существования, в такие моменты не только забывает о материальной классовой и групповой борьбе, но и отвергает ее всю силою своею государственного чутья, сознания и совести! Проповедь социальной борьбы и революции в такие моменты – это сознательное заглушение в народных массах этого государственного чутья, сознания и совести! Проповедь, а тем более фактическое утверждение «диктатуры пролетариата», как и диктатура вообще какого бы то ни было класса, грозит уже не только заглушением, но и полным равнодушием этого чутья, сознания и совести. Диктатура класса – это источник анархии, разрушение и опасность для государства!

Киевлянин. 1917, 21 мая. № 123. С. 3.

Вышеславцев Б.П.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО БОЛЬШИНСТВА

Демократия покоится на некоторой основной предпосылке: на признании *права большинства*. Всякое собрание людей вотирует свои решения и избирает своих представителей *большинством голосов*. Вот принцип, который всеми предполагается молчаливо, как нечто само собою разумеющееся, и только учеными политиками и философами порою обсуждается и подвергается сомнению.

Демократия означает «власть народа», а власть народа означает власть большинства. Такова была античная демократия, таковою же остается и демократия современная.

Перикл в своей речи о величии Афин, сохраненной для нас Фукидидом, говорит о государственном устройстве своего Отечества: «Оно называется демократией, потому что зиждется не на меньшинстве, а на большинстве». И эта мысль остается незыблемой и теперь. Иеллинек говорит: «Тенденция каждой демократии – поднять большинство до значения исключительно решающего фактора».

А как же меньшинство? Неужели оно должно оставаться безгласным рабом большинства? Неужели оно должно подчиниться тому решению, которое ему кажется неправильным, против которого оно вотировало?

Руссо доказал, что свобода и автономия осуществлены вполне в той ассоциации, которая вотирует свои решения *единогласно*. Здесь никто не подчиняется другому, все властвуют над всеми, каждый подчиняется закону, самому себе данному, каждый автономен и свободен.

Но ведь ясно, что такой случай есть редкое исключение, что практически невозможно достигнуть единогласия, а потому приходится решать большинством голосов. В этом случае меньшинство как бы претерпевает некоторую несправедливость, чувствует недовольство, которое должно быть тем более принято во внимание, чем значительнее по своему количеству это меньшинство.

Вышим пределом меньшинства будет половина всех членов собрания минус один. Если к такому меньшинству прибавится только один голос, оно перестанет быть меньшинством. И вот такое меньшинство, которое почти равно большинству, все же при голосовании совсем не в состоянии осуществить свою волю и принуждено подчиниться чужой воле.

Это несовершенство организации особенно ясно выступает при избирательном голосовании, при выборах представителя от большого собрания. Представим себе, что вся страна поделит свои голоса между двумя партиями, почти равными по числу своих сторонников. Тогда может оказаться избранным такой парламент, который будет представителем половины всего числа избирателей плюс один, а другая половина всех избирателей минус один не будет представлена ни единым депутатом.

Может ли такой парламент считаться истинным воплощением воли народа?

И этот случай вовсе еще не является образцом, раскрывающим наибольшее из возможных несовершенств мажоритарной системы избирательного права. Шарль Бенуа говорил в своем докладе, представленном в французский парламент при обсуждении законодательных предложений о введении пропорционального представительства: «Заметьте, что при этой мнимой системе истого и простого большинства наименьшим злом является, если представлена только половина плюс один избирателей. Зло может быть более значительным, и большинство в выборных учреждениях может быть лишь *мнимым большинством*, не соответствующим действительному большинству избирательного корпуса».

Может показаться странным, что представители, избранные большинством голосов, оказываются представителями «мнимого большинства», т. е. на самом деле представителями меньшинства; и тем не менее Шарль Бенуа прав: такой случай возможен, и притом в безусловно правильных условиях выборов, без всякой подтасовки голосов.

Георг Мейер в своей известной монографии, посвященной избирательному праву, приводит такой пример:

Положим, мы имеем всего 100 000 избирателей, которые разделены на 100 избирательных округов, по 1000 избирателей в каждом, и каждый округ должен выбрать одного депутата, т. е. всего должно быть выбрано 100 депутатов. Допустим, что борются только две партии: либеральная и консервативная. Положим, что партия *либералов* побеждает в 40 округах, имея в них по 900 голосов за себя и по 100 голосов против себя. А партия *консерваторов* побеждает в 60 округах, имея в них по 600 консервативных голосов за себя и по 400 либеральных – против себя. Результаты выборов будут таковы: 40 либеральных депутатов и 60 *консервативных*. Победили консерваторы; и тем не менее число либеральных голосов в стране гораздо больше, чем консервативных. В самом деле, *либералы* имеют за себя $(40 \times 900) + (60 \times 400)$, итого 60 000 голосов, тогда как *консерваторы*, победившие на выборах, только $(40 \times 100) + (60 \times 600)$, итого 40 000 голосов.

Другой замечательный пример мы находим в знаменитом исследовании Сариполоса, посвященном критике мажоритарной системы выборов и горячей защите системы пропорциональной. Этот пример можно изобразить в виде следующей таблицы:

Округа	Избиратели:		Депутаты:	
	либ.	кон.	либ.	кон.
А...	2378	2622	0	1
В...	2352	2648	0	1
С...	2428	2578	0	1
Д...	2271	2729	0	1
Е...	4571	428	1	0
Итого	14 000	11 000	1	4

В результате мы получаем, что 4 консерватора избраны 11 000 голосов, а 14 000 либеральных голосов провели только одного депутата!

Вот еще один пример Георга Мейера. Положим, мы опять имеем в стране 100 000 избирателей, распределенных между 100 избирательными округами по 1000 избирателей в каждом, и от каждого округа избирается один депутат. В выборах участвуют три партии: *социалисты*, *либералы* и *консерваторы*. У *социалистов* в каждом из 100 округов будет, положим, по 400 голосов; у *либералов* в 50 округах по 550 голосов и в других 50 по 50 голосов; обратно у *консерваторов*: у них в первых 50 округах по 50 голосов, а в следующих 50 округах по 550 голосов. На выборах 50 депутатов проведут либералы и 50 консерваторы. Социалисты же останутся совсем не представленными. И однако они имеют за себя 400×100 , т. е. всего 40 000 голосов, тогда как две другие победившие партии, только по $50 \times 50 + 550 \times 50$, т. е. по 30 000 голосов.

Эти примеры, конечно, вымышленные, школьные, они доказывают лишь возможность искажений; действительные факты подтверждают реальность этих последних.

Так, в Бельгии в 1870 г. за либералов было подано 43 000 голосов, а за клерикалов 35 000, и однако либералы получили 52 мандата, а клерикалы –

72 мандата. Еще более удивительный результат получился в той же Бельгии в 1884 год: 36 080 клерикальных голосов избрали 67 депутатов, а 22 117 либеральных голосов были представлены только *двумя* депутатами!

А вот статистика выборов в рейхстаг в Бадене в 1890 году:

Партии	Число избират.	Число депут.
Нац.-либ.	82 269	0
Центр.	80 726	8
Свободомысл.	40 223	2
Соц.-дем.	29 309	1
Консерват.	17 836	2

На основании статистики французских выборов Дюги приходит к выводу, что французский парламент, избранный по системе простого *большинства* голосов, всегда является представительством *меньшинства* избирательного корпуса. Если, например, 3–4 миллиона избирателей имеют своих представителей в парламенте, то 5–6 миллионов остаются не представленными вовсе.

Все это заставляет отнестись критически к выборам, построенным по системе простого большинства. И едва ли можно согласиться с Эсменом, когда он защищает идею большинства, как «простую идею, непосредственно очевидную и, несомненно, справедливую, так как она не благоприятствует заранее никому».

Если задача правильной организации выборов состоит в том, чтобы создать представительство всех политических групп и партий страны так, чтобы парламент, по мысли Мирабо, являлся как бы *политической картой* страны, изображающей все соотношения ее политических сил в пропорционально уменьшенных размерах, то эта задача может быть выполнена лишь при том условии, если меньшинство не будет отброшено, а будет представлено *пропорционально* своим размерам.

Так рождается идея *пропорционального представительства* меньшинства. Но она, по смыслу своему, отнюдь не является только защитой интересов меньшинства, как это может показаться с первого взгляда, она устанавливает правильную пропорцию в соотношении сил большинства и меньшинства, а потому в такой же мере является защитой истинного большинства и борьбой с «мнимым» большинством.

Цифры доказывают, что *мажоритарная система* дает власть мнимому большинству и в действительности является непропорционально преувеличенным представительством *меньшинства*.

Вся эта критика большинства возникла на Западе, в результате долгих наблюдений над функционированием этой системы выборов *в парламенты*; она сохраняет все свое значение и у нас, когда дело идет об организации выборов *в Учредительное собрание*. Учредительное собрание в еще большей степени, чем парламент, должно являться правильной политической картой страны. Все партии должны быть в нем представлены пропорционально их численности в целом избирательном корпусе всей России. Не следует только думать,

что этот идеал легко достигим. Пропорциональная система наталкивается на огромное трудности при своем осуществлении: она требует огромных по численности избирательных округов, отлично организованных партий, продолжительной агитации и большой сознательности избирателей.

Утро России. 1917, 21 мая. № 125.

Проф. Алексеев Н.Н.

ИДЕЯ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Недостатки мажоритарной системы пытается исправить так называемая пропорциональная система выборов. Мысль, лежащая в основании этой системы, очень проста и всем доступна. При всеобщем избирательном праве каждый имеет право голоса. Но отдельные голоса граждан складываются в процессе голосования в большие или меньшие группы: одни голосуют за одну партию, другие – за другую. Справедливо, чтобы в парламенте была представлена каждая сколько-нибудь значительная партия сообразно с количеством голосов, в ней насчитывающихся. У кого голосов больше, тот пошлет больше депутатов, у кого меньше – тот будет слабее представлен. Если парламент будет составлен таким образом, он станет похож на точную фотографию страны.

Повторяем, что мысли эти просты и естественны. В особенности просты они для того, кто обладает несколько упрощенным взглядом на политику. Вот как объяснял мне пропорциональную систему выборов один участник уличного митинга. У нас есть «народ» и «буржуазия». «Народа» много, «буржуазии» мало, «народ» мог бы получить все места в парламенте, но хочет быть справедливым и к «буржуазии». «Буржуазия» должна также быть представленной в Учредительном собрании, однако представители ее должны стоять в справедливом, пропорциональном отношении к народным голосам. Для этого стоит только подсчитать голоса «народа» и «буржуазии» и сообразно с этим количеством составить парламент. Допустим, что народ имеет 50 миллионов голосов, а буржуазия 10 миллионов. Если каждый миллион голосов посылает одного депутата, тогда «народ» пошлет в Учредительное собрание 50 депутатов, а «буржуазия» – 10.

Все это очень просто, если верить, что народ расслоится на общественные группы по таким же ясным признакам, по каким различаются природные свойства страны, изображенной на карте: вот вода, вот суша, вот реки, вот горы. Но всякий сколько-нибудь вдумчивый человек знает, что признаки, отличающие общественные единицы, часто невидимы и неосвязаемы. Кроме того, всякий народ есть живое целое, которое находится в процессе непрерывного изменения и развития. Во всяком народе, особенно народе молодом, общественные группы только еще складываются, границы их изменчивы, состав непостоянен.

Возьмем, например, Россию. Крестьянство наше – принадлежит ли оно к «народу» или к «буржуазии»? Несомненно, в крестьянстве имеются чисто «буржуазные» элементы, крестьянское кулачество; есть и элементы пролетарские, но границы между теми и другими текучи и трудно определимы. При таких условиях разделение на общественные группы очень затруднительно, на место видимого всем рельефа мы получаем расплывчатую среду, которую трудно ухватить умом и глазом.

Можно попытаться на место объективных признаков поставить внутренние, субъективные – самосознание масс, их собственную сознательную принадлежность к тому или иному классу людей. Это лучше всего проявляется в партийной группировке. Можно сказать: всякий, кто считает себя социалистом, принадлежит к «народу», кто голосует за другие партии – к «буржуазии». Однако наши партийные группировки находятся только в процессе образования. Наши партии только еще слагаются, только еще вербуют своих членов. Состав партий при таком положении вещей – очень случаен, а главное, есть большое количество беспартийных, неорганизованных масс. И опять мы, следовательно, не имеем каких-либо прочных групп, которые можно сделать реальным основанием для пропорционального представительства.

Мы хотим сказать, что пропорциональная система выборов есть дело простое, когда население расчленено, но оно становится весьма трудной задачей, когда этого нет. В последнем случае приходится считаться с тем, что, несмотря на пропорциональные выборы, парламент будет только очень приблизительно выражать мнение всей страны, будет похож только на довольно плохую фотографию.

Но должен ли быть парламент «фотографией» страны? Противники пропорциональной системы говорят, что эта основная предпосылка ее является далеко неправильной. Парламент должен быть собранием лучших людей, которые призваны стоять над интересами отдельных членов. Задача их заключается в том, чтобы воплощать нацию как целое, а не отдельные стремления отдельных групп. В парламенте нужно выявить «общую волю» всего народа, воля же эта может лучше выразиться, если парламент будет составлен из согласного большинства немногих, чем из анархического разногласия большого количества небольших групп, отображающих в миниатюре борьбу партий в стране. С этой точки зрения совершенная система пропорционального представительства бесполезна, если не прямо вредна, так как она вовсе не соответствует общенародным задачам парламента.

Это – очень серьезное возражение, которое можно ослабить только указанием на то, что всякий парламент, какова бы ни была система выборов, всегда в конце концов распадется на партии. Современный парламент неизбежно расчленяется на группы, и не лучше ли это расчленение признать уже при самых выборах? Современный парламент есть организация партий, бороться с его партийной расчлененностью является утопией. Это не исключает, конечно, и общенациональных задач парламента. Если в нации классы объединены общим интересом, они будут объединены им и в парламенте, представляющем

фотографию нации. Если же нация распыляется, не объединишь единогодушием «лучшим» людей в парламенте.

Но одно справедливо в приведенной критике основ пропорционального представительства. И расчлененный на группы парламент, чтобы быть работоспособным, должен объединиться на принципе всякого коллективного творчества – на признании прав большинства. Принцип большинства вовсе не отрицается пропорциональным представительством, ведь законы в парламенте могут только приниматься на начале подчинения меньшинства большинству. Парламент, который отступил бы от начала большинства, превратился бы тем самым в анархическое соединение неработоспособных людей. Каждая группа считала бы обязательной для себя только свои постановления, и парламент распался бы, не вынеся ни одного закона.

Западные народы пришли к идее пропорционального представительства интересов через дисциплину подчинения большинству. Мы, русские, не имели этой дисциплины. И мы знаем, что у нас идея пропорционального представительства вступает иногда на путь подобных анархических соединений. Если наш будущий парламент рисует себе таким образом, что там соберутся по справедливому исчислению представители различных групп нашего народа и затеют между собою гражданскую войну в миниатюре, такой парламент умрет, как умрет всякая нация, не осознавшая своего народного единства.

Таковы общие принципы, лежащие в основе пропорциональной системы выборов. Что касается техники ее, то она очень сложна. Когда партий много, когда их численный состав заранее неизвестен, приходится изобрести особую систему подсчета голосов, которая привела бы к более или менее справедливому отражению в парламенте партийной группировки страны. Различные системы пропорционального представительства предлагают решить общую задачу: как в процессе самого голосования определить еще неизвестное количественное соотношение партийных сил. Описание того, как решается эта задача, должно быть предметом особого очерка.

Утро России. 1917, 21 мая. № 125.

Арсеньев К.К.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

I

Во Франции между февральской революцией 1848 г. и открытием Учредительного собрания прошло десять недель. У нас приблизительно такой же промежуток времени принес с собою не созыв Учредительного собрания, а только обновление состава временного правительства. Ненормального в этом ничего нет. Задачи, поставленные февральскими днями 1848 года, были гораздо менее сложны, чем те, которые предстояло и предстоит решить нашему временному правительству. Всеобщая подача голосов во Франции, –

если не считать давно забытых и весьма несовершенных опытов конца XVIII и начала XIX века, – вводилась впервые, как и в России, но осуществление ее было несравненно проще и легче. Сравнительно небольшое пространство страны, сравнительная немногочисленность, однородность и культурность ее населения, значительное число территориальных единиц, гораздо более, чем наши губернии, приспособленных к обращению в избирательные единицы, повсеместное и давнее распространение более или менее независимых органов печати, более или менее организованные партийные кадры, многолетняя привычка к политической жизни, далеко не вполне свободной, но все же не сдавленной безграничным произволом, – все это облегчало введение новой избирательной системы, упрощало возбуждаемые ею вопросы. О пропорциональных выборах тогда не было еще и речи; других форм избрания, кроме мажоритарной, никто не предлагал; недостатки выборов по округам, ярко освещенные практикой июльской монархии, предрешали установление выборов по спискам. Совсем иным представляется положение России, раскинувшейся на громадное пространство, вчетверо более населенной, разношерстной по национальному составу, далеко не достигшей всеобщей грамотности, одинаково бедной путями сообщения и очагами культуры, до самого последнего времени остававшейся фактически на уровне полицейского государства. Франция вдобавок целые десятилетия до 1848 г. пользовалась благами мира, едва нарушавшегося экспедициями в Марею, в Бельгию и небольшими походами в Алжирии. Россия почти три года страдает от войны, беспрецедентной по своей жестокости и изнурительности, отвлекающей от мирного дела массу взрослого мужского населения. Понятно, что приготовления к выборам, во Франции законченные в два месяца, потребуют у нас гораздо более продолжительного времени. В кабинетах государственных и научных деятелей работа, связанная с этими приготовлениями, идет с самых первых дней после переворота: на будущей неделе она вступит в новый, официальный фазис. Ценным для нее материалом послужит опыт предстоящих в близком будущем муниципальных и земских выборов, к которым имеется в виду применить пропорциональный метод.

В 1848 г. за ускорение выборов в Учредительное собрание стояли в особенности умеренные элементы временного правительства и всего французского общества. Отсрочки выборов требовали крайние левые партии, устроившие даже с этою целью манифестацию 16-го апреля, чуть было не повлекшую за собою возобновление революционной борьбы. У нас можно было бы ожидать аналогичных явлений; переход к правильному, твердому порядку всего менее желателен для тех, кто проповедует «захват власти», «массовое насилие», перманентность или неопределенную продолжительность революции. Один из представителей этого настроения выступил, однако, с обвинением временного правительства в намеренном, ради «своекорыстных интересов», замедлении созыва Учредительного собрания, – созыва, который, по мнению обвинителя, мог бы быть произведен в течение двух недель. На самом деле временное правительство и в первоначальном, и в обновленном своем составе не могло

не сознать всю важность скорейшего открытия Учредительного собрания, – всю важность его как для страны, так и в особенности для тех, на ком лежит ближайшая ответственность за ее настоящее и будущее. Эта ответственность тем тяжелее, чем призрачнее власть, чем больше она встречает на каждом шагу препятствий, трудностей и подозрений. Но поспешный созыв первого всероссийского парламента – парламента, созданного революцией и призванного упрочить лучшие ее результаты, парламента, который должен быть свободным, чтобы положить основание свободе, был бы великой и трудно поправимой ошибкой. Работа собрания должна совершаться в сравнительно успокоившейся стране, не встречая ни угроз, ни искусственных задержек, ни упорного непонимания. Ошибкой или даже преступлением были бы, конечно, и ничем не вызванные отсрочки; но ни о чем подобном, ввиду указанных выше условий, не может пока быть и речи. Временное правительство не отдыхает, не теряет дорогих минут: меньше чем в три месяца им исполнено громоздкое дело, для которого в другое время, при другой обстановке понадобились бы долгие годы. В этом заключается существенное различие между ним и французским временным правительством 1848 года. В активе последнего значатся только два крупных шага вперед: введение всеобщей подачи голосов и отмена смертной казни за политические преступления. Признание права на труд было только пустым словом, образование люксембургской комиссии – декорацией, за которой не было никакого серьезного содержания, устройство национальных мастерских – паллиативной мерой, ошибкой, быстро обратившейся в обман. Нужно ли напоминать, что сделало наше временное правительство среди бурь и волнений, среди завещанной старым режимом разрухи, под ударами с разных сторон, без уверенности в завтрашнем дне? Конечно, оно находило поддержку в других организациях, выдвинутых революцией; но немало усилий приходилось тратить на приобретение, на закрепление этой поддержки, не исключавшей, по временам, ни соперничества, ни противодействия. Не знаю, чем закончится деятельность временного правительства; но до сих пор о нем с гораздо большим правом можно повторить сказанное французским учредительным собранием 1848 года: «*Le gouvernement provisoire a bien mérité de la patrie*».

Русские ведомости. 1917, 21 мая. № 113.

II

Широко и глубоко идущая созидательная работа – не единственное отличие нашего временного правительства от своего французского прототипа¹. Хотя в состав временного правительства 1848 года вошел один из главных доктринеров социализма, Луи Блан, приведший с собою рабочего Альбера, но

¹ Сравнивать наше временное правительство с правительством национальной обороны, образовавшимся во Франции в сентябре 1870 года, вслед за падением Второй империи, не приходится, так как все усилия последнего сосредоточивались на борьбе с германским нашествием и на защите своего существования, постоянно висевшего на волоске.

это не оказало никакого влияния на общее направление дел. Люксембургская комиссия обратилась в «парламент мнений»; национальные мастерские, представлявшие собою если не силу, то возможность силы, очутились в руках министра общественных работ Мари, одного из самых консервативных членов правительства. Социалистические учения имели в тогдашней Франции, особенно в больших городах, немало приверженцев; но социалистические партии существовали только в зародыше. Барбес, Бланки, Кабэ, Распайль, Прудон, Консидеран были, как и Луи Блан, вождями без войска; их окружали более или менее многочисленные, но не дисциплинированные партизаны. В стороне от них, иногда как случайные сотрудники, иногда как решительный враг, стояли республиканцы старого типа, хранители якобинских традиций, руководимые слабовольным Ледрю-Ролленом. Достаточно сильные для агитации, даже для гражданской войны, все эти группы не были достаточно сильны для творчества. В два месяца, истекшие между революцией и выборами в учредительное собрание, они не успели сплотиться, раздвинуть свои рамки, вступить в соглашение между собою. Понятны поэтому их усилия отдалить выборы, продлить переходное положение. Когда им это не удалось, когда выборы дали победу их противникам и привели в собрание, рядом с умеренными республиканцами, немалое число мнимо-обращенных членов «старых партий», когда в исполнительную комиссию прошли противники социалистов и передвинулся вправо сам Ледрю-Роллен, когда громадным большинством собрания было отклонено образование министерства труда или прогресса, в среде побежденных немедленно возникла мысль об обращении к открытой силе. Уже 15-го мая, через одиннадцать дней после открытия собрания, сделана была попытка разогнать депутатов и образовать новое временное правительство. Шесть недель спустя вспыхнуло июньское восстание. Пролились потоки крови, в которых потонули мечты о лучшем будущем, потонула и свобода. Исходом уличной борьбы были предreshены все последующие события, вплоть до декабрьского переворота и торжества деспотизма.

При существенно иной обстановке совершилась и продолжалась русская революция. В феврале 1848 года падение монархии было неожиданным для самих сражавшихся на баррикадах; ее корни никогда не уходили глубоко в землю, но безнадежно прогнившими они не были и в самую последнюю минуту. У нас монархический строй, дошедший до крайней степени разложения, держался только силою инерции и рухнул при первом серьезном напоре. Его крушение было предусмотрено целым рядом партий, которые с первых же дней переворота приняли прямое или косвенное участие в управлении государством и в подготовке новых основ для политической и социальной жизни. В среду временного правительства вступил сначала только один социалист, А.Ф. Керенский; но его роль сразу стала высоко активной, как благодаря поддержке, которую он находил в революционных организациях, так и благодаря его личным качествам. Когда почва под ногами временного правительства стала колебаться, оно возбудило вопрос о пополнении его другими представителями социалистических партий. Образовалось коалиционное министерство,

в состав которого вошли социал-демократы, социалисты-революционеры и народные социалисты. Работа, и раньше, в значительной своей части, направлявшаяся по социалистическому руслу, приняла еще более определенный характер. Отчасти произведены, отчасти приготовлены или намечены крупные шаги в сторону осуществления социалистических идеалов. Явилась возможность ожидать, что общими усилиями далеко не во всем согласных между собою групп будет достигнуто многое, еще недавно видневшееся только в туманной дали. Отпали, по-видимому, поводы к столкновениям, вроде тех, которые погубили Вторую французскую республику. Опыт 1906 и 1907 гг. давал полное основание думать, что непохожим на робкую, быстро поддавшуюся испугу, тесно связанную с прошлым *Assemblée Constituante* 1848 года будет первое русское учредительное собрание. Если припомнить, как далеко вперед готово было идти большинство двух первых Государственных дум, выбранных на основе крайне несовершенного закона, при сомнительно нейтральном кабинете Витте–Дурново и явно враждебном кабинете Столыпина, после неудачи призывов к вооруженному восстанию и к пассивному сопротивлению, то нетрудно угадать, каким будет настроение учредительного собрания, свободно избранного всеобщей подачей голосов. Созванное не внезапно, при полном свете дня, при одинаково огражденной от насилия деятельности всех партий, оно должно и может выразить волю русского народа. Для так называемого «непосредственного действия» (*action directe*) нет ни повода, ни оправдания, когда ничто не препятствует мирному движению, в какую бы сторону оно ни направлялось.

Так думать можно было еще недавно, когда составилось коалиционное министерство и появилась декларация 6-го мая; так думать теперь становится все труднее и труднее. Яблоком раздора не только между партиями, но и между группами одной и той же партии, между лицами, связанными общностью задач и трудов, становится прежде всего роковой вопрос о войне, о способах ее ведения, об условиях ее прекращения. Энтузиазм одних, готовый зажечь большое пламя, охлаждается скептицизмом других; расчету на собственные силы, уже пробуждающиеся и крепнущие, противопоставляется неопределенная надежда на благоразумие других или на возвращение к лозунгам давно забытым. Не находят министры-социалисты единодушной поддержки и в той среде, из которой они вышли и от которой ни на минуту не отдалялись. В партиях, к которым они принадлежали и принадлежат, обостряется раскол; осуждаемая во внешних делах, «захватная политика» все больше и больше находит сторонников в делах внутренних. Все более частыми и резкими становятся нарушения свободы, завоевание которой было первым из великих дел революции. Готовится, по-видимому, еще более опасный шаг: изменение состава той революционной организации, которой принадлежал и принадлежит контроль над временным правительством, которая сыграла решающую роль в обновлении его состава. Обращение к силе, всегда рискованное и опасное, может казаться законным и неизбежным, когда нет других средств достигнуть цели, когда другая сторона также выдвигает вперед силу, отвергая уступки и

соглашения; но чем оправдать его, когда открыты все дороги, свободны все начинания, и в ближайшем будущем виднеется спасительная гавань учредительного собрания? Французский социализм своими выступлениями в 1848 г. надолго отсрочил свою победу, поставил на карту свое существование; но его вожди могли сказать самим себе, что ничего другого, кроме попыток захвата власти, им, при данных условиях, не оставалось. Совершенно иным является положение, созданное нашей февральской революцией и ясно определившееся в настоящее время.

Русские ведомости. 1917, 23 мая. № 114.

Петрищев А.Б.

ИЗ ВПЕЧАТЛЕНИЙ ПРОВИНЦИАЛА В ПЕТРОГРАДЕ

I.

«Вы увидите революционный Петроград... Напишите все-таки, каков он»... Так при моем отъезде говорили мне некоторые из провинциальных друзей. В Питере приходится слышать кое от кого иные речи:

– Гм... «Революционный Петроград»... Знаете, – прямо умилительная эта склонность провинциалов принимать метафоры за действительность...

В скептических улыбках, с какими это говорится, невольно читаешь: «*революционный* Петроград» – пустые слова, на самом же деле *революционного* Петрограда нет, да, может быть, и не было его... Есть что-то другое. Должен признаться, таковы были и мои первые впечатления: не видно *революционного* Петрограда... В первые же часы приезда встречаюсь с группой знакомых питерских интеллигентных обывателей. Публика – сплошь левая. Полушутя-полусерьезно предлагаю:

– Ну, что ж, давайте поздравлять друг друга с свободой...

Уныло машут руками:

– Какая свобода... Мы теперь черносотенцы... По городскому и квартальному у нас душа тосковать стала...

– Что так?..

– А то... С половины февраля и по сей день у нас ни одной минуты просвета не было. Ни одного часа радости.

– Но почему?

– Долго рассказывать... Поживите, – сами увидите...

«Невскую столицу» я не видел во время революции. Но давно знаю. Теперь живу вот в ней уже неделю. По некоторым причинам дни проходят в больших хлопотах, в переездах из одного конца города в другой. Приходится сталкиваться с людьми весьма разнообразных слоев и весьма разнообразных настроений. И странное дело, – не видно радости, не чувствуется веры в будущее. Первые два месяца революции я провел частью в Москве, частью в провинции. Но ни в Москве, ни тем паче в провинции нет такого повального уныния, как в

Петрограде, и нет такого скептицизма, как здесь. Почти не слышно на берегах Невы бодрых слов. Правда, громких и звонких слов говорится здесь много, пожалуй, даже слишком много. Издали они, быть может, способны казаться чем-то. Но вблизи совершенно ясно, что это – пение фальцетом. Под громкими и якобы революционными фразами чувствуется надлом, упадок, пожалуй, даже конфуз. Нет подъема. Нет пафоса. Но много тревоги. Много прямого уныния, нагота которого еле прикрыта словесными побрякушками. И становится понятно, почему Петроград больше всех других мест России кричит о контрреволюционной опасности: при подъеме настроения не страшен и сильный враг, при унынии и упадке даже заяц кажется опасным зверем...

Среди хлопот и суесть присматриваюсь, прислушиваюсь, – хочется проверить первые тягостные впечатления, хочется понять источник упадка и уныния. И прежде всего в качестве наблюдателя я должен сказать, что в Петрограде много не только громких слов, тут много хороших и стройных планов. Этот город недаром был и остается умственным центром. Недаром у него Волково кладбище. У тех, кто почитает там вечным сном, есть достойные ученики и преемники. Есть умы, способные взвешивать, рассчитывать, есть глаза, способные далеко видеть. И до революции они были здесь. Теперь их, пожалуй, больше, чем когда бы то ни было. Петербург затребует себе от России все общественно-значительные силы. В этом смысле он за 2 ½ месяца уже солидно обобрал Москву, обобрал и провинцию. За время революции он много сделал, чтобы усилиться как мозг России. Немудрено, что в нем рождаются хорошие планы. Но странно они воплощаются в жизни.

Спрашиваю, напр[имер], что сделано для упорядочения продовольственного дела в городе. В виде ответа мне вручают «Положение о продовольственной организации Петрограда». Стройная продуманная схема. Во главе стоит центральный городской продовольственный комитет, организационно связанный с продовольственными учреждениями уезда и губернии. Он опирается на 12 районных продовольственных комитетов, избирающих районные управы. Районы делятся на 17 подрайонов с подрайонным комитетом и управою в каждом. Подрайоны разбиты на продовольственные кварталы, во главе которых стоят квартальные продовольственные комиссары. Наконец, «в каждом доме учреждаются домовые продовольственные комиссары, в помощь которым жители дома могут избирать домовые комиссии». Здесь трудно останавливаться на разных деталях общего плана. Но я готов отнестись к ним почти восторженно. Я склонен предложить, чтобы это «Положение» было отпечатано в большом количестве и разослано по всем сколько-нибудь крупным городам России как образец. Петроградцы насмешливо улыбаются:

- Полноте, какой это образец... Гладко на бумаге, да забыли про овраги.
- Какие овраги?..

– А такие... 47 подрайонных управ. Каждая управа из пяти человек. И каждому «товарищи» требуют жалованья 6000 руб. в год. Всего, стало быть, около 1 ½ милл. рублей. Это только на содержание подрайонных управ. Да жалованье членам районных управ. Жалованье членам центральной продовольствен-

ной управы. Жалованье 400 или 500 квартальным комиссарам. Жалованье 8–10-ти тысячам домовым комиссарам. А знаете, какие теперь жалованья? Кухарке «товарищи» требуют 110 руб. в месяц. Трамвайной кондукторше приходится около 5000 руб. в год. Ну, значит, комиссару меньше 6000 руб. никак нельзя. Да при каждой управе секретари, барышни с машинами, сторожа, курьеры. И каждому носу 300 руб. в месяц, – более никаких оплат труда «товарищи» признавать не желают... Сосчитайте, во что обойдется вся эта великолепная, как вы думаете, продовольственная организация... мы уже прикидывали. Чтобы оправдать ее, надо приплачивать копеек по 10 за каждый фунт хлеба, копеек по 25 за фунт мяса, копеек по 50 на фунт масла, копеек по 5 на фунт соли... Хуже всяких купцов и «мародеров тыла».

– Вольно ж вам назначать такие бешеные оклады...

– Мы тут ни при чем... «Товарищи» назначают...

– Но, ведь, вы же избиратели?..

– Никакие мы избиратели... Вот вам, если угодно, маленькая цифровая справка. Возьмите хотя бы Адмиралтейский район. В нем круглым счетом 43 000 избирателей. Из них 23 000 – солдаты, 9000 – кухарки, горничные, лакеи, дворники, швейцары, курьеры, и прочие «услуживающие люди». На долю всех остальных остается, значит, 11 000. Сообразите сами, какой процент из этих 11 000 принадлежит людям двадцатого числа. Прикиньте к ним биржевых маклеров, зайцев, мародеров, иную публику, которая издавна слетается сюда на ловлю счастья и чинов... Много ль других-то граждан останется?

– Позвольте, – пусть обыватель питерский – особенный, налетный, без корней. Насчет питерской дворни, – кухарок, горничных, лакеев, швейцаров, – я с вами спорить не стану... Но, ведь...

– Не спорьте, – перебивает собеседник. – Вы вот говорили про «революционный Петроград»... Нет его и не было. А хотите знать, что было? Извольте. Восстали лучшие люди, живущие в столице, чтобы свергнуть самодержавие ради спасения России. К ним присоединились солдаты, – хорошие почвенные люди из провинции. Вот это и есть революционный центр России. А собственно Петроград – статья особая. 200 лет он был столицей самодержавных царей. 200 лет здесь накопились их приспешники, мародеры, опричники, шакалы. Им все равно – Иван ли Кронштадтский, Григорий ли Распутин, революция ли – лишь бы грабить. Этим вот уже третий месяц они и занимаются. Грабят государственную казну. Грабят городской сундук. Грабят всякими способами Россию... Одно слово – шакалы. И они – большинство, если не считать доброкачественного пришлого элемента, вроде тех же солдат. Создавайте самые лучшие, самые демократические планы, схемы, законы. Шакалы обращают их в свою пользу. Захватывают ответственные места и первым долгом назначают себе оклады... И какие оклады... 6000 руб. теперь пустяки, плевки... Посмотрите новые штаты городского отдела по топливу. 18 тыс., 15 тыс., 12 тыс., 9 тыс... Посадили на ответственное место бывшего рабочего с лесопилки. Неграмотный. Своей фамилии подписать не умеет. А жалованья себе он требует 12 тысяч... Вот вам...

– Позвольте... Вы все о шакалах... Ведь есть же рабочие, есть солдаты...

– Гм... Рабочие... Знаете, – бывали случаи... Пролезет шакал на теплое место. Назначит себе оклад. Доходит это до сведения рабочих. Поднимается возмущение: «на тачку», «вон», «долой»... Но шакала не смутишь... «Товарищи, вам это кажется странным, потому что до сих пор буржуи пили нашу кровь. Не одному мне должно идти генеральское жалованье. Требуйте и вы себе генеральских окладов». И это не на ветер говорится, не облыжно. Загребастав себе куш из казенного или общественного сундука, шакалы кричат направо и налево: «Берите, товарищи, смело берите, не стесняйтесь, больше берите, а работайте поменьше, не давайте буржуйам жилы из вас вытягивать». Вот таким манером и довели оклады трамвайных кондукторов почти до 350 руб. в месяц, не считая прибавок за выслугу, пособий на обучение детей и бесплатную врачебную помощь. Идет сплошной подкуп масс подачками, надбавками и поблажками. Посмотрите, что делается с городским управлением. Никакой муниципальной программы не может быть. Забыто даже народное образование. 80-ти миллионного городского бюджета не хватило на новые оклады. Прибавками и подачками расходная смета уже поднята до 172 миллионов. Таких денег у города нет. А каждый день приносит новые подачки, новые надбавки... И не в одну рабочую среду пускается разврат... Вы о солдатах упомянули... Они поднялись, чтобы ради спасения родины свергнуть самодержавие. Потом их кто-то испугал криком: «Товарищи, свобода погибнет, если вы уйдете на фронт». Они искусственно задержаны здесь. И получилось психологически тягостное состояние. Живи в чужом месте, вдали от семей, без определенной надобности. Выход как будто найден. Наиболее патриотические люди добровольно отправляются на фронт. Но это лишь значит, что происходит отбор: наименее патриотически настроенные люди остаются, и их процентное отношение к общей массе растет. А для них, желающих отсидеться в тылу и не попасть на фронт, самый приятный разговор: «Товарищи, требуйте немедленного мира, долой войну, воевать желают только буржуи»... Шакалы, когда это выгодно, умеют кричать: «Гром победы, раздавайся!»... Но они умеют и ментально менять пластинки на своем граммофоне. Это – та же подачка, тот же разврат, тот же метод организации сил для разгрома отечества... Что? Вы говорите об идейном пацифизме? Знаете, – в Германии есть очень идейные патриоты-социалисты. Идейность и социализм несколько не мешают им быть лишь орудием замыслов Вильгельма. Наши идейные пацифисты льют воду на мельницу шакалов. В Германии это делается, быть может, поневоле, а у нас более по глупости. В том только и разнища.

...Присматриваюсь, прислушиваюсь к этим и подобным отзывам петроградцев. И невольно припоминаются давние тяжелые мысли об одной черте в характере наших борцов за свободу. Воистину борцы, воистину герои. Даже в тюремных склепах, во мраке подземелий они умели гордо бороться с властью имущими угнетателями. Но оказывались беспомощными и растерянными при столкновениях с обыкновенными тюремными Иванами. Когда-то я много думал об этом противоречии. И, повторяю, невеселые были мысли. А теперь

жизнь заставляет вернуться к ним. Нет угнетателей. Свергнуты угнетатели. Но на сцену вышла порода, близкая к тюремным Иванам. И хорошие идейные люди не умеют дать отпор. Тревожно, но бессильно смотрят, как Иваны овладевают положением, как ширится разврат и ползет из Питера по России.

Русские ведомости. 1917, 23 мая. № 114.

Веселовский Б.Б.

ГЛАВНЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

19–20-го мая в Петрограде состоялись первые заседания Главного земельного комитета под председательством А.С. Посникова. Пока в состав комитета вошли с представителями ведомств 60 членов, распределившихся по партиям приблизительно следующим образом: с.-р. – 6, народных социалистов и трудовиков – 14, с.-д. – 5, конституционных демократов – 17, прогрессистов – 4, октябристов и правее – 14, – всего – 60.

Предстоит избрание 25-ти представителей местных земельных комитетов. Эти первые заседания при неполном еще составе нельзя сказать, чтобы подвинули значительно дело вперед. Едва половина программы была пройдена. Чувствовалась недостаток предварительной работы и, главное, неуверенность в курсе. Рабочий аппарат комитета сформировался еще до коалиционного министерства. Теперь, вероятно, предвидится некоторая перестановка. В сущности, единственной речью большого государственного масштаба была речь председателя комитета Посникова, поставившего во весь рост во всей ее сложности проблему разрешения аграрного вопроса. Выступавший несколько раз министр земледелия Чернов горячо говорил о предстоящем «правотворчестве» в области аграрных отношений, дал энергичную отповедь большевикам, призывавшим к немедленному «организованному (?) захвату» земель, но в конце концов так-таки осталось невыясненным и даже невыявленным, какова, собственно, программа министра, разделяет ли он взгляд Посникова о невозможности безвозмездной конфискации земель.

В докладе А.Г. Хрущева, набросавшего картину аграрных осложнений в различных губерниях, причем с наглядностью, было показано, что Юг и Малороссия почти не затронуты движением, перед членами комитета промелькнули некоторые поучительные цифры, но внимания на себе не оставили. Чувствовалось даже стремление как бы отмахнуться от них. А цифры очень говорящие за себя. До сих пор затронуто землеустройством свыше 35-ти миллионов десятин и более 4-х миллионов домохозяев, т. е. около 40 %. Из указанных удобных земель раскуплено частными собственниками 70 %. Мероприятия Столыпина одними (большинством) трактовались как величина, с которой едва ли стоит серьезно считаться при решении аграрного вопроса (Н.П. Огановский полагал даже, что «значительная часть реформы Столыпина прошла на бумаге»); другие, наоборот, полагают, что именно тут

кроется осложнение, что мы стоим накануне столкновения двух групп – общинников и мелких землевладельцев. В сравнении с этим борьба против помещиков отодвинется на второй план (Н.П. Макаров). И действительно, в ряде губерний подобные факты уже были. Одним из существенных дефектов первых заседаний являются, если можно так сказать, предвзятость, книжность в самом подходе к разрешению аграрных вопросов. Особенно это сказалось, когда речь зашла по докладу Л.Н. Литошенко о производстве анкеты о настроении крестьян различных областей. С.-р.-ское направление, которое к концу получило сильное преобладание, решительно возражало против этого: зачем анкета, ведь крестьянство везде и всюду желает одного – общего решения аграрного вопроса. Так ли это, покажет, конечно, жизнь. Подобное же отношение встретило заявление Н.П. Макарова, указывавшего, что масса крестьянства далеко не всегда смотрит на решение земельного вопроса так же, как руководители крестьянского съезда. Столкновение произошло вокруг того, указывать ли в декларации, что в с е земли должны перейти к трудящимся, или не предрешать характера реформы. Точно так же много споров вызвало предложение М.Е. Березина и Н.Я. Быховского немедленно прокламировать о переходе всех земель к государству. По заявлению Чернова и других, это предложение было отклонено, так как с должной компетенцией его может решить лишь Учредительное собрание. Но в вопросе о переходе к трудящимся в с е х земель эта мысль об Учредительном собрании во внимание принята не была. Чрезвычайно содержательную речь произнес председатель Прогрессивного блока Государственной думы С.И. Шидловский, указавший, что главная трудность не в отобрании земель, а в их распределении по трудовому началу. Тут ожидаются еще многие трудности и разочарования.

Комитет постановил о необходимости скорее организовать местные земельные комитеты, которые должны немедленно приняться за урегулирование земельных осложнений и за предотвращение развития анархических захватов. Опасность такого самовольного захвата для разрешения земельного вопроса была признана всеми единодушно, кроме одного большевика.

В заключение был образован для определения ближайшего направления работ Совет, в составе 13-ти выборных и 6-ти членов по должности. Из этих 19 лиц – 12 народников, 2 с.-д., 2 к.-д. и 3 правее к.-д. Таким образом, состав Совета оказался иным, чем состав самого комитета. Центр переместился в сторону с.-р., и вообще народническим партиям в нем принадлежит теперь большинство.

С нетерпением надо ожидать работы местных земельных комитетов, которые, надо думать, помогут скорее ввести огромную земельную проблему в конкретные жизненные рамки.

Проф. Кулишер И.М.

БУДУЩНОСТЬ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

I.

Что будет с нашей промышленностью? Какая судьба ее ожидает?

Такой вопрос в настоящее время у всех на устах, такая мысль волнует всех, кому дорога будущность русской промышленности и русского рабочего класса. Повторяем, и рабочего класса, так как то и другое тесно связано. Конечно, обогащение владельцев фабрик и заводов еще вовсе не влечет за собой благоприятного положения их рабочих. Но речь тут не о промышленниках, а о промышленности. А без успешного развития ее ни о каком материальном и духовном подъеме рабочего класса не может быть и речи. Для того чтобы миллионы попали в руки пролетариата, нужно, чтобы они прежде всего поступили в кассы фабрик и заводов, чтобы они были уплачены за изготовленные предприятиями товары. А затем уже наступает вторая задача – устроить таким образом, чтобы они из этих касс перешли не в карманы фабрикантов, а в руки рабочих, были записаны не на текущие счета первых, а на сберегательные книжки вторых.

Но если этих сумм вообще не окажется, если они совсем не поступят, тогда они, очевидно, никому не достанутся. Иначе говоря, промышленный кризис не может обогатить ни предпринимателей, ни рабочих. А именно такой кризис угрожает русской промышленности.

Того, что называется расцветом, процветанием, такого состояния русская промышленность никогда не знала. Дитя усиленного протекционизма, вскормленное казенными заказами, наша промышленность развивалась в этой искусственной атмосфере, но не успела еще выйти на широкую арену мирового рынка, на путь свободной конкуренции, борьбы из-за рынков. Благодаря высокому уровню прибыли ей удалось привлечь иностранные капиталы, в особенности бельгийские и французские, при помощи их создать европейски организованную и оборудованную металлургическую промышленность Юга, покрыть в течение [18]90-х годов фабричными трубами обширный район, имевший еще недавно чисто-аграрный характер. В центральных губерниях постепенно создавалась самостоятельная текстильная индустрия, которая в последнее время удовлетворяла почти целиком потребность русского населения в простых бумажных тканях, тогда как иностранный привоз сводился к тонким сортам пряжи и изделий из нее.

Таким образом, постепенно русская промышленность достигла совершенноголетия, могла освободиться от тех помочей, на которых ходила, могла вступить в борьбу с иностранной конкуренцией. Об этом признании ее зрелости, о снятии с нее опеки много подумывали в последние годы, прикидывали, в какой форме и последовательности это могло бы совершиться. Но не успели. Уже гремели пушки Вильгельма, уже немецкие каски блестели на русской территории. Пришлось отложить проект до другого, мирного времени.

Промышленность очутилась в еще более искусственной атмосфере, чем она была раньше. Мировой рынок исчез, вся страна стала походить как бы на осажденную крепость, ни привозить в которую извне, ни вывозить из которой ничего невозможно. Появились всякие «центры», «особые совещания», комитеты по распределению сырья и т. д. Инициативе промышленника не было места; он получал заказы от казны, казна снабжала его определенным количеством топлива и материала, тем количеством, которое при разверстке приходилось на его долю; он изготовлял положенное количество продукта, сбывал его по установленной цене. Регламентация давно минувших эпох с ее таксами, указанием того, что можно и должно производить и какими способами, возродилась вновь.

Вернулись и к прежним эпохам в области техники, технического оборудования фабрик и заводов. На «кладбищах» у старьевщиков стали приобретать старые, выброшенные ввиду несоответствия новым требованиям машины, извлекать из лома негодные, неоконченные двигатели. Словом, техника шла назад гигантскими шагами. А одновременно с этим сокращалось число технически образованных руководителей предприятий и опытных практиков, управляющих, механиков, мастеров.

Ясно стало, что дело так продолжаться не может. Нельзя поглощать одни лишь накопленные запасы, не создавая ничего нового, и запасы должны в конце концов иссякнуть. И тем более усиливалось желание нанести окончательный удар жадному врагу, очистить Россию от немцев и вернуться снова к мирной жизни, вступить действительно на путь успешного промышленного развития, не стесняемого никаким германским засилием, никакими оказавшимися столь выгодными для немцев, торговыми договорами.

Казалось, мечта эта вот-вот осуществится. Грянувшая революция и наступившая свобода устраняла последние сомнения, освобождала промышленность от той опеки, которою она была опутана сверху донизу при старом режиме. Учредить акционерное предприятие без особого дозволения нельзя было; полицию необходимо было содержать на счете предприятий, выдавая всем, от старшего до последнего городского, узаконенные обычаем поборы; на каждом шагу тем или иным действием можно было навлечь на себя подозрение в недостаточной благонадежности и подвергнуться преследованиям со стороны власти имущих.

Теперь все это исчезло, горизонт прояснился. Для русской промышленности настал, казалось бы, давно желанный час. Но и на этот раз мечтам ее, по-видимому, не суждено осуществиться, по крайней мере сильные сомнения закрадываются в душу, вызывают пессимизм.

Утро России. 1917, 23 мая. № 126.

II.

Не успели отзвучать первые радостные крики «да здравствует свобода, да здравствует демократическая республика», как поднялась какая-то новая смутная сила и двинулась волною на русскую промышленность, грозя ее за-

топить и уничтожить, зародились какие-то новые элементы, которые как будто поставили себе целью задушить промышленность, задавить ее, не оставить следа от нее. Работа их пошла быстро и успешно.

То тут, то там стали удалять инженеров и техников, руководивших в течение многих лет предприятиями, сумевших поставить заводы на прочную ногу; стали заменять их простыми мастерами, без профессиональной подготовки, подобно тому, как в какой-то больнице на место опытного и сведущего врача посадили полуграмотного фельдшера. Или попросту решили, что в инженерах нет надобности, можно обойтись без них. Как будто оркестр может существовать без дирижера, который своей палочкой, своими властными движениями руки только и в состоянии создать гармонию звуков, заставить отдельных музыкантов действовать дружно, идти в ногу. Без дирижера получается одна какофония, нет единства действий – кто в лес, кто по дрова. А инженер на заводе и есть тот дирижер, в котором так нуждаются отдельные музыканты-рабочие. Отсутствие его уже сказывается в их игре, в расстройстве работы на заводах.

Топливо – пища промышленности, без него наступает промышленный голод – но и тут темные силы действуют; Донецкий район сокращает производство каменного угля, а он единственный источник минерального топлива, домбровские рудники в руках немцев, подвоз английского угля, прибывающего в большом количестве чрез балтийские порты, давно прекратился. А ведь это грозит остановкой всего; нет угля – нельзя топить ни паровозов, ни доменных печей, ни двигателей на фабриках.

Наконец, промышленность грозит сокрушить и новые требования, предъявляемые к предприятиям. Не то чтобы всякие требования об увеличении заработной платы были неосновательны. Нет, напротив, плата должна быть такова, чтобы рабочий не влачил жалкого существования, чтобы он мог вести жизнь культурного человека. Государству нужны граждане, а не полуголодные орудия производства. Но и промышленность только выигрывает от того, что ее рабочие хорошо питаются, живут в приличных помещениях, у голодного, не выспавшегося рабочего, и дело идет плохо, вяло, медленно.

Но есть требования, и требования. В одних случаях рабочие настаивали на 8-часовом рабочем дне и особом вознаграждении за сверхурочные часы в военное время, на увеличении заработка до такого уровня, при котором рабочий в состоянии существовать при современной чрезвычайной дороговизне. Сплошь и рядом это обозначало, что дополнительное вознаграждение поглотит всю прибыль предприятия за текущий год. Но предприниматели на это готовы идти, они понимают, что иначе невозможно, они согласны отказаться от своей прибыли.

В других случаях требования имеют иной характер. На первый взгляд, они ничем не отличаются от предыдущих, тоже сводятся к тому, чтобы гарантировать рабочему необходимый для жизни минимум заработной платы. Однако сходство между ними только кажущееся, внешнее. На самом деле исходная точка во втором случае совершенно иная. Цель состоит не в создании сносного материального положения для рабочих, считаясь с условиями дорого-

визны, а в чем-то ином. Нужно забрать у предпринимателя всю прибыль, и не только прибыль, но пойти еще дальше и заставить его отдать сверх того и часть капитала. Так что здесь лозунг – «Долой прибыль» и «Конфискация части капитала». То, что получится этим путем, распределяется между рабочими, совершенно независимо от того, насколько действительно велика нужда их в повышении заработка и насколько предприятие в состоянии выдержать такую кровопускательную операцию.

С последним не только не считаются, а напротив, как бы стараются нанести предприятию возможно больший ущерб. Какой же в этом расчет, какая польза рабочим от этого?

Утверждают, что чем более несуразны и чудовищны требования, тем скорее предприятия перейдут в руки самих рабочих, наступит царство социализма. Но ведь если предприятие даст нынешнему владельцу убыток, то убыток получится и при управлении, состоящем из рабочих, и притом еще гораздо больший, так как опытные люди будут заменены лицами, в этой области ничего не смыслящими. Можно быть хорошим мастером, механиком или монтером на заводе – но для ведения предприятия этого еще мало. Дело может кончиться убытками, при которых рабочие, взявшие его в свое управление, окажутся в худшем материальном положении, чем они были еще несколько месяцев тому назад, до того, как началось повышение заработной платы.

Есть и другое объяснение. Владельцы предприятий в течение трех лет войны нажили столько, что могут подлиться с рабочими. Недостаточно отнять у них полностью прибыль нынешнего года, надо еще захватить и часть прибылей прошлых лет. Что в последние годы прибыли достигали головокружительных размеров, мародерские цены давали в руки промышленников огромные богатства, и война, лишавшая одних кормильцев и разорявшая семьи, в то же время создавала чуть ли не ежедневно новых миллионеров – всего этого отрицать нельзя, «пир во время чумы» шел вовсю.

Вина за это падает в значительной мере на прежнее правительство. Оно не сумело ни своевременно приостановить расточительность и продажу предметов роскоши, ни ввести тех налогов, которые передали бы государству значительную часть нажитых войною богатств. Не сумело в особенности регулировать цены на казенные заказы так, чтобы получилась нормальная, а не безумная прибыль. Злоупотреблений было много, и они-то и дали возможность промышленникам определять цены по своему усмотрению – те, кому ведать надлежало, смотрели на их операции сквозь пальцы.

К сожалению, однако, далеко не все ошибки и злоупотребления прежнего режима возможно теперь исправить. Подоходный налог отчасти может захватить в пользу казны вырученную в прошлом году прибыль, но и то лишь отчасти. Рабочим же воспользоваться ею нет никакой возможности. Для них доходы предприятий за прошлый год безвозвратно пропали. Конечно, они могут требовать выдачи сверх всей прибыли текущего года еще дополнительной суммы. Но только это не будет прибыль предприятия за прошлый год; это будет попросту часть его капитала. Огромное большинство предприятий

имеет акционерную форму, дивиденд распределен между акционерами и установить, кто его получил, нет никакой возможности в настоящее время.

Возьмите находящуюся у вас в кармане 5-рублевую бумажку и попытайтесь выяснить, кому она принадлежала неделю тому назад, месяц тому назад и т. д. Она, быть может, в течение одного дня переменила дюжину владельцев. То же самое с акцией. Имя владельца на ней не обозначено, и из того, что сегодня она принадлежит данному лицу, еще вовсе не следует, что и в прошлом году то же лицо получило по ней дивиденд. Это будет лишь случайное совпадение. Когда же биржа открыта, одна и та же акция делает, быть может, не меньшее число оборотов в течение краткого срока, чем кредитный билет.

Так что настигнуть тех, кто в прошлом году получил огромную прибыль, невозможно, они за пределами досягаемости. Но зато вполне возможно отнять у предприятия часть его капитала и тем самым довести его до несостоятельности, до разорения, до гибели, зарезать ту курицу, которая несет золотые яйца.

Но что значит гибель многочисленных предприятий, что значит не расширение, а сокращение промышленности, что значит промышленный кризис, охватывающий страну? Это тяжелый удар, прежде всего для самих рабочих, для всего рабочего класса, для всего рабочего движения. Что останется при таких условиях от только что добытого 8-часового рабочего дня, от повышенной заработной платы, от фабричных комитетов, от нарождающихся профессиональных союзов? Ведь все это пойдет прахом, будет погребено под развалинами погибающей промышленности.

Неужели мы к этому идем? Неужели такова будущность русской промышленности и русского рабочего класса? Не хочется верить; хочется надеяться, что новая свободная жизнь не принесет нам столь тяжких испытаний, что безумцы опомнятся, что черной силе будет противопоставлен здравый смысл русского народа.

Утро России, 1917, 25 мая. № 128.

Николаевский Б.И.

ДЕЛО МАЛИНОВСКОГО

Три года тому назад, в мае 1914 года, после бегства Малиновского, наша предшественница – «Наша Рабочая Газета» отметила всю загадочность этого дела и указала на необходимость расследования. Все помнят, какой град обвинений посыпался за это на голову смельчаков со стороны «Правды» и ее руководителей. «Гнусная клевета», «грязные клеветники» – были далеко не худшими выражениями, направленными по адресу «Н[ашей] Р[абочей] Г[азеты]» и двух из ее редакторов – тт. Ф. Дана и Л. Мартова.

Теперь мы знаем, что «грязные клеветники» были правы. Еще далеко не вполне известно публике дело Малиновского, еще многое и многое предстоит нам узнать. Но и то, что уже опубликовано (см. предыдущий № нашей газе-

ты), дает право утверждать, что действительность была во много раз хуже, чем могли тогда предполагать лица, убежденные в провокаторстве Малиновского.

Последний был не простым провокатором, ставившим своей задачей «проваливать» организации. Он, работавший вместе с самим Белецким, директ[ором] департам[ента] полиции, ставил своей задачей направлять тактику с[оциал]-д[емократ]ии в Думе и вне Думы так, как это было выгодно в тех или иных целях полиции Николая II. Мы не знаем точных размеров, мало знаем и о направлении этого влияния, но уже самый факт соучастия директора департ[амента] полиции в выработке линии поведения определенной части с[оциал]-д[емократ]ии способен вызвать у всех с[оциал]-д[емократов] жуткое чувство.

Оставить это дело необследованным – нельзя. Несомненно, следствие по делу Малиновского, как и других провокаторов, будет вестись чрезвычайной следственной комиссией. Но этого мало. Необходимо обследование этого дела и со стороны социалистических партий.

Когда открылась провокация Азефа, партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] учредила особую следственную комиссию, результаты работ которой были опубликованы. Дело Малиновского крупнее дела Азефа. Поэтому обследование еще более необходимо. Препятствий для обследования теперь меньше, чем в те дни, так как соображений о конспиративности нет. Обследование – самое широкое, с привлечением к нему представителей всех течений социализма – неотложнейшая задача дня. Только оно сможет рассеять тот кошмар, который окутывает теперь это дело! И в первую очередь необходимо опубликование данных того расследования, которое руководящее учреждение большевиков произвело в 1914 г. Такое расследование было. В резолюции этого учреждения, напечатанной в № 3 «Трудовая Правда», было заявлено: «Руководящее учреждение, исполняя свою обязанность, рассмотрело вопрос о распространившихся слухах, при помощи которых бросали тень на политич[ескую] репутацию Малиновского. Расследование это обнаружило, что нет никаких решительно данных для возбуждения расследования о Малиновском по подозрению его в политической нечестности. *Руков[одящее] учрежд[ение] безусловно убеждено в политической честности Малиновского.*»

Это заявление звучит весьма категорично. Рабочие имеют теперь право знать, на чем оно было основано. Необходимо опубликовать те данные, которые дали право «руков[одящему] учрежд[ению]» сделать свой вывод. Тем более что это опубликование было обещано самим этим «руководящим учреждением» большевиков (см. № 15 «Труд[овой] Правды»): «Немного времени терпения требуется теперь, чтобы дожидаться опубликования во всеобщее сведение всех существенных данных и окончательного разоблачения бесчестных клеветников».

Мы полагаем, что теперь это время пришло. Мы хотим выяснить дело Малиновского во всей полноте, и поэтому, в первую очередь, *требуем опубликования данных расследования ленинского центра.*

После нескольких дней молчания «Правда» отзывается на поставленный нами вопрос о возобновлении дела Малиновского. Как водится в этой газете, по существу на наше требование она не отвечает.

Она говорит о «перепечатывании подробностей из желтой прессы», о том, что и у меньшевиков были провокаторы, о «нечестных приемах», о «неприличном использовании провокации» и т. п. (как вам, читатель, нравятся слова честности в устах «Правды?»), но ни слова не говорит на наш, ребром поставленный вопрос: *согласны ли большевики начать расследование дела Малиновского в беспристрастной, составленной из представителей всех социалистических организаций следственной комиссии, заседания которой должны быть гласными, чтобы все тайное стадо явным?*

В ответ на это мы должны, прежде всего, указать, что «Правда», как водится, не права, говоря о перепечатывании нами сведений из желтой прессы. *Перепечатанные нами данные являются одной из глав официального документа Верховн[ой] Следств[енной] Комиссии, каждое их положение может быть документально подтверждено.* Если «Рус[ское] Слово» первое раздобыло их, существо дела от этого не меняется.

Далее, вполне, конечно, правильно указание, что и у меньшевиков были свои провокаторы. (Между прочим, надо заметить, что «Кацапа» в меньшевики «Правда» зачисляет облыжно. Он был единственным большевиком, участвовавшим в августовской конференции.) Но совершенно неправильно заявление, что Абросимов играл у нас «приблизительно такую же роль», как Малиновский у большевиков.

Спорить по этому поводу мы сейчас не станем. О роли Малиновского мы поговорим на суде, и если угодно «Правде», мы предлагаем *расширить круг деятельности будущей следственной комиссии, включив в него не только Малиновского и др. провокаторов большевиков, но и Абросимова, и вообще всех, кого «Правда» захочет из числа провокаторов из меньшевистского лагеря.* Это будет даже лучше: из сопоставления их деятельности мы узнаем, какова была роль провокации в жизни РСДРП вообще. Думается, что *тут мы найдем много интересного.*

«Правда» говорит о пикантных подробностях, которые преподносит буржуазная печать в связи с провокацией. Да, это так. В этой прессе много грязи и злорадства. Она совершенно забывает, что и в рядах буржуазных партий провокация была сильна. Но именно для того, чтобы лишить ее права злорадствовать и клеветать, и необходимо расследование. Именно для того, чтобы нам не приходилось краснеть за с[оциал]-д[емократи]ю, читая «Речь» или «Волю», нам и необходимо, узнать, что действительно было, и гласно *всем об этом рассказать.*

«Правда», защищаясь, поминает, между прочим, Бебеля и Зингера, рассказывавших, как много провокаторов попадало в их нелегальные организации. Да, это так. Но сказанное «Правдой» к делу не относится: *разве можем мы представить себе Бебеля и Зингера, уклоняющимися от гласного, полного и бес-*

пристрастного суда над этими провокаторами? Конечно, это допущение абсурдно, и мы хотим верить, что и «Правда» с Лениным не откажется от предлагаемого им расследования.

В деле Малиновского много темного и загадочного. Нужен свет. Свет дать может только беспристрастное, гласное и полное расследование.

Такого расследования требуем мы, и мы его добьемся, чего бы это ни стоило.

Рабочая газета. 1917, 28 мая. № 67.

Кизеветтер А.А.

ХОЗЯИН РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Известие о начале работ по составлению Положения о выборах в Учредительное собрание должно быть встречено с чувством большого удовлетворения истинными друзьями свободы. Наблюдая за тем, что совершается теперь у нас в различных областях жизни, нельзя не отметить одной характерной черты. Чуть ли не каждое требование, выставляемое той или иной организацией по части переустройства какой-либо стороны нашей жизни, непременно сопровождается сакраментальным: «немедленно». Верит человек или не верит в возможность немедленного осуществления своего требования, но без этого словечка он все равно ни одного требования из уст не выпустит. Живое помню, как в 1905 г. на одном митинге некий не особенно грамотный, но наделенный достаточным темпераментом гражданин заявил с большим пафосом: «Я, как фактический гражданин, хочу быть господином своего произвола». Часто вспоминается мне теперь этот крылатый афоризм. Посмотрите кругом: все эти «немедленно требующие» и иначе, как ультиматумами, ни с кем не разговаривающие, ведь все это – именно люди, желающие быть «господами своего произвола» и не умеющие представить себе свободы иначе, как в форме произвола, – разумеется, своего *собственного* произвола. Каждое такое требование подкрепляется ссылкой на волю народа, но при этом считается уже не подлежащим никакому сомнению и не требующим никаких доказательств то положение, что требующий является единственно подлинным и точным выразителем этой воли народа. Поскоблите хоть немного любого из таких предъявителей безотлагательных свободолюбивых ультиматумов и перед вами окажется своего рода маленький Людовик XIV: «народ, это – я», – вот что говорит каждый из них всем своим существом, «народ, это – я», и потому именно моя воля и должна быть признана без рассуждений за волю всего народа.

На почве этой психологии и укрепилось явление, в самых разнообразных формах обнаруживающееся сейчас во всех областях жизни. Всюду каждая *часть* ставит себя на место *целого*, в полной уверенности, что в таких подстановках и заключается то, что именуется свободой. Класс провозглашается выше нации, отдельная корпорация – выше всего общественного союза, какой-

нибудь Шлиссельбург или Кронштадт – выше общерусского революционного правительства и так далее, и так далее. И вот, в водовороте всех этих классовых, областных и всяких иных сепаратизмом забывается безделица: грядущее всенародное Учредительное собрание, как орган уже не отдельных частей, а всей совокупности свободно самоопределяющегося государственного целого.

Десятилетиями русская революционная мысль жила той основной идеей, что по свержении деспотизма истинным хозяином русской земли, который должен будет ее устроить на новых началах, явится свободно избранное всенародное Учредительное собрание. От времен Пестеля и вплоть до 1-го марта 1917 г. это была основная заповедь русской революционной традиции.

И вот, лишь только из области революционных грез Учредительное собрание перешло в область конкретной действительности, лишь только подошел момент именно этой инстанции вручить разрешение основных вопросов, все заспешили наперерыв заранее ультимативно выставить и закрепить свои собственные частные решения этих вопросов. Более века мы призывали в мечтах пришествие учредительного собрания как истинного хозяина земли русской; но вот этот хозяин приходит, и все спешат предупредить его приход тем, чтобы самим предварительно по-хозяйски рассестись на хозяйском месте. Безотлагательные ультиматумы сыплются отовсюду как из рога изобилия, и всего реже вспоминают при этом о том, что ставить ультиматумы учредительному собранию может лишь тот, кто сознательно или бессознательно отрицает идею общенародной революции.

Мне уже приходилось высказываться на этих столбцах против узурпаторских по отношению к Учредительному собранию поползновений. По этому поводу я получил от читательницы письмо, из которого явствует, что такие поползновения не только существуют фактически, но и возводятся в принцип.

Автор письма, сделав мне честь признанием за мной красноречия и знаний, утверждает, что все это мне изменяет, лишь только я начинаю доказывать, что от имени всего народа может говорить лишь свободно избранное Учредительное собрание.

«Вам когда-то говорили, – пишет автор письма, – крамольник Кизеветтер, таких, как вы, кучка, вы не смеее говорить от имени всего народа, народ вообще не желает ни конституционной монархии, ни ответственного министерства, он даже в большинстве своем не понимает, что это такое... но вам было ясно, что желательные для вас государственные формы необходимы народу, что они в его интересах, и этого сознания было достаточно, чтобы предъявленное вам обвинение теряло смысл и вы еще сильнее чувствовали свою правоту. Теперь вы, в свою очередь, обвиняете в самозванстве и самообольщении советы солдатских и рабочих депутатов, различные комитеты и партии... и впадаете в противоречие с собственными лозунгами».

Думается, что отсутствие этого мнимого противоречия доказать не трудно. Требование установления свободных форм государственной жизни и было не чем иным, как требованием предоставить народу возможность самому устанавливать свою волю при помощи правомочного общенародного органа. И от-

сюда с полной логичностью вытекает, что, когда такой орган, наконец, создается, никто не должен самочинно ставить свою частную группу на его место.

Конечно, каждая частная группа может и должна влиять со своей точки зрения на формирование общенародного волеизъявления Учредительного собрания, который и должен явиться равнодействующим итогом всех частных волей и стремлений. Но распорядиться по-хозяйски жизнью страны может только истинный хозяин ее – Учредительное собрание, разумеется, избранное всем народом, свободно, без всякого искусственного заглушения какого-либо течения народной мысли.

Идея Учредительного собрания есть идея о том, что мы переживаем не совокупность единовременных, но взаимно противоположных революций, а единую всенародную революцию; что к новой свободной жизни возрождается не механическое сцепление отдельных, взаимно отчужденных мирков, а великая страна великого народа, живой, целостный организм, которому после кризиса предстоит пора цветения внутренних сил; что над Шлиссельбургами, Кронштадтами и всевозможными советами всевозможных профессиональных депутатов возвышается – Россия.

Русские ведомости. 1917, 28 мая. № 119.

Трубецкой Е.Н.

О ХРИСТИАНСКОМ ОТНОШЕНИИ К СОВРЕМЕННЫМ СОБЫТИЯМ¹

Вступая на кафедру, я испытываю понятное смущение. Слово, сказанное здесь, в религиозно-философском обществе, должно быть не голосом политической страсти, не выражением какого-либо партийного мнения, а прежде всего и больше всего судом религиозной совести.

Готовы ли мы к этому суду, столь ответственному? Найдем ли мы в себе ту ясность ума и ту легкость духа, которые необходимы для того, чтобы подняться над уносящим нас бурным потоком событий? Но жизнь не ждет и не дает нам отсрочки, – не допускает никакой остановки для совестного суда. Совесть наша должна быть всегда готова судить – о том, что делается кругом, и о том, что сами мы должны делать. От нас требуется не воздержание от суда, а та осмотрительность и осторожность в суждениях, которые диктуются нашим благоговением к святыне.

Есть нечто несомненное, бесспорное, что должно лечь в основу совестного суда, и этим облегчается наша задача. Мы присутствуем при полной переоценке всех политических ценностей: старые ценности рушатся, а новые воз-

¹ Речь, сказанная на заседании религиозно-философского общества 15 апреля 1917 года. – *Примеч. ред.*

никают из развалин. Но для суждения об этих меняющихся ценностях есть у нас точка опоры в той вечной действительности, которая не возникает и не уничтожается.

По свойственной человеку слабости это вечное иногда смешивается с временным. Тогда возникают те идолы, которые заслоняют от нас подлинную святыню. Когда идолы эти рушатся, в их крушении совершается то откровение праведного Божьего суда, которое освобождает человеческие души от тяжкого плена.

Такое откровение совершилось и в современных нам событиях. Отчего рухнуло царское самодержавие в России? Оттого, что оно *стало идолом* для русского самодержца. Он поставил свою власть выше церкви, в этом было и самопревознесение и тяжкое оскорбление святыни. Он безгранично верил в субъективное откровение, сообщаемое ему, помазаннику Божию, или непосредственно или через посланных ему Богом людей, слепо верил в себя, как орудие Провидения. И оттого он оставался слеп и глух к тому, что все видели и слышали. Отсюда эта армия темных сил, погубившая его престол и вся та мерзость хлыстовщины, которая вторглась в церковь и государство. Повреждение первоисточника духовной жизни, – вот основная причина этого падения.

В крушении старого порядка, которое было этим вызвано, выразился суд Божий не над личностью несчастного царя, а над тем кумиром, которому он поклонялся.

Кумир этот – не им создан: церковь издавна находилась в плену у самодержавия. Цезарепапизм – изначальный грех нашего церковно-государственного строя. Мы привыкли к этому рабству. Отсюда сложившаяся веками привычка связывать православие с самодержавием, представлять его членом триединой формулы – «православие, самодержавие и народность» – формулы *кошунственной*, ибо она ставит вечное и временное на одну доску. Отсюда и ходячая клевета противников нашей церкви: будто для нее самодержавие в некотором роде – догмат веры, без которого и самое православие существовать не может.

Клевета эта распространяется и держится единственно благодаря нашему удивительному невежеству, в особенности благодаря незнанию нашей отечественной истории. На самом деле православие в древней России не только совмещалось с республиканским бытом северно-русских народов – Новгорода и Пскова, – более того, именно на этой республиканской почве осуществилось одно из величайших культурных достижений.

Не случайно то, что именно великий Новгород стал «русской Флоренцией». Именно там наше великое религиозное искусство нашло нужную для него атмосферу духовной свободы. Духовная свобода великого религиозного и художественного замысла для этого искусства – самое характерное. Надо всем этим творчеством поставлена одна центральная мысль – идея нерукотворенного, мирообъемлющего храма, который должен наполнить собою все – земное и небесное. Весь мир должен войти в этот храм и в нем преобразиться – человек и низшая тварь – святители, цари земные и их народы. И ничего на

свете, кроме царя Небесного, нет и а д этим храмом. Никаким силам мира он не подчиняется и не служит.

Новгородский иконописец именно тем и велик, что только силам небесным служит его творчество. В XVI веке, когда, после крушения новгородского народоправства, центром иконописи вместо Новгорода становится Москва, религиозное искусство попадает в атмосферу царского двора и тем самым извращается. Икона становится украшением царских палат. И с этой минуты начинается падение великого искусства, ибо оно начинает служить целям посторонним как религии, так и красоте. Икона мало-помалу превращается в предмет роскоши, становится подобием ювелирного искусства. Возникают так называемые *царские, палатные* письма. Внимание иконописца устремляется уже не на религиозный замысел как такой, а на украшение одежды святых, на роскошь престола, на котором сидит Спаситель, и на другие тонкие, но несущественные подробности. Угасает искра Божия, и в конце концов живопись совершенно закрывается золотом – икона становится темным пятном среди богатой золотой ризы. Она гибнет от того, что вместо сил небесных начинает служить силам земным.

В судьбе религиозного искусства сказывается судьба церкви, утратившей свою духовную свободу и подчинившейся поставленному над ней кумиру. Царская Русь поступила с церковью совершенно так же, как с иконой: *она заковала ее в золото*, закрыла фальшивым царственным блеском великий духовный замысел Божьего домостроительства. Церковь сама стала подобием потемневшего лика среди золотого оклада.

Духовное порабощение церкви тут зависит, разумеется, не от монархической формы правления *как такой*: оно обуславливается превращением светской монархической власти в кумир, возносящийся над церковью.

И вот теперь, когда, вследствие крушения этого кумира, мы ощутили нашу духовную свободу, мы должны прежде всего дорожить этой свободой. Мы не должны связывать нашей святыни ни с чем преходящим и, в частности, ни с какими политическими ценностями. Наша первая забота должна выражаться в словах апостола: «Дети, храните себя от идолов» (I Иоан., V, 23).

Наша первая обязанность – высказать, что с идолами, правыми или левыми, монархическими или республиканскими, наша вера не имеет ничего общего. И не только вера, в собственном смысле слова – все те религиозные упования, которые связываются для нас с мыслью о России. Идея «святой Руси» выражается в особенности тем образом нерукотворенного мирообъемлющего храма, которым вдохновлялись наши иконописцы. Никакие политические перевороты не могут ни одной йоты убавить от этой святыни и ни одного штриха к ней прибавить. Ни с какой формой правления она для нас не связывается и ни от какой политической величины она не зависит. Наше благоговение к этой религиозной идее побуждает нас, прежде всего, восстать против соблазна религиозного политиканства.

Есть и другой соблазн, в настоящее время не менее для нас опасный, это – соблазн религиозного аполитицизма. Если религиозная мысль

должна возвышаться н а д п о л и т и к о й, это не значит, чтобы в такую ответственную и опасную для родины минуту она имела право уходить от политики. Говоря о религиозном аполитицизме, я разумею то направление, которое свысока смотрит на политическую борьбу и деятельность как на занятие, не то не подобающее христианскому чувству, не то уже превзойденное христианским сознанием.

Тут ошибка заключается в неправильном истолковании одной из глубочайших нравственных истин христианства. По сравнению с христианским идеалом всеобщего единомыслия и единства всех в любви, та область, где происходят политические споры, есть область низшая. Как же помирить этот идеал с деятельным участием в политической борьбе, которая немыслима иначе как при условии вступления христиан в различные и враждующие между собою политические партии? Вопрос этот решается различно, но на некоторых наших религиозных собраниях мне уже приходилось слышать мнение, что вступление в какие-либо политические партии для духовенства, безусловно, недозволительно.

Тут есть прежде всего очевидная непоследовательность: если вступление в политическую партию считается актом, противоречащим христианскому идеалу, то оно должно считаться недозволительным не только для духовенства, но и для мирян. Но кроме непоследовательности, в данном рассуждении есть и другая ошибка: она заключается в распространении требования единомыслия на ту область, где оно вовсе не обязательно.

Христианство требует от нас единомыслия относительно о с н о в н о й ц е л и жизни, а вовсе не относительно с р е д с т в и способов ее осуществления. Бог есть любовь, а потому любовь должна осуществляться во всех человеческих делах. Вот ц е л ь, в стремлении к которой мы должны быть единомысленны; но в вопросе о средствах, о способах осуществления этой цели не существует каких-либо общеобязательных рецептов. Тут открывается величайший простор индивидуальным мнениям.

Мы должны помочь нуждающемуся, в этом христиане должны быть согласны между собою. Но как и чем помочь, в этом вопросе могут быть разногласия, тут самое любящее отношение к ближнему совместимо с величайшими разногласиями. Один, положим, находит, что бедняку нужно оказать денежную помощь, другой думает, что полезнее для данного лица – дать ему возможность самому заработать хлеб; третий полагает, что тут нужен просто добрый совет или педагогическое воздействие, все эти способы осуществления любви могут быть спорны, но при этом – каждое из спорящих мнений может диктоваться искренним человеколюбием.

Тем более спорным является вопрос христианской политики – как помочь народным массам. С христианской точки зрения бесспорно одно – я д о л ж е н л ю б и т ь м о й н а р о д; но каким способом я должен осуществлять эту любовь, – должен ли я ради нее требовать монархии или республики, обобществления земли или индивидуальной земельной собственности, – на это христианство никаких общих рецептов не дает. Тут все зависит от спорных

оценок условий места и времени, которые всецело предоставлены свободе индивидуальной совести. То же христианское откровение, которое ставит перед нами любовь как цель жизни и как безусловную заповедь, говорит нам о способах осуществления этой цели: «многообразен милования образ и широка заповедь сия».

Отсюда видно, что и спор о способах осуществления деятельной любви не нарушает обязательного для христиан единомыслия относительно цели и жизни. Мы можем сколько угодно спорить об этих средствах и, поскольку спор касается политики, делиться на партии и все-таки оставаться верными христианскому идеалу. Противен любви не этот спор, а скорее уход от политической борьбы в минуту крайней опасности для родины, и, в особенности, – для торжества правды в общественной жизни. В спокойные, тихие времена, «политика» может быть предоставлена профессиональным политикам; но в такие минуты, как нынешняя, должна действовать всеобщая политическая повинность, нравственно столь же обязательная, как и повинность воинская. Вы помните народную легенду о двух святых, Кассиане и Николае. Оба шли в рай в светлых ризах. Повстречался им по пути мужик, увязший в трясине с телегой. Кассиан прошел мимо, – пожалел свою светлую ризу. А Никола пожалел мужика, полез в грязь, ризу запачкал, но телегу с мужиком из трясины выворотил. Пришли в рай, отворил им св. Петр врата райские и рассудил их судом праведным. «Тебе Кассиан, за то, что пожалел ты светлую ризу, оставляется та риза незапачканною и назначается праздник раз в четыре года¹. А тебе, Никола, за то, что пожалел мужика, оставляется твоя риза запачканная, но назначается по четыре праздника в год».

Есть только один уход от общественной деятельности и политической борьбы, который оправдывается во всякое время, при всяких условиях, это – всецелый уход от мира, от его соблазнов и радостей, ибо такой уход, в свою очередь, может быть величайшим актом любви, той любви, которою мир спасается. Уход от мира святых отшельников и подвижников, которые высоко возносятся над землею в молитвенном подъеме и других за собою поднимают, есть высший подвиг любви, ибо в их жизни осуществляются слова Спасителя: «Когда вознесусь от вас на небо, всех привлеку к себе». Сидение Марии у ног Иисуса есть явление высшей духовной красоты. Но если, не имея духовной высоты Марии, человек уходит от любящих забот о своем народе, оправдывая свое бездействие нежеланием походить на Марфу, он этим обнаруживает холодность сердца, т. е. отсутствие того самого, что в человеке всего дороже. Тут вспоминается дорогой всем нам образ покойного В.С. Соловьева. Его религиозно-философское творчество было для него высшим наслаждением, но по долгу совести он посвятил много времени и сил на борьбу политическую и публицистическую. Он сравнивал это свое политическое служение с трудом послушника, выметающего сор из монастырской ограды. Как бы ни

¹ 29-го февраля. – *Примеч. автора.*

было нам тяжело заниматься политикою, бывают дни, когда любовь к родине делает такое послушание безусловно обязательным.

Сердце человека – высшее его сокровище, и именно это сокровище он должен отдавать своей родине. Остальное – второстепенно. Сказано: «Ищите прежде всего царствия Божия, а остальное приложится вам». Но царствие Божие выражается не в государственных учреждениях, не в политическом или социальном строе, а именно во внутренней красоте человеческого сердца и в его жертве. Когда эта жертва принесена, самый вопрос о политическом успехе или неуспехе становится второстепенным. Открылась духовная красота сердца, полного благодатью, царствие Божие явлено. А раз оно явлено, все остальное приложится к человеку и человечеству.

Как мы должны осуществлять требования деятельной любви по отношению к родине, об этом красноречивее всяких слов говорит один великий исторический образ.

Святой собиратель земли русской – преподобный Сергий – поставил среди основанной им обители собор св. Троицы, дабы, взирая на явленное в св. Троице единство в любви, люди побеждали в себе страх перед ненавистным разделением мира. Что может быть прекраснее этого духовного созерцания? Но в любви главное – не созерцание, а творческое д е л о.

В те дни, когда строился этот собор, родина была в опасности. И что же, св. Сергий в созерцании триединства почерпнул силу, чтобы явить деятельную любовь в мире. Он благословил на ратный подвиг Дмитрия Донского и послал ему в помощь двух иноков-витязей.

Прошли века, снова наступили для родины дни величайших испытаний и опасностей. В эти скорбные дни, всякий выступающий на брань и против нынешнего врага, и против внутренней разрухи да ощутит на себе благословение св. Сергия.

Пусть в эти дни громче всего раздается призыв лаврского колокола, который вешает миру:

«Больше сия любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя».

Русская свобода. 1917. № 5. С. 3–8.

КОММЕНТАРИИ

Гуревич И.Я. Мои предсказания на Новый год. Статья опубликована в журнале «Новый сатирик» (1917. № 1. 1 января. С. 2–3). Подпись И. Гуревич. Впервые опубликована в сб.: Яичница всмятку или несерьезно о серьезном. Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году / Сост. Ненароков А.П., Гайнуллина Р.М., Горный В.А., Ушаков А.И. Автор пред. док. ист. наук В.В. Журавлев. М., 1992. Публикуется по журнальному варианту.

К стр. 18. *«Пуришкевич возьмет барьер на правой и еще больше полевет»*. *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870–1920), один из создателей право-монархистских организаций – «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела». Депутат II, III и IV Государственных дум; один из лидеров крайне правых. В декабре 1916 с целью спасения монархии организовал (вместе с кн. Ф.Ф. Юсуповым и вел.кн. Дмитрием Павловичем) убийство Г.Е. Распутина. В тексте обращено внимание на противоречивость ситуации: чем решительнее Пуришкевич выступал с критикой существующей власти, тем очевиднее в этом смысле становилось его сходство с «левыми» политиками.

– *«Прогрессивный блок будет мечтать о новом кабинете и будет стучаться в двери старого»*. Прогрессивный блок – оппозиционное объединение, созданное 25 августа 1915 и включавшее в свой состав депутатов IV Государственной думы – членов фракций и групп: Конституционно-демократической, Прогрессистов, «Союза 17 октября», Земцев-октябристов, Центра, Прогрессивных националистов. (С блоком обычно голосовали Группа независимых и фракция Народной партии, Мусульманская фракция, Группа автономистов и Польское коло.) Главным пунктом программы блока являлось формирование «министерства общественного доверия», или «правительства национальной обороны», способного вести войну до победного конца. Смысл этого лозунга заключался в том, чтобы в правительство вошли общественные деятели из числа депутатов Государственной думы, представителей Земгора и Центрального военно-промышленного комитета, а также министры, пользовавшиеся доверием как императора, так и Государственной думы. Подобный настрой создавал предпосылки для взаимодействия блока с правительством.

– *«На Маркове 2-м появится пыль»*. *Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич* (1866–1945) активный деятель «Союза русского народа», председатель Совета объединенного дворянства (1906–1917). Депутат III и IV Государственных дум. В 1915–1916 активно участвовал в организации совещаний и съездов монархистов, стремясь обеспечить поддержку правительству со стороны общественного мнения; рассматривался в качестве одного из главных руководителей Консервативного блока. Перед выборами в V Думу, наметавшимися в 1917, предлагал изменить избирательный закон и проводить выборы по сослови-ям. Гуревич в метафоричной форме подчеркивает незыблемость политической позиции Маркова 2-го.

– *«Немецкие бюргеры получают химический хлеб, и будут кричать “Hoch!”*» Имеется в виду ухудшение качества хлеба за счет химических добавок. *«Hoch!»* – нем.: «Ура!» («Да здравствует!»). Автор иронизирует по поводу патриотической эйфории в немецком обществе.

– «У Пяти Углов появится извозчик». «Пять углов» – традиционное, неофициальное название перекрестка в Петербурге, образованного пересечением Загородного просп. с ул. Ломоносова (быв. Чернышев пер.), Рубинштейна (быв. Троицкая) и Разъезжей. Автор отмечает одну из проблем столичного (и не только) городского транспорта, обострившуюся в военное время: значительное сокращение числа извозчиков из-за реквизиции лошадей и призыва части извозчиков в армию. В 1916–1918 их количество уменьшилось еще больше из-за роста цен на фураж. Основная нагрузка при перевозке пассажиров и даже грузов во многих городах легла на трамвай. См.: Тархов С.А. Городской транспорт Российской империи в годы Первой мировой войны // Экономический журнал. 2014. № 4 (36). С. 96, 121.

– «Торговцы маслом пожирнеют. Сыру не будет ни со слезой, ни без слезы. Блины будут со слезой». Имеется в виду ситуация в Петрограде, связанная с ухудшением продовольственного снабжения и стремительным ростом цен в годы Первой мировой войны. Не случайно на фоне продолжавшейся войны и упоминание в тексте «блинов... со слезой» как элемента православной традиции поминальной трапезы.

– «В старом кабинете появится министр, который через 24 часа станет старым». Намек на частую смену министров («министерскую чехарду») в России в период с сентября 1915 по февраль 1917.

– «Губернаторы эвакуированных губерний получат подъемные...» Речь идет о событиях, связанных с начавшейся в 1915 эвакуацией промышленных предприятий, расположенных на прифронтовых территориях (Польша, Прибалтийский край, и др.). Эвакуацией промышленности занимались министерство торговли и промышленности, военные власти фронтов и местные власти – генерал-губернаторы. Упоминание в тексте о получении губернаторами т. н. «подъемных» в связи с назначениями на новые должности имеет иронический смысл и, возможно, вызывало у современников ассоциации с денежными пособиями, на которые имели право рассчитывать определенные категории населения, согласно утвержденному 20 августа 1914. «Временному положению о вывозе за счет казны по военным обстоятельствам государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств» (Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. М., 1916. С. 67–72).

К стр. 19. «Поросята петроградского городского свиарника станут большими свиньями». Автор в гротескной форме характеризует ситуацию в Петроградской городской думе, сложившуюся в результате выборов в феврале 1916. Тогда победу одержали стародумцы, выдвинувшие лозунг «Хозяйственность, законность и порядок». Бывший городской голова гр. И.И. Толстой считал, что победа стародумцев была вызвана: «1) расколом прогрессивных избирателей на две партии: обновленцев и прогрессистов-демократов, 2) кампанией газет, и притом не одних черносотенных, против городской думы, которой приписывалось больше прегрешений, чем было в действительности, 3) помощью, оказанной администрацией (полицией) стародумским спискам, и 4) высоким цензом избирателей, не сочувствующих прогрессивным идеям». Свою роль сыграло и ухудшение социально-экономической ситуации в Петрограде. См.: М. Быстрова, В. Яренгина. Политическая борьба в ходе избирательной кампании 1916 г. по выборам в Петроградскую городскую думу // Власть. 2009. № 9. С. 127–129.

– «В Америке начнут мостить улицы золотым бульжником». Автор обращает внимание на исключительно благоприятное влияние Первой мировой войны на экономику США. Несмотря на то что 4 августа 1914 страна объявила о своем нейтралитете, Соединенные Штаты с самого начала войны снабжали воюющие державы вооружением, финансами и т. д. Еще до вступления США в войну (6 апреля 1917) подобные поставки способствовали обогащению финансового капитала этой державы, послужили основой для процветания страны вплоть до мирового кризиса 1929–1933.

– «Меньшиков проснулся левой. "Новое Время" печатает его статьи в черной рамке». Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) – публицист, литературный критик, обществен-

ный деятель. В 1901 приглашен А.С. Сувориным в штат газеты «Новое время», вел рубрику «Из писем к ближним» (в 1902–1916 ее материалы перепечатывались отдельными сборниками). Один из самых влиятельных и высокооплачиваемых журналистов того времени. После Февральской революции 1917 подверг самодержавие жесткой критике. Гуревич указывает на эволюцию взглядов Меньшикова в этом направлении, начавшуюся еще до падения монархии. Современные исследователи видят суть этой эволюции в усилении «либеральной, демократической риторики» (М.Н. Лукьянов), движении от национализма к – либерализму (П.И. Шлемин), национал-либерализму (С.М. Сергеев).

– *«Прогрессивный блок берет уроки мнемоники, чтобы не забыть, что он – прогрессивный»*. Мнемоника – методы тренировки памяти. Позиция автора отражает критическое отношение к блоку представителей радикальных взглядов, а также крайне левого крыла в составе самого блока (прогрессисты). 31 октября 1916 прогрессисты вышли из Прогрессивного блока в знак протеста против отсутствия в его декларации требований «ответственного министерства» и создания комиссии для расследования действий правительства, приведших к обострению внутреннего кризиса (прежде всего продовольственной проблемы), а также слухов о возможной измене в высших сферах с целью заключения сепаратного мира с Германией. Прогрессисты настаивали на вынесении вотума недоверия Совету министров, провозглашали победу над «внутренним врагом» (самодержавием) обязательным условием победы России в войне. На рубеже 1916–1917 они предлагали потребовать от верховной власти немедленно даровать «ответственное правительство» и прекратить работу Думы до выполнения этого ультиматума (не были поддержаны кадетами и октябристами).

К стр. 20. *«Новый министр в отличие от старых хочет работать с Думой, но работает с Крупенским»*. Крупенский Павел Николаевич (1863–1939), потомственный дворянин Бессарабской губ., камергер (1910), депутат II, III и IV Государственных дум. Член Прогрессивного блока, входил в его бюро от Фракции центра (с августа 1915), тайно оповещал правительство о намерениях руководителей блока. После разоблачения его связей с правительством был вынужден 3 ноября 1916 выйти из состава Прогрессивного блока и из состава своей фракции. После Февральской революции 1917 разоблачен как платный агент Департамента полиции.

– *«Немцы хотят почетного мира, чтобы кронпринца не называли воришкой»*. Фридрих Вильгельм Виктор Август Эрнст Прусский (Вильгельм III) (1882–1951), старший сын германского императора Вильгельма II, кронпринц Германский и Прусский (сохранял за собой этот титул более 30 лет, до падения империи 5 ноября 1918). С 1 августа 1915 по 25 ноября 1916-го – командующий группой армий «Кронпринц Вильгельм», на которую было возложено проведение Верденской операции (21 февраля – 18 декабря 1916). В результате военной кампании 1916 позиции Германии и ее союзников значительно ослабли. В середине декабря 1916 рейхсканцлер Германии заявил о готовности начать переговоры о мире. Однако каждая из воюющих стран соглашалась на установление мира только на своих условиях, поэтому договор не состоялся.

Тэффи Н.А. Новый год! Статья опубликована в газете «Русское слово» (1917. № 1. 1 января). Впервые републикована в сб.: Яичница всмятку или несерьезно о серьезном. Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году // Сост. Ненароков А.П., Гайнуллина Р.М., Горный В.А., Ушаков А.И. Автор пред. док. ист. наук В.В. Журавлев. М., 1992; впоследствии переизд. в: Тэффи Н. Контрреволюционная буква: рассказы, фельетоны / Сост., подгот. текстов, предисл., коммент. Сергея Князева. М., 2004 (то же: СПб., 2006). Публикуется по газетному варианту.

К стр. 20. «Поздравляю с тем, что кончился, наконец, 1916-й год! Глупый был покойник и бестолковый. Злился, бранился, а под конец жития, – голоду, что ли? – о весне залопотал, – такую поднял распутицу (это в декабре-то!), что весь лед в реках осел, и полезло из прорубей невесть что». В метафоричной форме автор отмечает к концу 1916 рост ожиданий в обществе коренных перемен («весны»). Под декабрьской «распутицей» подразумеваются события, связанные с убийством Г. Распутина в Петербурге, в доме князя Ф. Юсупова, в ночь на 30 декабря 1916. Труп Распутина был обнаружен в Малой Невке, в ледяной проруби под Петровским мостом.

К стр. 21. «Бог посетил меня, – как говорится в басне Крылова. – Я сжег дотла свой двор и по миру пошел с тех пор». Цитата из басни И.А. Крылова «Два мужика» (1821–1823).

– «А кто у нас сегодня министр юстиции? Такой, который Митьку выпускает или такой, который Митьку сажает?» Вероятно, речь идет об аресте вел. кн. Дмитрия Павловича в связи с его участием в убийстве Г.Е. Распутина в ночь на 30 декабря 1916; был освобожден по распоряжению Николая II, сослан в Персию – в состав действующей армии.

Струве П.Б. Освобожденная Россия. Статья опубликована в журнале «Русская мысль» (1917, № 2). Републикуется впервые.

Государственный переворот. Текст представляет собой редакционную статью (без подписи), которой открывался февральский номер журнала «Вестник Европы» за 1917. Републикуется впервые.

Арсеньев К.К. Две февральские революции. Статья републикуется впервые. Автор статьи, знаток всеобщей истории, в связи с событиями революционного 1917 в России неоднократно обращался к революционному опыту Франции, в т. ч. событиям революции 1848. См., например: Арсеньев К.К. Исторические параллели // Русские ведомости. 1917. 21 мая. № 113; 23 мая. № 114. Об аналогии между революционными событиями во Франции 1848 года и России 1917 см. также: В. Бутенко. Две Февральские революции // Биржевые ведомости. 1917. 11 марта. № 16130 (утр. вып.).

Арсеньев приветствовал «блестящее торжество» Февральской революции, поддерживал Временное правительство, в конце апреля 1917 был назначен сенатором 1-го Департамента (участвовал в его работе до закрытия учреждения в ноябре 1917). Анализируя образование «коалиционного министерства» в начале мая 1917, Арсеньев, прежде всего, обращал внимание на часть декларации обновленного правительства, посвященную внешней политике как проблеме, сыгравшей решающую роль в разрастании правительственного кризиса. Приветствуя курс на «скорейшее достижение всеобщего мира» (при полном неприятии идеи сепаратного мира), он вместе с тем выступил с критикой формулировки (впервые прозвучавшей тогда в обращении Временного правительства к стране) о необходимости «мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов». Публицист отмечал ее смысловую зыбкость и непрямолинейность и, по сути, популистский характер. В начале лета 1917 при анализе внутренней ситуации в стране («разруха достигла таких размеров, дальнейший рост которых угрожал бы самому существованию государства») указывал на главное, по его мнению, препятствие успешной деятельности обновленного правительства: «Усложнениями грозит не разногласие между министрами-социалистами и министрами-представителями “демократической буржуазии”, а разногласие в среде социалистических партий, в среде самого Совета рабочих и солдатских депутатов». Выступал с критикой большевиков, предупреждал об опасности гражданской войны.

К стр. 24. *«На стороне правительства, – сказано было два с половиною месяца тому назад в декабрьской книжке нашего журнала, – нет ни одной законодательной палаты, ни одного сословия, ни одной партии, кроме безнадежно и быстро тающей группы крайне правых, ни одного органа печати, кроме содержимых на казенные средства, ни одной общественной организации, кроме окончательно дискредитированных “союзов”, именующих себя монархическими, но менее всего служащих истинным интересам монархии».* См.: К. Арсеньев. [Хроника. – На темы дня] // Вестник Европы. 1916. № 12. С. 385–386.

К стр. 25. *«...последним уцелевшим надеждам должно было нанести смертельный удар все происшедшее в ноябре и декабре прошлого года...»* Речь идет о нарастании конфликта между правительством и Государственной думой. С целью воспрепятствовать данному процессу Николай II в сентябре 1916 назначил управляющим Министерством внутренних дел А.Д. Протопопова (утвержден на посту министра 20 декабря 1916), тов. председателя IV Думы. Однако поскольку эта мера не была согласована с парламентским большинством, кризис между исполнительной и законодательной властью только усугубился. Как своего рода «сигнал к революции» воспринималась речь П.Н. Милюкова в Думе 14 ноября 1916, в которой он давал понять, что императрица и премьер-министр Б.В. Штюрмер – изменники («Что это? Глупость или измена?»). В выступлении кадетского лидера упоминался также Григорий Распутин, имевший репутацию исключительно влиятельного «царского друга» и члена «придворной партии». 23 ноября 1916 последовала отставка Штюрмера с поста премьер-министра, а 29 декабря 1916 – и его преемника А.Ф. Третьякова. В ночь на 17 декабря 1916 в Петрограде, во дворце Юсуповых, на р. Мойке, был убит Распутин.

– *«Между ее Исполнительным Комитетом и Советом Рабочих Депутатов, в состав которого вошли представители революционных войск, состоялось соглашение, благодаря которому могло возникнуть всеми признанное временное правительство».* Исполнительный комитет Государственной думы (Временный комитет Государственной думы; полное название – «Комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями») – высший чрезвычайный орган государственной власти в России, сформированный 27 февраля (12 марта) 1917, в ходе Февральской революции. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петроградский совет, Петросовет) – коллегиальный представительный орган власти, созданный явочным порядком в Петрограде в первые дни Февральской революции и претендовавший на высшую власть не только в Петрограде, но и во всей России. До созыва I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (3 (16) июня – 24 июня (7 июля) 1917) Петросовет являлся всероссийским органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, опиравшимся на вооруженную силу – рабочую милицию и регулярные запасные полки Петроградского военного округа. Вечером 1 (14) марта 1917 состоялось совместное заседание Временного комитета Государственной думы, Петросовета, ЦК Конституционно-демократической партии и Бюро Прогрессивного блока, на котором обсуждался состав будущего правительства и условия сотрудничества. В частности, было достигнуто соглашение об отсрочке решения вопроса о будущей форме правления в стране и снятии с повестки дня пункта о выборности офицеров. Кроме этого, Временное правительство обязывалось объявить политическую амнистию, обеспечить демократические свободы, отменить сословные, вероисповедные и национальные ограничения, заменить полицию народной милицией, подчиненной органам местного самоуправления, начать подготовку к выборам в Учредительное собрание и в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Петросовет, в свою очередь, обязывался осудить бесчинства и хищения имущества, призвать солдат и офицеров к сотрудничеству.

– *«Наша февральская революция невольно заставляет вспомнить о другой, совершившейся шестьдесят девять лет тому назад. Престол Людовика-Филиппа пал с такою же быстротою, как и престол Николая II; легко и беспрепятственно образовалось временное правительство, которому немедленно и беспрекословно подчинилась вся страна».* Речь идет о

революции 1848 во Франции, в результате которой 24 февраля 1848 король Луи-Филипп I (1773–1850; король с 1830) отрекся от престола, а власть перешла к Временному правительству. Период французской истории с 1848 по 1852 получил название Второй республики (в отличие от Французской республики, существовавшей с 1792 по 1804). Временное правительство ввело всеобщее избирательное право для мужчин, отменило смертную казнь, организовало выборы в Учредительное собрание, которое 4 мая 1848 провозгласило республику. Согласно Конституции, принятой 4 ноября 1848, законодательная власть принадлежала Национальному собранию, а исполнительная – президенту республики. На этот пост был избран Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), с 1 декабря 1852 по 4 сентября 1870 правивший как император Наполеон III и ставший последним монархом в истории Франции.

– *«Июльское правительство, особенно в последние годы своего существования, не стояло высоко в общественном мнении, но не достигало последних ступеней падения».* Имеется в виду правительство Франции в период т. н. Июльской монархии (от Июльской революции 1830, покончившей с режимом Реставрации, до Февральской революции 1848, установившей Вторую республику).

К стр. 26. *«Франция, по известному выражению Ламартина, “скупала”...»* Ламартин, Альфонс де (Lamartine Alphonse, 1790–1869) – французский поэт, историк, публицист. Данную фразу («Франция скупает») Ламартин произнес 18 июля 1847, в период правления короля Луи-Филиппа, на банкете в г. Макон по случаю выхода в свет его «Истории жирондистов».

– *«Вскоре стало ясно, что не внесет спокойствия и мира и учредительное собрание, созыв которого не отвечал желаниям крайних партий. И действительно, его открытие послужило сигналом к новой борьбе, сначала безоружной (майское нашествие на собрание), потом вооруженной (июньские дни). Поражение июньских инсургентов раскрыло двери перед «старыми партиями»; господствующее место между ними вскоре заняли едва заметные, несколькими месяцами раньше, бонапартисты; ближайшая судьба Франции была предрешена избранием Людовика-Наполеона в 1848-м, законодательного собрания – в 1849-м году. Решающая роль уже при Кавеньяке перешла в руки войска, побежденного на февральских баррикадах, но именно потому враждебного революции и народным массам».* Речь идет о событиях, связанных с противостоянием Учредительного собрания и социалистов – лидеров рабочего движения. Так, 15 мая 1848 была проведена 150-тысячная демонстрация, в ходе которой была предпринята попытка провозгласить новое правительство. 22–26 июня 1848 произошло т. н. «Июньское восстание», поводом для которого послужило решение Учредительного собрания закрыть Национальные мастерские. Лозунгами восставших (более 40 тыс. чел.) стали: «Хлеба или свинца! Свинца или работы! Жить, работая, или умереть, сражаясь! Да здравствует демократическая и социальная республика! Долой эксплуатацию человека человеком!». Восстание парижских рабочих было подавлено под руководством военного министра генерала Луи-Эжена Кавеньяка (1802–1857).

– *«В исходе войны, счастливом для держав согласия...».* Имеется в виду Антанта (фр.: *entente* – согласие) – военно-политический блок России, Великобритании и Франции, созданный в начале 1900-х, накануне Первой мировой войны в качестве противовеса «Тройственному союзу» (Германия, Австро-Венгрия, Италия). Термин возник в 1904, причем первоначально выражение *l'Entente cordiale* («сердечное согласие») обозначало англо-французский союз (в память одноименного кратковременного союза Англии и Франции в 1840-х).

К стр. 27. *«Другой династии, кроме осужденной народом и низвергнутой революцией, у нас не было, и потому нет и не может быть ничего похожего на французских легитимистов, орлеанистов и бонапартистов, уложивших в могилу вторую французскую республику и долго угрожавших бытию третьей. Отказ вел. кн. Михаила Александровича принять*

престол иначе как по определению учредительного собрания...». Легитимисты, орлеанисты и бонапартисты – основные монархические партии во Франции в XVIII–XIX вв. Третья французская республика – политический режим во Франции с 4 сентября 1870 по 22 июня 1940. Арсеньев имеет в виду попытку монархической реставрации в период президентства Мак-Магона (1808–1893; президент Франции в 1873–1879). Вел. кн. Михаил Александрович (1878–1918) – четвертый сын Александра III, младший брат Николая II. В своем Манифесте (4 марта 1917) призывал граждан подчиниться Временному правительству, соглашался принять верховную власть только после соответствующего решения Учредительного собрания о форме государственного устройства России.

К стр. 27. *«...ручательством в том служит ожидаемая отмена смертной казни...»* Смертная казнь в России была отменена постановлением Временного правительства от 12 марта 1917 (Вестник Временного правительства. 1917. № 12. 18 марта. С. 1; Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 37), однако 12 июля 1917 вновь введена на фронте (Вестник Временного правительства. 1917. № 103. 13 июля. С. 1).

Троцкий Л.Д. Революция в России. Это первая публичная реакция Л.Д. Троцкого на февральские события в России. О том, какое значение он сам придавал этой работе, можно судить по тому, что она была включена им лично в собрание сочинений. См.: Троцкий Л.Д. Сочинения. Том III: 1917. Часть I: От Февраля до Октября. М.; Л., 1925. С. 5–7.

К стр. 27. *«Министры Романова, повелителя старой России, организаторы всероссийского самовластья, посажены народом в одну из тех тюрем, которые до сих пор раскрывали свои кованые ворота только для народных борцов...».* Имеется в виду Петропавловская крепость.

К стр. 28. *«У власти стоит, как сообщает телеграфная проволока, Временное правительство в составе представителей думского большинства, под председательством Родзянки...»* Очевидно в данном случае имеется Временный комитет Государственной думы.

– *«Родзянки и Милюковы подняты к власти первой высокой волной революционного прибоя...»* – Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – общественный и политический деятель. В 1886–1891 – новомосковский уездный предводитель дворянства. В 1901–1906 – председатель Екатеринославской губернской земской управы. В 1905 основал Народную партию Союза 17 октября, примкнувшую к партии «Союз 17 октября». С 1905 член ЦК партии «Союз 17 октября». Депутат III и IV Государственных дум. В 1911–1917 – председатель Государственной думы. Участник Государственного совещания августа 1917. Участвовал в Белом движении. В 1920 эмигрировал в Югославию.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – политический и общественный деятель, историк. В 1882 окончил Императорский Московский университет. С 1886 приват-доцент на кафедре русской истории. В 1892 защитил магистерскую диссертацию на степень магистра истории. В 1894 уволен из университета и выслан в Рязань (до 1897). Читал лекции по русской истории в Софийском и Чикагском университетах. С 1902 один из авторов журнала «Освобождение», член «Союза освобождения». В 1905 был в числе основателей «Союза Союзов». С 1905 один из лидеров партии кадетов, редактор партийного органа печати – газеты «Речь». С 1907 – председатель ЦК партии кадетов. Депутат III и IV Думы. С 1915 один из лидеров Прогрессивного блока. С марта по май 1917 занимал пост министра иностранных дел во Временном правительстве. Нота Милюкова от 18 апреля 1917 стала причиной Апрельского кризиса, приведшего к его отставке. С 1920 в эмиграции, издавал в Париже газету «Последние новости».

– *«Буржуазия, со своими полковниками Энгельгардтами и цензорами Гронскими, стала у власти, чтоб “восстановить порядок”...»* Имеется в виду Энгельгардт Борис

Александрович (1877–1962) – военный и политический деятель. В 1896 окончил Пажеский корпус. Участник русско-японской войны. С 1912 депутат IV Государственной думы от Могилевской губернии. В 1917 возглавил военную комиссию Временного комитета Государственной думы. С 1918 заведовал политической частью киевского представительства Добровольческой армии. С 1919 помощник управляющего отделом пропаганды (ОСВАГа) Особого Совещания при Главнокомандующем ВСЮР. С 1920 в эмиграции. Проживал во Франции, затем в Латвии. С 1940 отбывал административную ссылку в Хорезмской области в СССР. В 1946 вернулся в Рим.

Гронский Павел Павлович (1883–1937) – общественный и политический деятель. В 1903 окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Сотрудничал в газете «Право», в журнале «Вестник права». Член Конституционно-демократической партии. Депутат IV Государственной думы от Тверской губернии. В период Первой мировой войны участвовал в работе Всероссийского земского союза. С 1917 профессор Петроградского университета. Член ЦК партии кадетов. Участник Белого движения. Товарищ министра внутренних дел в Особом совещании при главнокомандующем генерале А.И. Деникине. Член Объединения общественных и государственных деятелей. С 1920 в эмиграции. Проживал в Париже. С середины 1920-х преподавал в Каунасском университете.

Трубецкой Е.Н. Народно-русская революция. Статья опубликована в газете «Речь» 5 марта 1917. Републикуется впервые.

К стр. 30. *«В борьбе за Россию против “пятого фронта” и пробудился русский патриотизм...»* Е.Н. Трубецкой, очевидно, имеет в виду фронт борьбы с главным внутренним злом, под которым он понимал самодержавие. Этот фронт, по его мнению, сформировался и действовал в стране наряду с внешними фронтами – Юго-Западным, Северо-Западным (он в августе 1915 разделился на Северный и Западный), Кавказским и Румынским (образованным накануне Февральской революции в декабре 1916).

Жилкин И.В. В Петрограде. Статья опубликована в газете «Русское слово» 7–8 марта 1917. Статья републикуется впервые.

К стр. 31. *«...10 рублей за “Русское слово” в пользу столовой для солдат...»* «Русское слово» – ежедневная газета, издавалась в Москве в 1895–1917 (с 1897 – И.Д. Сытиным), редактор (с 1902) – В.М. Дорошевич. Газета отличалась низкой ценой, была одним из самых читаемых изданий. После февраля 1917 ее тираж достиг рекордного для России показателя – 1 млн 200 тыс. экз.

К стр. 32. «Петроград чувствует, что выше и первее всего сейчас для него поддержка Москвы. Быстрый и стройный успех московского движения удваивает кислород». Речь идет о революционных событиях в Москве в конце февраля – начале марта 1917. Уже 27 февраля 1917 на московских фабриках и заводах начались забастовки. «Толпы народа собирались на площадях и ходили по городу с красными флагами. Ночью в Городской думе происходило собрание. Кроме гласных Думы, участвовали представители Земского и Городского союзов, Военно-промышленного комитета и его Рабочая группа, представители больничных касс и других общественных организаций. Избран Временный Революционный Комитет. К 2 часам ночи к зданию Городской думы явились из разных полков много солдат, перешедших на сторону революции». 28 февраля забастовочное движение в Москве продолжало нарастать. «С раннего утра к зданию Городской думы стали стекаться толпы народа с красными флагами, среди них небольшие группы солдат. К собравшимся вышел представитель Революционного Комитета, произнес речь политического характера, затем указал собравшимся на необходимость идти в казармы и пригласить солдат присоединиться к движению. Вскоре по Неглинному проезду и Театральной площади подошли несколько рот солдат с ружьями и тотчас же отдали себя в распоряжение революционного народа.

Во многих местах происходили манифестации и митинги. ...На заседании Городской думы, совместно с общественными деятелями, был организован комитет общественных организаций. Временный Революционный Комитет, возникший накануне, обратился с воззваниями к рабочим, солдатам и торгово-промышленным служащим. Указав на то, что в Петербурге революционный народ совместно с полками уже нанес решительный удар царскому правительству, Комитет заявляет, что борьба еще только началась, и призывает московских солдат поддержать народ, перейти на его сторону, захватить арсенал и другие склады оружия, вооружить народ и выбирать своих представителей в Совет рабочих депутатов. Обращаясь к рабочим и служащим, Комитет призывает их объединиться с армией, прекратить работу и принять участие в выборах в Совет. В то же время, имея в виду необходимость питания народа, Комитет призывает служащих в кооперативных лавках, продовольственных, молочных, хлебных магазинах и предприятиях и вообще во всех учреждениях, изготовляющих и выпускающих предметы продовольствия, не прекращать работу и спокойно исполнять тем самым дело служения народу. После воззваний в Москве прекратилось трамвайное сообщение, все заводы забастовали, масса народа высыпала на улицу. Полицейские посты повсюду обездоруживались и снимались народом, в разных частях города происходили митинги. Воинские части Москвы одна за другой примыкали к революционному народу».

К 1 марта большинство войск Московского военного округа перешло на сторону революции. Вечером этого дня состоялось заседание Московского Совета рабочих депутатов. «Обсуждались и были приняты постановления по следующим вопросам: 1) в целях правильного снабжения населения продовольствием было признано необходимым, чтобы все предприятия, связанные с пропитанием населения – водопровод, кооперация, грузовой транспорт, железные дороги и другие, – приступили к работе с завтрашнего дня, также признан необходимым выпуск газет; 2) предложение о призыве к работе рабочих в военно-промышленных предприятиях большинством против двух отвергнуто по тем соображениям, что победа народа еще не окончательно закреплена и прекращение забастовки может повлечь к возрождению старой власти, и 3) признаны необходимыми организация рабочих районных комитетов, образование особого железнодорожного района для железнодорожных рабочих и связь районов с центром – Советом рабочих депутатов. Во время заседания Совета было сообщено об освобождении политических из Бутырской тюрьмы, о занятии почты, телефона, телеграфа, охранного отделения, полицейских участков, градоначальства и об установлении охраны жандармского дивизиона. Ежеминутно к Думе, где заседал Совет, подъезжали автомобили, с присоединяющимися войсками, оружием, продовольствием. Десятки тысяч народа расположились по улицам и площадям, прилегающим к зданию Городской думы, и каждый автомобиль с красным флагом приветствовался дружными криками “ура”».

2 марта «в Москве организуется народная милиция, выбираются комиссары, которые занимают полицейские участки. Перед зданием Городской думы беспрестанно дефилируют в полном порядке полки московского гарнизона, во главе со всеми офицерами, с развернутыми знаменами под звуки военной музыки. В вечернем заседании Совета рабочих депутатов выбирают делегатов в Петербургский Совет и выносят постановление приветствовать новое правительство и выразить готовность всемерно его поддержать, поскольку оно честно и немедленно приступит к осуществлению созыва Учредительного собрания».

3 марта в Москве был образован временный Организационный комитет Совета солдатских депутатов. «Об организации комитета было сообщено войсковым частям, которые приступили к выборам солдатских депутатов – по одному от роты. Комитет единогласно постановил работать вместе с Советом рабочих депутатов. Новый командующий войсками Московского Военного округа, подполковник Грузинов, после переговоров с Советом рабочих и с Организационным комитетом Солдатских депутатов, издал приказ, предоставляющий солдатам право избирать своих представителей в общественные организации».

4 марта «в Москве состоялось погребение трех нижних чинов 2-й запасной автомобильной роты, убитых на Каменном мосту 1 марта, когда рота в полном составе, но без

оружия направлялась к Городской думе. Погребальная процессия двинулась на Братское кладбище в сопровождении приблизительно ста тысяч человек. На Арбатской площади перед процессией выступали: комиссар правительства – Челноков, командующий войсками – Грузинов и председатель временного революционного комитета общественных организаций – Кишкин. Они говорили о том, что революция в Москве совершилась бескровно, и что народ должен почтить тех немногих, которые заплатили своей жизнью за верность свободе. Состоялось первое общее собрание Московского Совета солдатских депутатов, на котором присутствовало около 200 человек. В Организационный комитет вошли по одному человеку от каждой представленной части. На заседании московского комитета общественных организаций был заслушан доклад продовольственного комитета о положении дела. Благодаря открытию большого количества спрятанных продуктов, продовольственное положение Москвы несколько улучшилось: продовольствия хватит на неделю, причем секретные запасы продолжают обнаруживаться».

5 марта Московский Совет рабочих депутатов, как и Петербургский Совет рабочих и солдатских депутатов, принял постановление о прекращении забастовки на московских фабриках и заводах. «Состоялось второе заседание Московского Совета солдатских депутатов, на котором присутствовало около 600 человек. Решено послать представителей в Совет рабочих депутатов, который должен быть переименован в Совет рабочих и солдатских депутатов. ...В Московском кинематографе “Кино-Арс” состоялось собрание солдат и офицеров в количестве 2000 человек. Принята резолюция: “Собрание считает, что между офицерами, нижними чинами, общественными организациями и Советом рабочих депутатов нет розни, а есть общая цель – защита родной страны”. После митинга солдаты и офицеры с оркестром и музыкой двинулись по Тверской, в сопровождении огромной толпы граждан к Городской думе, где были заслушаны приветствия от членов исполнительного комитета общественных организаций. От Думы, под звуки Марсельезы, двинулись к университету, а потом к временному штабу на Арбатскую площадь. В цирке Соломонского рабочие и солдаты, в количестве нескольких тысяч человек, обсудив вопрос о текущем моменте, постановили приветствовать Московский и Петербургский Советы рабочих и солдатских депутатов, с достоинством несущих знамя борьбы за полное раскрепощение рабочего класса и крестьянства, за полное освобождение России».

6 марта «на заседании комитета московских общественных организаций были подвергнуты обсуждению сведения о поездке бывшего царя в Ставку и о назначении на пост верховного главнокомандующего Николая Николаевича. После обсуждения были приняты две резолюции. В одной резолюции были выражены протест против свободного передвижения б[ывшего] царя и требование, в целях предупреждения опасности со стороны контрреволюции, подвергнуть б[ывшего] царя и членов его семьи аресту; в другой резолюции указывалось на недопустимость назначения лиц царской фамилии на высшие должности военного и гражданского ведомства. Об этих резолюциях стало известно не только в Московском Совете рабочих депутатов, но и среди широких масс населения, которые отнеслись к этим резолюциям очень сочувственно. О резолюциях и настроении московского населения было сообщено в Петербург Временному правительству, которое делегировало в Москву министра юстиции Керенского. ...В Москве были устроены торжественные похороны рабочего Астахова, убитого царской полицией, а также состоялись многочисленные собрания различных общественных организаций и многолюдные митинги граждан. На собраниях и митингах вынесены резолюции, приветствующие правительство и призывающие к общественному объединению и продолжению войны до победного конца» // Авдеев Н. Революция 1917 года: хроника событий. Т. 1: Январь – апрель. М.; Пг., 1923. С. 44, 47–48, 52–53, 58, 60–61, 64–65, 67–68, 70–72.

– «*Политический такт, спаявший для первых дней исполнительный комитет и представителей пролетариата, создал уже первый общественный кабинет министров*». Имеется в виду создание Временного правительства (во главе с кн. Г.Е. Львовым), состоявшееся

2 марта 1917 по соглашению между Временным комитетом Государственной думы и исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

– *«Ошибкой выпущено из тюрьмы много уголовных, и они по-своему празднуют свободу»*. 17 марта 1917 Временное правительство объявило амнистию заключенным (см.: Постановление Временного правительства «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления» // Вестник Временного правительства. 1917. № 12. 18 марта. С. 1), в результате чего из мест лишения свободы было освобождено около 88 тысяч заключенных. Оказавшиеся на свободе представители преступного мира были прозваны в народе «птенцами Керенского».

– *«На улицах сторожит порядок вооруженная милиция»*. Речь идет о рабочей милиции, которая, наряду с регулярными запасными полками Петроградского военного округа, являлась опорой Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, созданного явочным порядком в Петрограде в первые дни Февральской революции и претендовавшего на высшую власть не только в столице, но и во всей России. Уже 27 февраля 1917 на заседании Петросовета был поставлен вопрос об охране Петрограда». «[М.А.] Броунштейн и [Н.Н.] Суханов предложили немедленно дать директивы в районы через присутствующих делегатов о назначении каждым заводом милиции (по 100 человек на тысячу), с образованием районных комитетов и о назначении в районы полномочных комиссаров для руководства водворением порядка и борьбой с анархией и погромами». 28 февраля в 4 часа утра Петросовет постановил: «1) немедленно организовать районные комитеты, 2) установить сборные пункты для вооруженных рабочих и войск в 7 районах, 3) организовать рабочую милицию». 4 марта в Петрограде «организовалась городская народная милиция. Начальник милиции обратился с просьбой к гражданам сдавать все имеющиеся у них оружия для вооружения милиции». Согласно приказу Временного правительства от 5 марта, повсюду предусматривалось преобразование полиции в милицию, организуемую общественным самоуправлением. Впоследствии курс на замену полиции «народной милицией» нашел отражение в подготовленном Временным правительством «Положении о милиции» [Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 35 (81). 20 апреля (3 мая)]. См.: Авдеев Н. Революция 1917 года: хроника событий. Т. 1: Январь – апрель. М.; Пг., 1923. С. 41, 44, 63, 67.

– *«Серьезно, стройно и деловито прошел сегодня громадный митинг в зале Калашниковской биржи. Выступали с речами члены Государственной думы, общественные деятели и простые обыватели»*. Калашниковская биржа – хлебная биржа, располагавшаяся в Петербурге на Калашниковской набережной (с 1952 – Синопская наб.); на ней заключались главным образом незначительные торговые сделки, осуществлялась розничная торговля. Упомянутый в тексте митинг 5 марта 1917 – это собрание, организованное по инициативе 11-го городского попечительства о бедных (1-й и 2-й участки Рождественской части) – благотворительной организации, число действительных членов которой превышало 900. По сообщениям прессы, собрание привлекло массу публики и вышло за рамки предварительной программы, намечавшей «обсуждение ряда злободневных вопросов об организации продовольствия, милиции и т. д.». Фактическим председателем собрания стал член I Государственной думы И.В. Жилкин. Среди выступавших были члены Государственной думы М.С. Аджемов и А.М. Александров, А.В. Тыркова, председатель российской Лиги равноправия женщин П.Н. Шишкина-Явейн и др. Все ораторы «указывали на величие переживаемого момента и отмечали, что в настоящее время перед всеми гражданами должна быть одна задача: организация в целях закрепления победы и собиранье народных сил. Бурными аплодисментами было встречено появление на эстраде члена Государственной думы кн. П.Д. Долгорукова. По предложению И.В. Жилкина, собрание горячо приветствовало П.Д. Долгорукова как представителя Москвы, столь единодушно поддерживавшей Петроград в деле свержения старого строя. ...П.Д. Долгоруков в краткой речи указал на тот тернистый путь, который пришлось русскому народу пройти для завоевания народной свободы, и отметил необходимость приложить все усилия к закрепле-

нию уже достигнутого. Серия речей закончилась кратким заключительным словом, сказанным И.В. Жилкиным, который подчеркнул, что ранее мы были позади всей Западной Европы, ныне мы уже впереди. Ранее мы завидовали цивилизованным народам, теперь же они могут нам завидовать. И.В. Жилкин призвал собравшихся к единению для того, чтобы внутренний враг не мог нанести удар русской свободе» (Речь. 1917. 7 марта. № 56).

К стр. 33. *«Совет рабочих депутатов сделал трезвое постановление о возвращении к работе»*. 5 марта 1917 на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов обсуждался вопрос о возобновлении работ на фабриках и заводах. Докладчиком по данному вопросу выступил член Исполнительного комитета Н.С. Чхеидзе. «Вопрос вызвал горячие прения. После прений Совет большинством 1170 против 30 принял постановление о возобновлении работ в Петербургском районе с тем, чтобы по первому сигналу вновь прекратить начатые работы. Совет одновременно с возобновлением работ призывает к немедленному созданию и укреплению рабочих организаций всех видов, как опорных пунктов для дальнейшей революционной борьбы за полную ликвидацию старого режима и классовые идеалы пролетариата. Совет признает в то же время необходимым немедленно приступить к разработке программ экономических требований, которые будут предъявлены от имени рабочего класса предпринимателям». В этот же день постановление о прекращении забастовки принял и Московский Совет рабочих депутатов (Авдеев Н. Революция 1917 года: хроника событий. Т. 1: Январь – апрель. М.; Пг., 1923. С. 66–67).

К стр. 34. *«Управляющий министерством, Д.М. Щепкин...» Щепкин Дмитрий Митрофанович (1879–1937)* – юрист, общественный деятель. С декабря 1914 член Главного комитета Земского союза, один из ближайших сотрудников кн. Г.Е. Львова. С июля 1915 – тов. председателя Земгора. После февраля 1917 – член Временного правительства, тов. министра внутренних дел (2 марта – 2 августа 1917). После октября 1917 активно участвовал в деятельности антибольшевистских организаций. Неоднократно подвергался репрессиям, расстрелян в декабре 1937. Реабилитирован в октябре 1956.

– *«В кабинете председателя совета министров работает кн. Г.Е. Львов, глава Временного правительства»*. *Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925)* – князь, общественный и политический деятель. С 1914 председатель Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Один из руководителей Объединенного комитета Земско-Городского союза (Земгор). В ходе Февральской революции, в ночь с 1 на 2 марта 1917, после обсуждений во Временном Комитете Государственной думы и с представителями Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, был составлен список членов правительства во главе с кн. Г.Е. Львовым. 2 марта Николай II, по предложению Временного комитета, издал указ о назначении кн. Г.Е. Львова председателем Совета министров. 3 марта было опубликовано официальное сообщение о создании Временного правительства во главе с кн. Г.Е. Львовым (он же и министр внутренних дел). Впоследствии (в мае 1917) возглавил первое коалиционное правительство; 7 (20) июля 1917 ушел в отставку с постов главы кабинета и министра внутренних дел. После октября 1917 – в эмиграции.

– *«Взволнованный проходит в кабинет Д.Д. Протопопов (просят не смешивать с злостным министром) и барон С.А. Корф»*. *Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1865–1934)* – земский деятель, публицист, издатель. Член ЦК Конституционно-демократической партии (с 1906). После февраля 1917 помощник Ф.И. Родичева, комиссара над статс-секретариатом по делам Великого княжества Финляндского. В августе 1917-го – сторонник военной диктатуры. 3 октября 1917 вошел в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента). Впоследствии принимал участие в деятельности антибольшевистских организаций, неоднократно подвергался репрессиям, скончался в тюрьме. Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) – политический и государственный деятель. Министр внутренних дел Российской империи (20.12.1916 – 28.02.1917), подвергался резкой критике со стороны депутатов IV Государственной думы; современники высказывали предположения о его психически ненормальном состоянии в период пребыва-

ния в должности министра. *Корф Сергей Александрович* (1876–1924) – барон, профессор русского государственного права и истории русского права Гельсингфорского университета. По политическим взглядам близок к кадетам. В 1917 помощник генерал-губернатора Великого княжества Финляндского. С 1918 – в эмиграции.

– «Сообщают, что в генерал-губернаторы Финляндии назначен М.А. Стахович». *Стахович Михаил Александрович* (1861–1923) – общественный и политический деятель. Депутат I Государственной думы, один из организаторов Партии мирного обновления. Член Государственного совета (с 1907, переизбирался в 1909, 1912 и 1915). Финляндский генерал-губернатор в период с 18 (31) марта по 4 (17) сентября 1917, впоследствии – посол в Испании. После прихода к власти большевиков в Россию не вернулся. В эмиграции жил во Франции.

К стр. 35. «Говорят, что А.Ф. Керенский, явившись в министерство юстиции...» *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) – политический и государственный деятель. В марте–апреле 1917 – министр юстиции в первом составе Временного правительства. С мая до сентября 1917 входил в состав первого и второго коалиционных правительств (военный и морской министр). С июля 1917 – министр-председатель Временного правительства. С июля 1918 – в эмиграции.

– «Кроме того, А.Ф. Керенский не излечил своей старой болезнью...» – Имеется в виду туберкулез почки, по поводу чего А.Ф. Керенский перенес операцию в 1916.

– «Председатель Богданов делает серьезное разъяснение». *Богданов Борис Осипович* (1884–1960) – участник социал-демократического движения (с 1901), меньшевик. 27 февраля 1917 вошел во Временный исполком Совета рабочих депутатов, созданный для созыва учредительного собрания Петроградского Совета рабочих депутатов; избран в постоянный исполком Совета. Председатель рабочей секции, а с образованием 13 апреля секции по связи с Советами других городов – председатель и секции иногородних делегатов. Член Бюро исполкома Совета. Разработал основные принципы построения Советов рабочих и солдатских депутатов (его идеи были использованы при создании текста первой Конституции РСФСР). Выступал с критикой большевиков, после октября 1917 неоднократно подвергался репрессиям.

К стр. 36. «Сейчас мы вырабатываем основные положения прав солдат. Мы не вводим их в армию. Мы передаем их военному министру Гучкову...» *Гучков Александр Иванович* (1862–1936) – общественный и политический деятель. Один из основателей, лидер партии «Союз 17 октября». Депутат III Государственной думы. Член Государственного совета. В июле 1915 возглавил Центральный военно-промышленный комитет. 2 марта 1917 вместе с В.В. Шульгиным принял от Николая II манифест об отречении. Со 2 марта по 30 апреля военный и морской министр Временного правительства. С 1919 – в эмиграции.

Троцкий Л.Д. Война или мир. Статья была републикована: *Троцкий Л.Д. Сочинения. Том III: 1917. Часть I: От Февраля до Октября. М.; Л., 1925. С. 13–16.*

К стр. 37. «Их союз был скреплен государственным переворотом 3 июня 1907 года. Из этого переворота вышли 3-я и нынешняя Государственные Думы...» Имеется в виду издание нового Положения о выборах 3 июня 1907 в порядке чрезвычайно-указного права, что противоречило Основным государственным законам 23 апреля 1906.

– «Гучков, нынешний военный министр, заседал в комиссии государственной обороны для скорейшего усиления армии и флота...» *Гучков Александр Иванович* (1862–1936) – общественный и политический деятель. Из московской купеческой семьи. Один из основателей и лидер партии «Союз 17 октября». Депутат и с 1910 председатель III Государственной думы. В 1907 и с 1915 член Государственного совета. В 1915–1917 – председатель Центрального военно-промышленного комитета. 2 марта 1917 вместе с В.В. Шульгиным принял отрече-

ние Николая П. С марта 1917 первый военный и морской министр Временного правительства. С 1919 в эмиграции. Скончался в Париже.

9 марта 1917 г. Редакционная статья газеты «Речь». Републикуется впервые.

Передовицы в газете «Речь» по большей части принадлежали перу П.Н. Милюкова. «Речь» – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов. Издавалась в 1906–1917 (кроме 22 июля (4 августа) – 8 (21) августа 1906). Издатели: Ю.Б. Бак, В.Д. Набоков, И.И. Петрункевич. Фактические редакторы И.В. Гессен, П.Н. Милюков. Приложения: «Государственная дума», «Иллюстрированная неделя», «Ежегодник газеты “Речь”» (1912–1916). После Февральской революции выступала против большевиков. Закрыта Петроградским ВРК 26 октября (8 ноября) 1917. Выходила до августа 1918 под названиями «Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век».

К стр. 39. *«Если при старой власти народ победить не мог, то новая власть должна была именно эту цель, победу над врагом, сделать непосредственной целью народного освобождения...»* Милюков последовательно отстаивал позицию «война до победного конца». Получил прозвище «Милюков-Дарданельский», поскольку требовал передать России после войны контроль над проливами Босфор и Дарданеллы.

– *«Приказ Радко Дмитриева как нельзя лучше доказывает, что на этот новый момент нашего революционного процесса обращено уже внимание на фронте...»* Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич [наст. имя и фам. Радко Русков Дмитриев] (24 сентября 1859 – 18 октября 1918) – болгарский и русский генерал. С 1914 болгарский посланник в Петербурге. После начала Первой мировой войны и выступления Болгарии на стороне Германии принял русское подданство и поступил на службу в русскую армию с чином генерал-лейтенанта (26 июля 1914). С марта 1916 – командующий 12-й армии, расположенной в районе Риги. С 20 июля 1917 – в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. С января 1918 в отставке. Уехал для лечения на юг России, в сентябре 1918 взят Кавказской Красной армией в число заложников, позднее расстрелян в Пятигорске.

В приказе ген. Радко Дмитриева, отданном 5 марта, говорилось:

«Надеюсь, что доблестные воины армии, воодушевленные священным чувством любви к родине и чувством обиды, испытываемым каждым русским гражданином при сознании, что враг все еще попирает землю нашей родины, проникнутся глубоким сознанием необходимости теперь более, чем когда-либо напрячь все свои усилия для доведения войны до победоносного конца.

Пусть враг почувствует, что наши временные внутренние затруднения не могут ослабить нас и дать ему вырвать победу из наших рук.

Родина ждет от нас победы во что бы то ни стало, а потому объединимся все: генералы, офицеры и солдаты, в одно крепкое, нерушимое целое и пусть враг трепещет перед мощью великой России». (Речь. 1917, 7 марта)

– *«Воззвание Временного Правительства к Армии подтверждает, что столь же серьезное внимание обращено на те же самые явления и в центре...»* Воззвание Временного Правительства «В действующую армию»:

Офицеры и солдаты доблестной русской армии!

В великие и трудные дни перехода к новому государственному порядку взоры всей страны обращены к ее несокрушиму оплоту и драгоценному достоянию – к героической русской армии. В целостности и незыблемости ее лежит залог исполнения народных надежд на светлое будущее России, устрояющей свою жизнь на началах свободы, равенства и права. Лишь твердо огражденный от ударов внешнего врага, может народ совершить свой великий созидательный труд.

Россия твердо верит, что армия, одушевленная высоким духом любви к родине, сохранит непоколебимыми устои своей силы: единство, сплоченность и твердый внутренний по-

рядок власти и подчинения. Никакие перемены в воинском порядке и командовании не могут быть производимы иначе, как распоряжением Временного Правительства или действующей по его уполномочию высшей военной власти. Никто не призван обращаться к солдатам и офицерам от имени Временного Правительства, кроме лиц, которые получают на то от правительства особые полномочия, обеспечивающие им содействие военных начальников. Повиновение солдат офицерам, подчиняющимся, в свою очередь, через посредство высшего военного командования, Временному Правительству, составляет основу мощи армии и безопасности страны. Разрушение этого повиновения повело бы родину к поражению и ввергло бы армию и народ в пучину гибели. Да не будет этого!

Доблестные защитники родины! С твердой верой в вас и с радостной гордостью за совершенные вами самоотверженные подвиги взирает на вас возрождающаяся к новой жизни страна. Вместе со своим правительством она приложит все силы, чтобы снабдить вас всем необходимым для доведения войны до победного конца. Вы отстояли своей грудью от нашествия врага родину, изнемогавшую под тяжелым бременем старого порядка. Вы сумеете защитить на поле брани и Россию свободную, собственной волей решающую судьбы свои. Ваша самоотверженная доблесть, ваша непоколебимая стойкость покажут врагам, что свобода умножила укрепила силы русского народа в великой мировой борьбе. Спасение родины в ваших руках. Мужественно сражаясь с упорным противником, вы отстаиваете создающееся внутри страны великое будущее свободной России, счастье ваше и ваших детей.

Министр-председатель кн. Львов

Военный и морской министр А.И. Гучков

(Речь. 1917, 7 марта)

– «Чтобы сразу дать понять читателю, о чем идет дело, достаточно напомнить ему знаменитый “приказ № 1”». Приказ № 1 был издан объединенным Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917. Приказом предписывалось немедленное создание выборных комитетов из представителей нижних чинов во всех воинских частях, подразделениях и службах, а также на кораблях. Воинские части во всех политических выступлениях отныне подчинялись не офицерам, а выборным комитетам и Совету. Все оружие передавалось в распоряжение и под контроль солдатских комитетов. Вводилось равенство прав «товарищей солдат» с остальными гражданами. Отменялось отдание чести и титулование офицеров. Преследуя цель демократизации армии, приказ, однако, имел крайне негативные последствия: нарушая принцип единоначалия, он повлек за собой резкое падение дисциплины, что способствовало развалу русской армии.

– «Правда, приказ № 1 отменен недавно “приказом № 2”». Приказ № 2 был издан 6 марта 1917 с целью ограничения сферы действия приказа № 1. Устанавливалось, что приказ № 1 имеет применение только в пределах Петроградского гарнизона и не может распространяться на фронт. Разъяснялось также, что в приказе № 1 шла речь о выборах комитетов, а не воинского начальства, хотя уже состоявшиеся выборы офицеров признавались правомочными; кроме того, комитеты получали право возражать против назначения воинских начальников. Приказу № 2 не удалось ослабить негативное воздействие приказа № 1 еще и потому, что он не получил широкого распространения в войсках.

Ответственность демократии. Статья опубликована в газете «Речь» 10 марта 1917. Републикуется в первые.

К стр. 42. «Могущественнейший из абсолютных монархов мог сказать: “государство – это я”...» Выражение «Государство это я» приписывается французскому королю Людовику XIV (1643–1715), хотя в современной историографии это мнение подвергается сомнению.

– «Мы отдали в безграничное и бесконтрольное распоряжение казенных авгуров самые высокие и драгоценные блага всякой великой нации – ее международные задачи и ее мировые интересы...» Авгур (лат. *augures*) член почетной римской жреческой коллегии, выполняв-

ший официальные государственные гадания, основываясь на определенных природных признаках и поведении животных.

Туган-Барановский И. Смысл русской революции. Статья опубликована в газете «Биржевые ведомости» 10 марта 1917. Републикуется впервые.

К стр. 43. *«Кто станет возражать против известных слов П.Н. Милюкова в Государственной думе о низости и глупости павшего правительства?» Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – лидер Конституционно-демократической партии, депутат III и IV Государственных дум. В 1917 организатор и член Временного комитета Государственной думы и Временного правительства. Министр иностранных дел Временного правительства (2.03–1.05.1917). Член постоянного бюро Государственного совещания (август 1917, Москва), Временного совета Российской республики (Предпарламента, октябрь 1917). Депутат Учредительного собрания. После октября 1917 принимал участие в антибольшевистском движении. С конца 1918 – за границей. Автор статьи имеет в виду выступление П.Н. Милюкова в Государственной думе 1 ноября 1916, в котором он подверг критике правительство. Рефреном речи был вопрос («Что это – глупость или измена?»), содержащий намек на измену в верхах, стремление к сепаратному миру. Речь была запрещена для публикации, а против Милюкова было возбуждено дело за клевету.*

– *«Действительно, какое правительство в мире могло пасть ниже министерства Сухомлинова или Штюрмера-Протопопова? Распутин был символом этого правительства...» – Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – военный министр в 1909–1915. Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – в 1916 (с 20 января по 10 ноября) – председатель Совета министров Российской империи, одновременно (до 7 июля 1916) – министр внутренних дел, затем – министр иностранных дел (до 10 ноября 1916). Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) – последний министр внутренних дел российской империи (20 декабря 1916 – 28 февраля 1917). Распутин Григорий Ефимович (наст. фам. – Новых; 1869–1916) – крестьянин Тобольской губернии, с 1906 был близок к императорской семье.*

– *«Уже несколько месяцев тому назад выяснилось, что от царя отвернулись все классы русского общества, вплоть до того сословия, которое развалившуюся русскую монархию 12 лет тому назад – дворянства». Участники XII съезда объединенных дворянских обществ (ноябрь 1916) выступили с критикой в адрес Николая II, что «свидетельствовало о падении престижа династии и подрыве самих монархических устоев» (Корелин А.П. Объединенное дворянство (1906–1917) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 350). В резолюции съезда, представленной на утреннем заседании 1 декабря 1916, говорилось, в частности, о том, что «необходимо решительно устранить влияние темных сил на дела государственные. Необходимо создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народным доверием и способное к совместной с законодательными учреждениями работе, однако ответственное только перед Монархом. Оно должно быть вооружено в лице председателя Совета министром полнотою власти и сплочено единством общей программы» (Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. / Т. 3. 1913–1916 гг. М., 2002. С. 713).*

К стр. 44. *«Русская революция, согласно этому объяснению, вполне походит на турецкую, покончившую с тронем Абдул-Гамида. Николай II действительно был монархом того же типа, что и этот последний». Абдул-Хамид (1842–1918) – султан Османской империи в 1876–1909, последний самодержавный правитель Османской империи.*

К стр. 45. *«Вспомните фразу Маркса об “идиотизме” сельской жизни и об антиколлективистическом черепе крестьянина». В первом случае автор ссылается на работу К. Маркса «Манифест Коммунистической партии», где, в частности, говорится: «Буржуазия подчи-*

вила деревню господству города. Она создала огромные города, в высокой степени увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни». Во втором случае уточнить источник не удалось. В работах дореволюционных авторов данная фраза встречается неоднократно. Так, например, В.М. Чернов упоминает о том, что некоторые марксисты и в начале XX в. продолжали «презрительно третировать крестьянство по образцу старых времен», в связи с чем «с особенным удовольствием и подчеркиванием повторяли фразы о “мелкобуржуазной реакционности крестьянства”, о крестьянстве как “классе варваров, стоящих наполовину вне общества”, о “твердом антиколлективистическом крестьянском черепе”, “идиотизме деревни” и т. п., и т. п.» (В.М. Чернов. Маркс и Энгельс о крестьянстве. Историко-критический очерк. М., 1906. С. 42).

– «В “Союзе сельских хозяев” – одной из самых влиятельных общественных организаций Германии – крестьяне принимают такое же участие, как и помещики». ...«Союз сельских хозяев» – объединение, созданное в 1893 в Берлине с целью законодательного обеспечения интересов сельского хозяйства путем участия в парламентской деятельности.

– «Вот почему Герцен, попав на Запад, был поражен “мещанством” западной цивилизации». См.: А.И. Герцен. Письма из Франции и Италии. 1847–1852 // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М., 1955.

За сорванной завесой. Статья опубликована в газете «Речь» 11 марта 1917. Републикована впервые.

К стр. 46. «Но, оправившись от страха, он затаил чувство ненависти к испугавшим его людям и снова погрузился в свой фантастический сон о России. Марков 2-й и Дубровин, Тиханович-Савицкий и Щегловитов продолжали сочинять для царя трафаретные телеграммы от “миллионов” “союзников”, и он им верил, жил в чад у этой мнимой преданности...» Марков 2-й и Дубровин, Тиханович-Савицкий и Щегловитов продолжали сочинять для царя трафаретные телеграммы от «миллионов» «союзников». Марков 2-й Николай Евгеньевич (2 апреля 1866 – 22 апреля 1945) – политический деятель, публицист. Один из лидеров правого движения. Входил в число учредителей монархической Курской народной партии порядка, которая впоследствии влилась в Союз русского народа; председатель Главного совета Союза (с 1910). Член III и IV Государственных дум, лидер умеренного крыла фракции правых. Его политическая деятельность носила явный антисемитский оттенок. В 1915-м включен в состав Особого совещания по обороне, выступал за установление государственного диктата на период войны. После Февральской революции участвовал в создании подпольной организации «Великая единая Россия», которая безуспешно пыталась спасти царскую семью. Дубровин Александр Иванович (1855 – 1 апреля 1921) – политический деятель. Один из лидеров монархического Союза русского народа, председатель его главного совета (до 1910), редактор и издатель партийной газеты «Русское знамя». Позднее инициировал создание «Всероссийского дубровинского союза русского народа» (1911). После Февральской революции был арестован, содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией (март–май 1917). 14 октября 1917 был освобожден в связи с ухудшением состояния здоровья. Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич (1866 – осень 1917) – общественный деятель, купец. Один из создателей и глава Астраханской народной монархической партии (1905), ставшей влиятельным отделением Союза Русского народа. Издатель и редактор одиозной газеты «Русская правда» (с 26 октября 1906). Организовывал отправку телеграмм и обращений с поддержкой к императору и императрице. В конце 1916 предлагал царю конкретную программу борьбы с надвигающейся революцией. 30 декабря 1916 был принят царицей, предупреждал о готовящемся заговоре, передал списки «заговорщиков», убеждал распустить Государственную думу вплоть до конца войны. После победы Февральской революции был арестован и несколько месяцев провел в тюрьме. После обращения его

жены к А.Ф. Керенскому был освобожден 3 июля 1917. Выехал вместе с семьей на Кавказ. Вероятно, был расстрелян большевиками. *Щегловитов Иван Григорьевич* (13 февраля 1861 – 5 сентября 1918) – государственный и политический деятель. Министр юстиции (1906–1915). Сенатор (1911). Председатель Государственного совета (с 1 января 1917). Приверженец крайне правых взглядов, поддерживал Союз русского народа. Член монархической организации «Русское собрание», на Совещании монархистов в ноябре 1915 избран председателем руководящего органа монархистов – Совета монархических съездов. Пользовался расположением Николая II. В дни Февральской революции арестован, содержался в Петропавловской крепости с 1 марта 1917 по 26 февраля 1918. Расстрелян в ходе красного террора в Москве.

Под «союзниками» понимается «Союз русского народа» (СРН) – право-монархическая организация, действовавшая с 1905 по 1917. Запрещена после Февральской революции.

К стр. 47. *«Поставленные А.Д. Протопоповым на крышах тысячи полицейских пулеметов не спасли подгнивший трон от революционного порыва рабочих и солдатских масс...»*

Протопопов Александр Дмитриевич (18 декабря 1866 – 27 октября 1918) – политический и государственный деятель, крупный помещик и промышленник. Член III и IV Государственных дум, октябрист (после раскола фракции вошел во фракцию земцев-октябристов). Член Особого совещания по топливу (с августа 1915). Председатель Совета съездов представителей металлургической промышленности (1916). Последний министр внутренних дел Российской империи (назначен 20 декабря 1916). Современники обвиняли его в «активном бездействии» перед лицом готовящегося переворота. Однако накануне событий он настаивал на принятии решительных мер, в частности введении в столицу надежных воинских частей. 28 февраля добровольно явился в Таврический дворец, был арестован, находился в заключении в Петропавловской крепости, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией (март–апрель 1917). Расстрелян большевиками в Москве.

К стр. 48. *«Победа Вильгельма означает не только унижение и ослабление России, но и смертельный удар по только что завоеванной свободе...»* Вильгельм II (Wilhelm II) (27 января 1859 – 4 июня 1941) последний германский император и король Пруссии (с 15 июня 1888 по 9 ноября 1918).

16 марта 1917 г. Редакционная статья была опубликована в газете «Речь». Републикована впервые.

К стр. 49. *«Блестяще проведенная украинская демонстрация в Петрограде 12 марта, в прошлое воскресенье, обратила на него внимание широких слоев народа и нельзя не отметить с чувством глубокого удовлетворения этого ее значения...»* Это событие освещалось в газете «Речь»: «Украинцы праздновали 12-го марта провозглашение нового государственного строя в России. Торжество было приурочено к годовщине кончины украинского поэта Тараса Шевченко. Можно с уверенностью сказать, что на панихиду явились все украинцы, проживающие в Петрограде. Здесь были представители от петроградского гарнизона, причем некоторые запасные части в полном составе. Бывший конвой его величества (казаки Кубанской области) был также в полном составе. Студенты, чиновники, торговцы. Огромная площадь перед Казанским собором была полна народа. Над толпой колышались огромные знамена (желто-голубого цвета) былой украинской Сечи Запорожской и гетманщины. Все молящиеся не могли втиснуться в обширный собор. Панихида по национальному украинскому поэте была отслужена под открытым небом всенародно. На перти собора разместились духовенство во главе с настоятелем митрофорным протоиреем Орнатским. Стройно пел импровизированный хор из народа. При пении “Вечная память” многие опустили на колени.

По окончании панихиды состоялся митинг. Выступавшие ораторы благодарили русский народ и его армию за данную свободу национального самоопределения.

– Глубокий низкий поклон за это русскому народу! – сказал один оратор.

Три военных оркестра покрыли слова оратора кликами “ура” и “Марсельезой”.

Стройными рядами затем многотысячная толпа направилась по Невскому пр. к Таврическому дворцу. Впереди ехал бывший его величества конвой с украинским сечевым знаменем и запорожскими бунчуками. Затем следовали взводами войска во главе с офицерами-украинцами. За ними студенты, курсистки и мн. др. По всей дороге царил полный порядок. Толпа распевала украинские песни, печальные, тягучие. Оркестры играли попури из украинских мотивов. Несмолкаемые клики “ура”.

Многотысячная толпа вошла во двор Таврического дворца и здесь построилась шеренгами. Представитель исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов приветствовал от имени Совета украинцев.

Митинг был омрачен выступлением одного оратора, который не пожелал назвать своей фамилии. Оратор призывал украинцев-солдат немедленно прекратить войну. По адресу оратора слышались возгласы возмущения и протеста. Ему пришлось смешаться с толпой и больше не выступать». (*Речь. 1917. 14 марта*).

К стр. 50. «...политика Н.И. Иванова, гр. Бобринского, еп. Евлогия и всех их присных в Галиции...» *Иванов Николай Иудович* (22 июля 1851 – 27 января 1919) – военный деятель, генерал-адъютант (1907), генерал от артиллерии (1908). Во время Первой мировой войны главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (19 июля 1914 – 17 марта 1916). Под его командованием русские войска одержали победу в Галицийской битве (август-сентябрь 1914). Содействовал распространению в занятом регионе «русских начала». 20 сентября 1914 подписал распоряжение о начале издания во Львове официальной газеты русской администрации края – «Львовского военного слова». Пользовался доверием Николая II и императрицы. В марте 1916 был назначен членом Государственного совета и переведен в Ставку, где состоял генерал-адъютантом при особе императора. 27 февраля 1917 назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями. После отречения Николая II арестован, позднее освобожден. Выехал в Новочеркасск. Умер от тифа. *Бобринский Георгий Александрович*, граф (11 июля 1863 – 7 марта 1928) – военный и государственный деятель, генерал-лейтенант (1910), генерал-адъютант (1915). Генерал-губернатор Галицийского генерал-губернаторства (с 4 октября 1914 по 14 июля 1915), созданного на занятой российскими войсками части восточной Галиции. Проводил русификаторскую политику: местная администрация комплектовалась чиновниками из России; были высланы многие священники грекокатолической церкви; начался процесс экспроприации земель у евреев. *Митрополит Евлогий* (в миру Василий Семенович Георгиевский) (10 апреля 1868 – 8 августа 1946) – церковный и политический деятель. Епископ Православной российской церкви. Член II и III Государственных дум, входил во фракции: умеренно-правых, русской национальной, позднее примкнул к монархистам-националистам. Архиепископ Волынский и Житомирский (с 14 мая 1914). После занятия русскими войсками восточной Галиции назначен управлять церковными делами в занятом регионе. Поддерживал русификаторский курс властей, содействовал массовому открытию в Галиции православных приходов.

– «...*Временное Правительство освободило гр. Шептицкого...*» Имеется в виду *митрополит Андрей* (в миру граф Роман Мария Александр Шептицкий) (29 июня 1865 – 1 ноября 1944) – церковный и политический деятель. Предстоятель Украинской грекокатолической церкви (1900–1944). Митрополит Галицкий, архиепископ Львовский и епископ Каменец-Подольский (с 17 декабря 1900). Депутат Галицийского Сейма, австрийской Палаты господ. Во время Первой мировой войны, после занятия восточной Галиции русскими войсками, остался во Львове. 19 сентября 1914 арестован русскими военными войсками за антирусские проповеди и выслан в глубь Российской империи. После Февральской революции освобожден по предложению министра юстиции А.Ф. Керенского. В конце 1917 вернулся во Львов.

– «...*Сейчас перед правительством стоит задача – дать свободу украинской школе и, очевидно, это будет сделано в ближайшее же время...*» Вскоре после Февральской революции,

18 марта 1917, в Киеве была открыта первая украинская гимназия имени Т.Г. Шевченко, чуть позже в Киеве появилась вторая гимназия имени Кирилло-Мефодиевского братства. Однако эти учебные заведения создавались по решению местных киевских властей. Летом украиноязычные школы открылись повсеместно, даже в сельской местности.

Веселовский Б.Б. Организация самоуправления. Статья опубликована в газете «Русское слово» 16 марта 1917. Републикуется впервые.

К стр. 51. *«Временное правительство уже объявило что одной из очередных задач является реформирование органов самоуправления (земских и городских) на широких демократических началах».* Имеется в виду Декларация Временного правительства о его составе и задачах (3 марта 1917), где говорилось, в частности, о намерении провести «выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». См.: Вестник Временного правительства. 1917. № 1 (46). 5 марта. С. 1.

К стр. 52. *«...передать всецело земствам и городам средства и функции: 1) попечительства о народной трезвости и 2) разных комитетов, возникших в последнее время (романовский и татьянинский комитеты, верховный совет...» Попечительства о народной трезвости – государственные культурно-просветительные организации, существовавшие в России в конце XIX – начале XX в. Образованы в связи с введением винной монополии 1894. Согласно Высочайше утвержденному 20 декабря 1894 Уставу попечительств о народной трезвости, они состояли в ведении Министерства финансов, по Главному управлению неокладных сборов и казенной продажи питей. Попечительствам предоставлялось право: 1) «в интересах народного здоровья и нравственности» осуществлять надзор за тем, чтобы торговля крепкими напитками производилась согласно установленным правилам»; 2) «распространять среди населения здравые понятия о вреде неумеренного употребления крепких напитков, а также изыскивать средства для предоставления ему возможности проводить свободное время вне питейных заведений, и с этой целью устраивать народные чтения и собеседования, составлять и распространять издания, разъясняющие вред злоупотребления крепкими напитками, открывать чайные, народные читальни и т. п.»; 3) «иметь попечение об открытии и содержании лечебных приютов для страдающих запоем»; 4) оказывать содействие учреждениям и частным обществам, деятельность которых направлена к достижению тех же целей, с коими учреждаются Попечительства».* Делами попечительства заведовали губернские и уездные комитеты. По представлениям губернских комитетов, министр финансов мог учреждать городские комитеты попечительств, а также особые отделы уездных комитетов. Состав городских и уездных комитетов попечительств определялся министром финансов по соглашению с министрами императорского двора и внутренних дел. См.: Устав Попечительств о народной трезвости // Свод законов Российской империи. Том пятый. СПб., 1901. С. 274–283 [Уставы об акцизных сборах. Приложение к статье 524 (прим. 1)].

Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния – государственно-общественное благотворительное учреждение, создано Высочайшим указом от 21 февраля 1913 «в ознаменование трехсотлетия со дня всенародного избрания на царство первого государя из дома Романовых». Комитет состоял под покровительством Николая II. Председатель (А.Н. Куломзин) и члены Комитета были назначены императором 2 марта 1914, закон об организации утвержден 19 апреля 1914. Первоначально Комитет предназначался для помощи детям бедного сельского населения без различия национальностей, состояний и вероисповеданий, «а равно для объединения правительственной, общественной и частной деятельности в этом направлении». Позже Комитет стал участвовать также «в призрении некоторых категорий несчастных, как-то глухонемых, слепых, душевнобольных и идиотов, ныне остающихся без помощи». Пособия выдавались не лицам, а организациям: земствам, сельским обществам, братствам, церковно-приходским обществам, попечительствам и т. д. С началом Первой мировой войны Комитет вошел в Верховный совет по призрению семей

лиц, призванных на войну; помощь стала выделяться и городским учреждениям, если в них находились сельские сироты и дети воинов. Комитетом впервые в России была предпринята перепись сирот. К осени 1917 Комитет был передан в состав Министерства государственного призрения Временного правительства.

Комитет вел. кнж. Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий (Татьянинский комитет) – образован 14 сентября 1914 для координации работы с потоком беженцев из захваченных противником областей Польши, Прибалтики и Белоруссии. Председатель Комитета – член Государственного совета А.Б. Нейгардт, почетный председатель – вел. кнж. Татьяна Николаевна. Положение о Комитете (14 сентября 1914) рассматривается исследователями как первый законодательный акт об организации беженского дела в России. Комитет имел разветвленную региональную сеть (отделения в 61 губернии, где организовывались уездные комитеты, а в уездах – волостные), широкие контакты с правительственными и национальными организациями, пользовался правительственной поддержкой и значительными государственными субсидиями, небольшую часть денежных поступлений обеспечивали всероссийские сборы пожертвований и частные взносы. Особое внимание Комитета было сосредоточено на нуждах детей беженцев и нетрудоспособных. Помимо финансовой и продовольственной помощи беженцам, устройства новых и поддержания существующих приютов, школ, общежитий для малолетних учащихся, снабжении их обувью и бельем, топливом и др., чем занимались и другие организации, Татьянинским комитетом были разработаны новые формы помощи: трудовая помощь, регистрация и поиск пропавших беженцев, оказание образовательной и медицинской помощи детям-беженцам и др. Комитет согласовывал свою работу с Особым совещанием по устройству беженцев, учрежденным 30 августа 1915 «для обсуждения и объединения всех мер по обеспечению нужд беженцев» (предс. – министр внутренних дел). В 1916 Комитет сосредоточил свои усилия на оказании помощи беженцам, осевшим в местах их нового поселения. Ликвидирован не ранее февраля 1917.

Верховный Совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов – учрежден императорским указом от 11 августа 1914, состоял под предс. имп. Александры Федоровны. Задачи Верховного Совета были определены следующим образом: «главное руководство и объединение деятельности учреждений, ведающих призрением семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов; изыскание мер к усилению способов и средств призрения упомянутых семей; прием пожертвований; распределение между подлежащими учреждениями средств, ассигнуемых из государственного казначейства и пожертвований, не имеющих определенного назначения; рассмотрение других вопросов». Указом от 10 января 1915 к ведению Верховного Совета были отнесены мероприятия по приисканию работ и оказанию других видов призрения: офицерам и нижним чинам, священнослужителям, гражданским классным чинам и вольнонаемным лицам, которые утратили трудоспособность вследствие ран, увечий, болезней, вызванных условиями военного времени; служащим на железных дорогах; семьям всех упомянутых чинов и лиц, как погибших, так и утративших работоспособность. Деятельность Верховного Совета была прекращена после Февральской революции 1917.

17 марта 1917. Редакционная статья была опубликована в газете «Речь». Републикуется впервые.

К стр. 53. *«После манифеста о восстановлении конституции Финляндии Временное Правительство публикует сегодня второй акт капитальной важности, касающийся другой народности, судьба которой соединена с судьбой России, – народности польской...»* После манифеста о восстановлении конституции Финляндии Временное Правительство публикует сегодня второй акт капитальной важности, касающийся другой народности, судьба которой соединена с судьбой России, – народности польской.

«Манифест об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме» был подписан 6 марта 1917. Манифест отменял все ограничения финляндской конституции, введенные с конца XIX в. (прежде всего в период деятельности финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова) и подтверждал «незыблемое сохранение» «внутренней самостоятельности» финляндского народа, на основе его конституции, «прав его национальной культуры и языков». Также даровалась полная амнистия лицам, боровшимся с российским правительством за права Финляндии и давалось обещание созвать в возможно короткий срок сейм для решения вопроса о формах правления Великого княжества и расширения прав сейма. Вместе с тем Манифест исходил из того, что Финляндия будет и впредь оставаться связанной с Россией единством высшей власти и важнейшими общеимперскими делами.

К стр. 54. *«Употребив несколько дней на переговоры с польскими кругами, а также и с представителями поддерживающих его политических организаций Комитета Гос. Думы и Совета рабочих депутатов, Временное Правительство выработало воззвание к полякам, которое сегодня появляется в печати...»*

Вопрос об издании специального воззвания к полякам был инициирован Милюковым на заседании Временного правительства 15 марта 1917. Предложение было принципиально принято, и текст был рассмотрен и принят на следующем заседании. Воззвание издано 17 марта:

«Поляки!

Старый государственный порядок России, источник нашего и вашего порабощения и разъединения, ныне низвергнут навсегда. Освобожденная Россия, в лице своего Временного Правительства, облеченного полнотой власти, спешит обратиться к вам с братским приветом и зовет вас к новой жизни, свободе.

Старая власть дала вам лицемерные обещания, которые могла, но не хотела исполнять. Срединные державы воспользовались ее ошибками, чтобы занять и опустошить ваш край. Исключительно в целях борьбы с Россией и с ее союзниками, они дали вам призрачные государственные права, и притом не для всего польского народа, а лишь для одной части Польши, временно занятой врагами. Этой мерой они хотели купить кровь народа, который никогда не боролся за сохранение деспотизма. Не пойдет и теперь польская армия сражаться за дело угнетения свободы, за разъединение своей родины под командою своего векового врага.

Братья поляки! Настает и для вас час великих решений. Свободная Россия зовет вас в ряды борцов за свободу народов. Сбросивший иго, русский народ признает и за братским польским народом всю полноту права собственною волею определить судьбу свою. Верное соглашение с союзниками, верное общему с ними плану борьбы с воинствующим германизмом, Временное правительство считает создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе. Соединенное с Россией свободным военным союзом, польское государство будет твердым оплотом против напора срединных держав на славянство.

Освобожденный и объединенный польский народ сам определит государственный строй свой, высказав волю свою чрез Учредительное Собрание, созданное в столице Польши и избранное всеобщим голосованием. Россия верит, что связанные с Польшей веками совместной жизни народы получают при этом прочное обеспечение своего гражданского и национального существования.

Российскому Учредительному Собранию предстоит скрепить окончательно новый братский союз и дать свое согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши из всех трех, ныне разрозненных частей ее.

Примите же, братья-поляки, братскую руку, которую протягивает вам свободная Россия. Верные хранители великих преданий прошлого, встаньте теперь навстречу ново-

му светлomu дню вашей истории, дню воскресения Польши. Пусть союз наших чувств и сердец предварит будущий союз наших государств, и пусть с обновленною и неотразимою силою прозвучит старый призыв славных провозвестников вашего освобождения: вперед на борьбу, плечом к плечу и рука с рукою, за нашу и вашу свободу» (*Речь. 1917. 17 марта*).

– «...против векового врага, выдвинувшего идею “среди́нной Европы”, как первый этап мирового владычества...» «Среди́нная Европа» (Mitteleuropa) – геополитическая концепция Центральной Европы во главе с Германией, в основе которой лежало стремление Германии к расширению жизненного пространства за счет соседних государств и созданию выхода к Средиземному морю и на Ближний Восток. Малые страны региона (Австрию, придунайские государства) предполагалось присоединить к «германскому ядру», поскольку они, как утверждалось, не способны выжить без союза с великими державами; им предлагалась защита от внешней опасности, особенно от Франции на Западе и России на Востоке. Кроме оборонных вопросов, новая конфедерация должна была заниматься экономической стратегией в направлении формирования центрально-европейского общего рынка.

Изгоев А. С. Революция и культура. Статья опубликована в газете «Русская свобода» (№ 1. 1917). Републикуется впервые.

К стр. 55. «Самое сильное впечатление произвели слова П.Н. Милюкова, сказанные им в речи 16 декабря. “Время не ждет, атмосфера насыщена электричеством, в воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, господа, где и когда грянет удар (голоса слева: “Верно. Правильно”)”». См.: «...время не ждет. Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, гг., где и когда грянет удар. (Голоса: верно; правильно)» (Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание восемнадцатое. Пятница, 16 декабря 1916 г. [Пг., 1916]. Стб. 1179).

– «...пора потянуть к ответу самого “полковника”...» Имеется в виду Николай II, состоявший в звании полковника с 1892. По воспоминаниям А.П. Извольского, «почтение Николая II к памяти своего отца проявлялось иногда в весьма странной форме. Например, он, верховный вождь русской армии, никогда не соглашался принять более высокий чин, чем полковник, который был пожалован ему в прошлое царствование. Этот трогательный, но несколько наивный поступок сыновней почтительности не способствовал его престижу в военных кругах, где его всегда называли “полковник” – кличка, которая в конце концов звучала как насмешка с оттенком пренебрежения» (Извольский А.П. Воспоминания. Минск, 2003. С. 193).

– «Царская семья все свои надежды возложила на распутинского ставленника, нервно-больного человека, в голове которого созрел план вызвать революционеров на улицы столицы и перестрелять их в полтора тысяч пулеметов, расставленных на крышах». Имеется в виду Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918), последний министр внутренних дел Российской империи (20 декабря 1916 – 28 февраля 1917).

К стр. 56. «...четвертая Государственная дума, избранная по самому уродливому избирательному закону...» Имеется в виду Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907, принятое после роспуска II Думы. Введение новой избирательной системы увеличило представительство в Думе землевладельцев и состоятельных горожан, а также русское население по отношению к национальным меньшинствам.

– «...под давлением низких агентов Саблера и Макарова...» Саблер (с 12.11.1915 – Десятовский) Владимир Карлович (1845–1929) – обер-прокурор Св. Синода (1906–1915). Член Государственного совета по назначению (1905–25.10.1917), с 1915 входил в Правую группу. Член «Русского Собрания», одной из старейших правомонархических общественно-политических организаций России. После Февральской революции 1917 к ответственности не привлекался. После октября 1917 переселился в Москву, затем – в Тверь. Макаров Александр Александрович (1857–1919), министр юстиции и генерал-прокурор

Сената (7 июля – 20 декабря 1916). Член Государственного совета по назначению (с 1912), в 1912–1916 и 1917 входил в Правую группу, в 1917 член ее Совета. Арестован 1 марта 1917 (освобожден в августе 1917), затем – после октября 1917, в 1918 переведен из Петрограда в Бутырскую тюрьму в Москве, где и расстрелян.

К стр. 57. *«Так было в 1606–1613 годах»*. Имеется в виду события Смутного времени в России, связанные с государственно-политическим и социально-экономическим кризисом, польско-шведской интервенцией.

– *«...Четвертой Гос[ударственной] думе дал силу рожденный в патриотическом и национальном порыве прогрессивный блок»*. Прогрессивный блок – оппозиционное депутатское объединение, сложившееся в 1915 вокруг либеральных фракций IV Государственной думы.

К стр. 58. *«...и Михаил, своим братом назначенный царем, но отрекшийся от престола до выявления воли народной...» Великий князь Михаил Александрович (1878–1918)* – четвертый сын Александра III, младший брат Николая II. 2 марта Николай II отрекся от престола в пользу своего наследника, цесаревича Алексея, при регентстве великого князя Михаила Александровича. 3 марта в специальном Манифесте Михаил Александрович призвал граждан России подчиниться Временному правительству и объявил, что примет верховную власть только в случае, если народ выразит на то свою волю посредством всенародного голосования на выборах представителей в Учредительное собрание, которое должно было решить вопрос о государственном устройстве России. Таким образом, возвращение монархии (в конституционной ее форме) тогда не исключалось.

22 марта 1917 г. Редакционная статья была опубликована в газете «Речь» 22 марта 1917. Републикуется впервые.

К стр. 59. *«...благая весть о раскрепощении инородцев, об отмене унижительных, оскорбляющих человеческое достоинство национальных и вероисповедных ограничений...»* Постановление Временного правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» было принято 20 марта, издано 22 марта 1917. Этим законом отменялись «все ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности», а именно ограничения, связанные со свободой передвижения и жительства; приобретением прав собственности; занятием ремеслом, торговлей и промышленностью; поступлением на государственную и общественную службу; участием в выборах; поступлением в учебные заведения; употреблением языков и др.

К стр. 60. *«Он не задумался, например, расстроить акционерное дело, лишь бы ограничить участие евреев...»* В 1913–1914, под предлогом противодействия скупке земель акционерными обществами с еврейским капиталом и создания «крупного еврейского землевладения», были разработаны правила, ограничивающие приобретение земли любыми акционерными предприятиями. Кроме того, евреям было запрещено становиться управляющими недвижимым имуществом и директорами-распорядителями таких акционерных компаний. Однако протест российских промышленников вынудил царя объявить 16 июля 1914 о временном прекращении действия этих правил. Впрочем, на практике они применялись и в дальнейшем.

– *«...он не остановился перед охлаждением отношений к Америке, лишь бы не допустить иностранным евреям свободно въезжать в Россию...»* В связи с отказом российского правительства предоставить американским евреям те же права, которые имели в России остальные американские граждане, президент США У. Тафт по настоянию конгресса денонсировал в декабре 1911 русско-американский торговый договор, действовавший с 1832.

Петрищев А. К постановке земельного вопроса. Статья была опубликована в газете «Русские ведомости» 22 марта 1917. Републикуется впервые.

К стр. 61. *«Временное правительство постановило учредить особый земельный комитет».* Имеется в виду постановление Временного правительства по земельному вопросу от 19 марта 1917.

К стр. 62. *«В крестьянских приговорах 1905 г., вызванных Манифестом 17-го октября...»* Крестьянские приговоры – документально оформленные коллективные обращения крестьян (решения сельских и волостных сходов, собраний, митингов и пр.), адресованные высшим инстанциям (царю, Совету министров, Государственной думе) и содержавшие в себе (кроме местных), общеполитические и общеэкономические требования и пожелания. См.: Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник документов / Под ред. Л.Т. Сенчаковой. М., 2000.

Винавер М.М. Равенство. Статья опубликована в газете «Русские ведомости» 22 марта 1917. Републикуется впервые.

К стр. 63. *«Редакция такого проекта и выработана была Ф.Ф. Кокошкиным и пишущим эти строки».* Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – юрист-государствовед, специалист в области национальных проблем, публицист, общественный деятель. Профессор кафедры государственного права Московского университета (с 1897). С 1900 гласный Московского губернского земского собрания, с 1903 член Московской губернской земской управы. Помощник секретаря Московской городской думы. Активный деятель Организационного бюро, осуществлявшего руководство земско-городскими съездами в 1905. Один из основателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Депутат I Государственной думы, один из авторов «Выборгского воззвания». Постоянный сотрудник газеты «Русские ведомости» (с конца 1907). После Февральской революции 1917 вместе с М.М. Винавером подготовил первое воззвание Временного правительства. Председатель учрежденного Временным правительством 20 марта Юридического совещания, задачей которого было определение путей и характера преобразования государственного строя страны. 23 мая 1917 назначен Временным правительством председателем Особого совещания для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Во 2-е коалиционное Временное правительство (июль–август) вошел как государственный контролер. Высказывался в поддержку ген. Л.Г. Корнилова; после поражения его выступления покинул правительство. После прихода к власти большевиков участвовал в подготовке к выборам в Учредительное собрание; избран депутатом. Арестован 28 ноября 1917; 6 января 1918 переведен из Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в Маринскую тюремную больницу, где был зверски убит матросами и красногвардейцами.

К стр. 64. *«...история погромов времен Плеве, история погромов, которыми правительство задушило русскую свободу после 17-го октября, и история шпионажного навета, которым подлое предательское правительство хотело лишь смыть с себя ответственность за позор, нанесенный им России».* Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904) – министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов в 1902–1904. Проводил жесткую политику в отношении оппозиции. Убит эсером Е. Созоновым в июле 1904; поводом для расправы с министром послужили еврейские погромы в Кишиневе в апреле 1903. Автор также упоминает погромы, имевшие место после обнародования Манифеста 17 октября 1905, в т. ч. во многих населенных пунктах южных и юго-западных губерний в «черте оседлости» (наиболее крупные еврейские погромы произошли тогда в Ростове и Одессе). Далее Винавер высказывается по поводу событий периода Первой мировой войны: выселения евреев (около 500 тысяч человек) из прифронтовой зоны и с австрийских территорий, занятых российской армией, во внутренние губернии России (военные подозревали евреев в сотрудничестве с противником).

– «...еврейский народ устами своих представителей в первой Думе заявил: “Россия дорога всем национальностям, ее населяющим. Они сознают, что, оросив ее поля своей кровью, обогрив ею все пути освободительного движения, они вправе считать себя ее сынами, и настанет час, когда они, сплотившись все вместе, связанные узами любви, будут отстаивать общие интересы единого отечества... Доколе будет существовать гражданское рабство, не будет умиротворения в стране. Мы пойдем только с тем правительством, которое будет соответствовать воле народа, ибо только это правительство поймет, в чем залог истинной свободы”». Винавер ссылается на свое выступление в Думе 13 мая 1906 по поводу декларации Совета министров: «...Господа, Россия дорога всем национальностям, ее населяющим. Они сознают, что, оросив ее поля своею кровью, обогрив ею все пути освободительного движения, они вправе считать себя ее сынами, и я не сомневаюсь, что настанет час, когда они, сплотившись все вместе, связанные узами любви, будут отстаивать общие интересы единого отечества. ...Но теперь, когда мы видим в этом торжественном объявлении правительства желание идти дальше по тому же пути, по которому оно шло до сих пор, мы должны объявить здесь: доколе вы будете попустителями гражданского рабства, не будет умиротворения в стране... мы пойдем только с тем правительством, которое будет соответствовать воле народа. Ибо только это правительство поймет, в чем залог истинной свободы и порядка, основанного на праве» (Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. СПб., 1906. С. 339).

Четвериков С.И. Предпринимательская прибыль в условиях переживаемого момента. Статья опубликована в газете «Утро России» 24 марта 1917. Републикуется впервые.

К стр. 65. *«Я говорил в своей предыдущей статье (по поводу 8-часового рабочего дня)».* Имеется в виду статья автора «8-ми часовой рабочий день в условиях переживаемого момента», в которой говорилось следующее: «К числу вопросов, которые выдвинуты в первую очередь новыми условиями нашей социальной жизни, относится и вопрос о 8-ми часовом рабочем дне. То или иное толкование этого кардинального вопроса программы социальных партий является столь существенным для будущей судьбы русской промышленности, что, может быть, уместно выслушать и голос из ее среды, тем более что голос этот может быть вполне объективным, диктуемым исключительно соображениями государственных нужд, так как сокращение рабочего времени, как мера общая, устраняет соображения опасности конкуренции. Если дело идет о том, что все нормы оплаты фабричного труда должны быть приурочены к 8-ми часовой работе с правом за известную добавочную плату увеличивать ее продолжительность, то, при наблюдаемой ныне коренной ломке размеров заработной платы, 8-часовой труд, как исходный пункт для ее определения, едва ли может встретить какие-либо возражения; но я позволяю себе думать, что столь скромная роль как-то плохо мирится с тою настойчивостью, с которой этот вопрос выдвигается социал-демократической партией. При обсуждении этого вопроса мы ближе пойдем к истине, если будем считаться с намерением его фактического осуществления.

Фактически установленный 8-ми часовой рабочий день – это прежде всего сокращение в среднем на 20 % нынешнего производства страны. Ни для кого не тайна, что силы и размеры отечественной промышленности оказались совершенно несоответствующими тем требованиям, которые предъявила им война. Даже путем полного игнорирования самых насущных потребностей мирного населения страны, – она далеко не в состоянии удовлетворить запросы обороны. Мне передавал один из участников той делегации, которая вела в прошлом году переговоры в Лондоне о предоставлении валюты России на оплату ее заграничных заказов по военному снаряжению, что он был поставлен в самое тягостное положение, когда один из представителей финансового мира Лондона ему сказал: “Мы вполне сознаем, что вам необходима в этом деле наша помощь; вы требуете от нас пушек, снарядов, автомобилей, аэропланов, локомотивов, даже сукна, седел, подков, гвоздей – мы

все это даем вам охотно, но скажите вы сами, – что же можете вы-то внести в общий запас снаряжения союзных держав? Может быть, кирки, лопаты, топоры, веревки?” Увы! – должен был ответить наш делегат, и этих предметов за тройную цену у нас не достать. Если социал-демократическая партия выставила своим лозунгом 8-ми часовой рабочий день, то ведь русский народ в своем полном объеме выставил другой лозунг – “Все для войны”; как же примирить эти два положения, взаимно исключающиеся. Если бы в переживаемый нами момент, когда для всех ясно, что залог победы не только в актах героизма и самопожертвования, но и в высшем напряжении трудовой жизни нации, если бы раздался клич: “К сверхнормальной работе, товарищи! Дайте родине предел того, что могут дать вам ваши мышцы, ваш интеллект” – я думаю, что это было бы более в тон настроению страны, чем призыв к добавочному отдыху.

Как известно, “8-ми часовой рабочий день” был выдвинут как лозунг социал-демократического учения его основателем Марксом. Но, несмотря на то, что с тех пор прошло три четверти века, за исключением отдельных случаев (в Ново-Зеландии, в работах европейских и американских рудокопов), он нигде не получил точного себе применения. Как известно, во Франции после долгих перипетий борьбы, закон о нормировке рабочего дня наконец получил свое осуществление в 1912 году. Был установлен 10-ти часовой рабочий день, вводимый в 4-х летний период с правом первые два года работать 11 часов, два года по 10 ½ часов и только в 1916 году 10-часовая норма вступила в силу. В Англии урегулирован только труд женщин и детей. Труд взрослого мужчины свободен от всякой регламентации. В рудниках для подземной работы взаимным соглашением установлен 8-ми часовой рабочий день, а в Ноттингемском округе даже 7 ½, так как практически было дознано, что всякое продление этого времени в тяжелых условиях подземной работы скорее понижает, чем повышает производительность. Зато в том же Ноттингемском округе все надземные шахтные работы производятся не менее 10 часов. В Америке, где все шахты в своих законодательствах вполне автономны, в некоторых (меньшинстве) введено ограничение рабочего времени, – но во всех без исключения с оговоркою, что такое ограничение не обязательно там, где состоялся сепаратный договор между работодателем и рабочим. И это почти полное отсутствие применения в чистом виде принципа 8-ми часового рабочего дня не является случайностью. Всякое принципиальное начало, не получившее коррективов от самой жизни, вводимое в нее непосредственно, может оказать такой же вред, как чистый азот, вводимый в организм растения, несмотря на его необходимость в его жизни. Всякое осуществление истины должно быть соглашением между безусловной идеей и условностями жизни. Лучшим примером служит христианство; заповедь Христа “люби ближнего, как самого себя” была тою вехою, к которой человечество от времен язычества, от средневековых ужасов неустанно двигалось по пути признания прав человека. Такою же вехою в жизни рабочего класса является принцип 8-ми часового рабочего дня, как лозунг стремления рабочего класса довести свою работу до той нормы, которая не являлась бы помехою для исполнения иных, духовных запросов жизни. Но как нельзя представить себе жизнь современного человечества огульно, в чистом виде осуществляющую заповедь Христа, так нельзя представить себе рабочего – особенно в условиях переживаемого времени – отдающего 8 часов работе и 16 часов отдыха.

При оценке параллельной работы рабочего русского и его европейского и американского собрата – нельзя не считаться и с нашими бесчисленными праздниками. Я твердо убежден, что никакими декретами нельзя будет немедленно уничтожить празднование не только двенадесятых праздников, но и таких дней, как Ильин день, Петров день, Покров, Николай день, Казанской Божией Матери и др., это должно быть результатом очень длительной и сложной работы. Охранение своих праздников не есть столько стремление к добавочному отдыху, сколько результат известного уклада русской жизни, в своем прошедшем мало радостной и мало привольной.

Россия участвовала в Парижской конференции по организации экономических взаимоотношений союзников после войны. Какими же таможенными ставками должна она будет

оградить свой народный труд и какую новою тяготою ляжет такая мера на все остальные классы населения России? Обходить эти вопросы нельзя; но все эти соображения совершенно теряют свою остроту сравнительно с неотложно стоящими перед Россией вопросами о достижениях победы во что бы то ни стало. Жертвы должны приносить все классы общества, начиная с классов имущих, и не в виде лишь одних добровольных даваний; исключительные заслуги рабочей партии в деле завоевания России свободы – единодушно признаны всей страной, но “кому много дано, с того много и взыщется”, и для нее в данный момент не может быть иного лозунга, как “победа – ценою всяких жертв» (Утро России. 1917. 19 марта. № 75).

Грушевский М.С. Велика хвиля. Первая из серии статей и брошюр автора, посвященных выработке линии поведения политически активного украинства в революционных условиях. Заочно избранный Председателем Украинской Центральной Рады – политико-координационного центра украинских партий и организаций, видный ученый-историк 13 марта 1917 возвратился из Москвы, где заканчивалась его ссылка, начавшаяся в конце 1914, и счел главными, первостепенными своими задачами обоснование концепции деятельности сил, заинтересованных в реализации украинской идеи, ее адаптацию на уровень популярных представлений, которые были бы восприняты, усвоены массами и стали мобилизующим фактором, реальной политикой. М.С. Грушевский рассчитывал на одобрение формулируемой стратегии, предлагаемых лозунгов как можно более представительным форумом, для чего было решено созвать Украинский национальный конгресс, назначенный на 6 апреля 1917. Статья, вместе с другими, логически развивавшими и дополнявшими ее основные положения, была включена автором в брошюру «Вільна Україна. Статті з останніх днів (березень–квітень 1917)», отпечатанную в 1917 году в Киевской типографии т-ва «П. Барский». Републиковалась в сборнике: *Михайло Грушевський. На порозі Нової України. Статті і джерельні матеріали*. Нью-Йорк; Львів; Київ; Торонто; Мюнхен, 1992. С. 141–143, а так же: *Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М. Грушевського*. Київ, 1992. С. 95–113. Термин «хвиля» употреблен автором в значении «момент».

К стр. 67. «Впали з України кайдани» – «Упали с Украины кандалы» – автор имеет в виду великодержавную политику российского самодержавия, начало которой относится к временам решений Земского собора 1653 и Переяславской Рады 1654 о переходе Войска Запорожского, «под высокую царскую руку» Алексея Михайловича. Под *новодобытой свободой* подразумевалось государственное отделение Украины от Речи Посполитой в результате национальной революции под руководством Б. Хмельницкого. Москва официально вступала в войну против Польши как союзник Войска Запорожского.

– «Маніфест 1658 року» – Гадячский договор (трактат), заключенный 16 сентября 1658 между Украиной, Польшей и Литвой. Документом предполагалось создание триединого федеративного государства Речи Посполитой, в которой Польша, Восточная Украина и Литва объединялись бы под верховной властью польского короля. Участники объединения должны были помогать друг другу в борьбе с врагами. Православная вера получала равные права с римско-католической, а Брестская уния 1596 упразднялась. Круто меняя курс предшественников, тогдашний гетман Войска Запорожского И. Выговский рассчитывал получить помощь Польши в войне против Москвы. Однако против такой политики начались казачьи восстания под предводительством И. Богунa, И. Сирка, И. Безпалого. Поддержанные русским войском под началом Г. Ромодановского восставшие добились

лишения И. Выговского гетманства. Грушевский в своих исторических трудах негативно оценивал Гадячский договор.

– *«Російська революція визволила нас»* – *«Российская революция освободила нас»* – речь идет о Февральской революции, положившей начало процессам демократизации всех сфер общественной жизни. Лидеры украинского национально-освободительного движения считали свержение самодержавия – решением национального вопроса, доставшегося от прошлого, достижением украинской нацией реального равноправия.

К стр. 68. *«...гәнебногo указу 1876 року»* – *«...позорного указа 1876 года»* – речь идет о подписанном 18 (30) мая 1876 Александром II в германском курортном городке Эмсе (ныне г. Бад-Эмс) распоряжении о полном запрете украинской письменности. Этот акт существенно дополнил Валуевский указ 1863. Современники именовали его также «законом Юзефовича» (по фамилии главного автора – помощника куратора киевского учебного округа М. Юзефовича). Он запрещал публикацию на украинском языке оригинальных и в переводах произведений (даже текстов к нотам), ввоз украинских книг и брошюр, изданных за рубежом, постановку украинских спектаклей, концертное исполнение украинских песен и поэтических сочинений. Его последствием стали притеснения национально ориентированной интеллигенции, в частности закрытие общественных национальных организаций – Громад, Юго-Западного отдела Российского географического общества, репрессии против ряда профессоров Киевского университета. Впоследствии, несмотря на массовые протесты демократической и либеральной общественности России, этот указ не был отменен и оставался правомочным до вступления в силу царского манифеста Николая II от 17 октября 1905.

– *«...останню заяву тимчасового уряду»* – *«последнее заявление Временного правительства»*. Имеется в виду акт (Декрет) Временного правительства от 20 марта 1917 об отмене вероисповедных и национальных ограничений, опубликованный в «Вестнике Временного правительства» 22 марта. Явно запоздалая отмена ограничений в выборе места жительства, передвижения, приобретении собственности, занятиях ремеслами и торговлей, поступлении в учебные заведения, на государственную службу, а также употребления местных языков («наречий») в делопроизводстве частных обществ, преподавании в частных учебных заведениях и при ведении торговых книг, – не отвечала назревшим национальным требованиям народов России, умалчивая о проблемах самоопределения, автономии, употреблении родного языка в государственных учреждениях и учебных заведениях. Акт не вызвал широкого общественного отклика, в том числе и в Украине. См.: Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Т. 1. 1917. Февраль–май. Пг., 1924. С. 141–142; Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1978. С. 169–170.

26 марта 1917 г. Редакционная статья. Публикуется по изданию: Гроза. 1917. 26 марта. *«Гроза»* – крайне правая газета, выходившая в С.-Петербурге – Петрограде в 1909–1917. С 1910 редактором-издателем «Грозы» был *Жеденов Николай Николаевич* (ок. 1861–1933) – дворянин, активный участник черносотенного движения, член Главного совета Всероссийского Дубровинского союза русского народа, которому, видимо, и принадлежит данный текст.

К стр. 69. *«Из Высочайшего Его Величества Манифеста 2 марта 1917 года...»* Имеется в виду Акт об отречении императора Николая II.

К стр. 70. *«Но мы не последуем примеру Илиодора, смешавшего Православную Церковь с митрополитом Владимиром и от Нее из-за преследований этого иезуита отрекшегося, и менее всего сваливаем вину в злоупотреблениях на Самодержавие...»* – *Илиодор* (в миру *Труфанов Сергей Михайлович*, 1880 или 1881–1958) – иеромонах, возглавлял Почаевский отдел Союза русского народа. В 1908 переведен в Царицын, а в 1911 в один из монасты-

рей Тульской епархии. В 1912 по постановлению Синода заточен во Флоришеву пустынь, откуда пытался бежать. Снял с себя сан и монашество, отрекшись от православной веры. Эмигрировал. Владимир (в миру Богоявленский Василий Никифорович) (1848–1918) – митрополит Санкт-Петербургский (Петроградский) и Ладужский (1912–1915), первенствующий член Св. Синода (1912–1917), митрополит Киевский и Галицкий (1915–1917). Убит в Киеве (1918), канонизирован.

– *«Распоряжаются сейчас Россией две силы: помещичье-торгово-промышленная буржуазия в лице Исполнительного Комитета из членов Государственной Думы и рабоче-городская в лице Совета рабочих и крестьянских и солдатских депутатов (демократия)...» Исполнительный комитет Государственной думы* (Временный комитет Государственной думы) – высший чрезвычайный орган государственной власти, сформированный 27.02.1917 в ходе Февральской революции. *Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов* (Петросовет) – коллегиальный представительный орган власти, созданный явочным порядком в Петрограде в первые дни Февральской революции и претендовавший на высшую власть во всей России. До созыва I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (3.06–24.06.1917) являлся органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, опиравшимся на рабочую милицию и регулярные запасные полки Петроградского военного округа.

К стр. 71. *«...они запретили им выпускать отрекшегося Царя в Англию с Семьею, но заключили их под стражу, отрешили от верховного командования великого князя Николая Николаевича, и богачи вынуждены против воли своей соглашаться на все...» Николай Николаевич (младший)* (1856–1929) – великий князь, генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904), Верховный Главнокомандующий (1914–1915), наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом (1915–1917).

Сталин И.В. Против федерализма. Републикуемая статья – одна из опубликованных Сталиным в «Правде» после того, как он 12 марта, освобожденный Февральской революцией, вернулся из ссылки в Петроград. Первые из них – «О Советах рабочих и солдатских депутатов» и «О войне», появились в «Правде» 14 и 16 марта (№ 8 и 10). В промежуток между ними, 15 марта, на расширенном заседании Бюро ЦК РСДРП(б) Сталина, по рекомендации Л.Б. Каменева, ввели в состав редакционной коллегии «Правды» и в последующие дни, наряду с подписными – «Об условиях победы русской революции» и «Об отмене национальных ограничений» – «Правда». № 12, 17 от 18 и 25 марта, в газете появились статьи, как редакционная («На пути к министерским портфелям»), так и передовая («Или – или») – Там же. № 11, 13 от 17 и 26 марта. Все они были включены Сталиным в сборник собственных статей и речей 1917 года, подготовленный в 1924-м и вышедший в январе и мае 1925 года двумя изданиями под названием «На путях к Октябрю». Предисловие к сборнику, датированное автором 17 декабря 1924 года, под названием «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» в сокращенном виде многократно переиздавалась самостоятельно в различных сборниках, отдельных брошюрах, а также во всех изданиях книги И.В. Сталина «Вопросы ленинизма». Однако с полным его текстом можно познакомиться лишь в первых двух вариантах издания сборника «На путях к Октябрю» 1925 года. Любопытно, что по указанию Сталина к тексту републикуемой нами статьи, при ее включении в собрание сочинений было помещено т. н. «Примечание автора». Ниже мы приводим его полностью. Все отсылки в

«Примечании» принадлежат Сталину. Для перевода приведенных им цитат из работ В.И. Ленина см. «Таблицу соответствия нумерации томов и страниц 4 и 5 изданий сочинений В.И. Ленина» – «Алфавитный указатель произведений, вошедших в Полное собрание сочинений В.И. Ленина»:

«Настоящая статья отражает господствовавшее тогда в нашей партии отрицательное отношение к федеративному устройству государства. Это отрицательное отношение к государственному федерализму наиболее резкое выражение получило в известном письме Ленина Шаумяну в ноябре 1913 года. “Мы, – говорит Ленин в этом письме, – за демократический централизм, безусловно. Мы против федерации... Мы в принципе против федерации – она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или вернее, если гнет и трения “сожителства” таковы, что они портят и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, за меня не решай, не думай, что ты имеешь “право” на федерацию”. (См. т. XVII, стр. 90).

Характерно, что в резолюции по национальному вопросу, принятой Апрельской конференцией партии в 1917 году, вопрос о федеративном устройстве государства остался совершенно незатронутым. В резолюции говорится о праве наций на отделение, об автономии национальных областей в рамках единого (унитарного) государства, наконец, об издании основного закона против каких бы то ни было национальных привилегий, но ни одного слова не сказано о допустимости федеративного устройства государства.

В книжке Ленина “Государство и революция” (август 1917 года) партия, в лице Ленина, делает первый серьезный шаг к признанию допустимости федерации, как переходной формы “к централистической республике”, сопровождая, впрочем, это признание рядом серьезных оговорок.

“Энгельс, как и Маркс, – говорит Ленин в этой книге, – отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как “шаг вперед” при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос... Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, “покончила” с национальным вопросом отдельных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику “шагом вперед”. Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику”. (См. т. XXI, стр. 419).

Только после Октябрьского переворота становится партия твердо и определенно на точку зрения государственной федерации, выдвигая ее как свой собственный план государственного устройства советских республик на время переходного периода. Впервые эта точка зрения получила свое выражение в известной “Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа” в январе 1918 года, писанной Лениным и одобренной Центральным Комитетом партии. В этой декларации сказано: “Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик”. (См. т. XXII, стр. 174).

Официально эта точка зрения была утверждена партией на ее VIII съезде (1919 год). Известно, что на этом съезде была принята программа РКП. В этой программе говорится: “Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу». (См. “Программу РКП”).

Таков путь, пройденный партией от отрицания федерации к признанию ее, как “переходной формы к полному единству трудящихся разных наций”. (См. «Тезисы по национальному вопросу», принятые II конгрессом Коминтерна).

Эту эволюцию взглядов нашей партии по вопросу о государственной федерации следует объяснить тремя причинами.

Во-первых, тем, что ко времени Октябрьского переворота целый ряд национальностей России оказался на деле в состоянии полного отделения и полной оторванности друг от друга, ввиду чего федерация оказалась шагом вперед от разрозненности трудящихся масс этих национальностей к их сближению, к их объединению.

Во-вторых, тем, что самые формы федерации, наметившиеся в ходе советского строительства, оказались далеко не столь противоречащими целям экономического сближения трудящихся масс национальностей России, как это могло казаться раньше, или даже – вовсе не противоречащими этим целям, как показала в дальнейшем практика.

В-третьих, тем, что удельный вес национального движения оказался гораздо более серьезным, а путь объединения наций – гораздо более сложным, чем это могло казаться раньше, в период до войны, или в период до Октябрьской революции.

И. Ст.

Декабрь 1924 г.».

См.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 3. С. 28–31.

К стр. 72. «...*автор статейки (Иос. Окулич)...*» *Окулич-Окша Иосиф Константинович* (1871–1949) – енисейский казак, окончивший в Цюрихе в 1894 Политехнический институт с дипломом инженера-агронома. С 1896 – на государственной службе в министерстве земледелия в качестве агронома Томской губернии. Действительный статский советник, директор департамента сельского хозяйства, член Совета министров. Ездил в заграничные командировки для ознакомления с европейским опытом в сельском хозяйстве, с целью перенести полезные мероприятия на сибирскую почву. Содействовал развитию кооперации в Сибири. Отстаивал идеи федеративного устройства России. В 1919 выехал в США в качестве дипломатического представителя Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. Представлял русское национальное правительство до 1923 в США, Англии и Франции. С 1922 – в эмиграции.

К стр. 73. «*Война с Зондербундом в Швейцарии, борьба англичан с французами в Канаде*». Зондербунд (нем. *Sonderbund* – особый союз), объединение семи кантонов Швейцарского союза (Урн, Швиц, Унтервальден, Цуг, Люцерн, Фрибур, Вале), созданное в 1843–1845 для предотвращения буржуазно-демократических преобразований и сохранения политической раздробленности страны. Развязал гражданскую войну (1847), в которой потерпел поражение. Говоря о борьбе англичан с французами в Канаде, Сталин имел в виду не только Семилетнюю войну 1756–1763, но и борьбу за права франко-канадцев после Квебекской конференции 1864 года и Акта 1867 года о конфедерации, получившей от Англии статус доминиона и обострение национальных противоречий в стране в годы Первой мировой войны.

Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов. Статья была опубликована в газете «Дело народа» 31 марта 1917. Републикуется впервые.

Ландау Г.А. Единая Россия. В статье изложены подходы автора к анализу национального вопроса, нашедшие отражение также и в его более ранних работах. См.: Ландау Г.А. Бессилие националистического творчества. К критике национальных программ Сионистской и Еврейской народной партии. СПб., 1907; Его же. Идея этнической государственности // Северные записки. 1915.

Апрель. С. 187–205; Его же. Польско-еврейские отношения. (Статьи и заметки). Пг., 1915. Републикується вперше.

К стр. 86. *«Клерикальные партии (напр[имер] германский центр) объединяют рабочих с аристократами, консерваторов с людьми сравнительно прогрессивными...»* Клерикальная партия (Католический центр) возникла в прусском ландтаге в начале 1850-х (лидеры – братья Рейхеншпергеры). В начале 1871 большинство ее членов образовали Конституционную партию (переименована в Партию центра, позднее известна как Католический центр). После объединения Германии перешла в оппозицию, выступала против мероприятий правительства О. Бисмарка, направленных к стеснению свободы. Несмотря на близость к «свободомыслящей» (прогрессивистской) партии, по вопросам экономики и финансов Католический центр сближался с консерваторами (например, защищал права ремесленников), поддерживал таможенную политику правительства. Защита прав рабочих сближала «центристов» с социалистами. Отличительные черты партии – отсутствие программы, пестрый социальный состав. Лидеры: Виндгорст Л. (1812–1891), Либер Э. (1838–1902), Гребер А. (1854–1919). С 1890 Католический центр утратил оппозиционный характер. См.: Водовозов В. Центр // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза – И.А. Ефрона. Т. XXXVIII. СПб., 1903. С. 40–42.

Грушевский М. С. Повороту нема («Возврата нет») – одна из программных статей, обосновывавших платформу украинской национально-демократической революции. Включалась автором в брошюру «Вільна Україна», изданную весной 1917 и воспроизведенную в сборнике: Великий Українець. Матеріали з життя і діяльності М. С. Грушевського. Київ, 1992. С. 95–113. Републікована також в издании: *Михайло Грушевський. На порозі Нової України. Статті і джерельні матеріали*. Нью-Йорк; Львів; Київ; Торонто; Мюнхен, 1992. С. 144–146.

К стр. 95. *«Це старе наше домагання широкої національно-територіальної автономії України в Російській федеративній республіці, на демократичних підвалинах, з міцним забезпеченням національних меншостей нашої землі»*. В общественно-политической мысли украинства в политических платформах участников национально-освободительного движения всего XIX в. и первых десятилетий XX в. выдвигались главным образом два стратегических лозунга: 1) децентрализация России, условием которой предполагалось уничтожение абсолютизма и федеративное переустройство республики на демократических началах, в которой Украина имела бы статус широкой национально-территориальной автономии; 2) создание самостоятельного, независимого, суверенного украинского государства. Доминирующей являлась первая, автономистски-федералистская точка зрения.

– *«...народоправства»* – термин, употреблявшийся М. С. Грушевским и другими лидерами украинских партий, по существу, как синонимы понятий демократический и социалистический строй. Практически все политические партии, создавшие в начале марта 1917 Центральную Раду, имели в своем названии стратегическую характеристику – социалистические: Украинская партия социалистов-федералистов, Украинская социал-демократическая рабочая партия, Украинская партия социалистов-революционеров, Украинская партия самостийников-социалистов и т. п. Исходя из этого тремя главными требованиями программы Украинской революции, в обосновании которой Председателю Центральной Рады М. С. Грушевскому принадлежала главенствующая, определяющая роль, являлись: народоправство (народоправие), широкая национально-территориальная автономия Украины в федеративной демократической республике Россия, украинизация всех сфер общественной жизни.

– *«...в 1840-их роках»* – *«...в 1840-х годах»* – автор имеет в виду деятельность тайной украинской организации «Кирилло-Мефодиевское братство» (товарищество, Украинско-славянское товарищество). Возникло в Киеве в конце 1845. Членами товарищества, име-

новавших себя братчиками, были воспитанники и сотрудники Киевского и Харьковского университетов, а ведущую роль играли Н.И. Костомаров, Т.Г. Шевченко, Г. Андрузский, В.М. Белозерский, Н.И. Гулак, П.А. Кулиш. В основополагающем документе – Уставе – акцент делался на полной самостоятельности каждого славянского «племени», будущем общем Славянском соборе (т.е. славянской федерации) с равными правами всех участников. В марте 1847 товарищество было разгромлено, хотя из приблизительно 100 законспирированных участников жандармы смогли выявить и арестовать 12. *Шевченко Тарас Григорьевич* (1814–1861) – великий украинский поэт, художник, мыслитель, гуманист. Выходец из крепостных крестьян, в своем творчестве неустанно призывал к всенародной борьбе за освобождение Украины из-под ярма феодально-крепостнического гнета, отстаивал национальную гордость, народные права и свободу. В 1846 вступил в Киеве в Кирилло-Мефодиевское товарищество, стал наиболее яркой и влиятельной его фигурой. Был приверженцем идеи славянской федерации. *Костомаров Николай Иванович* (1817–1885) – выдающийся украинский и российский историк, писатель, публицист. Друг Т.Г. Шевченко, принимал вместе с ним участие в деятельности Кирилло-Мефодиевского товарищества. Обосновывал историческую концепцию украинской нации. Пропагандировал федералистские взгляды. Подвергнут аресту и ссылке в Саратов. Затем – профессор Киевского и Петербургского университетов. *Кулиш Пантелеймон Александрович* (1819–1897) – видный украинский писатель, переводчик, критик, историк, этнограф. Являясь членом Кирилло-Мефодиевского товарищества, придерживался федералистской концепции переустройства России. *Гулак Николай Иванович* (1822–1899) – украинский ученый, демократ. Известен трудами по истории, филологии, юриспруденции, математики. Один из организаторов Кирилло-Мефодиевского братства. Доказывал необходимость объединения всех славян в демократическую федеративную республику. Одним из первых в Украине пропагандировал идею «хождения в народ». После ареста в 1847 на три года был заточен в Шлиссельбургскую крепость, а затем сослан в Пермь. *Белозерский Василий Михайлович* (1833–1899) – один из организаторов Кирилло-Мефодиевского братства, автор ряда его документов программного характера. Исповедовал либерально-реформистские взгляды. В 1847 арестован и сослан в Олонецкую губернию.

– «...днів свободи» – «...дней свободы» – ироническая характеристика короткого периода после издания Манифеста 17 октября 1905 о свободе слова, неприкосновенности личности и проч., однако вскоре стало очевидным, что провозглашенные манифестом свободы оказались мнимыми.

– «на великих зборах, маніфестаціях і у всякого роду прилюдних заявах, до яких прилучаються українські і неукраїнські зібрання на місцях, заявляючи солідарність з ними і стверджуючи, що це домагання всього українського громадянства і всіх політично-свідомих верств України» – констатация факта поддержки автономистско-федералистского курса на множестве различных собраний, повсеместно проходивших в Украине в первые недели после Февральской революции. Происходило органичное совпадение теоретических воззрений политических лидеров украинства и настроений, латентных порывов широких народных масс.

– «Программа культурного самоопределения, которую недавно в одной из своих речей неосторожно принял за меру национальных требований народов России, и в том [числе] и народа украинского, глава нынешнего Временного правительства кн. Львов...» Очевидно, речь идет о заявлении видных еврейских общественных деятелей, депутатов Государственной Думы на приеме у Временного правительства на 24 марта 1917, которым они, с одобрением восприняв акт Временного правительства от 20 марта 1917 об отмене национальных и вероисповедных ограничений, фактически выразили удовлетворение обещаниями новой власти встать на путь разрешения некоторых аспектов национальной жизни, не выходящих за пределы программы культурно-национальной автономии. См.: Заславский Д.О., Канторович Вл.А. Хроника Февральской революции. Т. 1. 1917 г. Февраль–май. Пг.,

«Былое», 1924. С. 142; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 184–186.

К стр. 96. *«...коли російський уряд, користаючи з війни, заходився нищити і викорінювати українство в Галичині і в Росії»* – *«...когда российское правительство, пользуясь [ситуацией] войны, принялось уничтожать и искоренять украинство в Галиции и в России»*. Речь о массовом терроре, развязанном официальными российскими властями с начала империалистической войны в Галиции, оправданием которого служили утверждения о широко распространенном австрофильстве, а оборотной стороной его якобы являлось враждебное отношение к России. Печальные события иногда именуют «галицкой руиной». Обвинения в «мазепинстве», то есть предательском поведении, нередко распространялись в агитационно-пропагандистских акциях на всех украинцев, в том числе проживавших в пределах Российской империи.

К стр. 97. *«З цим треба великої обережності. Це повинно бути ясне керівникам Російської держави!»* Хотя стержнем платформы Украинской революции оставалось требование широкой национально-территориальной автономии в федеративной демократической республике Россия, М.С. Грушевский предостерегает правящие и общественные круги России от сопротивления восстановлению украинской государственности в весьма ограниченном варианте, предупреждает, что негативное отношение к справедливым, исторически назревшим национальным требованиям с неизбежностью может привести к радикализации позиции участников общественных процессов, выдвижению требований самостоятельности и, таким образом, государственного отделения от России.

Вам следует собраться с умом и честью! Редакционная статья газеты «Сакартвело». На русском языке публикуется впервые. Перевод И.П. Якобашвили, ред. А.П. Ненароков. Статья посвящена резко обострившимся после свержения самодержавия в России межпартийным противоречиям, с одной стороны, между грузинскими социал-демократами и социалистами-федералистами и национально-демократической партией Грузии – с другой. Ее вероятный автор, лидер социалистов-федералистов Иван (Кита) Абашидзе, проживавший тогда в Кутаиси, особым декретом Временного правительства от 9 марта 1917 года был назначен одним из комиссаров Особого Закавказского Комиссариата (ОЗАКОМа). Однако на закрытом заседании Тифлисского Совета рабочих депутатов 11 марта председатель Совета Н.Н. Жордания выступил против включения в состав комиссариата т. н. «националистов», как людей, не пользующихся «доверием демократии» и способных создать «крупные трения» на почве межнациональных отношений. Особо подчеркивалась принципиальная «несвоевременность выдвижения в данный момент национального вопроса» вообще, ибо он «может повредить делу революции». См.: Протоколы Закавказских Революционных Советских Организаций. Вып. I. Тифлис, 1920. С. 123. Кроме того, публично было высказано соображение о необходимости освобождения Абашидзе от должности комиссара с назначением на его место депутата IV Государственной думы, члена Организационного Комитета РСДРП А.И. Чхенкели, что и послужило основанием для соответствующего решения Временного правительства от 13 марта. Это вызвало бурную реакцию практически всех политических партий Грузии того времени и национальной творческой элиты (см., к примеру, публикацию известной писательницы *Эк. Габашвили* «Письмо г-ну Ною

Жордания // Сакартвело. 1917, 18 марта. № 62). С учетом сложившейся ситуации, глава Временного правительства кн. Львов 16 марта в специальной телеграмме на имя Абашидзе подчеркнул, что «произошла досадная ошибка» и попросил его вернуться в комитет для «исполнения своих обязанностей» (Там же).

Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции. Статья написана 4–5 апреля. Перепечатана, либо в развернутом виде излагалась во всех ведущих российских газетах, начиная с «Русской Воли» и кончая большевистскими газетами «Социал-Демократ» (Москва), «Пролетарий» (Харьков), «Красноярский Рабочий», «Вперед» (Уфа), «Бакинский Рабочий», «Кавказский Рабочий» (Тифлис) и другими. Подпись Н. Ленин. Публикуется по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113–118. Данная статья В.И. Ленина в апреле 1917 была републикована в Петрограде издательством «Прибой» тремя изданиями в виде приложения к брошюре «Письма о тактике. Письмо 1-е». Кроме основной части, посвященной разъяснению основных положений т. н. «Апрельских тезисов», брошюра содержала ответы на критические замечания Г.В. Плеханова, которого Ленин позволил себе охарактеризовать как «бывшего марксиста». (Там же. С. 139). Основное внимание в брошюре было уделено «правдинским» выступлениям Л.Б. Каменева, открыто выступившего против провозглашенного Лениным курса на социалистическую революцию. Это имело особое значение в связи с предстоящим открытым обсуждением вопроса о перспективах революции и задачах партии на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), где Каменев уже был объявлен содокладчиком по ленинскому докладу о текущем моменте. Заявление Каменева, что «в широкой дискуссии он надеется отстоять свою точку зрения как единственно возможную для революционной с.-д., поскольку она хочет и должна до конца остаться партией революционных масс пролетариата, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов» (там же.), Ленин определил как «глубоко ошибочную оценку момента». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 144). Первое издание ленинской брошюры вышло не позднее 26 апреля, о чем оповестила «Правда» (1917, 27 апреля. № 42). Таким образом, большевистская партия и, в частности, делегаты Апрельской конференции получили возможность ознакомиться с ее содержанием до голосования резолюции о текущем моменте, которое состоялось 29 апреля, что в значительной степени повлияло на итоги голосования. Брошюре «Письма о тактике» должна была предшествовать другая – «Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии)» (см.: Т. 31. С. 149–186). В этой брошюре каждый из ленинских апрельских тезисов раскрывался и обосновывался более основательно и четко. Работа над ней была завершена автором 10 апреля, но издание не состоялось, как писал Ленин, «вследствие экономической разрухи и неработоспособности типографий в Петербурге». (Там же. С. 184). Однако, «переписанная на пишущей машинке и розданная членам партии в нескольких экземплярах перед конференцией и на конференции», эта брошю-

ра, по словам Ленина, сделала «свою часть работы». (Там же). Отдельным изданием она вышла в сентябре 1917.

К стр. 100. *«Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата»*. Речь идет о «сообщении, сделанном Исполнительному комитету Петросовету тт. Лениным и Зиновьевым по поручению товарищей, приехавших из Швейцарии», сделанном в ночь с 3 на 4 апреля. См.: «Правда». 1917, 5 апреля. № 24. Статья в ПСС. Т. 31. С. 119–123.

– *«Читал я их очень медленно и дважды: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков»*. На собрании большевиков председательствовал Г.Е. Зиновьев. По свидетельству Ленина, именно Зиновьев предложил ему повторить свое выступление на объединенном собрании большевиков и меньшевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. На самом деле инициатором данного предложения был большевик В.С. Войтинский, к тому времени активно выступавший с призывом к объединению социал-демократических организаций и в поддержку Временного правительства. Дважды внимательно прослушав ленинские соображения, он заявил: «Ленин очень талантливо вбил в былой раскол осиновый кол. Мы все соединимся без него и против его программы, придуманной в вагоне». (Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 178). Став одним из самых последовательных и жестких оппонентов Ленина, и не желая принимать участия в реализации предложенного им курса на социалистическую революцию, Войтинский обратится в начале мая в Бюро меньшевистской фракции Петроградского Совета с заявлением о полном разрыве с большевизмом, который, по его мнению, «потерял всякую связь с идеями революционного марксизма», и просьбой принять его в ряды РСДРП. (Там же. С. 200).

К стр. 101. *«...мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.»*. Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) – политический деятель. Член РСДРП. С 1903 меньшевик. Депутат III и IV Государственных дум. В 1917 член Временного комитета Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В августе 1917 – участник Государственного совещания. В сентябре 1917 член Всероссийского демократического совещания и Временного совета Российской республики (Предпарламента). Депутат Учредительного собрания. В 1919 председатель Учредительного собрания Грузии. С 1921 – в эмиграции. Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959) – общественный и политический деятель. В 1900 поступил на юридический факультет Петербургского университета. С 1901 – председатель Исполнительного комитета объединенных студенческих землячеств Москвы. В 1902 арестован, исключен из университета. В 1903 вошел в Тифлисский комитет РСДРП. Меньшевик. Депутат II Государственной думы. Член социал-демократической фракции. В 1907 по обвинению в подготовке вооруженного заговора осужден на 5 лет каторжных работ, замененных 7 годами одиночного заключения в Александровском каторжном центре. В 1913 выпущен на поселенье. В марте 1917 вернулся в Петроград. Член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В мае–июле 1917 министр почт и телеграфов. С июня 1917 – товарищ председателя ВЦИК. В июле 1917 – управляющий Министерством внутренних дел. Участвовал в работе Государственного совещания. В августе 1917 избран в состав ЦК меньшевиков. Депутат Учредительного собрания от Закавказского избирательного округа. В мае 1918 участвовал в создании Грузинской демократической республики. С 1921 жил во Франции. Переехал в США в 1951. Скончался в Нью-Йорке. Стеклов Юрий Михайлович (наст. фам. и имя Нахамкис Овший Моисеевич) (1873–1941) – революционер, политический и государственный деятель. В 1893 присоединился к социал-демократам. В 1894 сослан в Якутскую губернию. В 1899 бежал из ссылки.

В 1903 примкнул к большевикам. В 1917 член исполкома Петросовета. Один из составителей Конституции 1918 и Конституции 1924. Репрессирован.

К стр. 103. «*“Центром” называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (= “оборонцами”) и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.*» *Каутский (Kautsky) Карл* (1854–1938) – немецкий политический деятель, лидер ортодоксального крыла Социал-демократической партии Германии. Редактор журнала «Die Neue Zeit» («Новое Время»). Один из разработчиков Эрфуртской программы (1891). Доказывал противоречивость развития капиталистического общества, которое одновременно обогащалось за счет пролетариата и способствовало его социальной защите. Причем, вторая тенденция свидетельствовала о наличии перспектив совершенствования социально-экономической системы. В соответствии с этим критиковал лозунг: «Чем хуже, тем лучше». Выступал в защиту парламентаризма. Противник замены парламента прямым народным голосованием. Жестко оппонировал бернштейнцам. *Лонге (Longuet) Эдгар* (1879–1950) – французский врач и общественный деятель, участник французского Сопротивления. Член Социалистической партии. В 1938 вошел в Французскую коммунистическую партию. *Турати (Turati) Филиппо* (1857–1932) – итальянский журналист и политический деятель. В 1877 окончил Болонский университет. В 1892 участвовал в создании Социалистической партии. С 1896 депутат парламента. В 1926 эмигрировал из Италии. *Макдональд (Macdonald) Джеймс Рамсей* (1866–1937) – английский политический деятель. С 1885 член Социал-демократический федерации, с 1886 – член Фабианского общества, с 1894 в Независимой рабочей партии. В 1900–1912 – секретарь, в 1912–1924 – казначей Лейбористской партии. С 1906 – член Палаты общин. В 1924, 1929–1931 – премьер-министр.

К стр. 104. «*Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. германскую социал-демократию “смердящим трупом”.*» *Роза Люксембург (нем. Luxemburg, польск. Luksemburg)* (1871–1919) – деятель международного социал-демократического движения. С 1898 жила в Германии, вступила в Социал-демократическую партию Германии. В 1907 участвовала в работе V съезда РСДРП. С 1914 возглавляла группу «Интернационал». В 1916 была одним из создателей группы «Спартак», объединившей левое крыло немецкой социал-демократии. В 1918–1919 участвовала в создании Коммунистической партии Германии. Участвовала в вооруженном выступлении в Берлине в январе 1919. Убита конвойным по дороге в тюрьму.

Придите в себя, пора! Редакционная статья газеты «Эртоба». Ответная статья на выступление социалистов-федералистов и представителей национал-демократической партии Грузии в «Сакартвело». На русском языке публикуется впервые. Перевод с грузинского И.П. Якобашвили, ред. А.П. Ненароков. Авторство данной статьи-реплики, судя по стилю, возможно, принадлежит самому Н.Н. Жордания.

К стр. 105. «*Перечитайте передовицу в их газете, выпущенной в Пасху.*» Светлое Христово Воскресение – Пасха пришлось в 1917 году на 2 апреля от Р.Х. по старому стилю.

– «*Не очаровательна ли эта филиппика националистов!*» *Филиппики (гр. philippika)* – обличительные политические речи древнегреческого оратора Демосфена против царя Филиппа Македонского.

– «*Наши националисты так и не смогли забыть методы борьбы Дубровина, “благославленного” и К°, которые всех российских революционеров называли “жидами”.*» *Дубровин Александр Иванович* (1855–1918), один из лидеров «Союза русского народа». «*Благословенный*» – призванный к служению народу.

– «Неужели только для затуманивания ваших мозгов выкроил время Юпитер?». Юпитер – верховный бог в римской мифологии, душа и разум мира.

Губер П. Армия и демократия. Статья опубликована в газете «Речь» 8 апреля 1917. Републикуется впервые.

К стр. 107. «Напомню книгу Жореса *“L’armée nouvelle”*». Жан Жорес (фр. *Jean Jaurès*) (3 сентября 1859 – 31 июля 1914) – деятель французского и международного социалистического движения, борец против милитаризма и войны, пацифист; философ, историк.

Ленин В.И. О двоевластии. В Полном собрании сочинений была опубликована по тексту газеты. Подпись: Н. Ленин. См.: Ленин. В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145–148. Вопросу о характере власти Советов и необходимости того, чтобы им принадлежала «вся власть в государстве снизу доверху» (Там же. С. 187) посвящены многие из авторских апрельских газетных статей Ленина. См.: «Речь к солдатам на митинге в Измайловском полку 10 (23) апреля 1917 г.», «Союз лжи», «Солдаты и земля», «Съезд крестьянских депутатов», «Наши взгляды. Ответ на резолюцию Исполнительной комиссии Совета солдатских депутатов», «О пролетарской милиции», «Резолюция Центрального Комитета РСДРП(б), принятая утром 22 апреля (5 мая) 1917 г.», «Неуемное злорадство», «И.Г. Церетели и классовая борьба» и др. (Там же. С. 187–189, 217–220, 266–267, 270–273, 278–283, 286–289, 319–320, 337–338, 468–472). Большая часть их публиковалась в «Правде», а также в начавшей выходить с 15 апреля «Солдатской Правде».

Плеханов Г.В. О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен. Впервые републиковано в сб. Плеханов Г.В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. в двух томах. Том первый. Paris. 1921. С. 19–29.

К стр. 111. «В статье о задачах пролетариата в данной революции (*“Правда”* № 26) Ленин, изложив свои, отныне знаменитые тезисы, в заключение счел нужным обрушиться на меня грешного». Ленин Н. «О задачах пролетариата в данной революции. (Апрельские тезисы)» // См.: Правда. 1917, 7 (19) апреля. № 26).

– «...я не давал никакого отзыва о речи Ленина и не был между его слушателями. “Бредовой” назвал длинную речь Ленина товарищ репортер “Единства”». 5 апреля 1917 в газете «Единство» было опубликовано информационное сообщение «Совещание представителей социал-демократической партии по вопросу объединения», где репортер (фамилия отсутствует) пишет о выступлении Ленина: «Это поистине бредовая речь встретила достойный отпор со стороны Церетели».

К стр. 112. «...“Палату № 6” Чехова». Повесть великого русского писателя А.П. Чехова (1860–1904) «Палата № 6», написана в 1892.

– «Записки титулярного советника Авксентия Ивановича Поприщина». Литературный персонаж, главный герой повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1834). Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) – русский писатель.

– «Рассуждения этих людей всегда заставляли меня вспоминать о том мещанине в одном рассказе Глеба Успенского, который уверял, будто существует статья, гласящая: “по совокупному мордобою и взаимному оскорблению не виновны”». Рассказ Г. Успенского

«Маленькие недостатки механизма» был опубликован в серии «Бог грехам терпит» (1881). *Успенский Глеб Иванович* (1843–1902) – русский писатель.

К стр. 113. «*Petitio principia*» – (лат. – претензия на то, чтобы стать основой доказательства), допущение в качестве основы доказательства положения, которое само еще требует доказательства. – *Львов Г.Е.* Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – общественный и политический деятель. В 1886–1893 служил по Министерству внутренних дел. В 1902–1905 председатель Тульской губернской земской управы, в 1904–1905 участник земских съездов. Член кружка «Беседа», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов». Один из организаторов общеземской помощи раненым в русско-японскую войну. Депутат I Государственной думы. В период Первой мировой войны председатель Всероссийского земского союза. С 1915 председатель Земгора. В марте – июле 1917 – председатель Временного правительства. После 1917 эмигрировал во Франции. В 1918–1920 глава Русского политического совещания в Париже.

– *Бетман-Гольвег (Bethman Hollweg)* Теобальд (1856–1921) – германский государственный деятель, рейхсканцлер Германской империи, министр-президент Пруссии в 1909–1917.

– «*Но неужели Ленин способен принять всерьез это утверждение германского канцлера, в свое время, победоносно опровергнутое автором известной книги "J'accuse"?*» Речь идет о памфлете Э. Золя «Я обвиняю» (1898), в котором он изобличал генштаб и военных министров во лжи, клевете и подлогах, допущенных в деле Дрейфуса. *Золя (Zola) Эмиль* (1840–1902) – французский писатель.

К стр. 114. *Эрве (Herve) Гюстав* (1871–1944) – французский политический деятель.

– «*На Парижском Международном Социалистическом Конгрессе 1889 г., на этом первом съезде второго Интернационала, анархисты объявили изменой социализму выставленное нами, марксистами, требование восьмичасового рабочего дня*». Международный социалистический конгресс состоялся 14–20 июля 1889 в Париже. Конгресс провозгласил требования: восьмичасовой рабочий день, запрещение детского труда, 36-часовой отдых в неделю и т. д.

К стр. 115. «*...как говаривал Фридрих Энгельс: "eine allgemeine liebensduselei" (всеобщее любовное лобызание)*». См.: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 21. М., 1961. С. 281.

– «*Маркс говорит в знаменитом предисловии к не менее знаменитой книге "Zur Kritik der Politischen Ökonomie" ("К критике политической экономии")*». Берлин 1859. См.: Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 13. М., 1959. С. 7.

К стр. 117. «*Кто-то из наших товарищей, оспаривавших тезисы Ленина в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, напомнил ему глубоко истинные слова Энгельса о том, что для данного класса не может быть большего исторического несчастья, как захват власти в такую пору, когда его конечная цель остается недостижимой по непреодолимым объективным условиям. Ленина в его нынешнем анархическом настроении, разумеется, не может образумить подобное напоминание*». Речь идет о выступлении И.Г. Церетели на объединительном совещании представителей социал-демократической партии 4 апреля 1917, где он привел слова Ф. Энгельса: «нет более верного пути к гибели, как ранний захват власти». См.: Меньшевики в 1917 году. Том 1. От января до июльских событий. М., 1994. С. 177.

– «*...книгу М.А. Бакунина: "Государственность и Анархия"*». См.: Бакунин М.А. Государственность и анархия. Цюрих, 1873. *Бакунин Михаил Александрович* (1814–1876) – русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества.

Череванин (Липкин) Ф.А. Чего добивается Ленин? Статья опубликована в «Рабочей газете» 11 апреля 1917. Републикуется впервые. Газетная публикация подписана: Н. Череванин.

К стр. 118. *«Но вот пришел к нам Ленин и говорит, что Советы рабочих и солдатских депутатов – идеальная форма правительства».* Ссылка на ленинские тезисы в нашем сборнике.

К стр. 119. *«Говоря словами поэта: Есть речи, значение темно иль ничтожно, но им без волненья внимать невозможно».* Приводится начало стихотворения М.Ю. Лермонтова (без названия, 1840) с неточностью в пунктуации. У Лермонтова: «Есть речи – значение / Темно иль ничтожно!»

Каменев Л.Б. О тезисах Ленина. Газетная публикация подписана: Ю. Каменев. Разногласия Каменева с Лениным проявились еще в марте, при публикации в «Правде» ленинских «Писем издалека». С момента возвращения того в Россию и оглашения им т. н. «Апрельских тезисов» на большевистской фракции Всероссийского совещания Советов, а затем и на собрании представителей всех течений российской социал-демократии 4 апреля, расхождение лишь нарастало. После первой же публикации ленинских Тезисов в «Правде», Каменев на следующий день выступил с кратким заявлением под заголовком «Наши разногласия». Оно гласило: «Во вчерашнем № “Правды” тов. Ленин опубликовал свои “тезисы”. Они представляют личное мнение тов. Ленина, и их опубликованием тов. Ленин исполнил долг всякого ответственного общественного деятеля: представить на обсуждение революционной демократии России свое понимание происходящих событий. Тов. Ленин, хотя и сделал это в очень сжатой форме, но сделал это до конца: начав с характеристики первой мировой войны, он сделал вывод о создании новой, коммунистической партии. В своем докладе он поэтому совершенно естественно должен был критиковать не только политику руководителей Совета Раб. и Солд. Депутатов, но и политику “Правды”, как она успела сложиться к моменту Съезда Советов, и выразиться в выступлениях делегатов-большевиков на этом съезде. Эта политика “Правды” была точно сформулирована в оглашенных в том же съезде резолюциях о Временном правительстве и войне, выработанном Бюро ЦК и принятых делегатами-большевиками Съезда. Впредь до каких-либо новых решений ЦК и постановлений общероссийской конференции партии, эти резолюции остаются нашей платформой, которую мы и будем отстаивать как от разлагающего влияния “революционного оборончества”, так и критику т. Ленина. Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую. Тактика, вытекающая из подобной оценки, глубоко расходится с той тактикой, которую защищали представители “Правды” на Всероссийском Съезде, как против официальных вождей Совета, так и против таивших Совет направо меньшевиков. В широкой дискуссии мы надеемся отстоять свою точку зрения, как единственно возможную для революционной социал-демократии, поскольку она хочет и

должна до конца остаться партией революционных масс, а не превратиться в группу пропагандистов-коммунистов». (См.: «Правда». 1917, 8 апреля. № 27). Впервые данная статья была републикована: Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 4. Демократия «страны нарушенного равновесия». М., 2014. С. 404–407.

К стр. 120. *«Его тезисы, великолепная программа... для первых шагов созданной революции в Англии, в Германии, во Франции, но не для законченной демократической революции в России»*. Речь идет о тезисах Ленина о войне, революции и задачах российского рабочего класса и его партии, которые он положил в основу своего выступления 4 апреля на большевистской фракции Всероссийского совещания Советов, а также перед участниками самого совещания. Каменев во всех своих выступлениях этих дней, статьях и заявлениях против Ленина защищал позицию, занятую редакцией «Правды» и группой большевиков – участников совещания Советов (В.С. Войтинский, Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, И.В. Сталин). Первый, вскоре после совещания перешел к меньшевикам, второй занимал особую позицию по многим тактическим вопросам, включая вопрос о вооруженном восстании, до конца 1917, остальные двое на Седьмой (апрельской) конференции РСДРП(б) 24–29 апреля (7–12 мая) перейдут на сторону Ленина, и будут поддерживать его, правда, не без колебаний.

Сорокин П.А. Социализм и сепаратный мир. Статья опубликована в газете «Земля и воля» 13 апреля 1917. Републикуется впервые.

К стр. 125. *«Вот тот мир, которого может и должен добиваться социалист. Всякий иной мир несовместим с задачами последнего»*. В статье Н. Брюлловой-Шаскольской «Что такое самоопределение наций» утверждается, что государственная принадлежность всех спорных территорий должна определяться путем плебисцита. Это правило предлагалось применить и к Эльзас-Лотарингии, и к Литве и Украине ввиду претензий на них сформированного германскими оккупационными властями Государственного совета Польши.

Петрищев А.Б. Солдатская вольница. Статья опубликована в газете «Русские ведомости» 13 апреля 1917. Републикуется впервые.

Веселовский Б.Б. Городская реформа. Статья опубликована в газете «Русское слово» 14 апреля 1917. Статья републикуется впервые.

К стр. 130. *«...на днях, наконец, увидит свет проект правил о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях»*. 15 апреля 1917 Временное правительство приняло постановление «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» (См.: Вестник Временного правительства. 1917. № 33 (79). 16 апреля. С. 1; Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 163–184). Городское избирательное право распространялось на всех городских жителей в возрасте от 20 лет без различия пола и национальности, независимо от времени пребывания в городе, включая и лиц, состоящих на военной службе (ст. 3). Лишены были избирательного права сумасшедшие, глухонемые, монашествующие лица и содержатели домов терпимости (ст. 4). Временно лишались избирательных прав осужденные, отбывшие срок наказания на 1–3 года, в зависимости от тяжести преступления. В гласные могли быть избраны как лица, проживающие в данном городе, так и не связанные с ним (ст. 6). Постановление вводило новый порядок подготовки и проведения выборов. Выдвигать кандидатов в гласные должны были не отдельные избиратели, а только группы избирателей, составлявшие не менее половины от числа избираемых гласных, при этом число кандидатов в каждом списке не должно было превышать общего

числа гласных (ст. 14). Для Москвы было предусмотрено избрание 200 гласных в новую городскую думу. У каждого избирателя был только один голос, который он мог отдать только за какой-либо один список кандидатов, указав его номер в своей избирательной записке (ст. 18–20). Реформа, проведенная на широких демократических началах, кардинально изменила состав гласных городских дум и создавала систему городского самоуправления, в корне отличавшуюся от прежней модели. «Во-первых, вместо многочисленных цензов (имущественного, возрастного, оседлости и ограничений для евреев) вводилось всеобщее избирательное право с очень низким по тем временам возрастным ограничением. Во-вторых, активное избирательное право было предоставлено женщинам. В-третьих, была устранена возможность получения второго голоса по доверенности и установлен принцип, согласно которому один избиратель обладал одним голосом. В-четвертых, избирались не конкретные кандидаты в гласные, а списки кандидатов, составленные по партийной принадлежности. И, наконец, в-пятых, менялась процедура выборов: вместо устаревшей и неудобной баллотировки шарами вводилось голосование избирательными записками» (См.: Далина О.А. Реформа Временного правительства в области городского самоуправления // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2007. № 3 (18). С. 56–63). По мнению доктора исторических наук Л.Ф. Писарьковой, «в результате введения закона 15 апреля в организации городского самоуправления произошли такие серьезные изменения, о каких и не мечтали критики Городового Положения 1892 г. В этом отношении Россия совершила резкий скачок и не только догнала, но во многом даже опередила многие развитые страны Западной Европы. Так, к тому времени всеобщее избирательное право было введено только в Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Норвегии, Испании, Португалии, Болгарии, США и Австрии. Но далеко не во всех этих странах женщины имели активное избирательное право. Возрастной ценз для европейского избирателя колебался от 20 (в Швейцарии) до 30 лет (в Дании); в большинстве стран избирателями становились в возрасте 23–25 лет» (Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917. М., 1998. С. 145). Городская реформа получила развитие в постановлении Временного правительства от 9 июня 1917 г. «Об изменении действующих Положений об общественном управлении городов» (Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. 5 мая – 24 июля 1917 г. Ч. 1. Пг., 1918. С. 444–480). Согласно этому документу в сферу деятельности органов городского самоуправления теперь включалось заведование милицией, а также охрана общественной безопасности и порядка. Городские думы получили право проводить съезды городских деятелей и заключать соглашения с земскими, городскими и поселковыми управлениями (ст. 2). Провозглашался принцип самостоятельности органов городского самоуправления, а сохранявшийся контроль со стороны администрации был сведен к минимуму. Так, при характеристике полномочий губернского комиссара, на которого был возложен административный надзор за законностью постановлений дум, отменялась формулировка «контроль за целесообразностью» (ст. 11). На утверждение министра внутренних дел поступали только постановления дум, имеющие важное значение для городских бюджетов: о заключении займов и договоров с частными лицами, об отчуждении городских недвижимых имуществ и др. (ст. 79). Думы получили принадлежавшее администрации и правительству право утверждать всех должностных лиц, включая городского голову и председателя городской думы. «С одной стороны, столь демократичные преобразования (всеобщее избирательное право, расширенная компетенция городского самоуправления и очень ограниченный контроль со стороны администрации) были полезны для развития городского хозяйства, но с другой – в обстановке политической и экономической нестабильности такая постановка деятельности городского самоуправления могла нанести существенный вред городам. По мнению видного городского деятеля Московской городской думы кадета Н.И. Астрова, “запоздалая реформа городского устройства в пору революции приобрела черты эксцессов, опасных для городского дела” ... Городские выборы по новой избирательной системе начались в России в июне 1917 г., и к октябрю 1917 г. новые думы были сформированы уже в 643 городах» (Далина О.А. Указ. соч. С. 59).

Городская реформа. Статья была опубликована 17 апреля 1917 в газете «Речь». Републикуется впервые.

Чернов В.М. До полной победы! Статья опубликована 18 апреля 1917 в газете «Дело народа». Републикуется впервые.

К стр. 134. «Менажировали» – от *фр. ménager* – беречь, щадить.

– «*Guerre Sociale*» (*фр.* Социальная война) – парижская еженедельная газета, издаваемая в 1906–1916 Г. Эрве тиражом в 50–60 тыс. экземпляров. Первоначально отстаивала революционно-социалистические и анархистские идеи, выступала за «революционную концентрацию» и «воинствующий антимилитаризм». С 1912 газета перешла на национально-синдикалистские позиции, в годы Первой мировой войны поддерживала военные усилия Франции и выступала за «священное единение». В 1916 была переименована в «Victoire» («Победу»).

– «Лембергом» – Лемберг – немецкое название Львова.

– «...обращение ко всему цивилизованному миру Совета рабочих и крестьянских депутатов». Имеется в виду обращение Петроградского совета «К народам всего мира», принятое 14.3.1917. Его основной автор, член исполкома Совета меньшевик-интернационалист Н.Н. Суханов в своих воспоминаниях указывал: «Основные положения этого документа состоят в следующем. Тезис первый: “В сознании своей революционной силы российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать империалистской политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира”. Тезис второй: “Мы будем стойко защищать нашу свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне...”» (Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 254–255). Также в обращении подчеркивалось международное значение русской революции, устранившей «жандарма Европы», содержались призывы к «пролетариям австро-германской коалиции» прекратить войну против свободной России и «сбросить иго вашего полусамодержавного порядка» и к «трудящимся всех стран» «к восстановлению и укреплению международного единства» (Там же. С. 268).

Карташев А.В. Синод и Временное правительство. Статья опубликована в газете «Русское слово» 20 апреля 1917. Републикуется впервые.

К стр. 136. «Духовный регламент и указ Петра Великого лишились силы действующего права...» Духовный регламент («Регламент, или Устав Духовной коллегии») – законодательный акт, определявший правовой статус Русской православной церкви до 1917. Утвержден указом Петра I от 25 января 1721, согласно которому была образована Духовная коллегия («Духовное соборное правительство») как высший орган церковной власти и одновременно государственное ведомство; с момента открытия (14 февраля 1721) – Святейший Правительствующий Синод. Первым президентом Синода стал Стефан Яворский, в 1700 (после смерти патриарха Адриана) назначенный Петром I местоблюстителем патриаршего престола. В мае 1722 Петр I подписал указ об учреждении должности обер-прокурора Синода, который назначался императором (в 1917 – Временным правительством).

Веселовский Б.Б. Волостное земство. Статья опубликована в газете «Русское слово» 22 апреля 1917. Републикуется впервые.

К стр. 139. «Ныне заканчиваются разработкой проекты: об устройстве милиции (см. нашу статью в № 79 “Русского слова”)». ...Постановление Временного правительства «Об учреждении милиции» (17 апреля 1917), а также «Временное положение о милиции»

были опубликованы в «Вестнике Временного правительства» (1917. № 35 (81). 20 апреля. С. 1–2). «Временное положение о милиции» было подготовлено под руководством тов. министра внутренних дел кн. С.Д. Урусова.

В «Русском слове» (1917. № 79. 11 апреля) была помещена статья Б. Веселовского «Организация милиции»: «Совещание по реформе местного самоуправления и управления, образованное при министерстве внутренних дел, разработало проект временного положения о милиции, и в ближайшие дни проект, по утверждению его временным правительством, войдет в жизнь».

Нечего и говорить о том, насколько остро чувствуется всюду на местах потребность в организованной власти, в органах порядка. Ныне существующий, крайне неопределенный порядок мог быть только самым кратковременным. В настоящем своем виде милиция, наскоро образованная, без достаточно определенного круга обязанностей и лишенная необходимых средств, не может, конечно, удовлетворять многие запросы как государства, так и граждан. Достаточно сказать, что сейчас взимание сборов и недоимок оставлено совершенно на произвол судьбы, учет военнообязанных также крайне затруднен, и т. д. и т. д.

Проект министерства внутренних дел предусматривает создание земско-уездной и городской милиции по английскому типу. Именно выборным является лишь начальник милиции: в городе выборы производит (из лиц неопороченных по суду вообще) городская управа, для уезда – уездная земская управа. Затем уже сам начальник милиции назначает всех служащих по милиции, причем помощники начальника назначаются подлежащими управами по представлению начальника милиции.

Увольнение начальника милиции производит назначившая его управа. Управам – городским и земским – начальники милиции и подчиняются.

Губернской полиции не предусматривается. В губернии имеется, по проекту, лишь правительственный инспектор милиции, за которым остаются общий надзор за деятельностью милиции и право временно устранять начальника милиции от должности “в случае явного несоответствия начальника милиции занимаемой им должности”. Окончательное увольнение начальника милиции и в этом случае зависит от городской или земской управы.

На содержание милиции обращаются все те средства, которые в каждом городе или уезде расходуются в настоящее время на полицию из сумм государственного казначейства; кроме того, земствам и городам предоставляется делать добавочные ассигнования. В пределах общего кредита по городу и по уезду городские самоуправления и земства вправе распределять суммы по своему усмотрению.

О своей деятельности начальник милиции представляет ежегодные отчеты земству и городу.

Центральной власти – министру внутренних дел – принадлежат, по проекту, общее руководство деятельностью милиции, ревизование ее и т. п. Те же права соответственно предоставляются и высшей губернской власти – комиссару.

Таким образом, производится отделение власти полицейской от власти административной вообще, и власть полицейская подчиняется органам самоуправления. Идти дальше, чем намечает проект, в смысле выборности милиции не представляется правильным. Чтобы весь этот полицейский (милиционный) аппарат мог работать ровно, преемственно и без колебаний, достаточно выборности лишь главы милиции. Производить вместе с тем выборы на земском собрании и в городской думе также во многом неудобно, – это значит обострять борьбу и в результате ослаблять исполнительную власть.

Чрезвычайно важным вопросом является, какой состав управ будет производить выборы начальника милиции – старый или новый, который дадут новые земства и городские думы. Стоит только поставить этот вопрос, чтобы ответ на него был ясен. Сейчас спешно заканчивается разработка земской реформы, а проект выборов городских гласных уже разработан министерством внутренних дел и на днях будет опубликован. Пройдет еще 2–3 месяца, и новые земства и городские думы будут сформированы. Дело их – взять на себя устройство и организацию милиции.

Когда все это будет осуществлено, – и реформа самоуправлений, и через них реформа милиции, – можно будет сказать, что дело свободы, дело революции находится в твердых, надежных руках. Завоеванная свобода окристаллизуется тогда, и кристаллы затвердеют. Мы будем иметь фундамент правопорядка, и тогда уже контрреволюция будет нам неопасна. Вся страна будет скована новыми, свободными организациями».

– «*Опубликование закона о волостном земстве следует ожидать в ближайшие дни...*». Постановление Временного правительства «О волостном земском самоуправлении» (21 мая 1917), а также «Временное положение о волостном земском самоуправлении» был опубликованы в «Вестнике Временного правительства» (1917. № 62 (108). 25 мая. С. 1–2). «Наказ о производстве выборов волостных земских гласных» (11 июня 1917) см. также в «Вестнике Временного правительства» (1917. № 78 (124). 13 июня. С. 1–2).

– «*Вопрос о бессословной волости, о волостном земстве был поставлен еще в [18]60-х годах*». Создание двухуровневой (сельские общества и волости) системы крестьянского сословного самоуправления началось в соответствии с Манифестом от 19 февраля 1861 «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей, и об устройстве их быта». Особая комиссия для составления проектов местного управления (учреждена 20 октября 1881 под предс. статс-секретаря М.С. Каханова; закрыта 1 мая 1885) выступила с предложением о создании органов сельского самоуправления на основе всесословного принципа. Идея создания мелкой земской единицы обсуждалась в прессе, нашла поддержку на Аграрном съезде, состоявшемся в 1901 в Москве. «Положение о волостном управлении» было внесено во II Государственную думу в феврале 1907, одобрено III Думой в мае 1911, обсуждалось в Государственном совете в мае 1914 (отклонено).

Петрищев А.Б. Штатская вольница. Статья опубликована 23 апреля 1917 в газете «Русские ведомости». Републикуется впервые.

К стр. 141. «...там ведь не было хлеба и не было никакой надежды, что Риттих доставит его...» Риттих Александр Александрович (1868–1930) – последний министр земледелия Российской империи (с 12 января 1917). 29 ноября 1916, вступив в должность управляющего министерством земледелия, подписал постановление о хлебной разверстке, которая была введена в январе 1917.

Кн. Трубецкой Е.Н. Анархия и контрреволюция. Предваряя публикацию статьи, редакция газеты замечала, что «не разделяя целиком всех положений кн. Е.Н. Трубецкого», она «печатает целиком эту речь, сказанную 24-го апреля 1917 в Москве на собрании Партии народной свободы, ввиду ее бесспорной значительности и огромной важности вопросов, поставленных автором с присущей ему яркостью и выпуклостью». Тогда же текст был издан в серии «Библиотека “Свобода и право”» (№ 4): Кн. Евгений Трубецкой. Анархия и контрреволюция. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 15 с. Впоследствии статья не публиковалась.

К стр. 144. «*Из рассказов о московском вооруженном восстании 1905 года*». Речь идет о декабрьском вооруженном восстании в Москве 7–18 декабря 1905.

К стр. 145. «Сначала “иллюминации” и погром помещичьих усадеб». В тексте содержится отсылка к речи М.Я. Герценштейна в I Государственной думе, 19 мая 1906. Отстаивая кадетскую программу по аграрному вопросу, он тогда, в частности, сказал: «Чего же вы теперь ожидаете?! Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний? Мало вам разве опыта майских иллюминаций прошлого года, когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб?! Нельзя теперь предлагать меры, рассчитанные на продолжительный срок, необходима экстренная мера, а принудительное отчуждение и есть

экстренная мера!» (Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. СПб., 1906. Т. 1. С. 524). Впоследствии черносотенцы интерпретировали слова Герценштейна об «иллюминациях» как подстрекательство крестьян к продолжению нападений на дворянские усадьбы.

– «*Тогда пришел Столыпин с военно-полевыми судами да расстрелями*». Имеются в виду военно-полевые суды, введенные 19 августа (1 сентября) 1906 по инициативе П.А. Столыпина для ускорения судопроизводства по делам о гражданских лицах и военнослужащих, обвиняемых в разбое, убийствах, грабеже, нападениях на военных, полицейских и должностных лиц и в других тяжких преступлениях, в тех случаях, когда за очевидностью преступления нет необходимости в дополнительном расследовании.

К стр. 147. «...об этом красноречиво говорит только что опубликованное воззвание петроградского совета рабочих депутатов к крестьянам. Оно говорит о предстоящем голоде в городах и в армии». Речь идет о воззвании Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов «Ко всем крестьянам» о подвозе хлеба (Известия. 1917. 23 апреля. № 48. С. 1–2). В документе, в частности, говорилось следующее: «Крестьяне! Если хотите сохранить свободу, если хотите навеки свергнуть иго земских начальников, стражников, помещиков – спасайте революцию! Знайте: она погибнет, если армия на фронте и города останутся без хлеба, если нашим и вашим врагам удастся убить голодом только что родившуюся свободу. А без свободы не будет и земли! Мы будем настаивать на самом решительном отобрании по установленной цене запасов хлеба, накопленных и задержанных помещиками и купцами. ...Время не терпит! Каждый день дорог! Везите же хлеб к станциям, мельницам и пристаням!» (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций 27 февраля – 25 октября 1917 года. В пяти томах / Под общей редакцией академика П.В. Волобуева. Том второй. 1 апреля – 5 мая 1917 г. СПб., 1995. С. 328).

– «*В снабжающей молоком Москву конторе Чичкина*». Чичкин Александр Васильевич (1862–1949) – крупный предприниматель, организатор фирмы «Чичкины А.А. и В.П.», занимавшейся торговлей молоком и молочными продуктами в Москве и других городах, имел собственные молокозаводы в Московской, Владимирской, Тверской, Рязанской губ., после 1917 – консультант советского правительства по вопросам организации пищевой промышленности.

К стр. 148. «*Там местами крестьяне отрубные враждуют с общинниками...*» Речь идет о крестьянах, в ходе столыпинской аграрной реформы вышедших из общины на отруб, т. е. ставших собственниками выделенных им земельных участков (при этом – в отличие от хуторянина – крестьянин-отрубник сохранял усадьбу в деревне, на прежнем месте).

– «*Если она едва не вспыхнула из-за ноты Милюкова...*». Нота Милюкова – нота министра иностранных дел Временного правительства России П.Н. Милюкова правительствам стран Антанты от 18 апреля (1 мая) 1917 года, в которой разъяснялась позиция Временного правительства по вопросу о войне.

– «*неосторожно выпущенные из тюрем каторжники*». 17 марта 1917 Временное правительство объявило амнистию заключенным (см.: Постановление Временного правительства «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления» // Вестник Временного правительства. 1917. № 12. 18 марта. С. 1), в результате чего из мест лишения свободы были освобождены 88 097 заключенных, в их числе 5737 политических преступников, 67 824 уголовных и 14 536 заключенных без соответствующего «распоряжения надлежащих начальств». Оказавшиеся на свободе представители преступного мира были прозваны в народе «птенцами Керенского».

К стр. 149. «*Наряду с угрожающими нам “казнями египетскими”...*» «Египетские казни» – выражение, употребляемое в значении: жестокие, губительные бедствия; возникло в

связи с описанием в Библии т. н. «десяти казней египетских», которым Бог подверг Египет за отказ фараона освободить евреев из плена (Исход, 7–12).

Винниченко В.К. Українська Центральна Рада і ми (Украинская Центральная Рада и мы). Републікована в книзі: *Володимир Винниченко*. Публіцистика. Нью-Йорк; Київ, 2002. С. 52–54, а также в издании: *Український національно-визвольний рух. Березень–листопад 1917 року: Документи і матеріали*. Київ, 2003. С. 244–247.

К стр. 150. «*Українська Центральна Рада*» – Украинская Центральная Рада избрана на собрании партийных и общественных организаций, товариществ и групп 3–4 марта 1917 как всеукраинский координационный центр для руководства национально-освободительным движением. На Всеукраинском национальном конгрессе (съезде), состоявшемся в Киеве 6–8 апреля, при участии более 900 делегатов от всех территорий и национальных организаций Украины была официально переизбрана в составе 115 человек, получив, таким образом, статус легитимного наивысшего представительного органа украинской нации. Конгресс избрал Председателем Центральной Рады М.С. Грушевского, заместителями – В.К. Винниченко и С.А. Ефремова.

– «*Національний Український Конгрес*» – Украинский национальный конгресс (съезд) был созван по инициативе М.С. Грушевского и проходил в Киеве 6–8 апреля 1917. Главным на конгрессе был вопрос о стратегии (платформе) Украинской революции. Всесторонне обсудив проблему (по форме собрание делегатов больше напоминало научную конференцию), делегаты единодушно одобрили резолюции, предполагавшие курс на народовластие, завоевание Украиной широкой национально-территориальной автономии в федеративной республике Россия. Для выработки общей линии поведения народов, не имевших до того собственной государственности, было решено созвать в ближайшем будущем съезд народов. См.: *Українська Центральна Рада. Документи і матеріали*. У двох т. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. – 590 с.; Т. 2. 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. 424 с. Київ, 1997.

– «*Себто це значить, для організованої свідомої української людности, а не тої всієї людности, що заселяє територію України*». После Украинского национального конгресса, на котором были представлены только посланцы-делегаты одной украинской национальности, Центральная Рада продолжала оставаться высшим национальным, а не краевым (территориальным) органом, в котором не имели представительства национальные меньшинства – около 27 % жителей региона. Такая ситуация сохранялась до середины июля 1917.

– «*Українські соціал-демократи*» – Украинская социал-демократическая рабочая партия (УСДРП) возникла в конце 1905, выделившись из существовавшей с 1900 Революционной украинской партии. Лидерами УСДРП в 1917 являлись В.К. Винниченко, Н.В. Порш, Б.Н. Мартос, С.В. Петлюра и др. Партия была немногочисленной – около 5 тыс. членов, но имела большое влияние за счет наличия в своих рядах значительной когорты интеллектуалов.

К стр. 151. «*Таким забезпеченням є, на нашу думку, такий національно-політичний устрій України, в якому права української національності не могли би бути занедбаними*». Таким образом Винниченко стремился доказать, что для пролетариата Украины, пребывающего в национальном регионе, вместе с решением социальных проблем, на которые направляются революционные усилия, безынтересной, а весьма насущной остается задача разрешения национального вопроса, являющаяся одной из гарантий прогрессивного развития как его самого, так и общества в целом. Именно национальная специфика условий существования, функционирования регионального пролетарского отряда и обуславливает наличие отдельной, национальной его партии, выработку и осуществление соответствующей политики.

– «...часовую угодю з несоціал-демократичними течіями» – «временным соглашением с несоциал-демократическими течениями». Социальная и партийная база Центральной Рады оказалась достаточно широкой, объединившей как представителей либеральных настроений, умеренных взглядов, так и тех групп, которые официально именovali себя социалистическими, отстаивали преимущественно левоцентристские ориентации. Квалифицируя задачу закрепления национального освобождения в качестве одной из прерогатив текущего момента, важнейшей целью совершающейся революции украинские социал-демократы считали оправданным и необходимым заключение временного компромисса со всеми силами, заинтересованными в возрождении украинской нации, ее прогрессе.

Кизеветтер А.А. Урок. Статья опубликована впервые в газете «Русские ведомости» 25 апреля 1917. Републикуется впервые.

К стр. 152. *«Знаменательные события, происшедшие в Петрограде 20-го – 21-го апреля...»* – речь идет о событиях в столице, сопутствовавших кризису Временного правительства, вызванному т. н. «нотой Милюкова» с подтверждением обязательств России перед союзниками о ведении войны до победного конца.

Ерманский А.О. За или против Займа «Свободы»? Опубликовано в «Летучем листке меньшевиков-интернационалистов». № 1. 1917, май. Републикуется впервые. Газетная публикация подписана А. Ерманский.

К стр. 154. *«В чем главная суть спора о займе “свободы”? Во вчерашнем номере “Рабочей Газеты” дан совершенно правильный ответ на этот вопрос».* «Заем свободы» – 5-процентный государственный заем, выпущенный по постановлению Временного правительства от 21 марта 1917 на 54 года с погашением с 1922. Подписка на заем была открыта с 6 апреля (до 1 июня), затем срок подписки продлевался дважды – до 15 июля и до Учредительного собрания. Заем был обусловлен прежде всего войной, к апрелю 1917 государственный долг достиг 55 млрд руб.

К стр. 155. *«Одних уверений, что мы за скорейшее окончание войны, недостаточно. Такие уверения мы слышали ведь и от увлеченных на ложный путь поддержки империалистической войны социалистов Германии, Франции – вроде Шейдемана, Альберта Тома и других».* Шейдеман (Scheidtmann) Филипп (1865–1939) – один из правых лидеров Социал-демократической партии Германии. В ноябре 1918 – феврале 1919 председатель Совета народных уполномоченных, в феврале–июне 1919 – глава правительства. Тома Альбер (1878–1932) – французский социалист, в 1916–1917 – министр военного снабжения. В 1917 приезжал в Россию с целью побудить рабочих к участию в войне.

– *«русская социал-демократия, даже вся революционная демократия – в лице Совета раб. и солд. депутатов не ограничилась одними уверениями. Она кое-что важное и сделала. Она своим воззванием 14 марта поставила перед всем миром задачу демократической ликвидации войны».* Имеется в виду манифест Петроградского Совета «К народам всего мира».

Веселовский Б.Б. Реформа земства. Статья опубликована в газете «Русское слово» 29 апреля 1917. Републикуется впервые. Взгляды автора по данному вопросу нашли отражение и в других публикациях того времени. См., например: Веселовский Б.Б. Земство и его новое устройство. Пг., 1917 [Общедоступная б-ка «Задачи свободной России». Серия IV «Б-ка местного самоуправления», № 428]; Его же. Земство и земская реформа. Пг., 1918.

К стр. 156. *«В ближайшие дни будут опубликованы два указа временного правительства: о введении волостного земства в 43-х земских губерниях Европейской России и об изменении*

в этих же губерниях порядка выборов уездных и губернских земских гласных. О проекте волостного земства мы уже писали». Постановление Временного правительства «О волостном земском самоуправлении» (21 мая 1917), а также «Временное положение о волостном земском самоуправлении» были опубликованы в «Вестнике Временного правительства» (1917. № 62 (108). 25 мая. С. 1–2). Постановление Временного правительства «О производстве выборов губернских и уездных земских гласных» (21 мая 1917), а также «Временные правила о производстве выборов губернских и уездных земских гласных» см. в «Вестнике Временного правительства» (1917. № 67 (113). 31 мая. С. 1–2). Веселовский упоминает свою статью «Волостное земство» («Русское слово». 1917. № 89. 22 апреля).

К стр. 157. «*Это приблизительно так, как было до 1890 года, и значительно больше, чем теперь, по Положению 1890 года*». Согласно Положению о губернских и уездных земских учреждениях (12 июня 1890), «для производства выборов в уездные земские гласные лицами, участвующими в земских избирательных собраниях... составляются по каждому уезду два избирательные собрания. В первом собрании участвуют, под председательством уездного предводителя дворянства, дворяне потомственные и личные; во втором, под председательством головы губернского или уездного города, по принадлежности – прочие лица, имеющие право участвовать в земских выборах, производимых на избирательных собраниях, а также представители благотворительных, ученых и учебных учреждений, торговых и промышленных обществ, товариществ и компаний. ...Число гласных, которое должно быть избрано каждым отделением из общего числа, причитающегося на избирательное собрание... определяется губернатором» (Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том X. Отделение первое. С. 499). На практике число уездных земских гласных составляло от 15 до 40 чел. (в среднем 24–30).

Решающий момент. Статья опубликована в газете «Воля народа» 29 апреля 1917. Републикуется впервые.

К стр. 158. «...резолуции завода Парвайинен...» – 13.4.1917 собрание рабочих завода «Старый Парвайинен (Снарядного завода Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов) приняло резолюцию с требованиями смещения Временного правительства и передачи власти Советам, немедленного прекращения войны, опубликования тайных договоров, создания Красной гвардии и всеобщего вооружения народа, реквизиции типографий «буржуазных газет» с передачей в распоряжение «рабочих газет», реквизиции всего продовольствия «для нужд широких масс», установления твердых цен на все предметы потребления, немедленного захвата крестьянскими комитетами всех помещичьих и государственных земель, передачи «орудий производства в руки рабочих» и др.

– «*Всероссийское совещание Сов[етов] раб[очих] и солд[атских] депутатов*» – состоялось в Петрограде с 29.03 по 03.04.1917. Оно определило организацию местных советов, приняло резолюции о поддержке военных усилий при условии отказа от «захватных стремлений»; о желательности безвозмездной передачи Учредительным собранием крестьянам частновладельческих земель, превышающих определенный максимум, осудив их самозахваты; о необходимости государственного контроля над экономикой и ограничения прибыли определенной нормой, а также введения 8-часового рабочего дня, не поддержав установление его явочным порядком. Также был избран новый состав исполкома Петроградского совета.

– «*займа*» – имеется в виду внутренний «Заем свободы», выпущенный постановлением Временного правительства 27.03.1917. Его облигации реализовывались за 85 % номинальной стоимости, давали доход в 5 % годовых и подлежали погашению в течение 49 лет. Заем сопровождался агитационной компанией правительства и сторонников продолжения войны (кадетов и умеренных социалистов, в т. ч. Петроградского совета). К первому июня 1917 удалось собрать 1,2 млрд руб. вместо запланированных 3 млрд), к окончанию размещения (октябрь – ноябрь) – около 4 млрд руб. Аннулирован (вместе с другими займами)

декретом СНК от 29.12.1917. С 1918 его облигации использовались в качестве дензнаков. Выведены из обращения при деноминации 1922, но из-за инфляции фактически исчезли раньше.

К стр. 159. «...петроградской конференции соц[иалистов]-рев[олюционеров]» – имеется в виду Северная областная конференция ПСР, работавшая в Петрограде 20–23.5.1917. По вопросу о коалиционном правительстве она приняла резолюцию Чернова, в которой, в частности, говорилось: «...только единая, сплоченная, дисциплинированная социалистическая группа во временном правительстве, опирающаяся на наш рабочий, солдатский и крестьянский предпарламент, руководимая социалистическими партиями, ими контролируемая, может справиться с неотложной задачей – приложить руки рабочей демократии и укрепить завоевание революции в то роковое время, когда цензовая Россия уже не в состоянии справиться с роковыми проблемами современности, а социалистическая партия еще не может захватить в свои руки диктатуру» (Земля и воля. Пг., 1917. № 50. 25.5. С. 1–2).

Бердяев Николай. О политической и социальной революции. *Статья была опубликована:* Бердяев Н.А. Собрание сочинений / Общ. ред. Н.А. Струве. Т. 4: Духовные основы русской революции: [Статьи 1917–1918 гг.]. Философия неравенства. Paris: Умса-press, 1990. Он же. Духовные основы русской революции: Опыты 1917–1918 гг. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. Он же. Духовные основы русской революции; Истоки и смысл русского коммунизма. М.: АСТ: Хранитель, 2006.

К стр. 160. «Лассаль признавал реакционными крестьянские войны и крайние течения реформационной эпохи; прогрессивной же признавал лишь Лютеровскую реформацию...» Лассаль Фердинанд (1825–1864) – немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель. Лютеровская реформация – религиозно-общественное движение в Германии XVI в., основанное на идеях Мартина Лютера (1483–1546), христианского богослова, чьим именем названо одно из направлений протестантизма.

К стр. 161. «Временное господство этих течений может кончиться лишь такими призраками, как царство Сиона Иоанна Лейденского или Парижская коммуна». Иоанн Лейденский (ок. 1509–1536) – вождь мюнстерских анабаптистов, один из создателей т. н. Мюнстерской коммуны (1534–1535) – теократического режима, в основе которого лежали коммунистические принципы общности имущества и социального равенства, а также представление о том, что Второе Пришествие Христа не состоится, пока Новый Иерусалим не будет приготовлен. Новым Иерусалимом был объявлен Мюнстер, а Иоанн Лейденский объявил себя царем. Мюнстерская коммуна просуществовала 14 месяцев. Ослабленный голодом и эпидемиями город был взят объединенными католическо-протестантскими войсками под руководством мюнстерского архиепископа. Многие адепты учения были казнены, в т. ч. Иоанн Лейденский. Мюнстерская коммуна рассматривается как ранняя форма практического воплощения утопического социализма и «мессианского коммунизма».

К стр. 162. «И для Маркса социалистическая революция, *Zusammenbruch* капиталистического общества...» *Zusammenbruch* – нем.: крах, катастрофа, крушение.

К стр. 163. «Марксистская *Zusammenbruchstheorie* и *Verelendungstheorie* оказались несостоятельными со всех точек зрения». *Zusammenbruchstheorie* – нем.: теория автоматической гибели капитализма в результате краха его экономической системы¹. *Verelendungstheorie* – нем.: теория обнищания.

¹ Теория катастроф, конечного крушения капиталистического строя.

Череванин (Липкин) Ф.А. Кризис власти. Републикуется впервые. Подпись под газетной публикацией – Н. Череванин.

К стр. 165. «*«Есть речи, значение коих темно или ничтожно», писал я как-то в «Рабочей Газете» по поводу выступлений Ленина».* Череванин имеет в виду статью «Чего добивается Ленин?», публикуемую в данном сборнике.

Изгоев А.С. «Кризис». Статья опубликована в газете «Русская свобода» (№ 3, 1917). Републикуется впервые.

К стр. 168. «*Для “социальной революции”, на словах для “защиты революции”, большевики завели вооруженную ружьями рабочую гвардию...*» Рабочая (Красная) гвардия – боевые дружины рабочих, которые начали создаваться в марте–апреле 1917 в крупных городах, чаще – при предприятиях (хотя были также районные и городские отряды), входили в подчинение местным Советам, реже – большевистским комитетам. Большую роль в создании Красной гвардии сыграли фабрично-заводские комитеты. Крупные централизованные красногвардейские структуры были образованы в Петрограде (Главный штаб Красной гвардии) и Москве (Центральный штаб Красной гвардии). Термин «Красная гвардия» получил широкое распространение после его употребления в резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) «О Временном правительстве», опубликованной 26 марта 1917. 14 апреля 1917 на заседании Московского комитета РСДРП(б) было принято Положение о создании Красной гвардии, а 29 апреля 1917 в газете «Правда» был опубликован проект ее устава. Единой униформы красногвардейцы не имели, несли службу в гражданской одежде, однако им выдавали удостоверения и документы и красногвардейские значки (либо нарукавные повязки). После июльских антиправительственных выступлений красногвардейцы были разоружены, а их отряды – расформированы. Вновь стали формироваться во время Корниловского выступления (август 1917), сыграли роль военной силы большевиков в Октябрьской революции, а также в первые месяцы Гражданской войны.

К стр. 169. «*Да, далеко дубровинским и марковским листкам до ленинской “Правды”, и патриархи Союза русского народа могут быть спокойны и довольны: их дело, дело черной анархии и красной ненависти, дело междоусобной войны и отравления народной души находится в хороших руках».* Союз русского народа – правомонархическая (черносотенная) организация в России, существовала с ноября 1905 до февраля 1917. *Дубровин Александр Иванович* (1855–1921) – один из основателей и лидеров «Союза русского народа», редактор-издатель «Русского знамени» – ежедневной газеты, печатного органа этой организации. Вплоть до 1916 газета финансировалась Департаментом полиции. *Марков 2-й Николай Евгеньевич* (1866–1945) – член (с 1910 – предс.) Главного совета «Союза русского народа», с осени 1915 – издатель газеты «Земщина», ставшей фактически органом «Союза русского народа».

– «...достаточно напомнить хотя бы “Вехи”». «Вехи» – сборник статей о русской интеллигенции (М., 1909), авторами которых стали известные общественные деятели, философы, публицисты, литераторы, правоведы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк и А.С. Изгоев. Перспективы общественной эволюции «веховцы» связывали с «защитой традиций, духовных и культурных ценностей», «свободой личности и творчества».

– *Кризис 21-го апреля кончился с внешней стороны как будто бы благополучно, но на самом деле он и не кончился и ничего благополучного не показал. 26-го апреля об этом сказало и правительство. Дело свободы подкатилось к самому срыву».* Речь идет о событиях т. н. «апрельского кризиса» (1917), вызванного противоречием между, с одной стороны, неизменной позицией Временного правительства, стоявшего за продолжение участия России в Первой мировой войне, а с другой – интересами народных масс, стремившихся к прекращению войны. Массовые антиправительственные демонстрации, произошед-

шие 20 апреля (3 мая) 1917 и 21 апреля (4 мая) 1917 и сопровождавшиеся эксцессами, поставили Петросовет перед необходимостью выразить свое отношение к государственной власти в стране. В Петросовете получила поддержку идея образования правительственной коалиции между буржуазными партиями и социалистическими партиями большинства Петросовета. 26 апреля (9 мая) 1917 была опубликована декларация Временного правительства (Вестник Временного правительства. 1917. № 40 (86). 26 апреля. С. 1), в которой говорилось о том, что сложившаяся ситуация «угрожает привести страну к распаду», в связи с чем «перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии», Правительство сообщало, что «с особой настойчивостью возобновит усилия, направленные к расширению его состава путем привлечения к ответственной государственной работе тех активных творческих сил страны, которые не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством». Первый правительственный кризис Временного правительства завершился образованием 5 (18) мая 1917 первого коалиционного правительства с участием эсеров и меньшевиков, главой которого остался кн. Г.Е. Львов.

– «...Об этом ей самым бесцеремонным образом тотчас же после улажения “кризиса” напомнил Исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов, заявивший войскам, что без приказа, подписанного Чхеидзе, Скобелевым, Богдановым и другими, они не смеют отлучаться из казарм». Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов был образован в ночь на 28 февраля 1917. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов претендовал на высшую власть не только в Петрограде, но и во всей России. Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864–1926) – член РСДРП (с 1898), меньшевик (с 1903), депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов, член Временного комитета Государственной думы, созданного входе Февральской революции 1917, председатель Исполкома Петросовета (до 6 сентября 1917). Скобелев Матвей Иванович (1885–1938) – член РСДРП (с 1903), меньшевик. Депутат IV Государственной думы. В дни Февральской революции был избран тов. (зам.) председателя Исполкома Петросовета. С 5 мая по 1 сентября 1917 – министр труда Временного правительства. Богданов Борис Осипович (1884–1960) – участник социал-демократического движения (с 1901), меньшевик. После Февральской революции 1917 – член Бюро исполкома Петросовета. В дни Апрельского кризиса возражал против участия социалистов во Временном правительстве, считая идею коалиции непопулярной среди рабочих. В июне 1917, на 1-м Всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов избран членом ВЦИК, входил в бюро ВЦИК.

К стр. 170. «Сегодня хотят срезать Милюкова и Мануйлова, завтра потребуют Гучкова, послезавтра – кн. Львова и Шингарева». Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) – член Конституционно-демократической партии и ее ЦК с 1905. После Февральской революции 1917 вошел в 1-й состав Временного правительства в качестве министра народного просвещения (с июля – в отставке). Считал невозможной и бесперспективной деятельность правительства в условиях постоянной конфронтации с Советами рабочих и солдатских депутатов. По воспоминаниям В.Д. Набокова, среди других министров имел исключительно неблагоприятную репутацию: «На него нападали и справа и слева: справа – за бездеятельность и апатию перед растущей революционной волной... Слева его обвиняли в бюрократизме, в сохранении канцелярской рутины, в призыве деятелей старого режима... Мануйлов не умел отбиваться и огрызаться. Он приходил в уныние и отчаяние». Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – член ЦК Конституционно-демократической партии (ноябрь 1907 – 1918). Депутат Государственной думы 2-го, 3-го и 4-го созывов. Член Временного правительства: в марте–мае 1917 – министр земледелия, с мая по 2 июля 1917 – министр финансов.

К стр. 171. «...только небольшая часть наших социалистов, группа “Единства”, часть социалистов-революционеров, и притом часть наименее влиятельная, действительно способна поставить живой образ России выше доктрины...» «Единство» – российская социал-демократическая организация, созданная в 1914 Г.В. Плехановым (основной состав – меньшевики-оборонцы); прекратила существование в 1918. Печатный орган группы – газета

«Единство» (издавалась в СПб.; Пгр. 18 мая – 29 июня 1914, затем с 29 марта 1917 до 17 ноября 1917, впоследствии под названием «Наше единство» – с 19 декабря 1917 по 20 января 1918).

– «Для Ленина, например, Курляндия уже не Россия, и отвоевание ее он считает “аннексией”, предпочитая комедию плебисцита под угрозой прусских штыков». Изгоев ссылается в данном случае на точку зрения В.И. Ленина, изложенную лидером большевиков в статье «Луиблиановщина» (Правда. 1917. 8 апреля. № 27).

– «Плеханов, конечно, в такой же мере противник насильственных аннексий, как и В. Чернов или меньшевик Дан...» Дан (наст. фам. Гурвич) Федор Ильич (1871–1947) – в социал-демократическом движении с 1894. Один из лидеров и теоретиков меньшевизма. После Февральской революции 1917 идеолог «революционного оборончества».

– «...хотя на словах по талейрановскому правилу отрекшиеся от страшного слова...» Талейран-Перигор, Шарль Морис де (1754–1838) – французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел с 1797 по 1814, т. е. при трех режимах, начиная с Директории и кончая правительством Луи-Филиппа. Известен, в том числе, как мастер политической интриги. Ему, в частности, приписывают следующие афоризмы: «Слово дано человеку на то, чтобы скрывать свои мысли», «Хороший дипломат импровизирует свои речи и тщательно готовит свои умолчания».

Ерманский А.О. Правительственная политика и борьба с анархией. Публикуется впервые. Газетная публикация подписана: А. Ерманский.

К стр. 172. «...склонности к распылению общественно-политической борьбы должно было бы противодействовать созданное революцией Временное правительство». Первый состав Временного правительства: председатель Г.Е. Львов; иностранных дел – П.Н. Милоков (кадет), военный и морской – А.И. Гучков (октябрист), путей сообщений – Н.В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности – А.И. Коновалов (прогрессист), финансов – М.И. Терещенко (внепартийный), просвещения – А.А. Мануйлов (кадет), земледелия – А.И. Шингарев (кадет), юстиции – А.Ф. Керенский (трудовик, с марта – эсер), обер-прокурор Синода – В.Н. Львов (центр), государственный контролер – И.В. Годнев (октябрист).

К стр. 173. «Вот перед нами ряд фактов разложения власти на местах. Прежние, до-революционные органы местной власти – губернаторы, исправники, земские начальники, полиция – должны были исчезнуть с момента торжества революции. Кем же их заменило Врем[енное] правительство? Комиссарами...» На местах Временное правительство опиралось на своих комиссаров из числа депутатов Государственной думы и главным образом председателей земских и городских управ. Постепенно комиссары стали избираться местными общественными организациями. Временное положение о губернских и уездных комиссарах появилось только 25 сентября. В связи с разочарованием в политике Временного правительства происходило падение влияния комиссаров. 26 октября 1917 2-й Всероссийский съезд Советов, объявив о передаче всей власти Советам, ликвидировал и этот институт свергнутого правительства.

К стр. 174. «...что со своей стороны сделали г. Коновалов и другие представители правящей буржуазии, чтоб внушить к себе доверие пролетариату...» Коновалов Александр Иванович (1875–1948) – предприниматель, один из лидеров партии прогрессистов, в 1917 член ЦК кадетской партии. В 1915–1917 товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. Министр торговли и промышленности в первом (март–май 1917) и третьем (сентябрь–октябрь) составах Временного правительства, в третьем составе также товарищ министра-председателя. Пытался наладить сотрудничество с Советами в проведении «закономерной классовой борьбы», сторонник сепаратного «разумного мира» с Германией. После ареста в Зимнем дворце в ночь на 26 октября 1917 и освобождения в январе 1918 эмигрировал.

Астров (Повес) И.С. Пролетариат и коалиционное министерство. Статья опубликована в «Летучем листке меньшевиков-интернационалистов» (№ 1. 1917, май). Републикуется впервые. Газетная публикация подписана: Астров.

К стр. 176. *«Асквит (либерал, будто бы противник империализма, что уж там говорить о Ллойд-Джордже».* (Asquit), граф Оксфорд и Асквит Герберт Генри (1852–1928), премьер-министр Великобритании в 1908–1916, лидер Либеральной партии. *Ллойд Джордж (Lloyd George) Дэвид (1863–1945)* – премьер-министр Великобритании в 1916–1922, лидер Либеральной партии.

– *«Рибо и Ллойд-Джорджи выразили свое удовлетворение заявлениями России».* Рибо Александр (1842–1923) – французский политический деятель, юрист, с марта по сентябрь 1917 премьер-министр и министр иностранных дел Франции.

К стр. 177. *«За спиной его Терещенко дал союзникам какие-то обещания».* Предположительно, речь шла о готовившемся летнем наступлении на Восточном фронте.

Ленин В.И. Кризис власти. Статья была опубликована 2 мая 1917 в газете «Правда».

Череванин (Липкин) Ф.А. Коалиционное министерство и его платформа. Републикуется впервые. Газетная публикация подписана – Н. Череванин.

К стр. 179. *«В своей статье, посвященной вопросу о кризисе власти в № 44 “Рабочей Газеты”».* Статья «Кризис власти» приводится в данном сборнике.

Мартынов А.С. Революционный авантюризм. Статья опубликована в «Летучем листке меньшевиков-интернационалистов» (1917, май. № 1). Републикуется впервые. Газетная публикация подписана: А. Мартынов.

К стр. 182. *«Мы разошлись с большинством общерусской меньшевистской конференции, потому что ее решения, стоя на почве оборончества и идя в разрез с решениями Циммервальда и Кинтала, содействуют затягиванию войны».* О своем несогласии с уже принятыми решениями Общероссийской конференции РСДРП (7–12 мая) Мартынов, как и Мартов, заявил вечером того 9 мая, когда прибыли в Петроград из эмиграции. См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 351–359. Оба резко выступили против участия социал-демократов во Временном правительстве, осудили активное участие их в деле реализации «Займа Свободы», обвинив Церетели и Скобелева в том, что они «забыли долг социал-демократии». (Там же. С. 352). Мартынов к тому же настаивал на том, что существует возможность «захвата власти пролетариатом, вместе с идущей за ним демократией», что, в свою очередь, могло бы «укрепить борьбу за мир». (Там же. С. 353).

– *«Но к таким же последствиям, – затягиванию войны, усилению разрухи и приближению контрреволюции, – должна привести и тактика Ленина, хотя Ленин руководится не боязливо-приспособленческими соображениями оборонцев, а прямо противоположными – революционно-авантюристическими».* Такова была в концентрированном виде оценка ленинских тезисов со стороны меньшевиков-интернационалистов – мартовцев.

К стр. 184. *«Напомним, что Ленин и в 1905 году недоволен был нашим лозунгом; долой войну! что он и тогда боялся, как бы Портсмутский мир не подкосил в корне революцию».* Портсмутский мирный договор между Россией и Японией (август 1906).

Троповский А.Н. Беседа с П.Б. Аксельродом. Телеграмма специального корреспондента «Биржевых Ведомостей». Стокгольм, 2 (15) мая, в 1 час дня. Информация принципиально важная для понимания позиции одного

из основоположников российской социал-демократии, признанного лидера ее т. н. «меньшевистского» крыла по всем вопросам оценки российских революционных событий весны 1917, их сути и перспектив. В полном виде публикуется впервые, хотя сокращения первой из публикаций (См.: «Рабочая Газета». 1917, 5 мая. № 58) в общем незначительны. Они касались лишь текстов спецкора «Биржевки» Александра Николаевича Троповского. «Рабочая Газета» предварила публикацию заголовком: Интервью П. Аксельрода «О тактике социал-демократии в русской революции». В этом виде она воспроизведена и в первом томе документальной истории меньшевизма. См.: Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 1: Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий. М., 1994. С. 252–255. При этом документ, без каких-либо объяснений, почему-то датирован составителями временем предшествующей публикации, а не двумя днями раньше, когда состоялась беседа Троповского с Аксельродом. Вероятно, это связано с тем, что и составители, и редакторы тома, тогда еще не могли и представить себе, что это доказательство того, что интервью Аксельрода не было согласованно с руководящей группой меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю.О. Мартовым. Они в это время еще только готовились к возвращению в Россию через германскую территорию, а Аксельрод присоединился к ним уже после интервью, в Стокгольме. Оттуда они вместе прибыли в Петроград на Финляндский вокзал 9 мая, в первой половине дня, где их встречали члены президиума Общероссийской конференции РСДРП. К этому времени конференция работала уже третий день. Были заслушаны приветственные выступления министров-социалистов И.Г. Церетели и М.И. Скоболева, доклады – отчетный «О деятельности ОК» (избранного Венской конференцией в августе 1912), «О Временном правительстве и коалиционном министерстве», «О войне», «По аграрному вопросу» – и приняты соответствующие резолюции (резолюция «О войне» была дополнена отдельной резолюцией «О братании»). Несмотря на доминирование точки зрения т. н. революционных оборонцев, страсти в развернувшихся на конференции прениях кипели нешуточные. Объяснялось это тем, что в вопросах об участии социалистов в составе Временного правительства и о стремлении к миру позиции руководителей Петроградского Совета и сложившегося в февральско-мартовские дни политического руководства РСДРП(о) резко разошлись с позицией т. н. меньшевиков-интернационалистов во главе с Ю.О. Мартовым. Наиболее явно это проявилось вечером того же 9 мая, когда Мартов и его сторонники в сопровождении председателя Бернской интернациональной социалистической комиссии (ИСКО), объединявшей интернационалистов-циммервальдийцев, секретаря социалистической партии Швейцарии *Грима (Grimm) Роберта* (1881–1958), впервые появились на конференции. Все материалы, характеризующие глубину и истоки этих расхождений – газетные отчеты («Рабочая Газета», № 52; «День», № 55 и «Новая Жизнь», № 19 – за 10 мая, а также «Речь», № 109 за 11 мая), сверенные с протокольными записями (РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 1) и стенографическим отчетом (там же. Д. 2), опубликованы:

Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 351–376. См.: Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской демократии. М., 2012. С. 92–101.

К стр. 185. *«Аксельрод проехал через Германию в качестве швейцарского подданного. Его проезд не находится ни в какой связи с проездом других эмигрантов»*. Несмотря на то что П.Б. Аксельрод был активным участником всех обсуждений, в которых шла речь о путях возвращения российских политических эмигрантов на родину, и его подпись стоит на всех коллективных обращениях к руководителям Временного правительства, Петроградского Совета и Комитета Веры Фигнер, его проезд через Германию, как гражданина нейтральной страны, не зависел от форм проезда остальных. Он проследовал через Германию не в спецвагоне, как В.И. Ленин, и не в спецсоставе, как все остальные, и сопровождал его в поездке не кто-либо из представителей левого крыла Швейцарской социал-демократии, выступавших посредниками в переговорах с представителями правительства Германии, а один из основателей и теоретиков германской социал-демократии, действующий депутат высшего законодательного органа страны – *Бернштейн (Bernstein) Эдуард* (1850–1932).

Бернацкий М.В. Великая разруха. Статья опубликована в газете «Русское слово» 3 мая 1917. Статья републикуется впервые.

К стр. 189. *«...перед таким “апостолом мира”, как Вильгельм»*. Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский; 1859–1941) – последний германский император и король Пруссии (1888–1918).

Канторович Я. История повторяется. Статья опубликована в газете «Речь» 7 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 190. *«...речи Керенского, Гучкова...»* – Керенский Александр Федорович (22 апреля 1881–11 июня 1970) – политический и государственный деятель. Присяжный поверенный (с декабря 1909). Депутат IV Государственной думы, возглавлял фракцию трудовиков (с 1915). После Февральской революции в марте 1917 вернулся в партию эсеров, став одним из ее лидеров. Во Временном правительстве занимал посты: министра юстиции (со 2 марта), военного и морского министра (с 5 мая), министра-председателя, сохраняя предыдущий пост (с 7 июля). После подавления корниловского выступления взял на себя полномочия верховного главнокомандующего (с 30 августа). Покинул Зимний дворец накануне его захвата большевиками. Его поход на Петроград вместе казаками атамана Краснова успеха не имел.

К стр. 192. *«Отсюда все лозунги эмигрантов-выходцев из Швейцарии, возвещаемые у дворца Кшесинской...»* В особняке М.Ф. Кшесинской располагался Петербургский комитет РСДРП(б), его военная организация, а также экспедиция газеты «Правда», редакция газеты «Солдатская правда». С 3 апреля по 4 июля 1917 здесь работал и произносил с балкона речи В.И. Ленин, вернувшийся в революционный Петроград из швейцарской эмиграции. Особняк рассматривался как «главный штаб ленинцев».

Бердяев Н.А. Власть и ответственность. Статья была опубликована: Бердяев Н.А. Собрание сочинений / Общ. ред. Н.А. Струве. – Т. 4: Духовные основы русской революции: [Статьи 1917–1918 гг.]. Философия неравенства. Paris: Умса-press, 1990. Он же. Духовные основы русской революции: Опыты 1917–1918 гг. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 1999. Он же. Духовные основы русской революции; Истоки и смысл русского коммунизма. М.: АСТ: Хранитель, 2006.

Траинин А.Н. Свобода и принуждение. Статья опубликована в газете «Русские ведомости» 9 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 197. «А.Ф. Керенский первым провозгласил преследование виновных “по всей строгости законов”». Имеется в виду первый приказ А.Ф. Керенского на посту военного и морского министра, подписанный им 6 мая 1917.

Автономия. Статья опубликована в газете «Речь» 9 мая 1917. Републикуется впервые.

Якушкин И.В. К открытию Главного земельного комитета. Статья опубликована в газете «Русские ведомости» 10 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 199. *«Главный земельный комитет образован и приступает к деятельности. Глубокий политический и военный кризис, несущий в себе роковые опасности, оторвал общественное внимание от закона о земельных комитетах».* Главный земельный комитет (ГЗК) – орган Временного правительства, образованный при министре земледелия 19 марта (1 апреля) 1917. Председателем ГЗК был назначен известный общественный деятель, экономист А.С. Посников. Первые заседания ГЗК состоялись 19–20 мая 1917. Согласно Положению о земельных комитетах от 21 апреля (4 мая) 1917, ГЗК и местные земельные комитеты создавались «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием» (Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 38 (84). 23 апреля. С. 1). ГЗК был распущен 19 декабря 1917 (1 января 1918), местные земельные комитеты прекратили существование весной 1918 (распущены или реорганизованы в земельные отделы Советов).

– «*“Аграрная реформа” ранее своего законодательного построения “в своих основаниях и во всех подробностях должна быть обсуждена народом на местах”, – писала Трудовая группа в своем земельном проекте, внесенном в 1-ю Гос[ударственную] думу (проект 104-х).* См.: «Проект основных положений земельного закона» [внесен в Государственную думу 23 мая 1906] // Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Т. 1. [СПб., 1906]. С. 560–562.

– «*должны быть объявлены утратившими силу многие статьи июньского закона об укреплении наделов в единоличную собственность, также об автоматическом разрушении общины*». Имеется в виду Закон 14 июня 1910, который имел принудительный характер в отношении беспердельных общин, признавал их перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению без их волеизъявления и лишил их права на переделы.

К стр. 200. «*...из разных местностей поступают в настоящее время известия о распродаже частновладельческих земель. ...Явление это способно принять крупные размеры. Для будущей реформы развитие такой распродажи представляло бы прямой и серьезный удар. Поэтому необходимы определенные предупредительные меры. Такое решение временного правительства должно быть хорошо известно во всех концах страны*». Сделки по купле-продаже земли были запрещены вплоть до Учредительного собрания постановлением Временного правительства «Об актах, совершаемым по сделкам, устанавливающим вещное право на внегородские земли, занятые сельскохозяйственными и лесными угодьями» (12 июля 1917) // Вестник Временного правительства. 1917. № 104. 14 июля. С. 1.

Туган-Барановский М.И. Земля и воля. Статья опубликована в газете «Русское слово» 10 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 202. «*В новейшей истории Запада ирландское аграрное законодательство справедливо признается самым крупным и самым смелым опытом перестройки земельных отношений*». Имеется в виду опыт решения аграрного вопроса в Ирландии в период

1870-е – начало 1900-х. Особое значение имели законы 1903 и 1909, на основе которых был реализован ряд мер (в т. ч. принудительное отчуждение земель лендлордов), способствовавших превращению безземельного ирландского арендатора в мелкого собственника.

К стр. 203. *«В воскресенье, 7-го мая, должно было состояться первое заседание Главного земельного комитета – центрального правительственного органа по подготовке земельной реформы»*. Главный земельный комитет (ГЗК) – орган Временного правительства, образованный при министре земледелия 19 марта (1 апреля) 1917. Согласно Положению о земельных комитетах от 21 апреля (4 мая) 1917, ГЗК и местные земельные комитеты создавались «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». В документе излагались их обязанности, способ формирования и порядок деятельности (Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 38 (84). 23 апреля. С. 1). ГЗК был распущен 19 декабря 1917 (1 января 1918), местные земельные комитеты прекратили существование весной 1918 (распущены или реорганизованы в земельные отделы Советов).

– *«Я не буду останавливаться в настоящей статье на критике аграрной программы социалистов-революционеров, предполагая дать такую критику впоследствии»*. Данное намерение автор осуществил, опубликовав вскоре (Русское слово. 1917. 1 июня. № 122) статью «Право на землю»: «На крестьянских съездах последнего времени нередко принимаются резолюции о праве каждого русского гражданина на землю. Очевидно, эта любопытная правовая идея начинает завоевывать умы. Идея права на землю была формулирована Н.Г. Чернышевским следующими словами: “Я – сын моей родины, – этого довольно; родина поступает со мной как мать: она дает мне приют, она дает мне наследство, достаточное для моего существования, если я буду им пользоваться; я получаю участок из государственной собственности. Все дети равно милы ей, – я получаю столько же, сколько мои братья”».

Горячим сторонником идеи права на землю является и нынешний министр земледелия В.М. Чернов. «Общеправовые права на землю, – говорит он, – суть общегражданские права; это значит, что за каждым гражданином признается равное право на землю, – иначе говоря, право отдельного гражданина ограничивается таким же равным правом другого гражданина».

Право на землю есть одна из характерных идей русского народничества, быть может, даже центральная идея этого направления русской общественной мысли. Народничество являлось и является возведением в социальный идеал трудового земледельческого хозяйства. Социальный идеал основоположника русского народничества Н.Г. Чернышевского хорошо известен. Чернышевский был фурьеристом, и ячейкой будущего социального строя ему рисовалась фурьеристская “фаланга” – община в несколько сот семейств, сообща обрабатывающая землю и производящая общим трудом все важнейшие продукты, необходимые для жизни членов общины. При такой организации хозяйства обмен хотя и не упраздняется, но ограничивается очень существенно: община стремится по возможности удовлетворять все свои потребности своим собственным трудом, подобно тому, как еще недавно крестьянская семья в Сибири сама и пахала, и рубила дом, и выделяла себе сапоги, одежду, покупая на стороне только то, что невозможно произвести в собственном хозяйстве. Общественное устройство из отдельных самоудовлетворяющихся общин (то, что я назвал в своей книге “Современный социализм” **ф е д е р а л и с т и ч е с к и м** социализмом) остается и по настоящее время характерным для социальных идеалов народничества, в противоположность марксизму, тяготеющему к централистическому социализму. Однако марксисты были совершенно неправы, утверждая, что народники в своей защите идеала самоудовлетворяющегося трудового хозяйства общины являются экономическими реакционерами.

Дело в том, что социалистический идеал не может не быть одновременно и отрицанием капиталистического хозяйства. Всякий социалист является отрицателем капитализма, и народники в этом отношении только разделяют судьбу всех социалистов. И марксисты от-

ричают капитализм, поскольку дело идет о формах будущего общественного строя. И хотя марксисты настаивают на том, что социализм должен явиться результатом развития капиталистического строя, все же самый-то социализм должен и в их представлении оказаться прекращением и отрицанием его развития. Потому упреки народничеству со стороны марксизма в экономическом реакционерстве, поскольку народничество защищает идеал самоудовлетворяющейся трудовой общины, безусловно неосновательны.

Однако народничество характеризуется не только этим идеалом, но и многими другими чертами. Едва ли не центральной идеей народничества является, как сказано, идея права на землю, и эта идея с гораздо большим основанием может быть признана не согласующейся с идеей хозяйственного прогресса. Чернышевский и Чернов признают за каждым отдельным гражданином равное право требовать себе в пользование землю. Не нужно упускать из виду, что в данном случае формулируется общий правовой принцип – своего рода естественное право, имеющее абсолютное значение, а не только применительно к условиям данного исторического момента. Пусть так, но почему в таком случае речь идет только о земле? Если все имеют равное право на землю, то значит все имеют равное право и на личное пользование (с устранением общественного пользования) и другими средствами производства – домами, постройками, инструментами и орудиями труда, сырым материалом и пр.

Неужели не ясно, что право на землю в своем логическом развитии противоречит принципу общественной организации труда? Если каждый может требовать себе землю, то значит общество не имеет права использовать производительные силы земли тем способом, который оно считает наилучшим. Признание “общественного права на землю” есть, таким образом, отрицание права общества распоряжаться в общих интересах всеми средствами производства, в том числе и землей. Если это и социализм, то социализм анархического типа.

Правда, В.М. Чернов оговаривается, что право на землю, по его представлению, не есть “какое-то особое, самостоятельное и независимое право, наряду с правом на существование, а лишь частное проявление и направление этого более глубокого и основного права”. Но ведь для существования нужно обладать не землей как средством производства, а продуктами земли. Какой же ущерб потерпит право на существование, если право на землю будет признаваться лишь за всем обществом, а за каждой отдельной личностью будет признаваться равное право на пользование лишь продуктами общественного труда? И, наоборот, не будет ли противоречить равному праву всех на существование, если будет признано за каждым право захватывать в свое пользование средства производства, этим давая нерациональное в техническом смысле направление общественному производству и, таким образом, уменьшать общую сумму общественного продукта, от чего в равной степени терпят ущерб все члены общества?

Идея права на землю не является, таким образом, логическим выводом идеи равного права всех на существование и даже противоречит этой последней идее, требующей, чтобы общество могло осуществлять такой план хозяйства, который обеспечивал бы всему обществу наибольшую сумму богатства, наибольшую степень развития производительных сил.

Из всех идей марксизма идея первенствующего значения в жизни общества развития производительных сил должна быть признана едва ли не самой ценной и плодотворной по своим выводам. Лишь постольку социалистическая система хозяйства должна быть признаваема шагом вперед сравнительно с капиталистической системой хозяйства, поскольку социализм znamená собой не упадок, а подъем производительности общественного труда.

Как же мы должны отнестись к идее права на землю с точки зрения этого решающего критерия – развития производительных сил? Согласуется ли эта идея с принципом наибольшего развития производительных сил, или же противоречит этому последнему принципу? После сказанного ясно, что верно последнее. Право каждого на землю есть анархический принцип, ограничивающий права общественного целого и увековечивающий мелкое производство со всеми его отрицательными чертами. Народничество в общем является, не-

сомненно, направлением социалистическим. Но, формируя идею права каждого на землю, оно пошло по ложному пути, отклонилось от истинного социализма и вступило в противоречие с принципом наибольшего развития производительных сил.

Для будущности России было бы гибелью, если бы идея права каждого на землю получила практическое осуществление, ибо Россия должна развиваться в сторону социализма, большего и большего подчинения частного хозяйства общественному контролю, а не в сторону освобождения единоличного производителя от такого контроля. Не единоличное, а общественное производство должно стать основой хозяйственной системы будущего».

Аграрный вопрос. Статья опубликована в газете «Речь» 10 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 207. В данном случае под лендлордизмом понимается система крупного земле- владения, основные бенефициары которой – лендлорды – сдают земельные участки в арен- ду и получают земельную ренту.

Кафенгауз Л.Б. Ограничение военных прибылей. Статья опубликована в газете «Власть народа» 18 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 208. *«Год тому назад у нас был опубликован закон об обложении разницы между прибылью военного времени и прибылью довоенного времени...»* – речь идет о Положении «Об установлении временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных пред- приятий и вознаграждения личных промысловых занятий и о повышении размеров отчис- лений на погашение стоимости некоторых имуществ при исчислении прибылей, подлежа- щих обложению процентным сбором» (утверждено Советом министров 13 мая 1916).

К стр. 209. *«Относительное успокоение, наступившее после образования коалиционного министерства...»* – имеется в виду первое коалиционное (т. е. с участием социалистов) пра- вительство, созданное 1 (14) мая 1917.

Чаянов А.В. Земельный вопрос или вопрос аграрный? Статья опублико- вана в газете «Власть народа» 19 мая 1917. Статья републикуется впервые. Взгляд автора по данной проблеме изложен также в его брошюре, вышедшей в серии изданий Лиги аграрных реформ: Чаянов А.В. Что такое крестьянский вопрос? (М.: Универсальная библиотека, [1917]: переизд. в кн: А.В. Чаянов. Избранные произведения: Сборник / Сост. Е.В. Серова. М., 1989. С. 20–56).

К стр. 211. *«...поскольку удастся нам “вырастить два колоса там, где теперь растет один”...»* См.: «...всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет выра- стить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все по- литики, взятые вместе» // Дж. Свифт. Путешествие Лемюэля Гулливера / пер. с англ. под ред. А. Франковского. СПб., 2014. С. 182–183.

– *«...используя обрат для вытойки свиней-бе[р]кширов...»* Беркширская порода свиней – английская порода скороспелых свиней универсального (мясо-сального) направления продуктивности. Выведена в конце XVIII в. в графстве Беркшир, получила распростране- ние во многих странах, в России оказала большое влияние на свиноводство.

– *«императрица Екатерина, Фридрих Великий и другие деятели “просвещенного абсолю- тизма” вводили культуру картофеля с помощью пушек и экзекуций».* Екатерина II (1729– 1796) – российская императрица (с 1762). В ее правление Сенат издал указ «О разводе и употреблении земляных яблоков» (1765). Контроль за исполнением указа был возложен на местных губернаторов; насилие со стороны властей, применявшееся с целью «продви- жения» нововведения, вызывало народное недовольство. *Фридрих II, или Фридрих Великий*

(1712–1786) – король Пруссии с 1740; при нем «картофельные бунты» жестоко подавлялись войсками.

Локоть Т.В. Диктатура пролетариата. Публикуется по изданию: Киевлянин. 1917. 21 мая. № 123. С. 3.

Вышеславцев Б.П. Представительство большинства. Публикацией данной статьи в газете «Утро России» открывался новый отдел – «Вопросы государственного строительства». При этом Вышеславцев был приглашен не только в качестве автора, но и редактора отдела. В обращении редакции к читателям, предварявшем первую тематическую подборку материалов, говорилось: «Перед Россией на очереди стоит целый ряд важных и сложных вопросов из области предстоящего ей государственного строительства. Эти вопросы подлежат не только официальной разработке учреждений, призванных к подготовке Учредительного собрания, но и должны обсуждаться в печати видными специалистами науки для того, чтобы широкие круги общества свободно могли разбираться во всех сложных особенностях избирательной техники и государственно-правовой жизни переживаемого нами переходного периода. Необходимо все эти вопросы широко популяризировать и помочь нашим читателям в них сознательно разбираться. Признавая всю важность этой задачи, редакция «Утра России» решила создать специальный постоянный отдел под названием «ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА». Статья публикуется впервые.

К стр. 215. *«Перикл в своей речи о величии Афин, сохраненной для нас Фукидидом, говорит о государственном устройстве своего Отечества: “оно называется демократией, потому что зиждется не на меньшинстве, а на большинстве”»*. Перикл (ок. 490–429 до н. э.) – афинский стратег. Фукидид (ок. 460 – ок. 400 до н. э.) – древнегреческий историк. Автор здесь цитирует фрагмент речи Перикла о достоинствах афинян: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством» (Фукидид. История. Кн. II, 37:1; В кн.: Фукидид. История / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. М., 1999. С. 106).

– *«Иеллинек говорит: “Тенденция каждой демократии – поднять большинство до значения исключительно решающего фактора”»*. – Еллинек Георг (1851–1911), немецкий юрист, государствовед. Автор цитирует его сочинение «Право меньшинства» (1898; рус. пер.: М., 1906).

К стр. 216. *«Руссо доказал, что свобода и автономия осуществлены вполне в той ассоциации, которая вотирует свои решения е д и н о г л а с н о»*. Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский философ, писатель. В тексте содержится отсылка к сочинению Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права». См.: Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре: Трактаты. М., 2000. С. 195–322.

– *«Шарль Бенуа говорил в своем докладе, представленном в французский парламент при обсуждении законодательных предложений о введении пропорционального представительства: “Заметьте, что при этой мнимой системе истого и простого большинства наименьшим злом является, если представлена только половина плюс один избирателей. Зло может быть более значительным и большинство в выборных учреждениях может быть лишь мнимым большинством, несоответствующим действительному большинству избирательного*

корпуса»». *Шарль Жан Бенуа* (1730–1804) – французский историк-экономист, советник нормандского парламента.

– «*Георг Мейер в своей известной монографии, посвященной избирательному праву, приводит такой пример...*» *Мейер Георг* (1841–1900) – немецкий юрист-государствовед. Автор упоминает его труд «*Das parlamentarische Wahlrecht*» (Berlin, 1901; рус. пер.: «Избирательное право». М., 1905–1906).

К стр. 217. «*Другой замечательный пример мы находим в знаменитом исследовании Сариполоса, посвященном критике мажоритарной системы выборов и горячей защите системы пропорциональной*». *Николаос Н. Сариполос* (1876–1944) – греческий юрист, специалист по конституционному праву. В тексте упоминается его труд «*La Démocratie et l'élection proportionnelle: Étude historique, juridique et politique*» (1899).

К стр. 218. «*На основании статистики французских выборов Дюги приходит к выводу, что французский парламент, избранный по системе простого большинства голосов, всегда является представительством меньшинства избирательного корпуса. Если, например, 3–4 миллиона избирателей имеют своих представителей в парламенте, то 5–6 миллионов остаются не представленными вовсе*». *Леон Дюги* (1859–1928) – французский юрист, социолог, представитель политико-правового учения солидаризма. Автор ссылается на его труд «*Курс конституционного права. Общая теория государства*» (М., 1908).

– «*...едва ли можно согласиться с Эсменом, когда он защищает идею большинства, как "простую идею, непосредственно очевидную и несомненно справедливую, так как она не благоприятствует заранее никому"*». *Эсмен Адемар* (1848–1913) – французский юрист. В тексте упомянут его труд «*Основные начала государственного права: Новейшая свобода, принципы и учреждения*» (М., 1898).

– «*...так, чтобы парламент, по мысли Мирабо, являлся как бы политической картой страны, изображающей все соотношения ее политических сил в пропорционально уменьшенных размерах*». *Мирабо Оноре Габриэль* (1749–1791) – деятель Великой Французской революции. Считал, что органы народного представительства должны быть сформированы таким образом, чтобы отражать интересы всех основных политических сил общества. Одним из первых озвучил в 1789 основополагающий принцип современной политической демократии – представительство, пропорциональное голосам избирателей.

Алексеев Н.Н. Идея пропорционального представительства. Статья была помещена в специальном отделе газеты «Утро России» – «Вопросы государственного строительства» (под ред. прив.-доц. Б.П. Вышеславцева). Републикуется впервые.

К стр. 221. «*Описание того, как решается эта задача, должно быть предметом особого очерка*». По теме «Система пропорциональных выборов» в газете «Утро России» (1917. 31 мая. № 133) было опубликовано три статьи: I. Алексеев Н.Н. Система одноименного голосования; II. Хлебников Д. Система связанных списков; III. Вышеславцев Б.П. Система свободных списков.

Арсеньев К.К. Исторические параллели. Статья опубликована в газете «Русские ведомости» 21 и 23 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 222. «*Франция вдобавок целые десятилетия до 1848 пользовалась благами мира, едва нарушавшегося экспедициями в Марю, в Бельгию и небольшими походами в Алжирии*». Имеются в виду: 1) французское вмешательство в Бельгийско-нидерландскую войну (1831); 2) события, связанные с завоеванием французскими войсками северной части современного Алжира, проходившим с 1830 по 1847.

К стр. 223. *«Признание права на труд было только пустым словом, образование люксембургской комиссии – декорацией, за которой не было никакого серьезного содержания, устройство национальных мастерских – паллиативной мерой, ошибкой, быстро обратившейся в обман».* Люксембургская комиссия (Правительственная комиссия для рабочих) создана Временным правительством Франции 28 февраля 1848, действовала с 1 марта до 16 мая 1848 (заседания проходили в Люксембургском дворце – отсюда ее название). Комиссия (предс. – Л. Блан, его зам. – А. Альбер, секретарь – Ф. Видаль), занималась разбором конфликтов между рабочими и предпринимателями; по ее инициативе был издан декрет о сокращении рабочего дня на один час, учреждены государственные конторы по приисканию работы для безработных, заключен ряд договоров между предпринимателями и рабочими, предотвративших стачки, организован ряд производственных ассоциаций (портных, прядильщиков и др.). В нескольких крупных городах были открыты Национальные мастерские для безработных, где они получали гарантированную плату. Содержание мастерских оказалось непосильным для казны, а их эффективность снижалась. В результате 21 июня по инициативе правительства Учредительное собрание распустило мастерские; мужчинам в возрасте 18–25 лет было предложено вступить в армию, остальным – отправиться на земельные работы в провинцию. Нежелание безработных покидать столицу привело к беспорядкам в Париже 23–26 июня, которые переросли в восстание, подавленное войсками. Буржуазно-демократические преобразования, начатые временным правительством, были приостановлены. В декабре 1848 президентом Франции был избран Луи Бонапарт Наполеон, провозгласивший себя императором в 1852.

– *«Не знаю, чем закончится деятельность временного правительства; но до сих пор о нем с гораздо большим правом можно повторить сказанное французским учредительным собранием 1848 года: «Le gouvernement provisoire a bien mérité de la patrie».* – фр.: «Временное правительство имеет большие заслуги перед родиной».

– *«Хотя в состав временного правительства 1848 года вошел один из главных доктринеров социализма, Луи Блан, приведший с собою рабочего Альбера...» Луи Жан Жозеф Блан (1811–1882) – французский социалист, историк, журналист. Альбер Александр Мартен (1815–1885) – французский деятель рабочего и социалистического движения, государственный деятель Второй республики, первый представитель промышленного рабочего класса, вошедший в состав правительства.*

К стр. 224. *«...национальные мастерские, представлявшие собою если не силу, то возможность силы, очутились в руках министра общественных работ Мари, одного из самых консервативных членов правительства».* Мари де Сен-Жорж, Пьер Тома Александр (1795–1870) – французский адвокат, в 1848 – министр общественных работ во временном правительстве, организатор Национальных мастерских, затем министр юстиции в правительстве Кавеньяка.

– *«Барбес, Бланки, Кабэ, Распайль, Прудон, Консидеран были, как и Луи Блан, вождями без войска».* Имеются в виду французские деятели социалистического движения: Барбес Арман (1809–1870), Бланки Луи Огюст (1805–1881), Кабэ Этьен (1788–1856), Распайль Франсуа-Венсан (1794–1878), Прудон Пьер-Жозеф (1809–1865), Консидеран Проспер Виктор (1808–1893).

– *«...республиканцы старого типа, хранители якобинских традиций, руководимые слабовольным Ледрю-Ролленом».* Ледрю-Роллен Александр Огюст (1807–1874) – французский политический деятель эпохи Июльской монархии и Второй республики, левый республиканец (неоякобинец), в 1848 – министр внутренних дел во Временном правительстве Франции.

К стр. 225. *«Assemblée Constituante 1848 года»* – имеется в виду: Национальное собрание (1848–1849) – собрание народных представителей, созданных под давлением революционного движения и занимавшихся учредительной деятельностью (выработкой конституции) в период Второй французской республики.

– «...при сомнительно нейтральном кабинете Витте–Дурново и явно враждебном кабинете Столыпина...» *Витте Сергей Юльевич*, граф (с 1905) (1849–1915) – государственный деятель. С 1889 директор департамента железных дорог Министерства финансов; с 1892 – управляющий Министерством путей сообщений, а с августа 1892 – Министерством финансов. С 1893 – министр финансов. Инициатор важнейших реформ в сфере финансовой политики (введение винной монополии, золотого рубля и т. д.). В 1903 был уволен с поста министра финансов и назначен на должность председателя Комитета министров. 5 сентября 1905 подписал Портсмутский мирный договор, за что был удостоен титула графа. В 1905 возглавил делегацию для мирных переговоров с Японией. С октября 1905 по апрель 1906 – председатель Совета министров. После своей отставки оставался членом Государственного совета. Автор воспоминаний. *Дурново Петр Николаевич* (1845–1915) – государственный деятель. В 1884–1893 – директор Департамента полиции. С 1893 – сенатор. С 1900 – товарищ министра внутренних дел, а в 1905–1906 – министр внутренних дел. С 1906 – член Государственного совета, лидер правой группы. *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862–1911) – русский государственный деятель. С 1902 – и.д. гродненского губернатора. С 1903 – саратовский губернатор. С апреля 1906 – министр внутренних дел. С июля 1906 – председатель Совета министров. Инициатор проведения правовых, социальных, экономических преобразований. Смертельно ранен террористом Д.Г. Богровым в Киеве.

– «...декларация 6-го мая...» – имеется в виду декларация Временного правительства от 6 (19) мая 1917, в которой содержалось обещание «неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны», выполнять «подготовительные работы» к аграрной реформе и т. д. Важнейшей задачей провозглашалось «укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и в наступательных действиях». В декларации также говорилось о стремлении правительства к «скорейшему заключению всеобщего мира... мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов».

Петрищев А.Б. Из впечатлений провинциала в Петрограде. Статья опубликована в газете «Русские ведомости» 23 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 227. «Спрашиваю, напр[имер], что сделано для упорядочения продовольственного дела в городе. В виде ответа мне вручают “Положение о продовольственной организации Петрограда”». Имеется в виду Положение об организации продовольственных органов г. Петрограда, принятое 4 апреля 1917 Общегосударственным продовольственным комитетом, созданным Временным правительством (Известия по продовольственному делу. 1917. № 1 (май). С. 111–112).

К стр. 228. «Им все равно, – Иван ли Кронштадтский, Григорий ли Распутин, революция ли, – лишь бы грабить». *Иоанн Кронштадтский* (1829–1908) – проповедник, духовный писатель; канонизирован РПЦ в 1990. *Распутин Григорий Ефимович* (1869–1916) – крестьянин села Покровское Тобольской губернии, приобрел известность благодаря близости к семье Николая II, в оценках его личности до сих пор преобладает негативное мнение.

К стр. 229. «Идейность и социализм нисколько не мешают им быть лишь орудием замыслов Вильгельма». *Вильгельм II* (1859–1941) – последний германский император и король Пруссии (1888–1918), сторонник активной военной политики, проводимой в 1914–1918.

Веселовский Б.Б. Главный земельный комитет. Статья опубликована в газете «Русское слово» 24 мая 1917. Статья републикуется впервые.

К стр. 230. «19–20-го мая в Петрограде состоялись первые заседания Главного земельного комитета под председательством А.С. Посникова». Главный земельный комитет (ГЗК) – орган Временного правительства, образованный при министре земледелия 19 марта (1 апреля) 1917. Согласно Положению о земельных комитетах от 21 апреля (4 мая) 1917,

ГЗК и местные земельные комитеты создавались «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием». В документе излагались их обязанности, способ формирования и порядок деятельности (Вестник Временного правительства. Пг., 1917. № 38 (84). 23 апреля. С. 1). ГЗК был распущен 19 декабря 1917 (1 января 1918), местные земельные комитеты прекратили существование весной 1918 (распущены или реорганизованы в земельные отделы Советов).

Посников Александр Сергеевич (1845–1922) – экономист, педагог, общественный и политический деятель, основатель Партии демократических реформ (1906), член ЦК Партии прогрессистов (1912), председателем ГЗК с 23 апреля 1917. Был убежден в том, что «государственная идея, идея общего, целого должна быть доминирующей и решающей», а «земля по существу не может быть объектом частной собственности, а должна передаваться лишь в пользование того, кто ее обрабатывает, оставаясь коллективной, государственной и т. д.». Вместе с тем в разработанных под его руководством положениях о главном и местных земельных комитетах доминировала идея о «невозможности прямолинейного разрешения аграрного вопроса по тем или иным теоретическим построениям», подчеркивалась необходимость подходить к этой проблеме «с крайней осторожностью, взвешивая и оценивая каждый шаг и принимая во внимание все разнообразие местных условий огромной по своей территории страны». См.: Учреждение земельных комитетов // Русские ведомости. 1917. 14 апреля. № 82; А. Посников. Задачи Главного земельного комитета (три речи) [речи А.С. Посникова при открытии ГЗК (19 мая 1917 г.), открытии (1 июля 1917 г.) и закрытии (6 июля 1917 г.) второй сессии] // Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 637–659. О первой сессии Главного земельного комитета см. также: Авдеев Н. Революция 1917 года: хроника событий. М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 174–176; Органы земельной реформы. Земельные комитеты и Лига аграрных реформ. М., 1917. С. 13–18; Хитрина Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н. Новгород, 2003. С. 108–114.

– «...*речь председателя комитета Посникова, поставившего во весь рост во всей ее сложности проблему разрешения аграрного вопроса*». Имеется в виду речь А.С. Посникова при открытии Главного земельного комитета 19 мая 1917 г. // Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 637–649.

– «*Выступавший несколько раз министр земледелия Чернов горячо говорил о предстоящем “правотворчестве” в области аграрных отношений, дал энергичную отповедь большевикам, призывавшим к немедленному “организованному (?) захвату” земель*». Автор статьи упоминает о дискуссии, имевшей место в ходе заседания: «Представитель Ц.К. Росс. С.-Д.Р.П.(б.) Смилга заявил, что только организованный захват крестьянами всей земли явится действительно революционным актом и устранил нынешнюю разруху в аграрной области, и что земельные комитеты на местах должны способствовать такому захвату и направлять его по широкому руслу. С возражениями представителю с.-д. большевиков выступил Чернов, который сказал, что в словах “организованный захват” заключается логическое противоречие: захват противоречит всякой организации и может повести лишь к дезорганизации» (Н. Авдеев. Революция 1917 года. (Хроника событий). Том II. Апрель – май. М.; Пг., 1923. С. 175–176).

– «*В докладе А.Г. Хрущева, набросавшего картину аграрных осложнений в различных губерниях*». *Хрущов Александр Григорьевич* (1872–1932) – земский деятель, член Конституционно-демократической партии (с февраля 1916 – в составе ЦК), депутат I Государственной думы. С 2 (15) марта по 4 (17) мая 1917 – тов. министра земледелия и представитель министерства в Главном земельном комитете (член Совета ГЗК). С 30 мая 1917 – тов. министра финансов во Временном правительстве. Во время июльского кризиса, с 11 по 24 июля 1917, управляющий министерством финансов Временного правительства. В октябре 1917 – представитель Министерства финансов в Главном экономическом комитете. В упомянутом в статье докладе Хрущева говорилось о том, что «в целом ряде

губерний частные землевладельцы переживают тревожное время. В Саратовской губернии, по сообщениям землевладельцев, местные комитеты выносят незаконные постановления о захвате земли, снимают с работы военнопленных, приостанавливают рубку леса, не позволяют вывозить хлеб даже для нужд армии и т. д. Землевладельцы Харьковской губ. утверждают, что ввиду эксцессов они вынуждены прекратить посев. Из Рязанской губ. сообщают, что там отменяется принцип частной собственности не только на недвижимое, но и на движимое имущество. Жалобы частных землевладельцев идут и из других губ.: Тульской, Псковской, Нижегородской, Пензенской, Бессарабской, Симбирской и т. д. Всероссийский союз землевладельцев в своей телеграмме на имя министра земледелия сообщает, что во многих местах разрушается культурное хозяйство, уничтожается племенная скот, захватывается живой и мертвый инвентарь и т. д. На основании всех этих сообщений Хрущов пришел к заключению, что аграрное движение разрастается и принимает угрожающие формы расстройства всей хозяйственной жизни страны. Неотложными задачами текущего момента, по мнению Хрущева, являются: немедленное учреждение посреднических и примирительных камер, посылка уполномоченных Главного земельного комитета на места и широкая популяризация объективных данных по земельному вопросу. ...После прений тезисы доклада Хрущева были приняты с некоторыми добавлениями и изменениями» (Н. Авдеев. Революция 1917 года. (Хроника событий). Том II. Апрель – май. М.; Пг., 1923. С. 174–176; Органы земельной реформы: Земельные комитеты и Лига аграрных реформ. М., 1917. С. 14–16).

– *«Н.П. Огановский полагал даже, что “значительная часть реформы Столыпина прошла на бумаге”». Огановский Николай Петрович (1874–1938) – экономист-аграрник, статистик, политический деятель. Окончил Петербургский университет (1897). После Февральской революции 1917 – член организационного комитета Народно-социалистической партии, с июня 1917 – член ЦК Трудовой народно-социалистической партии. Участвовал в деятельности Всероссийского крестьянского союза. С мая 1917 член Совета Главного земельного комитета Временного правительства. Сторонник ликвидации частной собственности на землю, выступал против самозахватов земли крестьянами. В 1917 автор многочисленных публикаций по аграрному вопросу, в т. ч. в серии «Земля – народу». Полагал, что «...Столыпин решил, расколовши крестьян землеустроительной реформой на два антагонистических класса, на “сильных и слабых”, создать из “сильных” экономически крепкий, хозяйственно прогрессивный и политически консервативный класс частных собственников-хуторян. Теперь уже видно, – замечал Огановский, – что эта идея не осуществляется на деле. Правительство пока достигло одного – сплошного разрушения общины. ...Для того, чтобы прогрессивные хуторяне могли увлечь за собой всю стомиллионную массу народа, необходимо, чтобы их считали не тысячами, а сотнями тысяч. Когда будут в России миллионы таких хуторов, когда хозяева их станут из года в год снимать со своих полей стопудовые урожаи, тогда можно будет сказать, что план П.А. Столыпина осуществился» (Огановский Н. Аграрная эволюция в России после 1905 г. М., 1917. С. 10, 78). После Октябрьской революции 1917 работал в Сибцентросоюзе и Наркомземе, Наркомторге.*

К стр. 231. *«В сравнении с этим борьба против помещиков отодвинется на второй план (Н.П. Макаров)». Макаров Николай Павлович (1886–1980) – экономист-аграрник. Окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета (1911). Член межпартийной организации Лига аграрных реформ (образована в апреле 1917). Член Совета Главного земельного комитета на протяжении трех сессий, работал в комиссии по перераспределению земельного фонда (предс. – С.Л. Маслов, тов. предс. – А.Н. Челинцев). Наиболее ярко его научные взгляды в тот период выражены в работе «Крестьянское хозяйство и его интересы» (М., 1917). В 1920–1924 изучал проблемы экономики, организации и технологии сельскохозяйственного производства в США и Западной Европе. С 1924 профессор Тимирязевской академии, доктор экономических наук (1956). В 1930 репрессирован, реабилитирован в 1987. См. о нем: Савинов Т.А. Н.П. Макаров – русский и советский экономист-аграрник // Россия и современный мир. 2007. № 1 (54). С. 200–207.*

– «...по докладу Л.Н. Литошенко о производстве анкеты о настроении крестьян...» Литошенко Лев Николаевич (1886–1943) – экономист. Окончил экономическое отделение юридического факультета Московского университета (1909). Согласно его «Автобиографии» (1925), «ни в какой партии до революции не состоял... В февральском и октябрьском переворотах участия не принимал, находился в это время в Москве». С июля 1917 по февраль 1918 в «Русских ведомостях» опубликовал цикл статей с резкой критикой эсеровской, а затем большевистской политики, направленной на «социализацию земли». В 1918 эти статьи были изданы отдельным сборником (Литошенко Л.Н. Социализация земли: Сб. ст. М.: Народное право, 1918). После 1917 профессор Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии, работал в Центральном статистическом управлении, Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономики и политики. Выступал против концепции потребительского характера крестьянских хозяйств, определял природу крестьянского хозяйства как «приобретательскую», предпринимательскую. Рассматривал кооперацию как фактор приспособления к хозяйствованию в рыночных условиях и приобщения к «приобретательству» всех тех, кто окажется к этому способным. Занимаясь крестьянскими бюджетами за 1922–1923, впервые дал оценку важнейших групп потребителей и товаров в сельском хозяйстве. Совместно с П.И. Поповым руководил работой по составлению первого в мире межотраслевого баланса на 1923/24. Начиная с 1930 подвергался репрессиям, проходил обвиняемым по делу Трудовой крестьянской партии (ТКП), до 1932 находился в ссылке в Саратове, по возвращении в Москву продолжил работу в области статистики. Арестован в январе 1938, обвинен в попытке «воссоздания» ТКП, умер в одном из колымских лагерей. Реабилитирован в 1987. См. о нем в кн.: Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 5–97.

– «...много споров вызвало предложение М.Е. Березина и Н.Я. Быховского немедленно прокламировать о переходе всех земель к государству». Березин Михаил Егорович (1864–1933) – земский деятель, публицист. Депутат II Государственной думы (от Саратова), входил в Трудовую группу и фракцию Крестьянского союза (с апреля 1907 ее фактический лидер). Избран в ЦК Трудовой группы (1907). Сотрудничал с фракциями Трудовой группы в III и IV Думе. После Февральской революции 1917 один из организаторов Всероссийского Совета крестьянских депутатов, участник его 1-го съезда (Петроград, май 1917), член Президиума Исполкома Совета. Избран в состав ЦК Трудовой народно-социалистической партии (июль 1917), делегирован ею в Главный земельный комитет при Временном правительстве, член Совета этого комитета. Быховский Наум Яковлевич (1874–1938) – общественный деятель, публицист. С 1901 состоял в Партии социалистов-революционеров, в июне–ноябре 1917 – член ее ЦК. В 1917 член редакции «Дела народа», избран в состав Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, член Совета Главного земельного комитета.

– «Чрезвычайно содержательную речь произнес председатель Прогрессивного блока Государственной думы С.И. Шидловский, указавший, что главная трудность не в отобрании земель, а в их распределении по трудовому началу». Шидловский Сергей Иллаторович (1861–1922) – политический деятель, депутат III (тов. председателя Думы) и IV Государственных дум; один из лидеров Прогрессивного блока (предс. бюро с 4 сентября 1915). В ходе Февральской революции 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы (ВКГД). В апреле 1917 вошел в состав комиссии по выработке закона об Учредительном собрании, а в мае избран от ВКГД в Главный земельный комитет при Временном правительстве. Состоявшееся 20 мая 1917 частное совещание членов Государственной думы, заслушав сообщение Шидловского о начале работы Главного земельного комитета, «признало, что земельная реформа может быть проведена только Учредительным собранием и что всякие попытки присвоить себе в этом вопросе права Учредительного собрания вызовут в стране смуту» (Н. Авдеев. Революция 1917 года. (Хроника событий). Том II. Апрель – май. М.; Пг., 1923. С. 180).

– «В заключение был образован для определения ближайшего направления работ Совет, в составе 13-ти выборных и 6-ти членов по должности. Из этих 19 лиц – 12 народников, 2 с.-д., 2 к.-д. и 3 правее к.-д.» 20 мая 1917 на заседании Главного земельного комитета было утверждено Положение о его Совете. В состав Совета ГЗК вошли: председатель ГЗК Посников Александр Сергеевич, товарищи председателя (по избранию) – народный социалист (энес) Анисимов Виктор Иванович и эсер Маслов Семен Леонтьевич, министр земледелия эсер Чернов Виктор Михайлович, товарищи министра – Вихляев Пантелеймон Алексеевич, Хрущев Александр Григорьевич, Волков Николай Константинович, Грудистов Николай Владимирович, управляющий делами Левицкий Александр Павлович, а также члены по избранию: Березин Михаил Егорович, Огановский Николай Петрович, Челинцев Александр Николаевич, Макаров Николай Павлович, Черненков Николай Николаевич, Пешехонов Алексей Васильевич, Маслов Петр Павлович, Дзюбинский Владимир Иванович, Быховский Наум Яковлевич, Соколов Николай Николаевич, Мацеевич Константин Адрианович, Шидловский Сергей Иллиодорович, Фондаминский Илья Исидорович // Органы земельной реформы: Земельные комитеты и Лига аграрных реформ. М., 1917. С. 16–22.

Проф. Кулишер И.М. *Будущность русской промышленности.* Републикуется впервые.

К стр. 234. «...домбровские рудники...» – имеются в виду рудники, расположенные в Домбровском угольном бассейне на юге Польши.

Николаевский Б.И. *Дело Малиновского.* Это первые две из пяти статей, посвященных делу Р.В. Малиновского, опубликованные в «Рабочей Газете» в мае–июне. Обе майские статьи, как и три последующие, даны как редакционные. Авторство Б.И. Николаевского установлено по А.М. Бургиной. Републикуются впервые.

К стр. 236. «Три года тому назад, в мае 1914 года, после бегства Малиновского, наша предшественница – “Наша Рабочая Газета” отметила всю загадочность этого дела и указала на необходимость расследования». Малиновский Роман Вацлавович (1877–1918) – рабочий, профсоюзный деятель, нефракционный социал-демократ. С мая 1910 – секретный сотрудник Московского охранного отделения. В январе 1912 объявил себя большевиком, был избран членом ленинского ЦК. Депутат IV Государственной думы, председатель большевистской фракции. 8 мая 1914 неожиданно, без объяснения причин сложил депутатские полномочия (как выяснилось в 1917, по требованию товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского), что квалифицировалось как «бегство». В связи с этим газета меньшевиков допускала, что насчет Малиновского распространяются, «может быть, даже злостные сплетни», но требовала организации партийного суда, независимого от большевистского ЦК и гарантирующего беспристрастность, тщательность и конспиративность расследования (Наша рабочая газета. 1914, 14 мая).

– «Гнусная клевета», “грязные клеветники” – были далеко не худшими выражениями, направленными по адресу “Нашей Рабочей Газеты” и двух из ее редакторов – тт. Ф. Дана и Л. Мартова». См.: Рабочий. 1914, 25 мая.

– «то, что уже опубликовано (см. предыдущий № нашей газеты), дает право утверждать, что действительность была во много раз хуже». См.: Рабочая газета. 1917, 27 мая. № 66.

К стр. 237. «Он, работавший вместе с самим Белецким». Белецкий Степан Петрович (1872–1918) – тайный советник, в 1909–1912 вице-директор, в 1912–1915 директор Департамента полиции, в 1915 – товарищ министра внутренних дел. После Февральской

революции арестован, в 1918 расстрелян. Под руководством Белецкого Малиновский работал с момента избрания депутатом Думы и переезда в Петербург.

– *Чрезвычайная следственная комиссия* – Чрезвычайная следственная комиссия «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военного и морского ведомств» под председательством Н.К. Муравьева (с правами товарища министра юстиции) была учреждена Временным правительством 4 марта 1917. Муравьев привлек в комиссию юристов с высокой профессиональной репутацией, а также общественных деятелей разных политических направлений, историков и литераторов (Е.В. Тарле, П.Е. Щеголева, А.А. Блока и др.). Одним из главных объектов изучения комиссии стали архивы Департамента полиции, и вскоре началась публикация в газетах списков разоблаченных провокаторов. 17 июня 1917 Муравьев выступил на 1-м Всероссийском съезде Советов с докладом о задачах и работе Чрезвычайной следственной комиссии.

– *«Когда открылась провокация Азефа, партия с-р учредила особую следственную комиссию, результаты работ которой были опубликованы».* Провокаторство руководителя Боевой организации партии эсеров Е.Ф. Азефа установил в 1908 В.Л. Бурцев, сумев получить признание бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина. Руководство партии согласилось с Бурцевым лишь после подтверждения его правоты созданным в октябре третейским судом (Г.А. Лопатин, П.А. Кропоткин, В.Н. Фигнер). 7 января 1909 ЦК эсеров официально объявил Азефа провокатором.

– *«...в первую очередь необходимо опубликование данных того расследования, которое руководящее учреждение большевиков произвело в 1914 г.»* «В резолюции этого учреждения, напечатанной в № 3 “Трудовая Правда”, было заявлено: “...Руководящее учреждение, безусловно, убеждено в политической честности Малиновского”». «Руководящим учреждением» именовался в легальной большевистской печати 1912–1914. ЦК большевиков. Члены его Заграничного бюро В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев до Первой мировой войны находились в Австро-Венгрии (в Кракове и Поронине), туда и явился сложивший депутатские полномочия Малиновский. Была образована следственная комиссия по его делу в составе Ленина, Зиновьева и в качестве председателя комиссии близкого большевикам польского социал-демократа Я.Б. Ганецкого. Комиссия допросила Малиновского, нескольких большевиков, запросила Бурцева, который заявил, что безоговорочно ему доверяет (Трудовая правда. 1914, 10 июня). Николаевский пересказывает первую информацию о предварительных результатах расследования – постановление «руководящего учреждения марксистов». Наряду с утверждением о «политической честности» Малиновского, в постановлении говорилось, что своим «дезертирством» он поставил себя вне рядов партии, но допускалось в дальнейшем его восстановление в партии (Трудовая правда. 1914, 31 мая). Опубликованию подробного заключения с теми же выводами, подписанному «следственной комиссией по делу о распространении гнусных слухов про Р.В. Малиновского», помешала война и закрытие «Правды». Все материалы расследования 1914 опубликованы в 1993. (Вопросы истории. 1993. № 9–12).

К стр. 238. *«Перепечатанные нами данные являются одной из глав официального документа Верховной Следственной Комиссии, каждое их положение может быть документально подтверждено. Если “Русское Слово” первое раздобыло их, существо дела от этого не меняется».* Материалы по делу Малиновского, исходившие от Чрезвычайной следственной комиссии, появлялись в печати 1917 постепенно, до окончания следствия. Ленин и другие большевики, возвращавшиеся в Россию из эмиграции, узнали о разоблачении Малиновского, приехав в Торнео, пограничный пункт в Финляндии, и прочитав заметку Л.Б. Каменева «Иуда» (Правда. 1917, 26 марта). Всего Чрезвычайная комиссия допросила до трех десятков свидетелей по этому делу, в том числе большевистских деятелей. Ленин и Зиновьев дали показания 26 мая, в них шла речь и о расследовании 1914. Отдельные места из показаний Ленина также приводились в газетах 1917 (полностью

впервые показания Ленина и других свидетелей опубликованы в сб. «Дело провокатора Малиновского». М., 1992; там же материалы Революционного трибунала при ВЦИК, приговорившего Малиновского, который вернулся в советскую Россию в 1918, к расстрелу).

– «*Кацап*» в меньшевики «Правда» зачисляет облыжно... Совершенно неправильно, что Абросимов играл у нас «приблизительно такую же роль...». *Кацап* – Поляков Андрей Александрович (1884–1918), рабочий, член РСДРП, большевик, с 1909 секретарь областного бюро РСДРП Центрального промышленного района, делегат Венской (августовской) конференции РСДРП 1912. С 1911 по 1915 был одновременно секретным сотрудником Московского охранного отделения. 30 июня 1918 расстрелян по приговору Верховного трибунала ВЦИК. *Абросимов В.М.* (1878–?) – рабочий, член РСДРП, меньшевик, в 1911 входил в Петербургскую инициативную группу РСДРП, делегат Венской конференции (1912). С 1911 – секретный сотрудник Петербургского охранного отделения. После Февральской революции арестован, освобожден по болезни. В годы гражданской войны вступил в РКП(б). В 1922 снова арестован.

– *Бebel (Bebel) Август* (1840–1913) – один из основателей и руководитель Социал-демократической партии Германии. *Zinger (Singer) Пауль* (1844–1911) – председатель правления СДПГ с 1890. Имеется в виду период действия в Германии так называемого исключительного закона против социалистов.

Кизеветтер А.А. Хозяин русской земли. Статья опубликована в газете «Русские ведомости» 28 мая 1917. Републикуется впервые.

К стр. 239. *«Известие о начале работ по составлению Положения о выборах в Учредительное собрание должно быть встречено с чувством большого удовлетворения истинными друзьями свободы...»* С целью подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание 25 марта 1917 было принято решение об образовании Особого совещания, которое приступило к работе 25 мая 1917, завершив ее в августе 1917.

– *«Поскоблите хоть немного любого из таких предьявителей безотлагательных свободолубивых ультиматумов, и перед вами окажется своего рода маленький Людовик XIV: “народ, это – я”, – вот что говорит каждый из них всем своим существом...»* Людовик XIV де Бурбон (1638–1715) – король Франции (1643–1715), сторонник принципа абсолютной монархии и «божественного права» королей; ему приписывают выражение «Государство – это я!».

– *«Класс провозглашается выше нации, отдельная корпорация – выше всего общественного союза, какой-нибудь Шлиссельбург или Кронштадт – выше общерусского революционного правительства...»* Шлиссельбург и Кронштадт упомянуты автором в качестве примеров противостояния местной власти Временному правительству в 1917. Так, образованный 1 марта 1917. Кронштадтский городской Совет рабочих солдатских депутатов отказался подчиняться комиссару Временного правительства В.Н. Пепеляеву, прибывшему туда 12 марта. 16 мая Кронштадтский Совет постановил, что он «по делам государственного порядка вступает в непосредственные отношения с Советом рабочих и солдатских депутатов Петрограда».

К стр. 240. *«Десятилетиями русская революционная мысль жила той основной идеей, что по свержении деспотизма истинным хозяином русской земли, который должен будет ее устроить на новых началах, явится свободно избранное всенародное Учредительное собрание. От времен Пестеля и вплоть до 1-го марта 1917 г. это была основная заповедь русской революционной традиции...»* Пестель Павел Иванович (1793–1826) – руководитель Южного общества декабристов, автор его программного документа («Русская правда»). В отличие от «Северного общества» («Конституция Н. Муравьева»), Пестель и «южане» не разделяли идею создания Учредительного собрания после свержения царя, а выступали за введение нового строя диктаторской властью Временного революционного правительства.

Трубецкой Е.Н. О христианском отношении к современным событиям.

Статья была републикована: Е.Н. Трубецкой. О христианском отношении к современным событиям. Статьи. Письма. Составление, вступительная статья, публикация архивных материалов и примечания Александра Носова // Новый мир. 1990. № 7. С. 220–223).

К стр. 241. *«Слово, сказанное здесь, в религиозно-философском обществе»*. Имеется в виду Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева, образованное в ноябре 1905. Кн. Е.Н. Трубецкой был одним из его учредителей.

К стр. 242. *«...православие в древней России не только совмещалось с республиканским бытом северо-русских народоправств – Новгорода и Пскова...»* Республиканский период в истории Новгорода (1136–1478) и Пскова (1348–1510) завершился присоединением их к Великому княжеству Московскому.

– *«...великий Новгород стал русской Флоренцией»*. Данное сравнение использовано автором также в очерке «Россия в ее иконе», завершеном, по словам самого Е.Н. Трубецкого, «в дни русской революции» 1917 и впервые опубликованном в журнале «Русская мысль» (1918. № 1. С. 21–44). См.: «Родиной русского религиозного искусства в XIV и XV вв., местом его высших достижений является “русская Флоренция” – Великий Новгород. Но в XIV веке этот великий подъем религиозной живописи олицетворяется не русскими, а иностранными именами – *Исайи* гречина и *Феофана* грека. Последний и был величайшим новгородским мастером и учителем иконописи XIV века; величайший из русских иконописцев начала XV века, родоначальник самостоятельного русского искусства, – *Андрей Рублев был его учеником*» (Там же. С. 23).

К стр. 245. *«...слова Спасителя: “Когда вознесусь от вас на небо, всех привлеку к себе”*». См.: Евангелие от Иоанна, 12, 32.

– *«Сидение Марии у ног Иисуса есть явление высшей духовной красоты»*. Текст содержит отсылку к евангельскому сюжету о сестрах Марии и Марфе, в доме которых останавливался Иисус Христос. См.: «Женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Евангелие от Луки, 10, 38–42). Образы практичной Марфы и созерцательной Марии использовались как аллегория западной и восточной христианских церквей.

– *«...дорогой всем нам образ покойного В.С. Соловьева»*. Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – русский философ, поэт-символист. В 1877–1881 преподавал в Петербургском университете. Разрабатывал концепцию софиологии, в которой София – Божественная первооснова мира. Отпадение человечества от Бога может быть преодолено посредством воссоединения мировой души с Софией, что будет означать достижение Всеединства – окончательной цели человеческой истории. Доказывал необходимость вселенской теократии, во главе которой должен оказаться римский папа.

– *«Он сравнил это свое политическое служение с трудом послушника, выметающего сор из монастырской ограды»*. Имеется в виду статья В.С. Соловьева «Спор о справедливости» (1894). См.: Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 509.

К стр. 246. *«Сказано: “Ищите прежде всего царствия Божия, а остальное приложится вам”*». См.: Евангелие от Матфея, 6, 33.

– *«Святой собиратель земли русской – преподобный Сергей, поставил среди основанной им обители собор св. Троицы...»* *Сергий Радонежский* (в миру Варфоломей Кириллович) (ок. 1321–1391), преподобный – основатель (в сер. XIV в.) и игумен Троице-Сергиева

монастыря (согласно специальному указу императрицы Елизаветы Петровны с 1742 получил статус и наименование Лавры); поддерживал объединительную и национально-освободительную политику московского князя Дмитрия Донского; канонизирован (1452) Русской православной церковью. Троицкий собор – древнейшее из сохранившихся ныне зданий Троице-Сергиевой лавры и первое каменное сооружение монастыря; воздвигнут в 1422–1423 на месте деревянной церкви, в создании иконостаса участвовал преподобный Андрей Рублев и мастера его круга. В соборе покоятся святые мощи преподобного Сергия Радонежского – главная святыня обители.

– *«Он благословил на ратный подвиг Дмитрия Донского и послал ему в помощь двух иноков-витязей».* Дмитрий Иванович Донской (1350–1389) – великий князь Московский (с 1359) и Владимирский (с 1362, с перерывами). Возглавил борьбу против ордынского владычества на Руси: в 1378 разгромил войско монголо-татар на р. Вожа, в 1380 – на Куликовом поле (за эту победу прозван Донским). Канонизирован (1988) Русской православной церковью. Трубецкой упоминает о посещении монастыря Дмитрием Донским накануне Куликовской битвы. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище» (XV в.), великого князя сопровождали в походе против ордынцев иноки Троице-Сергиевой обители – Пересвет и Ослябя (оба причислены к лику святых).

– *«Больше сия любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя».* «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Евангелие от Иоанна, 15, 13).

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) – философ, правовед, один из идеологов евразийства. Ученик П.И. Новгородцева. В 1906 окончил юридический факультет Московского университета, с 1912 преподавал там, в 1917 избран экстраординарным профессором по кафедре философии права. Сотрудничал в журналах «Юридический вестник», «Вопросы права». В годы Первой мировой войны активно занимался общественной деятельностью. С февраля 1915 – член Всероссийского Земского союза. После Февральской революции 1917 сотрудничал с Временным правительством, участвовал в подготовке Учредительного собрания. В годы Гражданской войны в Советской России – участник Белого движения. В ряде работ по философии права («Введение в изучение права». М., 1918; «Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки». М., 1919; «Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/19. Симферополь, 1919; «Основы философии права». – Прага, 1924), наряду с разработкой вопросов научной теории, предпринял попытку анализа истоков и сущности российской революции. С октября 1920 – в эмиграции, занимался преподавательской деятельностью. В годы Второй мировой войны – участник антифашистского движения Сопротивления.

Арсеньев Константин Константинович (1837–1919) – юрист, публицист, литературный критик, общественный деятель, почетный член Петербургской АН (1901). Сын К.И. Арсеньева (1789–1865) – статистика, историка, географа, академика Петербургской АН (1836), тайного советника. Во 2-й пол. 1860-х – начале 1870-х – один из создателей русской адвокатуры. Постоянный сотрудник журнала «Вестник Европы» со дня основания (1866) до закрытия в апреле 1918, во многом определял его идейное (умеренно-либеральное) направление; с 1879 вел «Литературное обозрение», в 1880–1912 – «Внутреннее обозрение», в 1882–1905 – раздел «Общественная хроника», в 1904–1905 – соредактор, в 1909–1916 – редактор журнала, главную его задачу видел в «возможно большем объединении прогрессивных партий на почве служения народу». Поместил в «Вестнике Европы» серию статей, которые впоследствии объединил под заголовком «Программа русских либералов» (Вестник Европы. 1882. № 4–6; отд. изд. – За четверть века. Сб. ст. Пг., 1915). С 1880 – деятель местного самоуправления, впоследствии один из лидеров земского движения в России. В конце ноября 1905 – январе 1906 – инициатор (вместе с А.С. Посниковым) создания Партии демократических реформ, председатель

ее Центрального бюро, автор политической программы. С июня 1891 – редактор гуманитарного отдела «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 1911–1916 – главный редактор «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона.

Астров (наст. фам. Повес) *Исаак Сергеевич* (-1922) – социал-демократ, меньшевик, в годы Первой мировой войны интернационалист, в 1914–1917 – член заграничного секретариата ОК меньшевиков, сторонник Мартова. В 1917–1918 – член ЦК РСДРП. В советское время был неоднократно арестован, весной 1922 сослан в Туркестан, в дороге умер, заразившись тифом.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – религиозный и политический философ, одна из ведущих фигур движения, выступившего с критикой мировоззрения революционной интеллигенции. В сборнике «Вехи» (1909) опубликовал статью «Философская истина и интеллигентская правда». В 1911 вышла его первая крупная работа – «Философия свободы», принесшая ему известность, а в 1916 – «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Приветствовал Февральскую революцию 1917, активно включился в пропагандистскую и культурническую деятельность (выступления на диспутах, с лекциями, сотрудничество в прессе и т. д.). Участвовал в создании «Лиги русской культуры» (член ее Совета, председатель Временного комитета в Москве), учрежденной 7 июня 1917 в качестве внепартийного объединения, преследовавшего национально-культурные цели: восстановление единства общества, возрождение «здорового патриотического инстинкта». Выражал обеспокоенность по поводу усиления в обществе от февраля к октябрю уравнилельных настроений, нарастания насилия и классового противостояния. 10 августа 1917 был избран в Постоянное бюро по организации общественных сил. В начале октября 1917 работал в комиссии по национальным вопросам Временного Совета Российской Республики (Предпарламента). Вскоре после прихода к власти большевиков констатировал характерную тенденцию революционного процесса: «подбор худших и низвержение лучших», предрекал «опасность гибели нашего культурного слоя». В 1918 избран вице-президентом Всероссийского союза писателей. Зимой 1918/19 организовал Вольную академию духовной культуры, читал там лекции по философии и богословию; преподавал в Московском университете. Автор статьи «Духи русской революции», вошедшей в сборник «Из глубины» (М.; П., 1918), который продолжил идейную линию «Вех». Арестован в 1920 по делу «Тактического центра», к которому, по его словам, «никакого прямого отношения не имел»; был допрошен лично Ф.Э. Дзержинским, освобожден. После очередного ареста в 1922 в сентябре того же года выслан из СССР на т. н. «философском пароходе». В эмиграции жил сначала в Берлине (до 1924), затем под Парижем (Клармар). Основал и редактировал журнал «Путь» (1925–1940).

Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) – ученый-экономист, специалист по теории денежного обращения, аграрному вопросу. В книге «К аграрному вопросу» (1906) отвергал национализацию земли и безвозмезд-

ную экспроприацию частных земель. Сторонник идей социального капитализма. После Февральской революции 1917 – управляющий отделом труда Министерства торговли и промышленности Временного правительства, с конца июля 1917 – тов. министра. С 26 апреля 1917 – председатель Сопровождающего комитета по обсуждению проекта закона о свободе стачек и забастовок, противник расширения прав профсоюзов во время войны. В июне 1917 один из организаторов Радикально-демократической партии. Обосновывал необходимость усиления милитаризации промышленности. С 25 сентября 1917 – министр финансов. 12 октября предложил полностью запретить вывоз ценностей за границу. 25 октября 1917 арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами, заключен в Петропавловскую крепость, затем освобожден. Участник Белого движения. С мая 1918 – член «Национального центра». В 1919–1920 министр финансов в правительствах А.И. Деникина, П.Н. Врангеля. В 1920 эмигрировал, жил в Париже, занимался общественной и научной деятельностью.

Веселовский Борис Борисович (1880–1954) – экономист и историк земства, специалист по истории и экономике городского хозяйства. Из дворян, младший брат историка С.Б. Веселовского. Учился в Императорском Московском техническом училище, в 1901 примкнул к РСДРП, в 1902-м был арестован и сослан на три года в Олонецкую губернию. С 1905 жил в Санкт-Петербурге, занимался изучением аграрного вопроса в России, историей и практикой земства; сотрудничал с журналом «Образование» и фракцией РСДРП в III Государственной думе. Автор фундаментальной «Истории земства за 40 лет» (т. 1–4, 1909–11). В 1911–1917 выпускал календари-справочники для земских и городских деятелей. С 1915 редактор журнала «Земское дело» и одновременно ученый секретарь Вольного экономического общества (ВЭО), редактор «Трудов ВЭО». В 1917 принимал участие в работе Сопровождающего комитета по реформе местного самоуправления и управления (образовано Временным правительством под предс. Г.Е. Львова; первое заседание состоялось 26 марта 1917, действовало до 25 октября 1917). После 1917 года переехал в Москву, работал в Центральном архиве, Госплане, преподавал в МГУ и Московском инженерно-экономическом институте.

Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) – русский общественный и политический деятель. В 1886 окончил юридический факультет Варшавского университета. Помощник присяжного поверенного в Петербурге. С 1904 – член «Союза освобождения». С 1905 – член ЦК партии кадетов. В 1906 избран депутатом в I Государственную думу. Подписал Выборгское воззвание. Приговорен к трем мес. заключения. С 1917 – сенатор в гражданском кассационном департаменте. В октябре 1917 – член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Депутат Учредительного собрания от Петроградского столичного округа. В 1919 – министр внешних сношений в Крымском краевом правительстве. Эмигрировал во Францию. С 1920 жил в Париже, товарищ председателя комитета Парижской группы кадетов. С 1921 член Демократической группы Партии народной свободы. Похоронен на кладбище в Париже Пер-Лашез.

Винниченко (укр. – Винниченко Володимир Кирилович) Владимир Кирилович (1880–1951) – революционер, писатель, художник, политический и общественный деятель. Поступив на юридический факультет Киевского университета имени Святого Владимира в 1901, вступил в ряды Революционной Украинской партии (РУП). Однако в 1902-м, не успев окончить первый курс, исключен из университета и арестован за партийную агитационно-пропагандистскую работу. Отправлен служить в армейский саперный батальон. В феврале 1903 ему удается бежать за границу. В Львове он входит в заграничный комитет РУП и становится главным редактором газеты «Гасло» («Лозунг»). В годы первой российской революции выступает одним из создателей на базе РУП Украинской социал-демократической рабочей партии, входит в состав ее центральных органов, редактирует ее печатный орган – «Боротьба» («Борьба»). Ведя после поражения революции активную подпольную и полуполициальную деятельность в разных уголках империи, он неоднократно подвергался полицейскому преследованию и арестам. Это вынудило его на время эмигрировать и осесть во Франции. В Париже он в 1910 вошел в состав «Украинской громады». Перед Первой мировой войной (1913–1914), редактировал львовский журнал «Дзвін» («Колокол»). С началом войны возвратился в Россию, жил нелегально в Москве, занимаясь литературной деятельностью и сотрудничая в журнале «Украинская Жизнь». После Февральской революции был избран заместителем председателя созданной в марте Украинской Центральной Рады. Возглавлял украинскую делегацию на переговорах 16 мая с Временным правительством в Петрограде. После издания 15 июля Радой I Универсала стал главой фактического органа украинской исполнительной власти – Генерального секретариата и одновременно генеральным секретарем (министром) внутренних дел. Когда же в январе 1918 Центральная Рада провозгласила для участия в Брест-Литовских переговорах независимость Украины, Генеральный секретариат оказался преобразован в Совет народных министров, и Винниченко стал на короткое время первым премьер-министром формально суверенного украинского государства, но из-за межпартийных трений тут же вынужден был подать в отставку. В период гетманщины его арестовали по сфабрикованным обвинениям в подготовке государственного переворота, однако вскоре отпустили, и он легально вошел в оппозиционный к гетманскому режиму Украинский национальный союз. После ноябрьской революции в Германии Винниченко выступил одним из инициаторов изгнания гетмана и создания Директории, превращенной в коллективный орган исполнительной власти. Но не смог противостоять стремлениям Петлюры к единоличной военной и политической власти, и был выведен вместе с другими левыми социалистами из состава Директории и других властных органов. В новой эмиграции он пытался создать единый революционный фронт с участием Украины, но безуспешно. В Австрии Винниченко завершает один из основных своих трудов – трехтомник «Возрождение нации. История украинской революции. Март 1917 – декабрь 1919 г.». Покинув ряды УСДРП, он организует в Вене Заграничную группу Украинской Коммунистической партии и ее печатный орган – газету «Нова Доба», начав переговоры с представите-

лями большевиков о возможности возвращения на родину и участия в советских органах власти. На короткое время он даже действительно отправился в Москву и Харьков, но вскоре вернулся в Европу, где и провел, большей частью во Франции, остаток жизни, отойдя от политической деятельности.

Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954), философ, специалист по этике, социальной философии, истории философии, религии. Из дворян. По окончании юридического факультета Московского университета (1899) занимался адвокатурой, затем – научно-философскими исследованиями. Являлся членом кружка под руководством П.И. Новгородцева, по рекомендации которого был оставлен стипендиатом при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1908–1911 находился в зарубежной научной командировке (работал в Марбургском университете, библиотеках Берлина, Гейдельберга, Рима, Парижа). В 1914 защитил магистерскую диссертацию «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии», получил ученую степень магистра государственного права. Читал курс «История политических учений» на юридическом факультете, кроме того, преподавал в Московском коммерческом институте, в Народном университете им. А.Л. Шанявского (в т. ч. читал лекции по общей теории права, государственному праву). В январе 1917 был избран экстраординарным профессором юридического факультета (утверждение в должности из-за революционных событий было отложено, впоследствии так и не состоялось). После Февральской революции 1917 числился сверхштатным профессором Московского университета, опубликовал две статьи на актуальные политические темы в новом либеральном журнале «Народоправство» и брошюру «Гарантии прав гражданина». После прихода к власти большевиков, оставаясь профессором Московского университета, читал также курс эстетики в Государственных художественных мастерских, состоял действительным членом Российской академии художественных наук. Активный участник созданной Н.А. Бердяевым в 1919 Вольной академии духовной культуры; читал лекции по этике. В 1922 был выслан из России на «философском пароходе». В 1922–1924 жил в Берлине, участвовал в создании Религиозно-Философской академии, продолжившей традиции Вольной академии духовной культуры. Автор статьи «Религия и безрелигиозность» в сборнике «Проблемы русского религиозного сознания» (Берлин, 1924). Сблизился с Христианским союзом молодых людей и Русским студенческим христианским движением (РСХД). В 1924 переехал в Париж, куда был приглашен на должность редактора издательства ИМКА-пресс. В 1925 вместе с Н.А. Бердяевым основал журнал «Путь» и занял в нем должность заместителя главного редактора; публиковал там статьи по социальной проблематике. Продолжал заниматься преподавательской деятельностью, читал лекции и доклады во многих странах Европы. Сотрудничал с евразийцами, деятелями экуменистического движения. В 1931 издал книгу «Этика преображенного Эроса», в которой предпринял попытку органичного синтеза традиций русской религиозной философии и новаций аналитической психологии. В 1930 предпринял (вместе

с Э.К. Метнером) четырехтомное издание сочинений Юнга в русском переводе. Во время Второй мировой войны жил в Германии. После войны переселился в Швейцарию; сблизился с Народно-трудовым союзом, в издательстве НТС «Посев» опубликовал свой труд «Философская нищета марксизма». Автор книг «Кризис индустриальной культуры» (1953), «Вечное в русской философии» (1955). См.: Вышеславцев Б.П. Избранное / сост., авторы вступ. ст. и коммент. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. М., 2010.

Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) – украинский историк. В 1897 возглавил кафедру истории Украины в Львовском университете. Примыкал к партии галицийских национал-демократов. В 1907 возглавил Украинское научное общество в Киеве. С 1908 лидер Товарищества украинских прогрессистов, требовавшего автономии Украины. Автор многотомной «Истории Украины» (1896–1936). Отстаивал концепцию особого пути развития украинской нации, иного, нежели русской или белорусской. В 1914 арестован как «мазепинец». В 1917 вернулся в Киев. Стал членом партии украинских эсеров. 11 января 1918 составил Четвертый универсал Центральной рады, провозгласивший независимость Украины. С 1919 в эмиграции. В 1924 вернулся в СССР. С 1924 действительный член АН Украины. С 1929 член АН СССР. В 1931 арестован по делу «Украинского национального центра». После освобождения жил в Москве.

Губер Петр Константинович (1896–1940) – уроженец Киева, выпускник Полтавского кадетского корпуса (1904), СПб политехнического института (1909) и юридического факультета СПб (1914). С первых дней мировой войны на фронте служил по линии Красного Креста. В 1915 – военный переводчик в штабе 6-й армии, корреспондент Петроградского агентства. После прихода к власти большевиков занимался литературной деятельностью. С 1934 – член Союза советских писателей. В августе 1938 арестован. В ноябре 1939 Особым совещанием при НКВД СССР был приговорен к пяти годам содержания в ИТЛ и отправлен в Кулойлаг (ст. Архангельск), где и погиб. Реабилитирован 11 июля 1961 постановлением Президиума Ленинградского городского суда.

Гуревич Исидор Яковлевич (1882–1931) – писатель-сатирик, журналист, драматург. Печатался во многих периодических изданиях («Новости», «Биржевые ведомости», «Волшебный фонарь», «Солнце России», «Всемирная панорама» и др.). С 1908 сотрудничал в «Сатириконе», затем в «Новом Сатириконе». После 1917 работал в советских сатирических изданиях.

Ерманский (наст. фам. Коган) *Осип Аркадьевич* (1867–1941) – в революционном движении с 1888, социал-демократ с 1892, меньшевик с 1903. Журналист, публицист. Один из руководителей петроградской «Инициативной группы». После Февральской революции с марта по май – редактор центрального органа РСДРП (о) «Рабочей Газеты». Активно участвовал в издании «Летучего листка меньшевиков-интернационалистов» с момента его создания в июне 1917. Член ВЦИК. После октябрьского переворота выступал за единство социал-демократии и однородное демократическое правитель-

ство. Весной 1918 вместе с ЦК РСДРП переехал в Москву, редактировал ЦО меньшевиков – «Рабочий Интернационал». Депутат Московского Совета. Действительный член Социалистической Академии, профессор Московского университета. Трижды – в 1919, 1920 и 1921 – задерживался чекистами. В апреле 1921 обратился с письмом в ЦК РСДРП о выходе из состава ЦК и «приостановке» своего членства партии. Объяснял он это тем, что «...наша тактика держала курс на поддержку советской власти (при всех ее грехах), как наименьшего зла, против внутренних и внешних контрреволюционных сил, а также на возможность, неизбежность эволюции большевизма под давлением голоса жизни». Введение новой экономической политики, по его мнению, доказывало, что «неизбежное стало фактической действительностью» и «большевизм, протянувши требованиям жизни палец, должен будет отдать и всю руку». Политическая и организационная линии РСДРП, как полагал он, не в полной мере учитывают это обстоятельство, что и заставляет «временно отойти от ее нынешней партийной организации», т. к. она неспособна «отстоять знамя революционной с.-д. и донести его идейно до момента наступления более благоприятных внешних условий». (См: Меньшевики в 1921–1922 гг. С. 195–200). В дальнейшем – на научной и преподавательской работе. Занимался проблемами рационализации и научной организации труда, изучал и пропагандировал передовые методы работы, написал книгу о стахановском движении.

Жилкин Иван Васильевич (1874–1958) – общественный деятель, публицист, писатель. Депутат I Государственной думы (от Саратовской губ.). Входил в Трудовую группу (в 1907 избран членом ее ЦК). За подписание Выборгского воззвания приговорен к трем месяцам тюрьмы и лишен избирательных прав. С 1909 отошел от политической деятельности, занимался журналистикой. В 1909–1915 – член редколлегии журнала «Вестник Европы», в 1911–1918 – сотрудничал в газете «Русское слово»; одна из постоянных тем его статей – общественная и экономическая жизнь провинции. В 1914 по собственной просьбе был командирован на фронт как уполномоченный Всероссийского земского союза и корреспондент «Русского слова». В 1917–1918 регулярно публиковал статьи на политические темы, в которых призывал к прекращению «классовых свар», к созданию коалиционной власти, предупреждал об опасности диктатуры. В 1920-х работал в различных советских культурно-просветительных учреждениях. Под псевдонимом «Иван Вершинин» сотрудничал в газете «Известия ВЦИК», журналах «Красная нива», «Прожектор».

Изгоев (наст. фам. Ланде) *Александр Соломонович* (1872–1935) – публицист, общественный и политический деятель. В 1889–1894 учился на медицинском факультете Томского университета. В 1893 сблизился с марксистскими кругами. Исключен из университета за «политическую неблагонадежность». В 1894–1896 продолжил образование во Франции, слушал лекции в École de droit Collège de France. В 1896–1900 – студент юридического факультета Новороссийского университета. С конца 1890-х сотрудничал с газетой «Южное обозрение», журналами «Южные записки», «Жизнь», «Начало»,

«Образование». По его собственным словам, до 1904 он поддерживал отношения с местными социал-демократическими организациями. В 1904–1905 – член «Союза Освобождения», в 1905 вошел в Конституционно-демократическую партию. В 1906 переехал в Петербург. Сотрудничал с журналами «Без заглавия», «Полярная звезда», «Свобода и культура». С 1906 – член ЦК партии кадетов. Заведовал отделом «Русская жизнь» в газете «Речь». В 1907–1918 – член редакции журнала «Русская мысль», автор постоянной рубрики «На перевале». Участвовал в подготовке сборника «Вехи» (1909), автор статьи «Об интеллигентной молодежи». В мае–июне 1917 вместе с П.Б. Струве участвовал в создании «Лиги русской культуры». В ноябре 1917 вместе с А.В. Тырковой издавал газету «Борьба», сотрудничал с газетой «Наш век», журналом «Вестник литературы». Автор статьи «Социализм, культура и большевизм», опубликованной в сборнике «Из глубины» (1918). В 1918 – и. о. секретаря ревизионной комиссии Общества взаимопомощи литераторов и ученых. 5 ноября 1918 арестован в числе проходящих по спискам партии кадетов кандидатов в гласные петроградских районных дум. Был отправлен на окопные работы под Вологду. В январе 1919 был освобожден по ходатайству М. Горького, вернулся в Петроград. С 1 февраля 1919 был принят на работу в Публичную библиотеку для подготовки к печати каталога русских запретных изданий, участвовал в сборе материалов для издания сочинений В.И. Ленина. С июля 1919 научный сотрудник Рукописного отделения Публичной библиотеки. В сентябре 1919 арестован, направлен в Ивановский концлагерь под Москвой на принудительные работы в качестве заложника. В сентябре 1920 откомандирован в распоряжение Главного бюро учета технических сил и научно-технического отделения ВСНХ. После освобождения в марте 1921 возобновил работу в Публичной библиотеке, занимался составлением каталога революционных листовок. Сотрудничал с альманахами «Парфенон», «Утренники», журналами «Экономист», «Литературные записки». В августе 1922 был арестован, освобожден в октябре. В ноябре выслан из Советской России в Германию, откуда вскоре переехал в Чехословакию. Сотрудничал с журналом «Русская мысль», газетами «Возрождение». С 1926 корреспондент газет «Руль» и «Сегодня». С 1927 сотрудничал с таллинской «Нашей газетой». В том же году вышел из редакции «Возрождения» в знак протеста против правых взглядов П.Б. Струве. С конца 1920-х переехал в Эстонию, в Хаапсалу. С 1932 редактировал газету «Таллинский русский голос».

Каменев (наст. фам. Розенфельд) *Лев Борисович* (1883–1936) – социал-демократ с 1903, большевик. С февраля по октябрь 1917 – основной оппонент В.И. Ленина по вопросам партийной тактики и практики. В марте 1917-го купировал при публикации ленинские «Письма издалека», в апреле выступал против основных положений т. н. «Апрельских тезисов», летом и осенью был среди тех, кто выступал против курса на вооруженный захват власти, редактируя и сокращая июльские ленинские статьи в партийной печати. На заседании ЦК РСДРП(б) 10 (23) октября 1917 голосовал против решения о вооруженном восстании. В октябре–ноябре – председатель ВЦИК, активный участник

переговоров 29 октября – 1 ноября представителей общественных организаций и партий под патронажем Центрального исполнительного комитета Всероссийского железнодорожного союза (Викжеля). 3 ноября ленинское большинство ЦК РСДРП(б) предъявило Каменеву и его сторонникам ультиматум. Каменев, а вместе с ним и В.П. Ногин, А.И. Рыков и В.П. Милюков, 4 ноября объявили о выходе из ЦК большевистской партии. Согласно их заявлению, это было сделано в знак протеста против действий руководящей группы, продемонстрировавшей, что «она твердо решила не допускать образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство, во что бы то ни стало, и каких бы жертв рабочим и солдатам это не стоило». Через два дня Каменев ушел с поста председателя ВЦИК (на его место Ленин рекомендовал Я.М. Свердлов). Это во многом предопределило дальнейшую судьбу Каменева. В 1936 он, осужденный по делу «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», был расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1988.

Канторович Яков Абрамович (1.01.1859–15.10.1925) – юрист, присяжный поверенный Санкт-Петербургской судебной палаты. Редактор-издатель журналов «Судебное обозрение», «Вестник Сенатской практики», «Вестник законодательства и циркулярных распоряжений». Автор ряда книг по юриспруденции.

Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – русский мыслитель, общественный деятель, историк церкви. С 1905 работал в Петербургской публичной библиотеке. В 1906–1917 – профессор Высших женских курсов в Петербурге. С 1909 – председатель Религиозно-философского общества в Петербурге. С 1917 – член партии кадетов. С 24 июля 1917 – обер-прокурор Св. Синода. С 5 августа 1917 – министр исповеданий во Временном правительстве. В октябре 1917 арестован большевиками. В январе 1918 вышел на свободу. С января 1919 возглавлял Русский комитет в Финляндии, оказывал помощь армии Н.Н. Юденича. С 1920 в эмиграции. С 1925 – профессор Русского богословского института в Париже. Автор «Очерков по истории Русской церкви» (1959). Утверждал необходимость симфонии церкви и государства, которую оценивал как культурное наследие, доставшееся России от Византии. Противопоставлял Святую Русь, основанную на этом синтезе, петровской, в которой доминировало бюрократическое начало.

Кафенгауз Лев Борисович (1885–1940) – экономист, общественный и политический деятель. Брат историка Б.Б. Кафенгауза. С 1905 – большевик, в 1906 примкнул к меньшевикам. После Февральской революции 1917 вступил в Московскую организацию меньшевистской партии, член редакции газеты «Власть народа». Летом 1917 избран гласным Московской городской думы (по меньшевистскому списку). С августа 1917 – тов. министра торговли и промышленности (министр – С.Н. Прокопович, затем – А.И. Коновалов). После Октября 1917 – беспартийный, выступал с критикой политики большевиков. С 1923 руководитель Центрального отдела статистики ВСНХ СССР. В 1920-е

читал лекции в Московском университете, Коммерческом институте и других вузах, являлся председателем тарифно-таможенного комитета СНК СССР, заместителем председателя конъюнктурного совещания Промышленно-экономического совета ВСНХ, членом Промплана ВСНХ, сотрудником «Торгово-промышленной газеты». В 1922–1927 – один из членов кружка бывших меньшевиков – «Лиги объективных наблюдателей» (Н.В. Валентинов, В.Г. Громан, Я.М. Букшпан, Э.Л. Гуревич). В 1921–1928 – редактор ежегодников «Промышленность СССР». В 1926 в качестве эксперта по экономическим вопросам участвовал в переговорах о долгах царской России Франции. Арестован в августе 1930, возвратился (досрочно) из ссылки в Москву в декабре 1932, продолжил преподавательскую работу, сотрудничал в «Технической энциклопедии», с 1937 – старший научный сотрудник Института экономики АН СССР. Скончался в Москве после продолжительной болезни. Реабилитирован в 1987. Автор монографии «Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.)» (М., 1994).

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, общественный и политический деятель. В 1888 окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1893 – приват-доцент Московского университета. С 1904 – член «Союза Освобождения». Один из создателей Конституционно-демократической партии. С 1906 – член ЦК партии кадетов. Депутат II Государственной думы. В 1909–1911 – профессор Московского университета. В 1922 выслан из Советской России.

Кулишер Иосиф Михайлович (1878–1933) – экономист, публицист. В 1900 окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1905 – приват-доцент кафедры политэкономии и статистики этого университета, читал лекции по истории экономического быта Западной Европы (опубл.: СПб., 1909; неоднократно переизд.: 9-е изд.: Челябинск, 2004). В 1-й пол. 1900-х занимался изучением правового статуса кооперации в Западной Европе и России («Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах», СПб., 1906; 2-е изд.: М., 2016), опубликовал также монографию «Очерки из истории форм промышленности в Западной Европе с XIII до XVIII ст. в связи с изучением вопроса о характере прибыли в промышленности этого периода» (СПб., 1906). В 1908 защитил магистерскую («Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе»; т. 1–2, СПб., 1906–1908), а в 1915 – докторскую («Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. Опыт изучения основных течений в развитии городских финансов»; СПб., 1914) диссертации. Автор многочисленных работ о развитии акционерного и торгового права, по истории биржи, фабрично-заводской статистике, городским финансам, экономической географии и др., опубликованных в журналах «Русское экономическое обозрение», «Вестник финансов, промышленности и торговли», «Вестник Европы», «Вестник Центрального банка», «Русское богатство», «Русская мысль», «Журнал Министерства народного просвещения», «Известия Общества заводчиков и фабрикантов

Московского промышленного района», в газетах «Речь», «Промышленность и торговля», «Финансовая газета» и др. Сотрудничал в «Банковой энциклопедии» (т. 1–2, Киев, 1914–1916) и в «Энциклопедическом словаре» изд-ва бр. А.Н. и И.Н. Гранат. В 1917 в Петрограде издал свою работу «Будущее нашей внешней торговли». С 1918 – профессор Петроградского (Ленинградского) университета, в 1918–1919 преподавал также в Петроградском кооперативном институте; в 1922 – член редколлегии журнала «Экономист». Среди его многочисленных научных публикаций 1920-х годов: «Очерк истории русской промышленности» (Пг., 1922), «Очерк истории русской торговли» (Пг., 1923), «История русского народного хозяйства» (М., 1925, т. 1–2; переизд.: М., 2004).

Ландау Григорий Адольфович (1877–1941) – публицист, литератор. Родился в семье издателя А.Е. Ландау. В 1902 закончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. С 1903 занялся публицистикой: сотрудничал с газетами «Восход», «Наш день», «Еврейское обозрение», журналами «Бодрое слово», «Вестник Европы», «Еврейский мир», «Современник», «Северные записки». В 1902–1903 организовал студенческий союз, ставивший перед собой задачу демократизации России. В 1903 группа Ландау вошла в качестве коллективного члена в «Союз Освобождения». В 1904 участвовал в создании Еврейской демократической партии, а в 1905 – «Союза для достижения полноправия евреев в России». С 1905 – член партии кадетов. После 1905 продолжил активную журналистскую деятельность, писал статьи для журналов «Вестник Европы», «Современник», «Логос», «Северные записки». С 1910 – член Общества для распространения просвещения между евреями в России; в 1915–1918 – член его комитета. В 1914 в журнале «Северные записки» опубликовал статью «Сумерки Европы», в которой в значительной мере были предвосхищены идеи О. Шпенглера. В 1917 участник Всероссийской еврейской конференции. В августе 1917 участвовал в работе Государственного совещания в Москве. С декабря 1917 – член Исполкома еврейской общины Петрограда. В августе 1920 эмигрировал в Германию. В 1922–1931 редактировал газету «Руль». Сотрудничал с журналом «Русская мысль», еженедельником «Россия и славянство». В 1923 в берлинском издательстве «Слово» опубликовал обширный труд по геополитике «Сумерки Европы». В 1927 опубликовал собрание своих афоризмов в сборнике «Эпиграфы». В 1938 переехал в Латвию. Сотрудничал с рижской газетой «Сегодня». 14 июня 1940 после присоединения Латвии к СССР был арестован. Умер от миокардита в заключении в Усольлаге, около Соликамска. Похоронен на кладбище поселка Сурмог Соликамского района Пермской области.

Ленин (наст. фам. Ульянов) *Владимир Ильич* (1870–1924) – один из основателей РСДРП, лидер ее большевистского крыла. В годы Первой мировой войны «пораженец», сторонник превращения ее в войну гражданскую. Весной 1917 вернулся в Россию из эмиграции. Выдвинул лозунг перерастания буржуазной революции в социалистическую, с передачей власти в руки Советов. В последующем, возглавляя борющуюся за власть, а затем правящую партию

и являясь главой советского правительства, выступал за обострение классово-вой борьбы, диктатуру пролетариата, ликвидацию оппозиционных партий и их органов печати, политику «военного коммунизма» и «красного террора», репрессий против дворянства, предпринимателей, духовенства и др., инициатор высылки из страны инакомыслящей интеллигенции.

Локоть Тимофей Васильевич (1869–1942) – ученый-агроном, политик и публицист. Депутат I Государственной думы (трудовая группа), к 1909 перешел на позиции национал-демократии, сотрудничал с «Союзом 17 октября» (1910–1914), к 1917 практически солидаризировался с правыми. Эмигрировал, работал профессором агрономического факультета Белградского университета.

Мартынов (наст. фам. Пиккер) *Александр Самойлович* (1865–1935) – участник народнического движения с начала 1880-х, социал-демократ с конца 1890-х, меньшевик, в период Первой мировой войны интернационалист. В 1917 входил в редакцию «Рабочей газеты», с августа – член ПК и ЦК РСДРП, противник как «Апрельских тезисов», так и участия социалистов во Временном правительстве. С 1918 – на Украине, в 1923 заявил о своем разрыве с меньшевизмом, был принят в РКП(б), работал в Коминтерне.

Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – социал-демократ, в 1903–1906 – большевик, затем меньшевик. Журналист, публицист, историк, архивист, публикатор. В годы Первой мировой войны – интернационалист. После падения самодержавия – один из создателей и хранителей партийного архива, один из разработчиков и создателей музея революции (ныне музей современной истории). С 1920 – член ЦК РСДРП. Стоял у истоков создания системы российской архивной службы. В феврале 1921 арестован и вместе с другими членами ЦК почти год находился в заключении. Когда через 11 месяцев им было предложено ГПУ на выбор – ссылку в Вятку или высылка за границу, выбрал изгнание. С 1922 жил в Берлине. Член Заграничной делегации РСДРП с момента ее создания и до самороспуска в начале 1950-х. Долгие годы был сотрудником Амстердамского института социальной истории, а также заграничным представителем московских Институтов Маркса–Энгельса (директор Д.Б. Рязанов) и Ленина (директор Л.Б. Каменев). В 30-е – внес огромный вклад в спасение архива германской социал-демократии. В 1940 перебрался в США, продолжая активную политическую и научную деятельность. В 1963 продал свою богатейшую коллекцию архивных документов по истории революционного движения в России и Европе Гуверовскому институту войны, мира и революций и до конца жизни возглавлял работу с ее материалами.

Петрищев Афанасий Борисович (1872–1951) – публицист, писатель, общественный и политический деятель. С 1901 – сотрудник журнала «Русское Богатство». В годы первой российской революции 1905–1907 – редактор журналов «Весть» и «Щит» и один из основателей партии народных социалистов (1906). С началом Первой мировой войны – оборонец. После падения самодержавия – сторонник Временного правительства. В июне на первом съезде Трудовой народно-социалистической партии избран членом ЦК, редактор га-

зеты «Народное Слово». Октябрьский переворот не принял, с ноября издавал газету «Слово в цепях». После ареста в августе 1922 выслан за границу. Во Франции сотрудничал в еженедельнике «Дни» и журнале «Русские Записки», в Америке – в газете «Новое Русское Слово».

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – деятель российского и международного социал-демократического движения, марксист, философ, публицист. Один из лидеров меньшевизма. В годы Первой мировой войны и последующие, включая послефевральский период – оборонец, лидер внепартийной группы «Единство».

Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) – русский социолог. В 1917 секретарь А.Ф. Керенского, главный редактор газеты «Воля народа». С 1919 – профессор Петроградского университета. С 1922 – в эмиграции. С 1923 проживал в США. В 1930 принял американское гражданство. В 1930–1964 – профессор, в 1931–1942 – декан социологического факультета Гарвардского университета. С 1964 – президент Американской социологической ассоциации. Рассматривал социальные системы в контексте культуры, категориальных ценностей, присущих данному обществу. Утверждал приоритетность т. н. «сверхорганических» систем, непосредственно относящихся к ценностным ориентирам эпохи. Разрабатывал теорию социальной стратификации и социальной мобильности.

Сталин (наст. фам. Джугашвили – *грузин. ჯუღაშვილი*) Иосиф Виссарионович (1879, по другим данным, 1878–1953) – в революционном движении с 1898, с 1903 – большевик. С 1912 – член ЦК партии и его Русского бюро. Весной 1917-го выступал за поддержку Временного правительства. Но вскоре стал активным защитником идей вернувшегося из эмиграции Ленина о перерастании буржуазной революции в социалистическую, передачи власти в руки Советов. Был переизбран в состав ЦК и оставался членом ЦК РСДРП (б) – РКП (б) – ВКП (б) – КПСС, вплоть до кончины. С 1919 по 1953 – член Политбюро (Президиума ЦК). В 1922–1934 – генеральный секретарь (затем до конца жизни – просто секретарь) ЦК партии, а с мая 1941 – глава правительства СССР. В годы Великой Отечественной войны – председатель Государственного комитета обороны и Верховный главнокомандующий Вооруженными силами страны.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, философ, историк, социолог, политический деятель, публицист, действительный член РАН (1917). Окончил экстерном юридический ф-т Петербургского ун-та (1895). В 1890-е – марксист, затем перешел на позиции философского идеализма, в 1902 заявлял о себе как приверженце либерализма. В 1902–1905 редактировал журнал «Освобождение», в котором наряду с либеральным лозунгом свободы личности выдвигалось требование социальной справедливости. В октябре 1905 – один из основателей Конституционно-демократической партии, до 1913 – член ее ЦК; вышел из партии в 1915. Депутат II Государственной думы. Автор статьи «Интеллигенция и революция» в сборнике «Вехи» (1909).

После 1907 один из идеологов либерального консерватизма, основывал свой идеал «Великой России» на взаимодействии национального и государственного начал. После Февральской революции 1917 продолжал считать важнейшей задачей национальное сплочение и государственное объединение. Один из создателей Лиги русской культуры, инициатор сборника статей «Из глубины» (1918). Участник антибольшевистского движения: член Донского правительства (1917–1918), Особого совещания при ген. А.И. Деникине (1919), правительства П.Н. Врангеля (1920). С 1920 – в эмиграции. Редактор газет «Возрождение» (1925–1927), «Россия» (1928), «Россия и славянство», журнала «Русская мысль» (1921 – 25.1927). С 1928 отошел от политической борьбы, занимался научной деятельностью.

Трайнин Арон Наумович (1883–1957) – юрист, специалист по уголовному праву, публицист.

Троцкий (наст. фам. Бронштейн) *Лев* (Лейба) *Давидович* (1879–1940) – социал-демократ, один из лидеров леворадикального крыла российского и международного рабочего движения. Входил в число ведущих публицистов «Искры», претендовал на роль партийного объединителя, критикуя большевиков за догматический подход к марксизму, а меньшевиков – за недооценку организационных вопросов партийного строительства. Вместе с А.Л. Парвусом (Гельфандом) выдвинул идею т. н. перманентной революции. В 1905 – руководитель С.-Пб. Совета рабочих депутатов. Во время этапирования в сибирскую ссылку бежал за границу. Один из организаторов и руководителей августовской 1912 Всероссийской объединительной с.-д. конференции в Вене, фактически оформившей противостоявших большевикам меньшевиков в РСДРП(о). В годы Первой мировой войны – интернационалист-циммервальдиец. После февральской революции вернулся в Россию, возглавив ту часть объединенных социал-демократов, которая называлась «межрайонцами». В августе 1917 «межрайонцы» вступили в ряды большевистской партии, и Троцкий был избран членом ЦК. С 25 сентября – председатель Петроградского Совета рабочих депутатов. Фактически руководил подготовкой октябрьского переворота, образовав при Совете Военно-революционный комитет (ВРК). С этого момент и вплоть до поражения в противостоянии с И.В. Сталиным во внутривластной борьбе после смерти Ленина, один из лидеров и ведущих теоретиков коммунистической партии. Однако так и не принятый большинством ее из-за предреволюционного противостояния Ленину и ленинизму, претензий на особую роль в российском и мировом революционном движении и особенностей характера.

Трубецкой Евгений Николаевич, князь (23.09.1863, Москва – 23.01.1920, Новороссийск) – философ, правовед, общественный и политический деятель. Брат философа С.Н. Трубецкого, общественного деятеля, публициста Г.Н. Трубецкого, сводный брат общественного и политического деятеля П.Н. Трубецкого. В 1874–1877 учился в частной московской гимназии Ф.И. Креймана, в 1877–1881 – в Калужской гимназии. В 1885 окончил юри-

дический факультет Московского университета. Весной–осенью 1885 отбывал воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося в Киевском гренадерском полку под Калугой. С 1886 – приват-доцент Демидовского юридического лица. Зимой 1886–1887 на квартире философа Л.П. Лопатина познакомился с В.С. Соловьевым, с которым впоследствии его связали дружеские отношения. Был близко знаком с Б.Н. Чичериным. В 1892 защитил магистерскую диссертацию «Миросозерцание блаженного Августина». С 1894 – приват-доцент Киевского университета. В 1897 защитил докторскую диссертацию «Миросозерцание папы Григория VII и публицистов – его современников». В том же году стал ординарным профессором Киевского университета. Входил в кружок «Беседа». Член «Союза Освобождения». 26 сентября 1904 по просьбе И.В. Гессена опубликовал в газете «Право» статью «Война и бюрократия», в которой напрямую связал внешнеполитические неудачи России с особенностями ее политического режима. Участник земских съездов 1905. В октябре 1905 С.Ю. Витте рассматривал кандидатуру Трубецкого на должность министра просвещения, однако последний, посоветовавшись с редакцией газеты «Право», принял решение отказаться. В 1905 участвовал в организации Конституционно-демократической партии, член ее ЦК; занимал в партии умеренные позиции. В 1906 вышел из партии, будучи сторонником осуждения революционного террора; вступил в Партию мирного обновления. С 1906 – профессор Московского университета. В 1906–1910 редактировал общественно-политическое издание «Московский еженедельник». В 1907–1908, 1915–1917 – член Государственного совета, входил в Академическую группу; в 1916–1917 – товарищ ее председателя. В 1907 во время избирательной кампании в III Государственную думу призывал к созданию широкой либеральной коалиции, включавшей и кадетов, и октябристов. Один из основателей Психологического общества при Московском университете, Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева. В 1910 участвовал в создании книгоиздательства «Путь». В 1911 оставил университет в знак протеста против нарушения университетской автономии. В 1912–1914 – член ЦК партии прогрессистов. В ноябре–декабре 1914 выступал с публичными благотворительными лекциями, посвященными Первой мировой войне. Летом–осенью 1917 принимал участие в Соборе православной церкви. Был избран товарищем председателя от мирян при почетном председателе Собора. В ноябре 1917 вошел в высший церковный Совет при патриархе. 11 сентября 1918 выехал из Москвы на Украину. В Киеве вошел в состав Совета государственного объединения. В декабре того же года был вынужден покинуть Киев, осажденный войсками С.В. Петлюры. Перебрался в Одессу, откуда в марте 1919 уехал в Екатеринодар. Летом переехал в Кисловодск, а оттуда осенью – в Новочеркасск. В конце декабря обосновался в Новороссийске, где скончался от сыпного тифа.

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – экономист, публицист, общественный деятель, теоретик кооперативного движения, историк. Академик Украинской АН (1919). В 1888 окончил физико-математический

факультет Харьковского ун-та; тогда же экстерном сдал экзамены за курс юридического факультета. В 1894 защитил магистерскую («Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь»), а в 1898 – докторскую («Русская фабрика в прошлом и настоящем») диссертации. С 1895 – приват-доцент Петербургского университета, с 1913 – профессор Петербургского политехнического института. Активный участник кооперативного движения, возглавлял журнал «Вестник кооперации». Летом 1917 уехал на Украину, в конце 1917 – январе 1918 – министр финансов Центральной Рады, после ее падения отошел от политической деятельности, преподавал в Киевском ун-те, занимался созданием Украинской АН.

Тэффи (Надежда Александровна Лохвицкая, по мужу – Бучинская; 1872–1951) – поэт, прозаик, драматург, мемуаристка, переводчица. Получила известность как автор сатирических стихов и фельетонов. Публиковалась в ряде периодических изданий, в т. ч. являлась постоянным сотрудником журнала «Сатирикон», печаталась в газете «Русское Слово» (вплоть до ее закрытия в 1918). С 1919 – в эмиграции, где продолжила литературную деятельность.

Чаянов Александр Васильевич (1888–1937) – экономист-аграрник, статистик, писатель, публицист, педагог. Окончил Московский сельскохозяйственный институт (1911). В 1911–1912 преподавал там же и в народном университете А.Л. Шанявского в Москве. В 1912 командирован в Великобританию, Францию, Германию, Швейцарию и Италию, где изучал особенности развития аграрного сектора экономики, кооперации, подготовки кадров для сельского хозяйства. Результаты поездки представлены в «Очерках по теории трудового хозяйства» (М., 1912–13. Ч. 1–2) и «Кратком курсе кооперации» (М., 1915). С 1914 работал в различных комиссиях Особого совещания по продовольствию, в продовольственных организациях Всероссийского земского союза и экономического отдела Всероссийского союза городов, участвовал в составлении Общего плана обеспечения продовольствием населения. В 1915 – один из организаторов и руководителей Центрального товарищества льноводов в России (Льноцентр). После Февральской революции 1917 выступал сторонником радикальных преобразований в сфере сельского хозяйства, защитник интересов трудового крестьянства. Считал необходимой консолидацию общественных сил. В апреле 1917 – один из организаторов Лиги аграрных реформ, вошел в ее Совет и Центральный распорядительный комитет. Член Главного земельного комитета при Временном правительстве. Член Временного совета Российской республики (Предпарламента), с начала октября 1917 (около двух недель) – тов. (зам.) министра земледелия Временного правительства. Депутат Учредительного собрания, куда был избран как «беспартийный социалист». После октября 1917 занимался научными исследованиями и преподаванием. Участник 1-го Всероссийского кооперативного съезда (18–24 февраля 1918). Член президиума Комитета по охране культурных и художественных сокровищ (создан по предложению Чаянова). Сторонник компромисса между советской властью и кооперацией, сохранения за кооперацией самостоятельности в области хозяйственной деятельности. В 1921–1923 – член коллегии

Наркомзема РСФСР и его представитель в Госплане РСФСР. Один из разработчиков основных мер по переходу к новой экономической политике, положил начало работам по планированию сельского хозяйства. В 1920-х создал труды по теории семейно-трудового крестьянского хозяйства и кооперации, по практическому применению теоретических знаний и рекомендаций, проводил обследования крестьянских хозяйств в различных районах страны. С конца 1920-х подвергался критике со стороны руководства ВКП(б). В декабре 1929 «чаяновщина» была объявлена «агентурой» империализма, «антинаучной теорией». В 1930-е подвергался репрессиям, расстрелян, реабилитирован в 1987.

Череванин (наст. фам. Липкин) *Федор Андреевич* (1869–1938) – социал-демократ с 1898, меньшевик, «ликвидатор». В 1917 член исполкома Петроградского Совета, ВЦИК и его бюро, Экономического совета Временного правительства, Предпарламента. Входил в редакции ряда меньшевистских изданий. С декабря 1917 член ЦК РСДРП. В советское время неоднократно арестовывался и ссылся. Расстрелян. Реабилитирован в 1989 и 1998.

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – теоретик и лидер партии социалистов-революционеров. Автор многих трудов и статей, в том числе мемуаров: «Записки социалиста революционера» (Берлин–Петербург–Москва, 1922) и «Перед бурей» (Нью-Йорк, 1953). Последней книге предпослан посвященный В.М. Чернову очерк, написанный Б.И. Николаевским.

Четвериков Сергей Иванович (1850–1929) – предприниматель, земский и общественный деятель. Из купеческой династии Четвериковых, потомственный почетный гражданин. После смерти отца (1871) возглавлял семейную фирму Т-во Городищенской суконной фабрики ст. Щелково (Московской губ.). После смерти в 1893 Н.А. Алексеева (брата жены) – директор Т-ва «Владимир Алексеев» и Т-ва Даниловской камвольной прядаильни. В 1870-х на Городищенской ф-ке первым в России сократил рабочий день с 12 до 9 часов при сохранении заработка, отменил ночные работы для женщин и малолетних. В 1907 ввел на фабрике систему участия рабочих в прибылях фирмы (копартнершип). Содействовал развитию мериносового овцеводства в России. Участвовал в обсуждении законопроектов об использовании труда малолетних (закон 1882) и отмене ночного труда женщин и подростков (закон 1885). Гласный Московского губернского земского собрания. Был близок к умеренному крылу либералов. С лета 1905 вместе с П.П. Рябушинским, А.И. Коноваловым, С.Н. Третьяковым возглавил группу «молодых» московских капиталистов, выступавших за проведение политических реформ. Один из организаторов Умеренно-прогрессивной партии (осень 1905), впоследствии член ЦК «Союза 17 октября», с осени 1906 – член ЦК Партии мирного обновления, член ЦК Партии прогрессистов (1912). С марта 1917 – член президиума Московского торгово-промышленного комитета, председатель комиссии для разработки вопроса об ограничении прибыли предпринимателей; противник введения 8-часового рабочего дня. 22 августа 1917 соста-

вил записку Временному правительству о необходимости борьбы с анархией в стране. После Октябрьской революции 1917 участвовал в деятельности «Национального центра». Несколько раз был арестован ВЧК, отбывал тюремное заключение. В 1922 эмигрировал в Швейцарию. Автор мемуаров «Безвозвратно ушедшая Россия» (Берлин, [б/г]; переизд.: Несколько страниц из книги моей жизни. Берлин, [б/г]; Невозвратное прошлое: (Кн. воспоминаний моск. текстил. фабриканта). М.: Территория, 2001).

Якушкин Иван Вячеславович (1885–1960) – советский растениевод, академик ВАСХНИЛ. Правнук декабриста И.Д. Якушкина. В 1912–1917 работал в Московском сельскохозяйственном ин-те, впоследствии – в Воронежском сельскохозяйственном ин-те, Крымском ун-те, Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абашидзе И. 281, 282
Абдул Гамид II 44, 262
Абросимов В.М. 238, 317
Августин Аврелий 334
Авдеев Н. 256, 257, 258, 312–314
Аджемов М.С. 257
Адриан патр. 290
Азеф Е.Ф. 237, 316
Аксельрод П.Б. 6, 9, 185–187, 301–303
Александр II 275
Александра Федоровна имп. 46, 267
Александров А.М. 257
Алексеев Н.А. 336
Алексеев Н.Н. 219, 309
Алексей Михайлович царь 274
Альбер А. 310
Андрузский Г. 280
Анисимов В.И. 315
Арсеньев К.К. 24, 221, 250, 251, 253, 309, 320
Асквит Г.Г. 176, 301
Астахов 256
Астров (Повес) И.С. 175, 178, 301, 321
Астров Н.И. 289

Б

Бак Ю.Б. 260
Бакунин М.А. 117, 286
Барбес А. 224, 310
Бебель А. 238, 317
Безпалый И. 274
Белецкий С.П. 237, 315, 316
Белозерский В.М. 280
Бенуа Ш.Ж. 216, 308, 309
Бердяев Н.А. 159, 193, 297, 298, 303, 321, 324
Березин М.Е. 231, 314, 315
Бернацкий М.В. 187, 303, 321
Бернштейн Э. 303
Бетман-Гольвег Т. 113, 286
Бисмарк О. 279
Блан Л. 223, 224, 310

Бланки О. 224, 310
Бобриков Н.И. 268
Бобринский Г.А. 50, 265
Богданов Б.О. 35, 169, 259, 299
Богун И. 274
Броунштейн М.А. 257
Брюллова-Шаскольская Н. 288
Букшпан Я.М. 329
Булгаков С.Н. 298
Булдаков В.П. 281
Бургина А.М. 315
Бурцев В.Л. 316
Бутенко В. 250
Быстрова М. 248
Быховский Н.Я. 231, 314, 315

В

Валентинов Н.В. 329
Веселовский Б.Б. 51, 130, 138, 156, 230, 266, 288, 290, 291, 295, 296, 311, 322
Видалъ Ф. 310
Вильгельм II 19, 48, 134, 189, 229, 232, 249, 264, 303, 311
Винавер М.М. 63, 271, 272, 322
Виндгорст Л. 279
Винниченко В.К. 150, 294, 323
Витте С.Ю. 225, 311, 334
Вихляев П.А. 315
Владимир митр. 70, 275, 276
Водовозов В.В. 279
Войтинский В.С. 283, 288
Врангель П.Н. 322, 333
Выговский И. 274, 275
Вышеславцев Б.П. 215, 308, 309, 324, 325

Г

Габашвили Э. 281
Габсбурги 38, 133–135
Гайнуллина Р.М. 9, 17, 247, 249
Галили З. 302
Герцен А.И. 46, 263

Герценштейн М.Я. 292, 293
 Гершензон М.О. 298
 Гессен И.В. 260, 334
 Гогенцоллерны 38, 133–135
 Гоголь Н.В. 112, 285
 Годнев И.В. 300
 Гольденберг Л.Б. 103, 104
 Горный В.А. 247, 249
 Горький М. 129, 327
 Гребер Л. 279
 Грим Р. 302
 Громан В.Г. 329
 Гронский П.П. 28, 253, 254
 Грудистов Н.В. 315
 Грузинов А.Е. 255, 256
 Губер П. 106, 285, 325
 Гулак Н.И. 95, 280
 Гулливер Л. лит. 307
 Гуревич И.Я. 18, 247, 249, 325
 Гуревич Э.Л. 329
 Гучков А.И. 36, 37, 58, 170, 171, 178, 184, 190, 259, 261, 299, 300, 303

Д

Далина О.А. 289
 Дан Ф.И. 171, 236, 300, 315
 Демин В.А. 17
 Демосфен 284
 Денике Ю.П. 9
 Деникин А.И. 254, 322, 333
 Джунковский В.Ф. 315
 Дзержинский Ф.Э. 321
 Дзюбинский В.И. 315
 Дмитриев Р.Д. 39
 Дмитрий Донской вел. кн. 246, 319
 Дмитрий Павлович вел. кн. 247, 250
 Долгоруков П.Д. 257
 Дорошевич В.М. 254
 Дубровин А.И. 46, 47, 105, 263, 284, 298
 Дурново П.Н. 225, 311
 Дюги Л. 218, 309

Е

Евлогий еп. 50, 265
 Екатерина II 211, 307
 Еллинек Г. 215, 308
 Ерманский А.О. 154, 172, 295, 300, 325
 Ефремов С.А. 294

Ж

Жеденов Н.Н. 275
 Жилкин И.В. 31, 254, 257, 258, 326

Жордания Н.Н. 281, 282, 284
 Жорес Ж. 107, 285
 Журавлев В.В. 247, 249

З

Заславский Д.О. 275, 280
 Зингер П. 238, 317
 Зиновьев Г.Е. 283, 316
 Золя Э. 286

И

Иванов А.А. 17
 Иванов Н.И. 50, 265
 Извольский А.П. 269
 Изгоев А.С. 55, 168, 269, 298, 300, 326
 Илиодор 70, 275
 Иоанн апостол 318, 319
 Иоанн Кронштадтский 311
 Иоанн Лейденский 161, 297

К

Кабэ Э. 224, 310
 Кавеньяк Л.Э. 26, 252, 310
 Каменев Л.Б. 120, 276, 282, 287, 288, 316, 327, 328, 331
 Канищева Н.И. 17
 Канторович В.А. 275, 280
 Канторович Я.А. 189, 303, 328
 Карташев А.В. 136, 290, 328
 Кассиан св. 245
 Каутский К. 103, 109, 284
 Кафенгауз Б.Б. 328
 Кафенгауз Л.Б. 207, 307, 328
 Каханов М.С. 292
 Керенский А.Ф. 35, 259, 184, 190, 197, 224, 256, 257, 259, 264, 265, 293, 300, 303, 304, 332
 Кизеветтер А.А. 152, 239, 240, 295, 317, 329
 Кистяковский Б.А. 298
 Кишкин Н.М. 256
 Князев С. 249
 Кокошкин Ф.Ф. 63, 271
 Колчак А.В. 278
 Коновалов А.И. 174, 300, 328, 363
 Консидеран В. 224, 310
 Корнилов Л.Г. 11, 271
 Корф С.А. 34, 258, 259
 Костомаров Н.И. 95, 280
 Крейман Ф.И. 333
 Крестинский Н.Н. 288
 Кропоткин П.А. 316
 Крупенский П.Н. 20, 249

Крылов И.А. 21, 250
Кулиш П.А. 280
Кулишер И.М. 232, 315, 329
Куломзин А.Н. 266
Кшесинская М.Ф. 192, 303

Л

Ламартин А. 26, 252
Ландау Г.А. 78, 278, 330
Лассаль Ф. 75, 160, 297
Левицкий А.П. 315
Ледрю-Роллен А.О. 224, 310
Леман Г.А. 292
Ленин В.И. 15, 100, 103, 108, 111–123, 160, 163, 165, 166, 171, 178, 182–184, 191, 239, 277, 282, 283, 285–288, 298, 300, 301, 303, 316, 317, 327, 328, 330–333
Лермонтов М.Ю. 287
Либер Э. 279
Литошенко Л.Н. 231, 314
Ллойд Джордж Д. 176, 177, 301
Локоть Т.В. 212, 308, 331
Лонге Ж.Л. 103, 284
Лопатин Г.А. 316
Лопатин Л.П. 334
Лопухин А.А. 316
Луи (Людовик) Филипп 252, 300
Лукьянов М.Н. 249
Львов В.Н. 300
Львов Г.Е. 34, 95, 101, 113, 170, 171, 172, 173, 184, 256, 258, 261, 280, 282, 286, 299, 322
Людовик XIV 239, 317
Людовик XVI 193, 261
Люксембург Р. 104, 284
Лютер М. 297

М

Мак-Магон П. 253
Макаров А.А. 56, 269
Макаров Н.П. 231, 313, 315
Макдональд Дж. Р. 103, 284
Малиновский Р.В. 236–239, 315–317
Мануилов А.А. 170, 299, 300
Мари де Сен-Жорж П. 310
Марков Н.Е. 18, 46, 47, 247, 263, 298
Маркс К. 45, 104, 114–117, 160, 162, 207, 262, 263, 273, 277, 286, 297, 331
Мартов Ю.О. 9, 236, 301, 302, 315, 321
Мартос Б.Н. 294
Мартынов А.С. 182, 301, 331
Марфа св. 245, 318
Маслов П.П. 315

Маслов С.Л. 313, 315
Мацевич К.А. 315
Мейер Г. 216, 217, 309
Метнер Э.К. 325
Милоков В.П. 328
Милоков П.Н. 28, 29, 36–38, 43, 55, 58, 148, 153, 168, 170, 171, 173, 177, 179, 184, 251, 253, 260, 262, 268, 269, 293, 295, 199, 300
Минц И.И. 275
Мирабо О.Г. 218, 309
Михаил Александрович вел. кн. 27, 58, 69, 136, 252, 253, 270
Муравьев Н.К. 316, 317

Н

Наполеон I 92, 192
Наполеон III (Людовик Наполеон) 26, 252, 310
Некрасов Н.В. 300
Ненароков А.П. 9, 17, 247, 249, 281, 284, 302, 303
Николаевский Б.И. 9, 236, 315, 316, 331, 336
Николай св. 245
Николай II 25, 29, 37, 44, 46, 47, 58, 69, 134, 149, 193, 237, 250, 251, 253, 258–260, 262, 264–266, 269, 270, 275, 311
Николай Николаевич вел. кн. 71, 256, 276
Новгородцев П.И. 320, 324
Ногин В.П. 328
Носов А. 318

О

Огановский Н.П. 230, 313, 315
Окулич-Окша И.К. 72, 278
Ослябя 319

П

Павлов Д.Б. 9
Парвус А.Л. 333
Пепеляев В.Н. 317
Пересвет 319
Перикл 215, 308
Пестель П.И. 240, 317
Петлюра С.В. 294, 323, 334
Петр I Великий 136, 290
Петришев А.Б. 61, 126, 141, 226, 271, 288, 292, 311, 331
Петрункевич И.И. 260
Пешехонов А.В. 315
Писарькова Л.Ф. 289
Плеханов Г.В. 103, 104, 109, 111, 171, 192, 282, 285, 299, 300, 332

Поляков А.А. 317
 Попов П.И. 314
 Поприщин А.И. 112, 113, 285
 Порш Н.В. 294
 Посников А.С. 230, 304, 311, 312, 315, 320
 Потресов А.Н. 9
 Прокопович С.Н. 328
 Протопопов А.Д. 43, 47, 251, 258, 262, 264, 269
 Протопопов Д.Д. 34, 258
 Прудон П.Ж. 224, 310
 Пуришкевич В.М. 18, 247

Р

Распай (Распайль) Ф.В. 224, 310
 Распутин Г.Е. 43, 44, 46, 55, 228, 247, 250, 251, 262, 311
 Рейхеншпергеры 279
 Ренодель П. 183
 Рибо А. 176, 177, 301
 Риттих А.А. 141, 142, 143, 292
 Родзянко М.В. 28, 29, 58, 253
 Родичев Ф.И. 258
 Розенталь И.С. 9, 17
 Ромодановский Г.П. 274
 Рыков А.И. 328
 Рублев А. 318, 319
 Руссо Ж.Ж. 216, 308
 Рябушинский П.П. 336
 Рязанов Д.Б. 331

С

Саблер В.К. 56, 269
 Савельев П.Ю. 9
 Савинова Т.А. 313
 Сариполос Н. 217, 309
 Сахаров С.И. 292
 Свердлов Я.М. 328
 Свифт Дж. 307
 Сергеев С.М. 249
 Сергей Радонежский 246, 318, 319
 Серова Е.В. 307
 Сирка И. 274
 Скобелев М.И. 169, 299, 301
 Созонов Е.С. 271
 Соколов Н.Н. 315
 Солдатенко В.Ф. 17
 Соловьев В.С. 245, 318, 334
 Соловьев К.А. 17
 Сорокин П.А. 123, 288, 332
 Сталин И.В. 72, 74, 276–278, 288, 332, 333
 Стахович М.А. 34, 259
 Стеклов Ю.М. 102, 110, 283

Столыпин П.А. 75, 145, 225, 230, 293, 311, 313
 Стратановский Г.А. 308
 Струве П.Б. 23, 250, 297, 298, 327, 332
 Суханов Н.Н. 257, 290
 Сухомлинов В.А. 43, 262
 Сытин И.Д. 254

Т

Талейран-Перигор Ш.М. 300
 Татьяна Николаевна вел. кн. 267
 Тафт У. 270
 Терещенко М.И. 177, 300, 301
 Тимирязев К.А. 337
 Тиханович-Савицкий Н.Н. 46, 263
 Толстой И.И. 248
 Тома А. 155, 295
 Трайнин А. 196, 304, 333
 Трепов А.Ф. 251
 Третьяков С.Н. 336
 Троповский А.Н. 185, 187, 301, 302
 Троцкий Л.Д. 27, 36, 253, 259, 333
 Трубецкой Е.Н. 29, 144, 241, 254, 292, 318, 319, 333, 334
 Трубецкой С.Н. 333
 Туган-Барановский М.И. 43, 202, 262, 304, 334
 Турати Ф. 103, 284
 Тыркова А.В. 257, 327
 Тэффи Н.А. 20, 249, 335

У

Урусов С.Д. 291
 Успенский Г.И. 112, 285, 286
 Ушаков А.И. 247, 249

Ф

Фейербах Л. 286
 Феофан Грек 318
 Фигнер В.Н. 303, 316
 Филипп Македонский 284
 Фондаминский И.И. 315
 Франк С.Л. 298
 Франковский А. 307
 Фридрих II Великий 211, 307
 Фридрих Вильгельм Виктор Август крон-принц 249
 Фукидид 215, 308

Х

Хайлова Н.Б. 17
 Хеймсон Л. 302
 Хитрина Н.Е. 312

Хмельницкий Б. 274
Хрущов А.Г. 230, 312, 313, 315

Ц

Церетели И.Г. 100, 102, 110, 165, 184, 212,
293, 285, 286, 301, 302

Ч

Чаянов А.В. 209, 307, 335
Челинцев А.Н. 313, 315
Челноков М.В. 256
Череванин (Липкин) Ф.А. 118, 165, 179,
182, 287, 298, 301, 336
Черненко Н.Н. 315
Чернов В.М. 133, 171, 203, 230, 231, 263, 290,
297, 300, 305, 306, 312, 315, 336
Чернышевский Н.Г. 305, 306
Четвериков С.И. 65, 272, 336
Чехов А.П. 112, 285
Чичерин Б.Н. 334
Чичкин А.В. 147, 293
Чхеидзе Н.С. 102, 103, 110, 169, 258, 283,
284, 299
Чхенкели А.И. 281

Ш

Шанявский А.Л. 324, 335
Шевченко Т.Г. 95, 264, 266, 280
Шейдеман Ф. 120, 155, 183, 295
Шелохаев В.В. 17

Шептицкий (митрополит Андрей) 50, 265
Шидловский С.И. 231, 314, 315
Шингарев А.И. 170, 299, 300
Шишкина-Явейн П.П. 257
Шлемин П.И. 249
Штюмер Б.В. 43, 251, 262
Шульгин В.В. 259

Щ

Щегловитов И.Г. 46, 263, 264
Щепкин Д.М. 34, 258

Э

Энгельгардт Б.А. 28, 253, 254
Энгельс Ф. 104, 115, 117, 186, 263, 277, 286,
331
Эрве Г. 134, 290
Эсмен А. 218, 309

Ю

Юденич Н.Н. 328
Юзефович М.В. 275
Юсупов Ф.Ф. 247, 250

Я

Яворский С. 290
Якобовили И.П. 17
Якушкин И.В. 199, 304, 337
Якушкин И.Д. 337
Яренгина В. 248

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОЧНИКОВ, ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- 9 марта 1917 г. Редакционная статья // Речь. 1917. 9 марта. № 58. 39, 260
16 марта 1917 г. Редакционная статья // Речь. 1917. 16 марта. № 64. 49, 264
17 марта 1917 г. Редакционная статья // Речь. 1917. 17 марта. № 65. 53, 267
22 марта 1917 г. Редакционная статья // Речь. 1917. 22 марта. № 69. 59, 270
26 марта 1917 г. Редакционная статья // Гроза. 1917. 26 марта. № 892. С. 1–3. 69, 275

А

- Авдеев Н.* Революция 1917 года: хроника событий. Т. 1: Январь — апрель. М.; Пг., 1923. 256, 257, 258
Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). Том II. Апрель — май. М.; Пг., 1923. 312, 313, 314
Автономия // Речь. 1917. 9 мая. № 107. 197, 304
Аграрный вопрос // Речь. 1917. 10 мая. № 108. 205, 307
Аксельрод П.Б., Мартов Ю.О., Потресов А.Н. О революции и социализме / Сост., авторы вступительной статьи и комментариев А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев. М., 2010. 9
Алексеев Н.Н. Идея пропорционального представительства // Утро России. 1917. 21 мая. № 125. 219, 309
Алексеев Н.Н. Введение в изучение права. М., 1918. 320
Алексеев Н.Н. Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом ун-те в 1918/19 г. Симферополь, 1919. 320
Алексеев Н.Н. Основы философии права. Прага, 1924. 320
Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М., 1919. 320
Арсеньев К.К. [Хроника. — На темы дня] // Вестник Европы. 1916. № 12. 251
Арсеньев К.К. Две февральские революции // Вестник Европы. 1917. № 2. С. X — XIV. 24, 250
Арсеньев К.К. Исторические параллели // Русские ведомости. 1917. 21, 23 мая. № 113–114. 221, 250, 309
Астров (Повес) И.С. Пролетариат и коалиционное министерство // Летучий листок меньшевиков-интернационалистов. 1917, май. № 1. С. 9–11. 175, 301

Б

- Бакинский рабочий — газета Бакинской организации РСДРП. Издавалась в 1917–1918 гг. 282
Бакунин М.А. Государственность и анархия. Цюрих, 1873. 117, 286
Банковая энциклопедия: В 2 т. Киев, 1914–1916. 330
Бердяев Н.А. Власть и ответственность // Русская свобода. 1917. № 6. С. 3–6. 193, 303
Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции: Опыты 1917–1918 гг. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 1999. 297, 303

- Духовные основы русской революции; Истоки и смысл русского коммунизма. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 297, 303
- Бердяев Н.А. Собрание сочинений / Общ. ред. Н.А. Струве. Т. 4: Духовные основы русской революции: [Статьи 1917–1918 гг.]. Философия неравенства. Paris: Ymca-press, 1990. 297, 303
- Бердяев Н.А. О политической и социальной революции // Русская свобода. 1917. № 4. С. 5–10. 159, 297
- Бернацкий М.В. Великая разруха // Русское слово. 1917. 3 мая. № 98. 187, 303
- Биржевые Ведомости — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, Санкт-Петербург-Петроград, 1880–1917. 11, 46, 185, 187, 250, 262, 301, 325
- Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. 281
- Бутенко В. Две Февральские революции // Биржевые ведомости. 1917. 11 марта. № 16130. 250
- Быстрова М., Яренгина В. Политическая борьба в ходе избирательной кампании 1916 г. по выборам в Петроградскую городскую думу // Власть. 2009. № 9. 248

В

- Вам следует собраться с умом и честью! Редакционная статья газеты «Сакартвело» // Сакартвело. 1917. 2 апреля. № 73. 97, 281
- Великий Українець. Матеріали з життя та діяльності М. Грушевського. Київ, 1992. С. 95–113. 274, 279
- Веселовский Б.Б. Волостное земство // Русское слово. 1917. 22 апреля. № 89. 138, 290, 296
- Веселовский Б.Б. Главный земельный комитет // Русское слово. 1917. 24 мая. № 115. 230, 311
- Веселовский Б.Б. Городская реформа // Русское слово. 1917. 14 апреля. № 82. 130, 288
- Веселовский Б.Б. Земство и его новое устройство. Пг., 1917. 295
- Веселовский Б.Б. Земство и земская реформа. Пг., 1918. 295
- Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: В 4 т. СПб., 1909–1911. 322
- Веселовский Б.Б. Организация самоуправления // Русское слово. 1917. 16 марта. № 60. 51, 266
- Веселовский Б.Б. Реформа земства // Русское слово. 1917. 29 апреля. № 95. 156, 295
- Вестник Временного Правительства — газета, официальный орган российского правительства, Петроград, 1917. 11, 253, 257, 266, 275, 288, 291, 292, 293, 296, 299, 304, 305, 312
- Вестник Европы — ежемесячный историко-политический и литературный журнал, Санкт-Петербург-Петроград, 1866–1918. 11, 24, 27, 95, 250, 251, 312, 320, 326, 329, 330
- Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. 169, 298, 321, 327, 332
- Винавер М.М. Равенство // Русские ведомости. 1917. 22 марта. № 65. 63, 271
- Винниченко В.К. Публіцистика. Нью-Йорк; Київ, 2002. 294
- Винниченко В.К. Українська центральна рада і ми // Робітнична газета (Рабочая газета). 1917. 25 апреля. № 24. 150, 294
- Власть — научно-политический журнал издается с августа 1993 г. 248
- Власть Народа — ежедневная газета эсеровского направления, Москва, 1917–1918. 11, 209, 212, 208, 307, 328
- Водовозов В.В. Центр // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона. Т. XXXVIII. СПб., 1903. 279
- Воля Народа — ежедневная газета, орган правого крыла партии эсеров, Петроград, 1917. 11, 159, 296, 332
- Вперед — двухнедельный, затем еженедельный журнал, до № 9 орган Петербургского междурайонного комитета объединенных социал-демократов (интернационалистов), Петроград, 1917. 11
- Вперед — газета Уфимского комитета РСДРП. Издавалась в 1917 г. 282
- Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов // Дело народа. 1917. 31 марта. № 14. С. 1. 75, 278

Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. Нью-Йорк, 1955. 325

Вышеславцев Б.П. Избранное / сост., авторы вступ. ст. и коммент. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. М., 2010. 325

Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Нью-Йорк, 1953. 325

Вышеславцев Б.П. Представительство большинства // Утро России. 1917. 21 мая. № 125. 215, 308

Г

Габашвили Э. Письмо г-ну Ною Жордания // Сакартвело. 1917, 18 марта. № 62. 281

Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. 1847–1852 // А.И. Герцен. Собр. соч.: В 30 т. Т. 5. М., 1955. 263

Городская реформа // Речь. 1917. 17 апреля. № 89. 132, 290

Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. В 2-х томах. Т. 1. СПб., 1906. 272

Государственный переворот // Вестник Европы. 1917. № 2. С. V. 24, 250

Гроза — ежедневная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1909–1917 гг. 69, 70, 72, 275

Грушевский М.С. Велика хвиля // Нова Рада. 1917. 25 марта. № 1. 67, 274

Грушевський М.С. На порозі Нової України. Статті і джерельні матеріали». Нью-Йорк — Львів — Київ — Торонто — Мюнхен, 1992. 274, 279

Грушевский М.С. Повороту нема // Нова Рада. 1917. 1 апреля. № 4. 95, 279

Губер П. Армия и демократия // Речь. 1917. 8 апреля. № 81. 106, 285

Гудок — газета железнодорожников. Издается в Москве с 1917 г. 11

Гуревич И.Я. Мои предсказания на новый год // Новый сатирик. 1917. 1 января. № 1. С. 2–3. 18, 247

Д

Далина О.А. Реформа Временного правительства в области городского самоуправления // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2007. № 3(18). С. 56–63. 289

Дело провокатора Малиновского. М., 1992. 317

Дело Народа — ежедневная политическая и литературная газета, орган партии социалистов-революционеров, с июня 1917 — орган ЦК партии, Петроград-Самара-Москва, 1917–1919. 11, 72, 73, 77, 136, 278, 290, 314

День — ежедневная либеральная, после февральской революции — меньшевистская газета, Санкт-Петербург — Петроград, 1912–1917, 1918. 11, 303

Дюги Л. Курс конституционного права. Общая теория государства. М., 1908. 309

Е

Единство — ежедневная газета, орган Плехановский группы «Единство», Петроград, 1914, 1917. 11, 103, 111, 112, 117, 158, 171, 285, 299, 300, 332

Еллинек Г. Право меньшинства. М., 1906. 308

Ерманский А.О. За или против займа «свободы»? // Рабочая газета. 1917. 26 апреля. № 40. 154, 295

Ерманский А.О. Правительственная политика и борьба с анархией // Летучий листок меньшевиков-интернационалистов. 1917, май. № 1. С. 4–7. 172, 300

Ж

Жилкин И.В. В Петрограде // Русское слово. 1917. 7–8 марта. № 52–53. 31, 254

З

За сорванной завесой // Речь. 1917. 11 марта. № 60. 46, 263

Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. М., 1916. 248

Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Т. 1. — 1917. Февраль-май. Пг., 1924. 275, 280

Знамя Труда — ежедневная газета, орган Петроградского комитета партии эсеров, затем орган партии левых эсеров, Петроград, 1917–1918. 11

И

Из глубины. М. — Пг., 1918. 321, 327, 333

Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, затем ЦИК Советов, после II Всероссийского съезда Советов стала официальным органом советской власти, Петроград — Москва, 1917–1991. 11, 293, 326

Извольский А.П. Воспоминания. Минск, 2003. 269

Изгоев А.С. «Кризис» // Русская свобода. 1917. № 3. С. 32–35. 168, 298

Изгоев А.С. Революция и культура // Русская свобода. 1917. № 1. С. 26–30. 55, 269

К

Кавказский рабочий — газета Тифлиссского комитета РСДРП. Издавалась в 1917–1918 гг. 282

Каменев Л.Б. О тезисах Ленина // Правда. 1917. 12 апреля. № 30. 120, 287

Канторович Я.А. История повторяется // Речь. 1917. 7 мая. № 106. 189, 303

Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви: В 2 т. Париж, 1959. 328

Карташев А.В. Синод и Временное правительство // Русское слово. 1917. 20 апреля. № 87. 136, 290

Кафенгауз Л.Б. Ограничение военных прибылей // Власть народа. 1917. 18 мая. № 17. 207, 307

Киевлянин — ежедневная общественно-политическая газета, издавалась по инициативе Юго-Западного края, Киев, 1864–1919. 215, 308

Кизеветтер А.А. Урок // Русские ведомости. 1917. 25 апреля. № 91. 152, 295

Кизеветтер А.А. Хозяин русской земли // Русские ведомости. 1917. 28 мая. № 119. 239, 317

Корелин А.П. Обединенное дворянство (1906–1917 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. 262

Красноярский рабочий — газета, выходившая в Красноярске в 1917–1918 гг. 282

Кулишер И.И. Будущее нашей внешней торговли. Пг., 1917. 330

Кулишер И.М. Будущность русской промышленности // Утро России. 1917. 23, 25 мая. № 126, 128. 232, 315

Кулишер И.И. История русского народного хозяйства: В 2 т. М., 1925. 330

Кулишер И.И. Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. Опыт изучения основных течений в развитии городских финансов. СПб., 1914. 329

Кулишер И.И. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. СПб., 1906. 329

Кулишер И.И. Очерк истории русской промышленности. Пг., 1922. 330

Кулишер И.И. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923. 330

Кулишер И.И. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе: В 2 т. СПб., 1906–1908. 329

Л

Ландау Г.А. Бессилие националистического творчества. К критике национальных программ Сионистской и Еврейской народной партии. СПб., 1907. 278

Ландау Г.А. Еврейство и империя // Национальные проблемы. 1915. № 1. 82

Ландау Г.А. Единая Россия // Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 548–569. 78, 278

Ландау Г.А. Идея этнической государственности // Северные записки. 1915. № 4. 87, 278

Ландау Г.А. Польско-еврейские отношения. СПб., 1915. 79, 279

Ландау Г.А. Сумерки Европы. Берлин, 1923. 330

Ландау Г.А. Эпиграфы. Берлин, 1927. 330

Ленин В.И. Кризис власти // Правда. 1917. 2 мая. № 46. 178, 301

Ленин В.И. О двоевластии // Правда. 1917. 9 апреля. № 28. 108, 285

Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Правда. 1917. 7 апреля. № 26. 100, 282, 285

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. 282, 285

Литошенко Л.Н. Социализация земли: Сб. ст. М.: Народное право, 1918. 314

Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. 314

Локоть Т.В. Диктатура пролетариата // Киевлянин. 1917. 21 мая. № 123. С. 3. 212, 308

М

Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его интересы. М., 1917. 313

Маркс. К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т.13. М., 1959. 115, 286

Мартынов А.С. Революционный авантюризм // Летучий листок меньшевиков-интернационалистов. 1917, май. № 1. С. 11–12. 182, 301

Мейер Г. Избирательное право. М., 1905. 309

Меньшевики в 1917 году. Том 1. От января до июльских событий. М., 1994. 283, 286, 301, 302, 303

Миц И.И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1978. 275

О

Ответственность демократии // Речь. 1917. 10 марта № 59. 41, 261

Н

Народный Трибун — газета В.М. Пуришкевича, издававшаяся в 1917 г. 11

Народоправство — журнал, издававшийся в Москве в 1917 г. 11, 324

Начало — ежемесячный научный и литературно-политический журнал, Санкт-Петербург, 1899. 11, 326

Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской демократии. М., 2012. 303

Николаевский Б.И. Дело Малиновского // Рабочая газета. 1917. 24, 28 мая. № 63, 67. 236, 315

Нова Рада (Новая Рада) — ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, с 1918 — орган Украинской партии социалистов-федералистов, Киев, 1917–1919. 69, 97

Новая Жизнь — ежедневная общественно-литературная газета, орган социал-демократов (интернационалистов). Петроград, 1917–1918. 11, 303

Новое Время — ежедневная политическая и литературная газета, с 1905 орган черносотенцев, Санкт-Петербург, 1868–1917. 19, 248, 249, 284

Новый Мир — газета, Париж, 1905. 11

Новый Мир — газета русских социал-демократов, издававшаяся в Нью-Йорке в 1916–1917 гг. 29, 38, 39, 318

О

Объединенное дворянство: Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. В 3 т. / Т. 3. 1913–1916 гг. М., 2002. 262

Огановский Н. Аграрная эволюция в России после 1905 г. М., 1917. 313

Органы земельной реформы. Земельные комитеты и Лига аграрных реформ. М., 1917. 312, 313, 315

Отечество — ежедневная политическая газета, Петроград, 1917. 11

П

Первая мировая война в оценках современников: цели публикации и принципы отбора источников // Исторический архив. 2013. № 6. С. 191–195. 8

- Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918. Т. 4. Демократия «страны нарушенного равновесия». М., 2014. 288
- Петрищев А.Б.* Из впечатлений провинциала в Петрограде // Русские ведомости. 1917. 23 мая. № 114. 226, 311
- Петрищев А.Б.* К постановке земельного вопроса // Русские ведомости. 1917. 22 марта. № 65. 61, 271
- Петрищев А.Б.* Солдатская вольница // Русские ведомости. 1917. 13 апреля. № 81. 126, 288
- Петрищев А.Б.* Штатская вольница // Русские ведомости. 1917. 23 апреля. № 90. 141, 292
- Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года. В пяти томах / Под общей редакцией академика П.В. Волобуева. Том второй. 1 апреля — 5 мая 1917 г. СПб., 1995. 293
- Писарькова Л.Ф.* Московская городская дума: 1863–1917. М., 1998. 289
- Плеханов Г.В.* Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 г.: В 2 т. Т. 1. Paris. 1921. 285
- Плеханов Г.В.* О тезисах Ленина и о том, почему бред подчас интересен // Единство. 1917. 9–12 апреля. № 9–11. 111, 285
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том X. Отделение первое. 296
- Последние новости — ежедневная газета, издававшаяся в Париже в 1920–1940 гг. 254
- Посников А.С.* Задачи Главного земельного комитета (три речи) [речи А.С. Посникова при открытии ГЗК (19 мая 1917 г.), открытии (1 июля 1917 г.) и закрытии (6 июля 1917 г.) второй сессии] // Вестник Европы. 1917. № 4–6. С. 637–659. 312
- Потресов А.Н.* Избранное / Сост., автор вступительной статьи и комментариев Д.Б. Павлов. М., 2002. 9
- Потресов А.Н.* Посмертный сборник произведений. 1869–1934. [Сост. Б.И. Николаевский, Ю.П. Денике; автор вступительной статьи и комментариев Б.И. Николаевский]. Париж, 1937. 9
- Потресов А.Н.* РУБИКОН. Публицистика 1917–1918 гг. / Редакторы составители Р.М. Гайнуллина, А.П. Ненароков, И.С. Розенталь. М., 2016. 9
- Правда — с 1912 ежедневная большевистская газета, с 1917 — центральный орган партии, Санкт-Петербург — Москва, 1912–1991. 11, 74, 104, 111, 112, 118, 121, 123, 158, 165, 166, 168, 169, 179, 180, 236, 238, 239, 276, 282, 283, 285, 287, 288, 298, 300, 301, 303, 316, 317
- Право — газета, Санкт-Петербург, 1898–1918. 11, 254, 334
- Придите в себя, пора! Редакционная статья газеты «Эртоба» // Эртоба. 1917. 6 апреля. № 16. 104, 284
- Проект основных положений земельного закона» [внесен в Государственную думу 23 мая 1906 г.] // Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Т. 1. [СПб., 1906]. С. 560–562. 304
- Пролетарий — ежедневная газета, орган Бюро Московских объединенных организаций РСДРП, Москва, 1917–1918. 11
- Пролетарий — ежедневная газета Харьковского комитета РСДРП. Издавалась в 1917 г. 282
- Протоколы Закавказских Революционных Советских Организаций. Вып. I. Тифлис, 1920. 281

Р

- Рабочая Газета — ежедневная меньшевистская газета, с августа центральный орган ЦК РСДРП(о), Петроград, 1917. 11, 120, 143, 154, 156, 165, 167, 179, 181, 182, 237, 239, 287, 295, 298, 301, 302, 315, 325, 331
- Рабочий и Солдат — ежедневная газета, центральный орган РСДРП(б), Петроград, 1917. 11

- Речь (Наша Жизнь, Свободная речь) — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов, Санкт-Петербург — Петроград, 1906–1917. 11, 30, 39, 41, 43, 48, 49, 50, 53, 55, 59, 61, 108, 133, 193, 199, 207, 238, 253, 254, 258, 260, 261, 263, 264, 265, 267, 269, 270, 285, 290, 302–304, 307, 327, 330
- Решающий момент // Воля народа. 1917. 29 апреля. № 1. С. 1. 157, 296
- Робітнича Газета (Рабочая Газета) — ежедневная газета, орган Украинской социал-демократической рабочей партии, Киев, 1917–1919. 152
- Русская Воля — ежедневная политическая, общественная и литературная газета, Петроград, 1916–1917. 103, 282
- Русская мысль — журнал, издававшийся в Москве в 1880–1918 гг. 23, 250, 318, 327, 329, 330, 333
- Русская Свобода — политический еженедельник, издаваемый редакцией журнала «Русская Мысль», Петроград-Москва, 1917. 59, 165, 171, 196, 246, 269, 298
- Русские Ведомости — с 1868 ежедневная общественно-политическая газета, с 1870-х — орган либеральной интеллигенции, с 1905 — орган правого крыла кадетов, Москва, 1863–1918. 63, 65, 130, 144, 153, 197, 201, 223, 226, 230, 241, 250, 271, 288, 292, 295, 304, 309, 311, 312, 314, 317
- Русское слово — ежедневная газета, издававшаяся в Москве, 1895–1917. 22, 31, 33, 36, 52, 131, 138, 139, 141, 150, 157, 189, 205, 231, 238, 249, 254, 266, 290, 291, 295, 296, 303, 304, 305, 311, 316, 326, 335
- Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре: Трактаты. М., 2000. 308

С

- Савинова Т.А.Н.П. Макаров — русский и советский экономист-аграрник // Россия и современный мир. 2007. № 1 (54). С. 200–207. 313
- Сакартвело (Грузия) — общественно-политическая газета, с 1917 — орган Национально-демократической партии Грузии, Тифлис, 1915–1921. 97, 99, 100, 105, 281, 282, 284
- Сборник указов и постановлений Временного правительства. Выпуск 1. 27 февраля — 5 мая 1917 г. Пг., 1917. 253, 288
- Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. 5 мая — 24 июля 1917 г. Ч. 1. Пг., 1918. 289
- Соловьев В.С. Сочинения в 2-х тт. М., 1989. Т. 2. 318
- Сорокин П.А. Социализм и сепаратный мир // Земля и воля. 1917. 13 апреля. № 16. С. 1. 123, 288
- Социал-Демократ — ежедневная газета, орган Московского областного бюро, Московского комитета и Московского окружного комитета РСДРП(б), Москва, 1917–1918. 282
- Сталин И.В. Против федерализма // Правда. 1917, 28 марта. № 19. 72, 276
- Сталин И.В. Сочинения. Т. 3. 1917 март — октябрь. М., 1946. С. 23–28. 74, 278
- Стенографический отчет. Государственная дума. Первый созыв. Сессия I. СПб., 1906. Т. 1. 293, 304
- Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание восемнадцатое. Пятница, 16 декабря 1916 г. [Пг., 1916]. 269
- Струве П.Б. Освобожденная Россия // Русская мысль. 1917. № 2. С. XI–XII. 23, 250
- Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. 290

Т

- Тархов С.А. Городской транспорт Российской империи в годы Первой мировой войны // Экономический журнал. 2014. № 4 (36). 248
- Трайнин А. Свобода и принуждение // Русские ведомости. 1917. 9 мая. № 103.
- Троповский А. Беседа с П.Б. Аксельродом // Биржевые ведомости. 1917. 4 (17) мая. № 16 (216). 196, 304

- Троцкий Л.Д.* Война или мир? Внутренние силы русской революции // Новый мир. 1917. 20 (7) марта. № 941. 36
- Троцкий Л.Д.* Революция в России // Новый мир. 1917. 16 (3 марта). № 937. 27, 253
- Троцкий Л.Д.* Сочинения. Том III: 1917. Часть I: От Февраля до Октября. М.; Л., 1925. 253, 259
- Трубецкой Е.Н.* Анархия и контрреволюция // Русское слово. 1917. 25 апреля. № 91. 144, 292
- Трубецкой Е.Н.* Анархия и контрреволюция. М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 292
- Трубецкой Е.Н.* Народно-русская революция // Речь. 1917. 5 марта. № 55. 29, 254
- Трубецкой Е.Н.* О христианском отношении к современным событиям // Русская свобода. 1917. № 5. С. 3–8. 241, 318
- Трубецкой Е.Н.* О христианском отношении к современным событиям. Статьи. Письма. Составление, вступительная статья, публикация архивных материалов и примечания Александра Носова // Новый мир. 1990. № 7. С. 220–223. 318
- Туган-Барановский М.И.* Земля и воля // Русское слово. 1917. 10 мая. № 104. 202, 304
- Туган-Барановский М.И.* Смысл русской революции // Биржевые ведомости. 1917. 10 марта. № 16128. 43, 262
- Тэффи Н.* Контрреволюционная буква: рассказы, фельетоны / Сост., подгот. Текстов, предисл., коммент. Сергея Князева. М., 2004. 249
- Тэффи Н.А.* Новый год // Русское слово. 1917. 1 января № 1. 20, 249

У

- Український національно-визвольний рух. Березень-листопад 1917 року: Документи і матеріали. Київ, 2003. 294
- Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох т. Т. 1. 4 березня-9 грудня 1917 р. – 590 с.; Т. 2. 10 грудня 1917 р. – 29 квітня 1918 р. – 424 с. Київ, 1997. 294
- Устав Попечительств о народной трезвости // Свод законов Российской империи. Том пятый. СПб., 1901. С.274–283 [Уставы об акцизных сборах. Приложение к статье 524 (прим. 1)]. 266
- Утро России — ежедневная газета, орган московских промышленников, с 1912 — партии прогрессистов, Москва, 1907, 1909–1918. 67, 219, 221, 233, 236, 272, 274, 308, 309
- Учреждение земельных комитетов // Русские ведомости. 1917. 14 апреля. № 82. 312

Ф

- Фукидид.* История / Перевод и примечания Г.А. Стратановского. М., 1999. 308

Х

- Хитрина Н.Е.* Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. Н. Новгород, 2003. 312

Ч

- Чаянов А.В.* Земельный вопрос или вопрос аграрный? // Власть народа. 1917. 19 мая. № 18. 209, 307
- Чаянов А.В.* Избранные произведения: Сборник / Сост. Е.В. Серова. М., 1989. 307
- Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. М., 1915. 335
- Чаянов А.В.* Очерки по теории трудового хозяйства: В 2 ч. М., 1912–1913. 335
- Череванин (Липкин) Ф.А.* Коалиционное министерство и его платформа // Рабочая газета. 1917. 3 мая. № 46. 179, 301
- Череванин (Липкин) Ф.А.* Кризис власти // Рабочая газета. 1917. 30 апреля. № 44. 165, 298
- Череванин (Липкин) Ф.А.* Чего добивается Ленин? // Рабочая газета. 1917. 11 апреля. № 28. 118, 287, 298
- Чернов В.М.* До полной победы! // Дело народа. 1917. 18 апреля. № 27. С. 1. 133, 290

- Чернов В.М.* Записки социалиста революционера. Берлин — Пг. — М., 1922. 336
- Чернов В.М.* Маркс и Энгельс о крестьянстве. Историко-критический очерк. М., 1906. 263
- Чернов В.М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. 336
- Четвериков С.И.* Безвозвратно ушедшая Россия. Берлин, [б/г]. 337
- Четвериков С.И.* Невозвратное прошлое: Книга воспоминаний московского текстильного фабриканта. М.: Территория, 2001. 337
- Четвериков С.И.* Несколько страниц из книги моей жизни. Берлин, [б/г]. 337
- Четвериков С.И.* Предпринимательская прибыль в условиях переживаемого момента // Утро России. 1917. 24 марта. № 79. 65, 272

Э

- Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2. Т.21. М., 1961. 286
- Эртоба (груз. Единство) — газета грузинских социал-демократов, издававшаяся в Тифлисе в 1917–1921 гг. 104, 105, 284
- Эсмен А.* Основные начала государственного права: Новейшая свобода, принципы и учреждения. М., 1898. 309

Я

- Яичница всмятку или несерьезно о серьезном. Над кем и над чем смеялись в России в 1917 году / Сост. Ненароков А.П., Гайнуллина Р.М., Горный В.А., Ушаков А.И. Автор пред. док. ист. наук В.В. Журавлев. М. 1992. 247, 249
- Якушкин И.В.* К открытию Главного земельного комитета // Русские ведомости. 1917. 10 мая. № 104. 199, 304
- Jaures J.* L'Armée Nouvelle. Paris, 1911.
- Meier G.* Das parlamentarische Wahlrecht. Berlin, 1901. 107, 285
- Saripolos N.* La démocratie et l'élection proportionnelle: étude historique, juridique et politique. Paris, 1899. 309

Научное издание

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
В трех томах**

ТОМ 1

ЯНВАРЬ–МАЙ

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *В. Т. Веденеева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*

Корректор *К. В. Васильева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 18.07.2017.

Формат 70х100/16. Усл.-печ. л. 22.

Тираж 1000 экз. Заказ 5842

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Роши, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59